

МІЄЧ
ГАННІІБАЛА

МЕЧ
ГАННИБАЛА

Сборник
исторических
романов

Москва — Рига
1994

ББК 84.4

М41

Серия "ВРЕМЕНА. ГЕРОИ. СУДЬБЫ"

Редколегия:

Е. Равтович

Е. Сербина

О. Стешина

Э. Ульянова

Н. Белов

Литературная обработка Е. Сербиной

Технический редактор Н. Белов

Художник А. Раев

Корректор А. Панцова

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательской группой

"САНКОР-ЭКОТЕХ"

ISBN 9984-9033-2-X

© "Санкор". Состав, оформление серии, 1994

© Е. Сербина. Литературная обработка, 1994

© А. Раев. Обложка, иллюстрации, 1994

Бласко Ибаньес

**ГЕТЕРА
СОННИКА**

I

Храм Афродиты

Судно сагунтинского моряка Полианта медленно приближалось к родному порту. Местные жители издали узнали его шафранного цвета паруса и статую победы с распростертыми крыльями и короной в правой руке, укрепленную на носу корабля.

— Это судно Полианта "Викториана" возвращается из Кадиса и Нового Карфагена.

Три отделения Сагунтинского порта соединялись с морем широким каналом и были окружены высокими террасами, на которых теперь толпился народ, стремясь получше разглядеть прибывающее судно.

Корабль приближался не торопясь: его шафранный парус лишь слегка трепетал от легкого дуновения ветерка. Три ряда весел дружно опустились и поднялись, и судно, постепенно набирая ход, двинулось ко входу в канал, рассекая белые хлопья пены.

На холме, около порта, возвышался храм Афродиты. На его полированном фронте весело играли последние лучи заходящего солнца. Золото разлилось по голубоватым мраморным колоннадам и стенам храма, будто День посылал прощальный огненный поцелуй Великой Богине Любви. Наступал вечер.

В порту еще кипела работа. В большой лагуне два марсельских судна загружались вином, корабль из Либурнии наполнял свои трюмы сагунтинской глиной, чтобы с выгодой продать ее в Риме. Остальные суда, свернув паруса, неподвижно стояли около мола, смутно напоминая заснувших птиц.

Рабы, вся одежда которых состояла подчас только из набедренной повязки, неумоимо перетаскивали с мо-

ла на корабли амфоры, тюки с глиной и другие товары, заранее сложенные на берегу.

У входа в центральное отделение порта возвышалась башня, основание которой было скрыто глубоко под водой. К ее железным массивным кольцам был пришвартован военный либурнийский корабль, на борту которого виднелись аккуратно сложенные щиты классиарцев — солдат, специально обученных для морских сражений. Это судно было римское. На следующее утро оно отправлялось к родным берегам, увозя посланцев великой Республики, легатов, прибывших в Сагунт для наведения порядка.

Со стороны второго отделения, где корабли обычно ремонтировались, доносились глухие удары молотов. Лежавшие там на песке полуразрушенные галеры с оторванными бортами казались в лучах заходящего солнца сказочными чудовищами.

В третьем, наименьшем отделении, становились на якорь рыбацьи лодки. Там было тихо, лишь чайки с пронзительными криками носились на водой, снижаясь иногда, чтобы схватить плавающие в воде отбросы.

При приближении корабля рабы неподвижно застыли на месте: все внимание надсмотрщиков было поглощено прибывающим судном. Местные жители, ловившие рыбу на набережной, забыли о своем занятии, высматривая "Викториану". Она уже вошла в канал. И хотя ее корпус еще не был виден, мачта со спущенным парусом отчетливо вырисовывалась над высокими рядами камышей, росших у входа в порт.

Вечернюю тишину нарушало кваканье лягушек и пение птиц в оливковых рощах Афродиты, глухие удары молотов и оживленные голоса людей, следивших за ходом судна моряка Полианта. И когда наконец "Викториана" преодолела последние ряды камыша, перед глазами восторженных зрителей оказалась позолоченная носовая статуя корабля и первые ряды весел, опускавшиеся и поднимающиеся с методичной точностью.

Толпа, состоявшая по большей части из семей моряков, разразилась восторженными восклицаниями:

— Ура Полианту! С приездом, сын Афродиты! Да будет благосклонна к тебе госпожа твоя, Сонника!

Обитатели порта без устали восхваляли своего соотечественника: на его судне всегда царил образцовый порядок, и богатая Сонника должна была остаться довольной своим вольноотпущенником и на этот раз.

На носу корабля неподвижно, словно статуя, стоял прорета и внимательно следил за курсом. А на корме в величественной позе, не обращая никакого внимания на восторженные крики толпы, стоял сам Полиант.

Правой рукой он держал руль, а левой сжимал белую палочку, при помощи которой он управлял движениями гребцов. Внизу около мачты собралась небольшая группа людей, одетых в чужеземные, непривычные для глаз сагунтинцев одежды.

Когда на "Викториане" бросили якорь, гребцам пришлось силой сдерживать толпу, хлынувшую было на палубу.

Полиант остался на корме. Его красная одежда ярким огненным пятном пламенела в лучах заходящего солнца.

— Полиант! С благополучным прибытием, достойный мореход. Что ты привез нам на этот раз?

Полиант резко обернулся и увидел на берегу двух всадников. Тот из них, кто позвал его, был одет в белый плащ с капюшоном, из-под которого виднелась тщательно завитая и, по-видимому, сильно надушенная борода. Второй всадник, сидевший на лошади неподвижно, крепко стиснув ее бока мускулистыми голыми ногами, был одет в кельтиберийский сагум и короткую шерстяную тунику, через плечо был перевешен меч. Всклооченные волосы и густая, от природы вьющаяся борода, обрамляли его смуглое лицо.

— Здравствуй, Лакаро! Здравствуй, Аларко! — очень почтительно ответил моряк. — Встречались ли вы на днях с госпожой моей, Сонникой?

— Не далее как этой ночью мы отужинали у нее на загородной вилле, — ответил Лакаро, — но скажи нам наконец, что привез ты на этот раз?

— Передайте госпоже, что я привез свинец из Нового Карфагена и шерсть из Бетики. Плавание было удачным.

Молодые люди переглянулись и подобрали поводья своих лошадей.

— Пойдите! — в испуге воскликнул Полиант. — Передайте ей также, что я исполнил ее пожелание и привез танцовщиц из Кадиса.

— За это мы все отблагодарим тебя, — со смехом сказал Лакаро. — Прощай, Полиант! Да будут боги благосклонны к тебе!

И наездники, пустив лошадей с места в галоп, через несколько мгновений скрылись из виду.

В это время один из пассажиров сошел с корабля и начал прокладывать себе дорогу в толпе. Он был греком: это можно было заключить по его пеплуму и конической кожаной шапочке. На нем была также темная короткая туника, подпоясанная ремнем с висевшей на нем сумкой; хламида, доходившая до колен и скреплявшаяся медной застежкой. Он был черноволос, но в его бороде уже проглядывали серебряные нити.

Это был человек на вид сильный, но в то же время весьма ловкий и гибкий. В его чуть лукавых глазах часто вспыхивал огонек, присущий людям, рожденным для славы и почестей. Он шел по незнакомому порту с уверенностью человека, много повидавшего на своем веку и привыкшего ко всяким странностям и неожиданностям.

Солнце село, работы в порту прекратились, судно "Викториана" благополучно достигло берегов родной гавани. Все события дня, которым следовало произойти, уже произошли, и народ постепенно начал расходиться.

Перед греком длинной вереницей протянулись рабы. Под крики и ругань надсмотрщиков они направлялись на ночлег в пригород, их размещали обычно в пустовавших сараях или загонах для овец. Купцы двинулись к своим лошадям и колесницам, чтобы наконец возвратиться в город. Они шли группами, перечитывая на ходу свои записи на восковых дощечках и обсуждая дневные дела. По тому, как сильно они различались между собой по внешности и манерам, даже несведущий человек мог понять, что в Сагунте, торговом городе, куда с давних пор стекались все суда Средиземного моря, царило смешение народов и народностей.

Азиатские и африканские купцы, привозившие словую кость, страусиные перья, пряности и благовония для состоятельных граждан, отличались благородной и важной осанкой. Они одевались в вышитые золотом туники, зеленые сапоги и высокие тиары с бахромой, а их бороды спускались на грудь волной мелких завитков. Шедшие рядом с ними подвижные греки громко хвастались своими товарами и от души насмехались над неуклюжими иберийцами, одетыми в платье из грубой шерсти. Иберийцы отвечали на эти насмешки презрительным молчанием, считая позорным утруждать себя лишними словами.

Мол постепенно опустел: живой людской поток вылился на дорогу, ведущую к городу. По ней, поднимая тучи пыли, во весь опор мчались всадники, грохотали экипажи и мелкой рысью трусили африканские ослики, неся на своих спинах почтенных горожан.

Грек шел к молу рядом с двумя незнакомцами, одетыми в короткие туники и высокие, конической формы шапочки с крылышками вроде тех, что когда-то носили эллинские пастухи. Это были городские ремесленники. Они целый день рыбачили, и теперь под вечер, возвращаясь домой после ловли, с гордостью поглядывали на корзины с мелкой рыбой и несколькими угрями. Попутно они беседовали на обычном для этих мест наречии, вплетая в иберийскую речь греческие и латинские слова. Грек с любопытством прислушивался к их разговору.

— Ты отправишься со мной, друг, — сказал один из них. — Я оставил своих ослов, которые, как тебе хорошо известно, служат предметом зависти всех моих соседей, в харчевне Абимана. Мы окажемся в городе прежде, чем стражники успеют запереть ворота.

— Благодарю тебя, сосед. Сейчас, когда повсюду шныряют искатели приключений и смутьяны, сбежавшие из города во время последних беспорядков, опасно ездить одному. Ты, вероятно, уже слышал, что третьего дня на дороге нашли Актея, брадобрея из Форума. Его убили и ограбили рано утром, когда он возвращался со своей загородной виллы. Поговаривают, что после визита римских легатов мы начнем жить мирно. Чтобы припуг-

нуть злодеев, они отрубили несколько голов. Будем надеяться, что теперь мы вздохнем спокойно.

Они остановились и одновременно посмотрели на римскую галеру, почти невидимую во мраке воцарившейся ночи.

— Знаешь, — нарушил молчание первый ремесленник, снова трогаясь с места, — я всего лишь делаю сандалии, у меня небольшая палатка на Форуме; понемножку я скопил мешочек серебряных монет, чтобы провести последние дни своей жизни, мирно сидя у порога своего дома, не задумываясь о завтрашнем дне. Я не так образован, как те риторика, что гуляют за городскими воротами, размахивая при этом руками и крича словно фурии; я не так умен, как философы, которые собираются в портиках форума, чтобы под насмешки торговцев поспорить о том, кто из афинских мудрецов был прав, а кто — нет. Но при всем своем невежестве я задаюсь вопросом: к чему все эти споры и раздоры между гражданами, живущими в одном городе, между людьми, которые должны относиться друг к другу, как братья. К чему все это?

В продолжение всей этой речи второй путник одобрительно кивал головой.

— Я понимаю, — продолжал ремесленник, — что время от времени у нас могут завязываться войны с соседями. Ну, например, из-за воды или пастбищ, или границ, или в защиту нашего прекрасного города. Тут горожане, конечно, могут начать убивать своих врагов, вытаптывать их поля и сжигать их жилища. К тому же война — это самый легкий способ заполучить рабов, которых так часто не хватает. А без рабов что будешь делать?

— Я беднее тебя, сосед, — заговорил второй ремесленник, — седла, которые я делаю, приносят меньше дохода, чем твоя обувь. И война очень выгодна моей торговле.

— В войне с соседями нет ничего плохого. Молодежь должна завоевывать славу, почести и закаляться в боях. Республика таким образом укрепляет свой авторитет, а воины, рассчитывая на долгий путь, хорошо раску-

пают обувь и седла. Все это прекрасно, но скажи, зачем Форум уже больше года служит местом сражения, а каждый дом превратился в крепость? Представь, сидишь ты в своей палатке и расхваливаешь какой-нибудь покупательнице модные азиатские сандалии или греческие котурны... Вдруг со стороны ближайшей площади раздастся звон оружия, крики, стоны, и тебе остается одно: поскорее запереть лавочку, чтобы какой-нибудь острый меч не пригвоздил тебя к стулу, на котором ты сидишь. И зачем все это? Какая причина заставляет людей яростно драться в прежде столь спокойном и миролюбивом Занцито?

— Заносчивость и богатство греков... — начал было его собеседник.

— Да знаю я эту отговорку! Вражда между иберийцами и греками! Всеобщее мнение, что последние благодаря своему богатству и изворотливости всеми силами стремятся властвовать над первыми. Как будто в нашем городе в самом деле есть греки и иберийцы! Иберийцы — это те, кто живет за окружающими нас горами; а греки — это люди вроде того человека, что идет сейчас за нами; а мы, мы — дети Занцито, или Сагунта — называй наш город, как тебе больше нравится, — мы появились благодаря многим встречам на море и земле, и сам Зевс не сумел бы ответить, кто были наши предки. С тех пор как наш отец Геркулес заложил основание Акрополя, прошло много веков, и кто сможет вспомнить всех людей, которые постепенно селились здесь. Сюда в поисках глины приезжали люди из Тира, здесь оседали моряки из Занта, земледельцы из Ардеи, уроженцы Италии, чьи блеск и могущество затмил великий Рим; карфагеняне, когда они еще больше думали о торговле, чем о войне. И кто знает, сколько было еще разного неизвестного люда?! Надо будет послушать мудрецов, которые собираются у храма Дианы. Разве сам я знаю, кто я такой — грек или ибериец? Мой дед был вольноотпущенником из Сицилии, здесь он нанялся работать в гончарную мастерскую и женился на кельтиберийке. Моя мать была луизианка, которая случайно попала в Александрию. А я? Я считаюсь сагунтинцем, как и все остальные. Те,

кто в Сагунте называют себя иберийцами, веруют в греческих богов; греки же, сами того не замечая, перенимают многие обычаи иберийцев. Они считают себя разными народами лишь потому, что живут в противоположных концах города. Только у нас можно встретить эллинских купцов и простых земледельцев, переодетых в грубые шерстяные плащи, чтобы больше походить на диких иберийских пастухов.

— Да, но ведь греки захватили власть в городе, забрав все в свои цепкие руки.

— Они самые образованные среди нас, самые отважные, в них сильно божественное начало, — задумчиво произнес первый ремесленник. — Посмотри на того, кто идет позади нас. Он одет бедно, у него в кошельке, наверное, не наберется и двух оболов; он, может быть, проведет эту ночь под открытым небом, а между тем этот грек, без преувеличения, похож на Зевса, сошедшего с небес на землю.

Оба ремесленника одновременно обернулись и посмотрели на грека; а затем двинулись дальше. За разговором они и не заметили, как добрались до оживленных портовых кварталов.

— Есть и другая причина этой непрекращающейся вражды, — отозвался седельщик, — не просто ненависть между греками и иберийцами, а то, что одна партия стоит за Рим, а другая — за Карфаген.

— Не надо дружить ни с теми, ни с другими, — наставительно произнес первый ремесленник. — Надо мирно торговать, как это было прежде, и не заирать могущественных противников, — вот секрет благоденствия. Я ставлю в вину грекам именно то, что они склонили нас на дружбу с Римом.

— Рим — победитель!

— Так и есть, но он от нас далеко, а до Карфагена — рукой подать. Его войска могут добраться сюда за несколько дней.

— Рим — наш союзник и сумеет защитить нас. Зачем далеко ходить за примером: лишь несколько дней тому назад римские легаты навели в городе порядок, казнив нескольких смутьянов.

— Да, но эти граждане были друзьями Карфагена, и им долгое время покровительствовал сам Гамилькара. Ганнибал не забудет друзей своего отца.

— Скажешь тоже! Карфагену нужен мир, чтобы развивать торговлю и копить свои богатства. Несмотря на их войны в Сицилии, они все-таки побаиваются Рима.

— Боятся сенаторы, но сын Гамилькара еще очень молод. Я не доверяю этим дорвавшимся до власти юнцам, которые забывают о вине и женщинах ради славы.

Грек больше ничего не смог разобрать: ремесленники вошли в портовый квартал и скрылись за поворотом. А их голоса постепенно затихли вдали.

Он был совершенно одинок в этом незнакомом для него порту. Моля уже совершенно обезлюдели, на землю опустилась тьма, и лишь светившиеся кое-где корабельные фонари разрывали непроницаемый покров ночи. Вдали над морем появилась луна цвета светлого гречишного меда. И хотя жизнь повсюду потихоньку замирала, в маленьком рыбацком порту еще замечалось некоторое оживление.

Обнаженные по пояс женщины, стоя по колено в воде, чистили рыбу. Те из них, кто заканчивал свою работу, складывали рыбу в корзины и шли домой, таща за собой оборванных малышей. Со стоявших у причала судов небольшими группами сходили матросы, жаждавшие провести эту ночь за бутылочкой вина или в обществе женщин. Все это было очень хорошо знакомо греку: таких портов, как этот, он повидал на своем веку немало.

Сначала присзжий думал было пойти в город, но до города было далеко, а час наступил поздний. И грек решил остаться в порту и, разыскав укромное местечко, вздремнуть до восхода солнца.

Он двинулся к портовому кварталу и через некоторое время вошел в его узкие кривые улочки. Здесь селились не только рыбаки. В некоторых домах, весьма приличных на вид, жили торговцы, снабжавшие корабли продовольствием и свежей водой. Но по большей части здесь размещались таверны и публичные дома.

Вдруг грека кто-то окликнул. Он обернулся и увидел толстого лысого человека, который стоял у порога

соседнего дома и делал ему какие-то призывные знаки.

— Приветствую тебя, сын Афин, — незнакомец наугад произнес название самого известного греческого города, — заходи сюда, и ты проведешь время среди своих земляков: мои предки явились из Греции. Посмотри на вывеску таверны. Как видишь, на ней написано: "Афина Паллада". Только у меня ты найдешь лауронское вино, не уступающее аттическому; а если ты захочешь попробовать кельтийского пива, то и оно отыщется в моих погребах. Могу, если пожелаешь, предложить тебе бутылочку самосского вина, такого же божественного, как и Афина Паллада, украшающая мою вывеску.

Грек, улыбаясь, отрицательно покачал головой, а велеречивый трактирщик уже сошел с порога, пропуская в свое заведение компанию матросов.

Через несколько минут внимание грека привлек настойчивый свист, доносившийся из глубины одной из полуразвалившихся хижин. Старуха, зябко кутающаяся в черный плащ, делала ему призывные знаки. Внутри хижины, при свете глиняной лампы можно было разглядеть несколько женских фигур.

— Ты, однако, мать, времени даром не теряешь, — сказал, смеясь, чужеземец.

— Постой, сын Зевса, — затараторила старуха на греческом языке, ужасно коверкая слова, — я сразу поняла, что ты грек. Все твои соотечественники отличаются неземной красотой, а ты похож на Аполлона, ищущего подругу свою небесную. Заходи, и ты найдешь у нас... — и, не договорив, старуха схватила грека за хламиду так сильно, что та затрещала по швам. Решив не упускать видного клиента, старуха тут же начала расписывать прелести своих иберийских и африканских рабынь. Одна из них будто бы была высока и величественна, как Гера, другая — маленькая и грациозная, как александрийская гетера... Когда же грек двинулся дальше, не обращая на ее слова никакого внимания, старуха повысила голос, решив, что чем-то не угодила ему и еще долго продолжала кричать вслед, что у нее есть и другие девушки, белокожие, с длинными волосами, прекрасные, как сирийки, которых так любят в Афинах.

Полуразвалившаяся хижина давно осталась позади, а до грека все еще долетали вопли старухи, будто опьяневшей от собственных слов. Чужеземец вышел на дорогу, ведущую к городу. Справа от него, на холме, возвышался храм Афродиты, а у самого подножия холма приютилась таверна. Сквозь открытые окна и двери было видно все, что происходило внутри. Там на каменных скамьях сидели моряки различных стран и народов. Каждый из них говорил на своем наречии, и их голоса сливались в единый монотонный гул. В таверне разместились и римские солдаты в бронзовых латах; на скамьях, поблизости, лежал короткий римский меч; шлемы, увенчанные красным гребнем из конских волос, солдаты поставили прямо на пол. Рядом с ними сидели полуобнаженные гребцы из Марселя; финикийские и карфагенские моряки в широких шароварах и высоких шапках; негры из Александрии — неуклюжие, добродушные силачи; были там кельты и иберийцы. Последние, недоверчиво поглядывая по сторонам, то и дело хватались за широкие ножи; в центре таверны вольготно расположилось несколько приезжих из Галлии, резко выделявшихся длинными усами и огненными волосами, собранными узлом на затылке; наконец, сюда заглядывали искатели приключений со всех концов света: сегодня победоносные воины, а завтра — рабы, моряки или пираты, боявшиеся только капитана своего судна и доверявшие лишь силе своих мускулов. По многочисленным шрамам, обрезанным ушам и клейменным лбам можно было догадаться, какими ужасными тайнами было наполнено их прошлое. Они хватали пищу руками прямо из дымящихся блюд и, неохотно переговариваясь, наливали себе время от времени вина и требовали женщин.

Несмотря на тесноту, неудобства и спертый воздух, посетители таверны все же чувствовали потребность в общении и, улучив минутку между глотками вина, вели со случайными соседями разговоры, которые состояли больше из жестов, чем из слов. Карфагенянин рассказывал греку о своем последнем путешествии по серому, туманному Великому морю. В другом углу негр описывал двум кельтам свое плавание по Красному морю к

неведомым землям, населенным дикими народами; римские ветераны вспоминали великую победу на Эгатских островах, благодаря которой Рим стал властителем Сицилии. Упоенные собственной славой, римляне не обращали внимания на то, что поблизости сидели побежденные, которые слышали каждое их слово. Иберийские пастухи, стараясь унижить заносчивых моряков, громко расхваливали достоинства своих быстроногих коней. Рядом какой-нибудь живой и остроумный грек, желая показать превосходство своего народа над варварскими племенами, начинал декламировать отрывки из оды, выученной в каком-нибудь порту, или затягивал монотонную, заунывную песню, которая терялась в окружающем шуме.

Моряки требовали больше света. Воздух в таверне становился все тяжелее и тяжелее. Тусклые огоньки ламп на закопченных стенах казались размытыми кровавыми пятнами. Из кухни доносился едкий запах дыма, заставлявший иных посетителей кашлять и чихать. Многие уже были навеселе и громко требовали венков, желая украситься, как патриции на пирах. Иногда в окнах показывались грубо размалеванные лица портовых проституток, дожидавшихся того сладостного мига, когда их наконец пустят в таверну. Моряки со смехом кидали им куски мяса, из-за которых женщины дрались, как волчицы, громко ругаясь и отчаянно царапаясь.

Кушанья были так остры и пряны, что приходилось запивать каждый кусок. Греки ели мидии в шафранном соусе и свежие сардинки; иберийские пастухи довольствовались жесткой копченой рыбой; римляне и галлы поглощали огромные куски мяса с кровью. Все эти и многие другие кушанья были обильно насыщены солью, перцем и ароматными травами, которым приписывали самые невероятные свойства.

Моряки и солдаты сорили деньгами, обедаясь и упиваясь до бесчувствия, стремясь сторицей вознаградить себя за полную лишений корабельную жизнь. Хозяин таверны то и дело опускал в специально предназначенную для этого амфору различные монеты: сагунтские — с изображением корабля, карфагенские — с легендарным конем, монеты со зловещими кабирскими богами или

александрийские, на которых красовался изяшный профиль Птолемея.

Даже самые жалкие рабы стремились хотя бы в течение одной ночи подражать богачам, чтобы воспоминание об этих часах скрашивало их будничные, безрадостные дни. Они требовали лукринских устриц, которых купцы привозили в Сагунт в амфорах с морской водой; заказывали окгикарум, блюдо из рыбьих потрохов, приготовленных с солью, уксусом и пряностями, за которое римские патриции платили бешеные деньги. Красное лавронское и розовое сагунтинское вино не пользовалось спросом у тех, у кого были деньги. Они также презрительно отзывались о марсельском, поговаривая о глине, которую к нему подмешивали. Состоятельные посетители требовали вина из Кампании, Массики и Пекубо. Эти вина, несмотря на дороговизну, пились из весьма вместительных сосудов в форме лодок.

Кроме горячих блюд и вин, моряки оказывали предпочтение сочным фруктам, овощам и зелени. Горы свежего салата из загородных садов таяли на глазах, попадая не столько в желудки, сколько на пол, смешиваясь там с грязью и песком.

Грек, стоя у дверей таверны с несколькими моряками, не нашедшими себе места внутри, молча смотрел на это зрелище. Происходившая перед его глазами пирушка напомнила ему о том, что он ничего не ел с самого утра, с тех пор, как надсмотрщик над гребцами на судне сунул ему кусок хлеба. Приезд в новый город заставил грека на время забыть о еде, но при виде такого изобилия он почувствовал сильный голод и почти уже перешагнул через порог таверны, но вовремя опомнился и отступил назад. Зачем ему было входить? В потрепанной сумке грека лежали лишь папирусы, содержавшие подробное описание его путешествий и восковые дощечки; там были также щипцы для удаления волос и гребенка — вещи, с которыми никогда не расставался ни один уважающий себя грек. Но сколько он больше нырнул в своей сумке, он не нашел в ней ни одного облоба. В Новом Карфагене его взяли на судно даром: Полиант высоко чтит уроженцев Аттики. У грека совер-

шенно не было денег, и если бы он вошел в таверну и попросил поесть, не заплатив вперед, его просто прогнали бы палками.

Он предпочел побыстрее избавиться от этих танталовых мук. Но, повернувшись спиной к таверне, грек нос к носу столкнулся с человеком высокого роста, который был одет в темный сагум и сандалии, подвязанные грубыми веревками. Этот человек был похож на кельтиберийского пастуха, но греку показалось, что он уже не первый раз встречает этот повелительный цепкий взгляд.

Но он, однако, только равнодушно пожал плечами: его полностью поглотила мысль о еде и ночлеге. Выйдя наконец из этой оживленной части города, он начал искать место для отдыха и, поразмыслив немного, решил направиться в рошу Афродиты. К храму, расположенному на вершине холма, вела широкая лестница из голубого мрамора, ступени которой начинались внизу, у самого мола.

Грек сел на камень, решив дожидаться здесь восхода солнца. Глухой уличный шум сливался с таинственным шепотом моря, с шелестом листьев в лавровых рощах и монотонным кваканьем лягушек, постепенно растворяясь в тишине сонной ночи.

Несколько раз до слуха грека долетали звуки, смутно напоминающие волчий вой. Неожиданно этот вой раздался прямо за его спиной, и он почувствовал на своей шее что-то горячее дыхание. Быстро обернувшись, грек увидел женщину, которая, присев на корточки позади него, улыбалась глупой, вымученной улыбкой.

— Здравствуй, чужеземец. Я видела, как ты пришел сюда. Тебе, наверное, скучно одному, вот я и решила развеселить тебя. Разве это невозможно?

Грек тотчас же узнал ее. Это была портовая проститутка, из числа тех, которых он встречал на пристанях всех стран мира: продажные женщины, любовницы на одну ночь, щедро дарившие свои ласки людям разного цвета кожи, разумеется, за определенную плату.

Грек молча посмотрел на женщину. На ее лице еще можно было обнаружить остатки прежней красоты.

но его сильно портили слезящиеся глаза, запавшие щеки и улыбка, обезображенная отсутствием нескольких передних зубов. Женщина куталась в широкий кусок грязной, разорванной, но дорогой материи. Спутанные волосы она тщательно перевязала ремешком и украсила несколькими полевыми цветами.

— Ты зря теряешь свое время, красавица, — сказал, добродушно улыбаясь, грек, — у меня в кошельке нет ни одного обола.

Ласковый голос незнакомца смутил женщину. Она всю жизнь получала лишь пинки и оскорбления и не знала ничего другого. Перед вежливостью грека она растерялась и затихла, как перед непредвиденной опасностью.

— У тебя нет денег? — нерешительно спросила она после минутного молчания. — И не надо, бери меня даром. Ты мне понравился.

И она ласково провела рукой по его кудрявым волосам. Чужестранец посмотрел на нее с нескрываемой жалостью: ее впалая грудь и изогнутый стан, казалось, носили на себе следы прикосновений всех мужчин мира. Но он был все же тронут великодушием этой несчастной.

— Если ты не хочешь оставаться одна, побудь со мной, но только не прикасайся ко мне. Я могу думать только о еде: с самого утра я ничего не ел и отдал бы все сокровища мира за порцию грубой еды какого-нибудь матроса.

Женщина крайне удивилась.

— Ты голоден? А я думала, что ты насыщен божественным нектаром и амброзией.

В ее глазах светилось изумление, словно она увидела, как Афродита сошла со своего мраморного пьедестала и отдалась за обол портовым гребцам.

— Подожди меня здесь, — решительно сказала женщина после некоторого раздумья.

Грек заметил, как она побежала к низеньким портовым хижинам; когда же усталость и голод окончательно одолели его, он скорее не увидел, а почувствовал ее около себя.

— Ешь, мой господин, — сказала женщина, робко дотрагиваясь до плеча грека, — мне нелегко было дос-

тать все это. Вредная Лаис страшна, как парка, но всегда помогает нам в тяжелую минуту. Она согласилась отдать мне свой ужин, заставив меня поклясться, что к восходу солнца я принесу ей два сестерция.

И женщина выложила на мраморные ступени храма каравай серого хлеба, вяленую рыбу, полкруга сагунтинского белого сыра и поставила кружку кельтийского пива.

Грек жадно набросился на еду, а женщина с нежностью посмотрела на него, и ее глаза осветились почти материнским чувством.

— Я бы хотела быть такой же богатой, как Сонника, которая начинала, как и мы. А теперь у нее много кораблей, тенистых садов, толпы рабов, гончарные заводы и лучшие окрестные поля. Я хотела бы разбогатеть только на одну ночь, чтобы угостить тебя вкуснейшими яствами в мире. Я бы хотела устроить для тебя пир, чтобы ты возлежал с венком на голове и пил вино из золотого кубка.

Грек, тронутый искренностью и наивностью несчастной женщины, ласково посмотрел на нее.

— Не благодари меня. Это я должна благодарить тебя за то счастье, которое я испытываю, дав тебе возможность утолить голод... Что со мной случилось? От каждого человека, который брал меня, я что-нибудь получала. Кто давал мне монету, кто кусок материи, кто кружку пива, а большинство — только удары да пинки. Я терпела и равно ненавидела их всех. Вдруг пришел ты, бедный и голодный, ничего не дал мне, а мне хватает того, что ты сидишь рядом, и по моему телу разливается неземное блаженство. Тебе принесла я ужин, а сама опьянела, как после пира. Скажи, действительно ли ты человек, или бог, спустившийся на землю, чтобы возвеличить меня?

Воодушевившись от своих собственных слов, она опустила на колени и, простирая руки к залитому лунным светом храму, воскликнула:

— Афродита, богиня моя! Если я когда-нибудь соберу денег, которых хватит на две белые голубки, я принесу их тебе в дар, украсив цветами и лентами в память об этой ночи!

Отпив пива из кружки, грек отдал остаток женщине; она прильнула губами к тому месту, которого только что коснулись его губы.

Женщина не дотронулась до еды, но продолжала пить, что еще больше подхлестнуло ее красноречие.

— Если бы ты знал, — продолжала она, — как трудно мне было достать все это! Улицы полны пьяных. Вино льется на улицу из дверей каждой таверны. Один африканец побежал за каким-то человеком, догнал его и бросил в воду, а проходивший мимо солдат раскроил негру голову кулачищем... Тулу, одну иберийскую девушку, раз подняли за ноги и сунули головой в самый большой кратер в таверне, она чуть не захлебнулась вином. Это ежедневные их развлечения. Я сама видела, как бедная Альдура, моя приятельница, сидела на земле вся в крови, держа в руке глаз, который ей выбил кулаком пьяный египтянин. И такое повторяется каждую ночь!.. Вот и сейчас, хоть мне и страшно по-прежнему, но, кажется, что с того часа, как я увидела тебя, я живу в другом, новом мире: в первый раз я осмотрелась вокруг себя.

И женщина рассказала греку свою историю. Ее звали Бахис. Родину свою она не помнила. Вероятнее всего, она родилась не в местном порту: ей смутно вспоминалось длинное путешествие по морю. Должно быть, ее мать тоже была проституткой, и она, Бахис, стала плодом случайной связи с каким-нибудь матросом. Имя Бахис, данное ей в детстве, было именем многих известных в Греции куртизанок. Одна старуха купила ее у матроса, который привез девочку в Сагунт. Любовь Бахис познала очень рано. Хижину старухи посещали старейшие коммерсанты порта и все развратники города, которые по очереди пользовались ее беспомощным, слабым, неразвившимся детским телом. По смерти своей хозяйки она сделалась проституткой и поступила в полное распоряжение матросов, рыбаков и горных пастухов.

Ей еще не было двадцати лет, а она уже состарилась и увяла! Город Бахис видела только издали: только два раза в жизни она посетила его. Там не терпели портовых проституток. Им позволяли жить лишь около

роши Афродиты, да и то только ради спокойствия Сагунта, так как шлюхи отвлекали от города внимание людей разных национальностей, приехавших в порт. В городе добропорядочные иберийцы негодовали при виде проституток, а развратники-греки имели слишком утонченный вкус, чтобы испытывать хотя бы сострадание к этим несчастным рабыням любви. Тут, в тени храма Афродиты, и жила Бахис, ожидая приезда новых моряков, возбужденных длительным воздержанием. И так год за годом будет она влачить свою жизнь, пока ее не зарежут во время случайной стычки или пока она не умрет от голода под старой, полуразвалившейся баркой.

— А кто ты? — спросила, закончив свой рассказ, Бахис. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Актеон, и моя родина — Афины. Я побывал во многих странах: в одной стране был воином, в другой — моряком. Я сражался, торговал, сочинял стихи и беседовал с философами о вещах, которые ты все равно не поймешь. Я богател и терял свое состояние множество раз, а теперь, в трудную минуту, ты не дала мне умереть с голоду и принесла поесть. Вот и вся моя история.

Бахис посмотрела на него с восторгом, понимая, что за этими несколькими словами скрываются необычайные приключения, страшные опасности и превратности судьбы. Ей припомнились подвиги Ахиллеса и похождения Улисса, о которых она знала из песен пьяных греческих моряков. И женщина, склонившись на грудь Актеона, провела рукой по его волосам. Благодарный грек улыбнулся ей так, словно она была маленьким ребенком.

Два матроса вышли из ближайшей хижины и, шагаясь, направились к молу. Пронзительный волчий вой долетел до слуха Актеона. Его подруга тут же вскочила на ноги.

— Я скоро вернусь, мой повелитель. Я совсем забыла о вредной Лаис. Надо отдать ей деньги до восхода солнца, иначе она побьет меня. Подожди меня здесь.

И, повторяя дикий призыв, очень напоминающий волчий вой, она бросилась за двумя матросами, которые встретили ее приход смехом и неприличными словами.

Когда насытившийся грек остался один, ему стало стыдно за свое новое приключение. Актеон-афинянин, которого оспаривали друг у друга самые богатые гетеры города, оказался под покровительством несчастной блудницы порта и еще, ко всему прочему, любим ею! Чтобы не встречаться больше с Бахис, он покинул храм Афродиты и отправился бродить по переулкам. Грек вторично остановился у той таверны, где так недавно испытал сильные муки голода. Там разыгралась настоящая оргия. Хозяин в страхе спрятался за прилавком. Рабы сбежали на кухню. Вылившееся из разбитых амфор вино казалось огромными лужами крови. При звуках льющейся на землю влаги пьяные начинали громко требовать вина, о которых смутно слышали во время своих странствий, или заказывали фантастические блюда. Египетский матрос огромного роста бегал на четвереньках, изображая шакала, кусая за ноги тех женщин, которых уже впустили в таверну. Несколько негров плясали, подражая откровенным движениям проституток, не отрывая взгляда от своих членов, сотрясаемых движениями живота.

По углам, на скамейках, мужчины обнимали женщин; запах потных тел мешался с запахом вина. Среди этой нестерпимой вони некоторые матросы, позабыв всякий стыд, отказывая с пренебрежением куртизанкам, ласкали друг друга.

И лишь несколько человек, стоя около прилавка, спорили, казалось, совершенно спокойно. Среди них были двое римских солдат, карфагенянин и кельтибериец. Неторопливость их речи, срывающиеся от гнева голоса, налитые кровью глаза, все сильнее раздувающиеся ноздри указывали на степень их опьянения, такого, которое нередко оканчивается убийством.

Римлянин вспоминал, как он участвовал четырнадцать лет тому назад в битве при Эгастских островах.

— Знаем мы вас! — дерзко говорил он, обращаясь к карфагенянину. — Вы, торговцы, рожденные от лжи и бесчестия. Если надо продать что-нибудь подороже или обмануть покупателя, то в этом вы превзойдете самих себя, но если речь заходит о настоящем деле, о

войне, то тут первенство принадлежит нам, сынам Рима, крепко сжимающим в руках копьё и меч.

И он гордо поднял коротко остриженную голову и надул бритые щеки, на которых навсегда отпечатались глубокие следы от шлемных ремней.

Актеон с интересом посмотрел на кельтиберийца: только он один все еще молчал, хотя и не спускал глаз с бронзовых лат и открытой шеи легионера, будто его неудержимо притягивали голубые вены римлянина, выступавшие на смуглой коже. Без сомнения, грек уже видел где-то эти глаза, но никак не мог вспомнить, где. Так, встречая старого знакомого, мы подчас бессильны припомнить его имя. Наблюдательный грек заметил, что во всем виде кельтиберийца чувствуется что-то искусственное.

— Я бы поклялся Меркурием, что этот человек не тот, кем он хочет казаться. Он не похож на пастуха, и цвет его кожи темнее кожи даже загорелого кельтиберийца. Во всяком случае, его волосы уж точно фальшивые...

Он не стал продолжать своих наблюдений, так как его внимание отвлек все разгоравшийся между легионером и старым карфагенянином спор, заглушаемый время от времени шумом, царившим в таверне.

— Я также участвовал в битве при Эгасте, — говорил карфагенянин. — Там я получил рану, которая так обезобразила мое лицо. Еще не доказано, что победили вы! Я много раз видел, как ваши корабли спасались от нас и сотнями считал трупы римлян на полях сражений! Ах, если бы Ганон не опоздал на поле битвы!.. Если бы Гамилькар прислал подкрепление...

— Гамилькар! — презрительно воскликнул римлянин. — Этот великий полководец просил нас о мире! Торговец, по ошибке ставший завоевателем!

И он засмеялся с дерзостью сильнейшего, не обращая внимания на возмущение карфагенянина, который задыхался от гнева. Молчаливый до сих пор кельтибериец обратился к старику.

— Молчи, карфагенянин. Он прав. Вы, купчишки, не можете равняться с римлянами в бою. Вы достигаете

большого деньгами, чем открытой силой. Но не все же в Карфагене принадлежат к твоему сословию, там рождаются и те, кто сумеет дать отпор итальянским разбойникам.

При этих словах римлянин гордо поднял голову и дерзко, с вызовом воскликнул:

— Кто же этот герой? Уж не сын ли Гамилькара? Этот мальчишка, мать которого, как говорят, была разбой?

— Основатели Рима были сыновьями проститутки. Римлянин, недалек тот день, когда карфагенский конь растопчет римскую волчицу.

Легионер вскочил, дрожа от ярости, и схватился было за меч, но в ту же минуту вскрикнул и упал, обливаясь кровью.

Актеон видел, как кельтибериец выхватил из рукава нож и всадил его в шею, на которую смотрел с такой яростью, пока ее обладатель издевался над Карфагеном.

Другой римлянин, увидев, что его товарищ убит, бросился на кельтиберийца, но получил удар ножом в лицо и был ослеплен хлынувшей кровью.

Ловкость кельтиберийца было удивительна. Его движения походили на стремительные броски пантеры. В него градом посыпались горшки, куски разбитых амфор и короткие римские мечи, не принося ему никакого вреда. И, улучив момент, он, угрожающе замахнувшись ножом, неожиданно прыгнул за дверь и скрылся в ночной тьме.

— Держи! Держи его! — кричали римляне.

Предвкушая удовольствие от охоты на человека, за кельтиберийцем бросились все посетители таверны, кто мог еще держаться на ногах. Несколько моряков, возбужденных видом крови, перескочили прямо через умирающего римлянина и тела пьяных матросов, валявшихся рядом с раненым. Выйдя из таверны, преследователи разделились на несколько групп и пустились в погоню за кельтиберийцем; но он бесследно исчез, как сквозь землю провалился.

Весь порт взволновался. Яркие огни замелькали в узких переулках рыбацкого квартала; трактиры и публичные дома потерпели в ту ночь убытки от обезумевших,

разъярившихся римлян: на улице на каждом шагу завязывались новые ссоры, доходившие подчас до кровопролития. Грек, опасаясь случайно попасть в какую-нибудь неприятную историю, поспешил вернуться к храму Афродиты. Бахис не возвращалась, и грек поднялся по мраморным ступеням на широкую террасу. Там он устроился поудобнее и задремал.

Проснувшись, Актеон почувствовал на своем лице ласковые лучи солнца. Осмотревшись, он понял, что уже наступило утро, хотя ему и показалось, что прошло всего несколько минут с тех пор, как он заснул.

Рядом с ним стояла женщина, по виду знатная патрицианка. Она куталась в длинную белую льняную туннику, ниспадавшую до самого пола. Ее бархатные черные глаза, окруженные темными кругами, какие бывают после бессонной ночи, светились лукавством и тихой грустью. На ее руках, которые она спрятала в складках одежды, мелодично позванивали невидимые браслеты, а кончик сандалии, выглядывавший из-под края накидки, был усыпан драгоценными камнями. За женщиной стояли две юные смуглые рабыни. Одна из них несла двух белых голубей, другая держала на голове корзину, полную роз.

В мужчинах, стоявших около прекрасной патрицианки, Актеон узнал Полианта и того надушенного разряженного юношу, который присутствовал с другим всадником на моле при встрече корабля.

Пораженный грек медленно поднялся со ступенек храма.

— Афинянин, — сказала женщина на чистейшем греческом языке, — я — Сонника, хозяйка того судна, на котором ты приплыл. Мой вольноотпущенник Полиант правильно сделал, что взял тебя на борт, он знает, что я хорошо отношусь к твоему народу. Кто ты, и как тебя зовут?

— Меня зовут Актеон, и я молю богов, чтобы они осыпали тебя благодеяниями за твою доброту. Да сохранит на многие годы Афродита твою красоту.

— Ты мореплаватель? Или торговец? Или странствуешь по свету, давая время от времени уроки риторики и поэзии, чтобы заработать себе на пропитание?

— Я солдат, как и все мои близкие. Мой дед умер в Италии, закрыв своим телом великого Пирра, который любил его, как брата. Мой отец командовал наемниками на службе у Карфагена, и его несправедливо казнили во время беспощадной войны...

Грек остановился, словно нахлынувшие воспоминания заставляли его невыносимо страдать, но он быстро овладел собой и тотчас же прибавил:

— Я сам еще недавно сражался под предводительством Клеомена Лакедемонца. Я был его близким другом. Когда же Клеомен был побежден, я проводил его в Александрию, а сам отправился странствовать по свету, так как моя душа не выносит бездействия. Я торговал в Родосе, рыбачил на Босфоре, строил дворцы в Египте и сочинял стихи в Афинах.

Сонника, ласково улыбаясь, подошла к нему. Этот афинянин обладал всеми теми качествами, которые она так ценила в его соотечественниках. Это был один из тех искателей приключений, которые рано узнают о непостоянстве судьбы, и, путешествуя по всему свету, под старость часто делятся с потомками подробностями своей бурной жизни.

— Зачем ты прибыл сюда?

— Я приехал сюда, но мог бы приехать и в любое другое место. Твой вольноотпущенник предложил мне отправиться в Сагунт, и я согласился, хотя сначала намеревался остаться в Новом Карфагене. Я мог бы поступить в войско Ганнибала. Достаточно только рассказать о моем происхождении, чтобы быть достойно принятым повсюду: грекам везде платят хорошо. Но здесь у вас идет война, а я предпочитаю служить стране, где мне не причинили никакого вреда.

— И ты провел эту ночь здесь? Не смог устроиться на постоялом дворе?

— Мой кошелек оказался пуст. Свой голод я утолил благодаря милосердию падшей женщины, которая принесла мне ужин. Не смотри на меня с таким сожалением. Я когда-то сам устраивал пиры, продолжавшиеся до утра: в Родосе мы, во время веселья, бросали рабам серебряные блюда. Человек должен быть таким, каким

описал его Гомер: сегодня он царь, а завтра — нищий...

Полиант с интересом посмотрел на этого искателя приключений, а Лакаро, который сначала возмущался тем, что Сонника заговорила с оборванным, немытым незнакомцем, теперь сам подошел поближе, отдавая дань природному изяществу греков и рассчитывая когда-нибудь завести с ним дружбу, чтобы иметь возможность получать дельные советы.

— Приходи ко мне на виллу, — предложила Сонника. — Поужинаешь с нами. Любой покажет тебе мой дом. Мое судно привезло тебя в нашу страну, и я желаю, чтобы тебе оказали гостеприимство у меня в доме. Знаешь, афинянин, я ведь тоже из Греции. Увидев тебя, мне показалось, что перед моими глазами мелькнуло золотое копье Паллады.

И Сонника, распрощавшись с афинянином, двинулась к храму.

Актеон прислушался к разговору, который вели между собой Лакаро и Полиант. Они всю ночь пировали у Сонники и только утром встали из-за стола. На голове у Лакаро еще возлежал веночек из уже поникших роз. Узнав, что танцовщицы из Кадиса, которых она ожидала с нетерпением, наконец прибыли, Сонника пожелала посетить корабль Полианта и, проходя мимо храма, принести жертву Афродите, что она совершала всегда, отправляясь в порт. В своих носилках, в сопровождении Лакаро и Полианта, она отправилась выполнять эту фантазию, надеясь выспаться после возвращения.

Кормчий удалился на свой корабль, чтобы высаживать танцовщиц на берег, а Актеон и Лакаро подошли к открытым дверям храма. Его внутреннее убранство отличалось подкупающей простотой и изяществом. Лучи солнца, проходя через верхнее отверстие, придавали лазоревым колоннам с капителями, изображающими раковины, дельфинов, амуров с веслами в руках, мягкий бирюзовый оттенок. Из глубины храма, ослепительная в своей наготе, выступала богиня Афродита, будто только что вышедшая из пены морской. Недалеко от двери находился алтарь. Перед ним жрец в белой мантии с венком из роз на голове принял у Сонники ее дары.

Выйдя наружу, патрицианка с восторгом посмотрела на открывшуюся перед ней картину: море, порт, зеленую долину и далекий город, облитый золотом восходящего солнца.

— Как красиво!.. Актеон, посмотри на наш город. Он ничем не уступает Афинам! — воскликнула она.

У подножия лестницы ее ожидали носилки. Их поддерживали восемь атлетов-рабов, все как на подбор, высокие и стройные. Сонника приказала своим рабьям войти вовнутрь и пренебрежительно отстранила Лакаро, который собрался было тоже последовать за ними. Затем Сонника, повернувшись к греку, стоявшему на вершине лестницы, еще раз улыбнулась и взмахнула рукой, униженной драгоценными браслетами.

Носилки быстро исчезли из вида, а Актеон вдруг почувствовал чье-то ласковое прикосновение.

То была Бахис, казавшаяся при солнечном свете еще более грязной и оборванной. У нее был подбит глаз, а на руках красовалось несколько огромных синяков.

— Я не могла прийти раньше, — сказала она с рабским смирением, — только час назад матросы заплатили мне. Вот люди! Они дали мне ровно столько, чтобы я могла отдать долг Лаис... Всю ночь, пока эти звери мучили меня, я думала только о тебе, мой бог...

Актеон отвернулся, стараясь избежать ее ласк.

— Ты презираешь меня? Я видела, как ты разговаривал с богатой Сонникой, которую считают первой красавицей Сагунта. Ты станешь ее любовником? А, понимаю, она с первого взгляда влюбилась в тебя без памяти, ведь, в конце концов, Сонника такая же женщина, как и я... Скажи, Актеон, почему ты не хочешь сделать меня своей рабой?.. Заплати только одной ночью любви...

Актеон резко отстранил Бахис, старавшуюся обнять его, и посмотрел на дорогу: там воинственно звучали трубы и блестели шлемы и копья.

— Это легаты Рима, — взволнованно сказала проститутка.

И, привлеченная открывшимся зрелищем, она быстро спустилась с лестницы, чтобы получше рассмотреть приближавшихся солдат.

Впереди шли трубачи римского флота. Толпы граждан провожали римских посланников. Во главе процессии следовали старейшины сагунтинского сената в темных мантиях, спускавшихся до самых пят. Римский стяг с символическим изображением волчицы несли самые видные и рослые моряки, и за ними ехали легаты. Один из них был толстый мужчина, с мясистым тройным подбородком; другой — худой, нервный, с хищно раздувающимися ноздрями. На римлянах были надеты латы из чеканной бронзы, из-под которых выбивались юбочки цвета хорошо отстоявшегося вина, украшенные золотыми тесемками.

Подъезжая к молу, шествие повстречалось с небольшой группой женщин, которых вел старик с нахальным выражением лица. Такое выражение обычно появляется у евнухов от частого общения с беззащитными, подневольными женщинами.

Это были танцовщицы из Кадиса, прибывшие на корабле Полианта. Благодаря сутолоке и давке они остались незамеченными, так как все внимание толпы было поглощено отъезжающими римлянами.

Несколько женщин из рыбацкого порта предложили легатам украсить венками из душистых горных цветов.

Восторженные крики раздались в толпе сагунтинцев:

— Да здравствует Рим! Да благословят его боги!

Актеон услышал позади себя злобный смех и, обернувшись, увидел кельтиберийца, убившего накануне легионера.

— Ты здесь? — мрачно спросил грек. — Ты один и не прчешься от римлян?

Повелительный взгляд, странный взгляд, пробуждавший в Актеоне смутные воспоминания, этот взгляд теперь предназначался ему самому.

— Римляне!.. Я презираю и ненавижу их. Если потребовалось, я без страха поднялся бы на их корабль. Занимайся своими делами, Актеон, и не беспокойся о моей шкуре.

— Ты знаешь мое имя? — воскликнул грек, поражаясь с каждой минутой все больше и больше, и в то

же время восхищаясь тем совершенством, с которым кельтибериец говорил по-гречески.

— Мне известно и твое имя, и вся твоя жизнь. Ты сын Лидия, полководца, воевавшего на стороне Карфагена, и сейчас твой мятежный дух носит тебя по свету, нигде не находя покоя.

Самоуверенный грек почувствовал некоторое смущение перед этим загадочным человеком.

А последний, потеряв к греку всякий интерес, повернулся к нему спиной, провожая мрачным взглядом торжественную процессию. При виде римского знамени глаза кельтиберийца загорелись еще большим гневом и презрением.

— Они считают себя сильными, ведь их защищают римляне. Они воображают, что Карфаген погиб, потому что торгашеский сенат боится нарушить мирный договор с Римом. Подонки, жалкие трусы! Они обезглавили сагунтинцев, которые были давними друзьями Карфагена и Гамилькара. Веселитесь! Радуйтесь! Вам и в голову не приходит, что есть некто, кто не спит и во время мира...

Восторженные крики народа, сопровождающие отплывающую лодку, которая должна была отвезти римских легатов на Либурнику, заставили кельтиберийца вздрогнуть, и он, крепко стиснув зубы, злобно сверкая глазами, прошептал:

— Рим!.. Будь ты проклят!

II

Город

Дорога, по которой шел Актеон, поднималась в гору.

Навстречу ему попадались телеги, доверху нагруженные тюками и амфорами. Рабы, сгибавшиеся под тяжестью своей ноши, заранее уступали ему дорогу с покорностью, которую внушал им любой свободный человек.

Ненадолго грек остановился отдохнуть у давилен, где рабы, напрягаясь изо всех сил, вертели огромные каменные жернова; а потом снова продолжил свой путь в горы. Наверху, на заснеженных вершинах, можно было разглядеть дозорные башенки, с которых караульные возвещали Сагунту о приближении вражеских кораблей или передвижении местных жителей по противоположным склонам гор, там, где кончались владения города.

Плодоносная земля купалась в лучах восходящего солнца. Из вилл, из простых селений, из бесчисленных одиноких хижин, раскинутых по всей долине, отовсюду шли люди, направляясь по дороге в город.

Большая часть сагунтинского населения проживала в долине, обрабатывая и возделывая землю. В городе селились только купцы, богатые землевладельцы, чиновники и чужестранцы. Но когда Сагунту грозила опасность, когда соседи собирались напасть на страну, все дружно бросались в город, ища защиты за его высокими стенами.

Завидев такое множество идущих в город людей, Актеон догадался, что наступил базарный день. В город шли крестьянки с корзинами, покрытыми сверху виноградными листьями; крестьяне погоняли запряженных в телеги волов или навьюченных осликов. Повсюду раздавалось бляение коз и мычание коров. Некоторые семьи уже возвращались домой, с гордостью показывая, что им удалось выменять в палатках Форума на свои продукты. Их знакомые останавливались, чтобы полюбоваться тканями, кусками красной глины, женскими браслетами из грубо обработанного серебра и поздравить счастливых обладателей.

Загорелые девочки с волосами, собранными по кельтиберийскому обычаю в большой пучок на затылке, шли парами, неся шесты, на которых висели цветочные венки и гирлянды для городских дам. Некоторые несли прикрытые листьями большие тирсы с нанизанными на них красными вишнями. Время от времени девочки шалили, со смехом подражая походке и жестам знатных горожанок Сагунта. И грек невольно посмеивался, глядя на них.

Он остановился отдохнуть и невольно залюбовался открывшейся перед ним картиной: рощи фиговых деревь-

ев, гордость Сагунта, уже покрылись зелеными листьями; виноград изумрудными волнами простирался от синевших вдали гор до густых рощ дубов и пиний; маслины, посаженные аккуратными рядами, походили на витые колонны с капителями из листьев.

Все это пробудило в греке далекие воспоминания детства. Эта долина была так же прекрасна, как и его родная Греция. И он вернется туда обязательно, когда боги захотят окончить его скитания.

Прошагав около часа, он добрался наконец до бесчисленных построек Акрополя. На повороте грек заметил, что селяне, спешащие в город, все, как один, останавливаются перед широким каменным алтарем, на котором развернула свои кольца громадная змея из голубого мрамора. Крестьяне с почтением клали перед ней полевые цветы и ставили кружки с молоком. На этом самом месте ядовитая змея ужалила несчастного Закинфа, когда он с похищенными в Героне быками возвращался в Грецию. Около его могилы затем был построен город. Народ поклонялся змее как одному из основателей их родины, принося ей дары, неизвестно куда потом исчезающие. Последнее обстоятельство породило многочисленные толки, будто змея ночью оживает и некоторые запоздалые путники божились, что, возвращаясь из города после захода солнца, они слышали ее свист.

При приближении к Сагунту, по сторонам дороги все чаще стали появляться гробницы с надписями, привлекавшими внимание прохожих. За ними раскинулись фруктовые сады, окруженные высокими решетками, через которые перевешивались ветки, отягощенные сочными плодами. На террасе одной из вилл Актеон заметил даму с высокой афинской прической, посыпанной золотым порошком, и рядом с ней опахало из пестрых перьев. Это, по-видимому, была вилла, принадлежавшая ушедшим на заслуженный отдых богатым негоциантам.

Приближаясь к реке Беатис-Перкес, отделявшей город от полей, грек увидел впереди девушку, почти ребенка, которая гнала перед собой целое стадо коз. Гибкая, стройная, худенькая, она больше походила бы на мальчика, если бы ее старая, порванная в нескольких

местах туника не обнажала время от времени нежную девичью грудь, походившую на бутон распускающегося цветка. Черные, влажные, большие глаза девушки светились лукавым и вместе с тем таинственным блеском. Волосы, собранные в узел на затылке, девушка украсила гирляндой из маков. Она легко несла на плече тяжелую сеть, наполненную кругами белого сыра, а свободной рукой ласкала изящную белую козочку.

Актеон невольно залюбовался этой девушкой. Ее гибкость и стройность напомнили ему танаграские фигурки, какими любили украшать свои комнаты афинские гетеры, а в лице девушки было нечто, напоминавшее изображение нимф на греческих вазах.

Девушка несколько раз испытующе посмотрела на грека и, наконец, доверчиво улыбнулась.

— Ты грек? Правда?

Она говорила, как говорили все люди в порту, — на странном наречии этого открытого торгового города, наречии, в котором мешались греческие и латинские слова.

— Да, я из Афин. А кто ты?

— Меня зовут Ранто. Моя госпожа — богатая Сонника. Ты, верно, уже слышал о ней? У нее корабли во всех портах, сотни рабов, а вино она пьет из золотых чаш. Видишь розовую башенку у самого моря? Это вилла, где она живет, когда уезжает из города отдохнуть. Мой отец пасет ее стада, и она часто приезжает к нам полюбоваться на коз.

Актеон слегка смутился от того, что все, с кем он познакомился в Сагунте, сразу же заводили разговор о Соннике. Имя этой женщины, которую одни называли "богачкой", а другие — "куртизанкой", было у всех на устах. Девушка, не сводя глаз с явно понравившегося ей иностранца, охотно продолжала:

— Сонника добрая. Иногда она грустит, говорит, что погибнет от тоски среди своих богатств, что все ей надоело. В такие минуты госпожа способна приказать распять всех своих рабов. Когда же она весела, то почти не наказывает нас. Мы боимся только ее управляющего, иберийского вольноотпущенника. Он руководит рабами и

каждую минуту грозит нам плетью и крестом. Этот злыдень сколько раз сек моего отца за пропавшего ягненка, за козу, сломавшую ногу, за несколько капель молока, оставшихся в сыворотке. И меня бы тоже не раз побил, но не смеет: он знает, что Сонника ко мне хорошо относится.

Ранто, с малых лет привыкшая к тяжелому положению рабов, рассказывала о своей жизни совершенно просто.

— Зимой, — продолжала она, — я ухажу с отцом в горы и с нетерпением дожидаясь хорошей погоды, когда госпожа приедет на виллу, и я спущусь в долину, где растут цветы. Тогда я весь день могу играть в тени деревьев с моими козами.

— Где ты научилась говорить по-гречески?

— Сонника разговаривает по-гречески с богатыми гостями и с рабами, которые им служат. К тому же...

Она запнулась и покраснела.

— К тому же, — оживленно продолжила она, — на этом языке говорит мой друг Эросион, сын стрелка Мопсо из Родоса. Мой друг помогает мне стеречь коз, когда сам не работает в гончарне, которая тоже принадлежит Соннике.

И девушка показала на домики на берегу реки — это были знаменитые сагунтинские гончарные мастерские. Над их земляными стенами возвышались горны, напоминавшие гигантские пчелиные улья.

Вдруг около дороги, в тени деревьев, раздались нежные звуки свирели, и оттуда выскочил юноша почти ровесник Ранто. Его одежда состояла из овечьей шкуры, скрепленной у левого плеча простой бронзовой застежкой. Глаза юноши горели задором и лукавством, а черные волосы растрепались от ветра. Он невольно привлекал внимание своей юношеской свежей красотой, и сразу бросалось в глаза, что он гончар: его крепкие, худые руки были до локтей выпачканы красной глиной.

Четкий профиль юноши и его нервные движения напомнили Актеону учеников афинских скульпторов. У них был такой же задиристый и лукавый вид, и обычно они давали выход своему хорошему настроению: каждое

утро, перед тем как отправляться в мастерскую, юноши незлобно дразнили мирных граждан, попадавших им по дороге.

— Это Эросион, — пояснила Ранто, нежно улыбаясь своему другу, — хотя он родился в Сагунте, но такой же грек, как и ты.

Юноша, однако, даже не взглянул в сторону девушки: он, не отрываясь, смотрел на незнакомца.

— Ты из Афин, правда? — восторженно воскликнул он. — Да, в этом не может быть сомнения! Ты похож на Улисса, о котором рассказывает Гомер. Я видел его изображение на вазах и барельефах. И осанкой, и одеждой ты напоминаешь супруга Пенелопы. Приветствую тебя, сын Паллады!

— И я приветствую тебя! Ты тоже раб Сонника?

— Нет, — с гордостью ответил отрок, — Ранто — раба, но когда-нибудь перестанет быть ею, а я свободный гражданин. Мой отец, Мопсо, грек из Родоса, — первый стрелок Сагунта. Когда он приехал сюда, все его имущество состояло из лука и колчана стрел, а теперь он богат и после последнего похода против турдетанцев он стал первым человеком в Сагунтинской армии. Сонника меня любит. Это она назвала меня Эросионом: ребенком я был очень похож на Амура. Да, я работаю в ее мастерских, но не принадлежу к простым рабочим, которые разминают глину или вертят станки, чтобы придать вазам форму. Я — художник; обычно леплю листья и разных животных, однажды по памяти изваял голову Дианы, а на днях вылепил из глины великий герб Сагунта! На нем изображен корабль с тремя рядами весел, а над ним возвышается богиня Победа, которая держит в руках лавровый венок. Я могу, если хочешь, сделать твой портрет...

Юноша вдруг смутился: он словно устыдился своих последних слов и, помолчав, продолжил с тихой грустью:

— Но ты только посмеешься надо мной, иностранец! Ты приехал из той великой страны, о которой столько рассказывал мне отец. Ты видел Парфенон, Афины Палладу, чудеса Фидия!.. Как бы я хотел поглядеть на это все! Как только приходит какой-нибудь ко-

рабль из Греции, я в тот же день убегаю из мастерских и целый день провожу в тавернах. Я пью вместе с ними вино, дарю им неприличные статуэтки только для того, чтобы они рассказали мне о Греции: о храмах, статуях, картинах, но их рассказы не успокаивают, а с каждым разом все сильнее возбуждают мое воображение... Ах, если бы Сонника позволила мне отплыть на одном из тех кораблей, которые держат свой путь к берегам Греции!..

Он горько вздохнул, но тут же улыбнулся и энергично добавил:

— Только милая Ранто удерживает меня. Если бы не она, я давно бы нашел какого-нибудь капитана, и если бы не было другого выхода, проданся в рабство, чтобы приплыть в Грецию и сделаться одним из тех художников, которых там чтут наравне с богами!

Некоторое время все шли молча. Юноша, взявший за руку Ранто, снова улыбнулся.

— А зачем ты приехал сюда? — спросил он Актеона.

— Затем, что и твой отец: у меня нет денег, и я хочу предложить свои услуги Сагунту, защищая его интересы в предстоящей войне.

— Поговори с Мопсо, моим отцом. Ты найдешь его или на Форуме, или в Акрополе, около храма Геркулеса, где обычно собираются сенаторы. Он обрадуется тебе: мой отец любит своих соотечественников.

Снова наступило молчание. От наблюдательного грека не укрылись нежные взгляды молодых людей и тайные пожатия их сплетенных рук. Эросион, исполняя молчаливую просьбу своей возлюбленной, вынул из сумки тростниковую свирель и стал тихо наигрывать нежную мелодию.

Грек догадался, что его присутствие тяготит молодую парочку, тем более, что они стали постепенно сворачивать с дороги в лес.

Актеон начал прощаться:

— Прощайте, дети. Не торопитесь — молодость всюду приходит вовремя. Мы, наверное, еще увидимся в городе.

— Да хранят тебя боги, чужеземец, — ответила Ранто. — Если тебе что-нибудь нужно, ты можешь встретить меня на Форуме: я буду продавать там сыр.

— Прощай, афинянин. Поговори с моим отцом, но не выдавай, с кем ты встретил меня.

В главных воротах города Актеону пришлось остановиться: в узком крытом проходе собралось слишком много народа, лошадей и телег. В городе, почти у самой стены, высился храм Дианы, один из древнейших в мире, слава и гордость сагунтинцев. Актеон равнодушно посмотрел на его крышу из толстых можжевеловых досок и поспешил в Сагунт. Пройдя через ворота, он сразу же очутился на прямой улице, в конце которой возвышались городские здания с лепными аркадами, под которыми постоянно собирался народ. Это был Форум.

Улица, которая вела к Форуму, напомнила Актеону прибрежную часть Пирея. Там селились негоцианты и ремесленники, по большей части греки. Но сагунтинский Форум был намного оживленнее. Жизнь там кипела повсюду. Рабы таскали тюки с товарами; юноши с небольшими завитыми бородками что-то писали на восковых дощечках. Около них на маленьких столиках лежали образчики товаров: пригоршни ржи или мотки шерсти, куски редких минералов. Продавцы, облокотившись о прилавки, громко торговались с покупателями, клянясь всеми богами, что торговля только разоряет их, не принося никакой прибыли.

У порога нескольких лавок хозяева, одетые в яркие цветные одежды, лишь молча прислушивались ко всему происходящему, зорко поглядывая по сторонам и с важным видом поглаживая надушенные бороды. Это были африканские, азиатские, карфагенские, египетские и финикийские купцы, хранившие в своих домах бесчисленные сокровища: золотые украшения, слоновьи бивни, страусиные перья и многое другое.

В дверях иногда появлялись женщины в белых одеждах, которых тесным кольцом окружали рабы. Выставленные среди прочего товара, привезенные из разных мест редкостные птицы, торжественно распускали свои разноцветные хвосты.

Актеон довольно равнодушно посмотрел на все это и вошел на Форум. Наступил базарный день, и весь город собрался на центральной площади. Селяне разложили на земле около портиков фрукты и овощи; пастухи — круги сыров и кувшины с молоком; женщины из порта, загорелые и почти голые, предлагали свежую рыбу, лежавшую в огромных камышовых корзинах. По краям площади стояли горные пастухи и, вооружившись копьями, сторожили коров и лошадей, приведенных для продажи. Это были кельтиберийцы, которые, если верить городским сплетням, не отказывались и от человеческого мяса; на площади они чувствовали себя крайне неуютно, недружелюбно посматривая на тесноту и сутолоку, столь не свойственные их бродячей жизни. Крепко сжимая древки копий, они злобно посматривали на наемников, охранявших того сенатора, которому в базарные дни поручалось вершить правосудие.

На площади торговали люди разных национальностей. Важно шествовали добродетельные граждане в сопровождении рабов, которые несли провизию, закупленную на всю следующую неделю. Велеречивые греки в широких хламидах шафранного цвета долго торговались, прежде чем купить какую-нибудь безделицу. На Форум приходили иберийцы, утратившие с течением времени часть своей природной грубости, старавшиеся всячески подражать грекам, народу, который в то время пользовался наибольшим уважением. Сюда же приезжали и жители из центра страны, у которых желание побывать на базаре побороло застарелую ненависть к городу и грекам.

Несколько кельтиберийских воинов, не слезая с лошадей и не выпуская из рук копий и покрытых бычьей шкурой щитов, неторопливо разъезжали по Форуму. Они оделись в кожаные латы, и, тревожно поглядывая по сторонам, казалось, с минуты на минуту ожидали нападения. В это время их жены бродили по всему рынку и, останавливаясь, осматривали с детским восторгом лавку какого-нибудь грека, торговавшего стеклянными бусами или бронзовыми ожерельями и браслетами.

Плащи из тонкого льна и пурпура мешались в толпе с голыми спинами рабов и кельтскими черными

шерстяными сагумами. Греческие прически с красными лентами, яркие соломенные колпачки, похожие на огненные блики, низкие лбы, считавшиеся верхом красоты, соседствовали с прическами кельтиберийских женщин, подстригавших волосы, чтобы лбы казались еще больше. Некоторые из них носили на шее стальную полоску, напонавшую ошейник, от нее вверх поднимались железные тонкие прутья, соединявшиеся над головой. Сверху на них набрасывалось покрывало, оставлявшее открытым огромный лоб, блестящий, как луна.

Актеон долго любовался странными прическами и мужественным видом кельтиберийских женщин. Его интуиция подсказывала, что было бы небезопасно рассматривать сидевших верхом на лошадях варваров, с ненавистью поглядывавших на селян и купцов. Это были слишком хищные птицы. Чтобы сытно жить в своих горных ущельях, они часто прибегали к разбою. Окруженный такими соседями, Сагунт неизбежно, рано или поздно, должен был подвергнуться нападению.

Размышляя таким образом, грек вошел в портик, где среди палаток брадобреев, мянял и продавцов вина собирались праздные люди. Все это отдаленно напоминало главную площадь его родного города. Важные граждане, сидя на принесенных из дома складных стульях, слушали новости; сплетники переходили от одной группы к другой, передавая самые поразительные известия; подхалимы, выпрашивающие приглашение на ужин, льстили богачам и дурно отзывались о прохожих; лишившиеся места учителя крикливо спорили о каком-нибудь правиле греческой грамматики; молодые граждане жаловались на старых сенаторов и утверждали, что республика нуждается в более твердом и строгом правлении.

Много говорили о последних победах над турдетанцами. Теперь они долго не посмеют поднять головы; их царь Артабан, забившийся в самый дальний угол своих владений, получил хороший урок. И молодые сагунтинцы с гордостью смотрели на висевшие на пилястрах копья, щиты и каски — их победные трофеи. Это было оружие турдетанцев, убитых или взятых в плен. В палатках брадобреев продавались украшения, добытые у

врагов сагунтинскими воинами. Но никто не желал больше приобретать их. Город был наполнен такой добычей: сагунтинское войско пригнало множество телег с вещами, целые полки пленных и огромное количество скота.

Около храма, где обычно совершалось правосудие, располагался рынок рабов. Одни из них сидели, понурившись, прямо на голой земле, обхватив руками колени. Рожденные в неволе, покорно, с животным безразличием, ждали они своего нового хозяина; их тела почти высохли от голода, а грязные головы были покрыты белыми тряпками. Остальные, которых охраняли с большим вниманием, были все, как один, бородаты, и на их головах лежали терновые венки, означавшие, что это пленные. Это были турдетанцы, не сумевшие внести за себя выкуп. Одна мысль о том, что они попали в рабство, заставляла их глаза блестеть яростным огнем. Многие из них были закованы в цепи, у многих кровоточили открытые раны.

Сагунтинцы равнодушно смотрели на своих бывших врагов, превращенных в вещь, почти в ничто суровыми законами войны, и, через минуту уже полностью забыв о них, рассуждали о делах города, о борьбе партий, которая, после вмешательства римлян, как будто немного поутихла. На ступенях ближайшего храма еще виднелись пятна крови обезглавленных друзей Карфагена, и приверженцы Рима громко выражали свое одобрение энергичному поступку посланников республики. Теперь, находясь под покровительством Рима, город будет жить спокойно.

Актеону, внимательно слушавшему эти разговоры, вдруг показалось, что среди людей, стоявших на ступенях храма, находится тот кельтибериец, который накануне в таверне убил римлянина. Но знакомый черный сагум тут же затерялся в толпе, и грек так и не узнал, действительно ли это был его старый знакомый.

Утро уже прошло. Актеон много времени провел на рынке; пора было подумать и о делах. Грек вспомнил о предложении юного художника Эросиона и решил попросить помощи у его отца. Он подумал, что обязательно должен встретить стрелка Мопсо в Акрополе и,

не медля больше ни минуты, направился туда по узким, мошнным булыжником улочкам.

Пройдя под широким каменным сводом, он очутился на самой вершине горы, на площади, на которой могло бы поместиться несколько общественных зданий, напоминавших о тех временах, когда город еще не был так велик. С высоты Акрополя виднелись бескрайние поля, принадлежавшие торговой республике. Они простирались вдоль морского берега, до границ страны Олькадов. По берегам реки Беатис-Перкес раскинулись деревенские хижины и виллы знатных граждан, а по склону горы веером развернулся город.

Актеон осмотрел в Акрополе зал, где собирался сенат; монетный двор; храм, где хранились сокровища республики; арсенал; казарму наемных войск и возвышавшуюся надо всем этим башню Геркулеса, откуда яркие огни, вторя сигналу сторожевых башен, распространяли тревогу по всему Сагунту и его окрестностям. В тот день в Акрополе царило необычайное оживление: рабы под началом греческого художника энергично и ловко доделывали последние украшения храма, воздвигнутого в Акрополе Сонником в честь богини Минервы.

Сагунтинцы, пришедшие в Акрополь полюбоваться родным городом, и наемники, чистившие доспехи у дверей казармы, с любопытством оглядывали грека.

Сагунтинец, одетый в красную, римского покроя тогу, подошел к греку и заговорил с ним. Это был человек средних лет, еще довольно крепкий, с добрым, открытым лицом.

— Скажи мне, грек, — спросил он дружелюбно, — зачем ты приехал сюда? Ты купец или мореход? Не хочешь ли ты купить серебро, которое добывают кельтиберийцы в своих горах?

— Нет. Я хочу предложить свои услуги республике.

Сагунтинец грустно улыбнулся и заметил:

— Я бы должен был сам догадаться об этом, как только увидел оружие... Солдаты, все идут в солдаты! В прежние времена в городе трудно было увидеть меч или кинжал. К нам приплывали чужестранцы, привозили

свои товары и увозили наши, и мы жили мирно. Теперь греки и римляне приезжают с оружием. Сторожевые псы, желающие пасти стадо, спокойно кормившееся раньше и без них. При виде той радости, с которой наши юноши рассказывают о последнем походе против турдетанцев, мне становится страшно за судьбу города и моих близких. Сейчас мы сильнее, чем прежде, но откуда мы знаем, не явится ли скоро к нам более сильный и не наденет ли на нас рабских цепей?

Он с грустью посмотрел на любимый город.

— Чужестранец, — продолжал сагунтинец, — мое имя Алько, друзья прозвали меня "осторожным". Старейшие сенаторы внимают моим речам, но молодежь не желает слушать меня. Я торговал, путешествовал по свету, у меня есть жена и дети, и я считаю, что только в мире кроется благоденствие народов, и этот мир следует сохранять всеми силами.

— Я Актеон, афинянин. Я был мореплавателем, но во время бури погибли мои суда; я был купцом и потерял все свое состояние. И Меркурий, и Нептун обошлись со мной жестоко. Я много испытал, много страдал, а теперь я вынужден продавать свою кровь.

— Ты поступаешь опрометчиво, афинянин: раньше ты был человеком, а теперь хочешь стать волком. Знаешь, что мне нравится в твоём народе? То, что вы смеетесь над Геркулесом и его подвигами и поклоняетесь Палладе Афине. Презираете силу, превознося величие ума и искусства.

— Сильная рука так же необходима, как и голова, в которую Зевс вдохнул небесный огонь разума.

— Да, но эта рука может поразить голову.

Актеона рассердили последние слова старика, и он захотел поскорее расстаться с ним.

— Знаешь ли ты стрелка Мопсо? — спросил грек.

— Знаю, он обычно проводит время около храма Геркулеса. Ты узнаешь его по оружию, с которым он никогда не расстается. Он из тех, кого привлек сюда дух войны.

— Прощай же, Алько.

— Да хранят тебя боги. Прощай, афинянин.

Актеон отправился дальше и по дороге встретил грека с луком и колчаном за плечами. Его сильные мускулистые руки словно говорили о том, сколько надо затратить сил, чтобы натянуть тугой лук. Грек понял, что перед ним знаменитый стрелок Мопсо.

Он обратился к Актеону с тем уважением, с которым обращались к афинянам греки, проживающие вдали от родной земли.

— Я поговорю о тебе в сенате, — ответил стрелок на просьбу Актеона. Моего слова будет достаточно, чтобы тебе дали приличное место. Ты сражался где-нибудь?

— Я участвовал в войне с лакедемонянами под началом Клеомена.

— Знаменитый полководец. До нас дошли рассказы о его подвигах. Что стало с ним?

— Я оставил его, когда он, побежденный, но не падший духом, бежал в Александрию. Там он жил под покровительством Птолемея. Однако я недавно узнал в Новом Карфагене, что из-за придворной интриги он впал в немилость, правитель подослал к нему убийц и Клеомен с двенадцатью товарищами погибли, отчаянно защищаясь.

— Достойный конец... Где ты обучался военному искусству?

— Я начинал в Сицилии и Карфагене в лагерях наемников, а кончил свое образование в Пританее в Афинах. Мой отец, Лизастр, состоял на службе у Гамилькара и был казнен карфагенянами.

— Хорошая школа и достойный отец. Раньше, когда я еще странствовал по свету, до моего слуха долетало это имя... Если хочешь, ступай в гоплиты, будешь воевать в первых рядах фаланги, на тебе будет тяжелое вооружение, а в руках пика... Впрочем, нет! Вы, афиняне, предпочитаете сражаться налегке. Ваше преимущество в быстроте, а не в силе. Ты станешь пельтастом, этих воинов называют так из-за легкого щита, пельты.

Мимо двух греков прошли несколько стариков, и Мопсо низко поклонился им.

— Это сенаторы, — пояснил он, — они собираются вместе в людные базарные дни. Многие из них

прибывают сюда на носилках из своих поместий. Они всегда собираются там, около той колоннады.

Актеон видел, как старцы усаживались в деревянные кресла с изогнутыми ножками. Их сразу же окружила толпа любопытных, в которой были люди разных национальностей. На прибывших из долины бородатых, смуглых иберийцах были надеты подбитые шерстью куртки, короткие, обоюдоострые мечи висели через плечо, а на головах красовались шапки из такой твердой кожи, что во время сражений они могли служить щелмами. Греческие же купцы были задрапированы в белые хламиды; золотые обручи перехватывали волосы. Они напоминали чем-то легендарных греческих царей, отправившихся воевать против Трои.

Между ними Актеон заметил гиганта с черными курчавыми волосами. Его красная мантия, ниспадавшая мягкими складками, не могла скрыть мускулистого, накаченного тела.

— Это Терон, — объяснил стрелок. — Главный жрец Геркулеса. Поразительный человек. Он получил лавровый венок в олимпийских играх. Убивает быка одним ударом.

Актеону показалось, что между сенаторами промелькнула знакомая фигура кельтиберийского пастуха, но стрелок вновь заговорил, и грек вынужден был обернуться.

— Заседание начинается. Я должен стоять на ступенях храма и ожидать приказаний. Поди, Актеон, и пожди меня на Форуме. Там ты встретишь моего сына. Ты говорил, что уже видел его? Наверное, с ним была эта юная рабыня Сонники? Не смущайся, Актеон, не лги. Я сам догадался. Ах, дети! Этот бродяга вместо того, чтобы работать, праздно бегаёт по полям вместе с рабой!

Несмотря на строгость последних слов, в голосе стрелка послышалась нежность: он, очевидно, всем остальным своим детям предпочитал этого свободолюбивого юного художника, на целые недели исчезавшего из отчего дома.

Греки расстались. Когда Актеон направился было к Форуму, он снова заметил таинственного кельтиберийца.

Входя в портик, грек услышал громкие крики и свист. Несколько разодетых в пух и прах молодых людей важно пробирались в толпе, не устаивая вниманием насмешки, раздававшиеся в их адрес.

Это были сыновья знатнейших граждан Сагунта, богачи, всеми силами стремившиеся походить на афинскую аристократию. Актеон улыбнулся, видя, как забавно сагунтинцы подражали своим далеким кумирам.

Впереди шел Лакаро, сопровождавший Соннику во время ее утреннего посещения храма Афродиты. За ним следовали остальные юноши, все, как один, одетые в ткани ярких расцветок, легкие и очень прозрачные. Их наряды напоминали одежду гетер на пирах. Бритые щеки были нарумянены, глаза подведены темной краской; завитые, напомаженные и надушенные волосы перевиты лентами. У многих из них в ушах висели серьги, а на запястьях звенели браслеты. Иные опирались на юных рабов, которые своими своими округлыми формами больше напоминали девушек. Не обращая внимания на брань и насмешки толпы, они беседовали о греческих стихах, сочиненных кем-то из них по дороге. Юноши прерывались только для того, чтобы приласкать своих рабов или поклониться знакомым. В глубине души они были очень довольны скандалом, вызванным их появлением на Форуме.

— Не уверяйте меня, что они подражают грекам, — кричал в одном конце площади старик в грязной, заштопанной мантии педагога. — Гнев богов падет на этот город. Верно ли то, что наш отец Зевс в минуту страсти украл Ганимеда? А Леда? И все бесчисленные красавицы, которые поклонялись пламенному властителю Олимпа? Хороша бы была гармония мира, если бы люди стали подражать богам и оделись бы женщинами, как эти дураки! Хотите посмотреть на грека? Вот он! Это настоящий сын Эллады.

И старик указал на Актеона, который тотчас оказался в центре внимания.

— Ты будешь смеяться, иностранец, над этими несчастными, так грубо подражающими нравам твоего отечества! — продолжал возмущаться этот нищий циче-

рон. — Знаешь, я философ. Единственный философ в Сагунте, и поэтому этот неблагодарный народ дает мне спокойно умирать с голоду. В молодости я был в Афинах, учился в тамошних гимназиях, потом отправился бродить по свету, искать истины. Я знаю, что раньше говорили люди о душе и мире. Хочешь, я расскажу тебе на память целые параграфы из Сократа и Платона или речи великого Диогена? Я знаком с твоим отечеством и стыжусь за свой город, когда смотрю на этих дураков. Знаешь, кто виновник всех постыдных чудачеств? Сонника, бывшая куртизанка, которая кончит тем, что окончательно превратит Сагунт в вертеп, разрушив грубые, но здоровые нравы прежнего времени.

При имени Сонники в толпе раздался неодобрительный гул.

— Вот видишь, — еще яростнее закричал философ, — они ее поклонники, рабы, избегающие правды. Имя Сонники для них божественно. Посмотри вот на этого! Сонника дала его отцу большую сумму денег без процентов на покупку зерна в Сицилии, поэтому он не может слышать, когда ее кто-то осуждает. А другой защищает ее, потому что она выкупила его отца из рабства, и все они, готовые сейчас растерзать меня, все получили милости из ее рук и постараются хорошенько отомстить мне за мои слова. Они, рабы, отчаянно защищают ее, а так как их много, то правительство не смеет наказать эту гречанку, сумасбродства которой позорят весь город. Ну, бейте меня, червяки! Бейте единственного смелого человека в Сагунте!

Молодежь удалилась, осыпая насмешками разошедшегося философа.

— Ты должен был быть более благодарным, — сказал один из юношей, — ведь ты каждый день ужинаешь у Сонники.

— И сегодня буду у нее ужинать, — дерзко ответил философ, — ну, так что из этого? Я ей в лицо могу высказать все, что говорил здесь! И она, как всегда, начнет смеяться, и разрешит мне сесть за стол, а вы будете глотать слюнки в ваших домах, мечтая о ее ужине. Вас даже не пустят на порог!

— Неблагодарный! Паразит! — воскликнул, презрительно пожимая плечами, один из молодых людей.

— Благодарность украшает только собак; человек доказывает свое совершенство, понося тех, кто ему покровительствует... Если не желаешь, чтобы философ Евфобий был паразитом, то и содержи его, беря плату мудростью.

Но он напрасно тратил свое красноречие: все его слушатели исчезли. Около него остался только Актеон, который с интересом рассматривал человека, жившего в чужом городе и, однако, так похожего на тех голодных философов, которые постоянно вертелись вокруг академии в Афинах.

Заметив наконец, что он остался один, Евфобий взял грека за руку.

— Ты один достоин того, чтобы слушать меня. Видно, что ты умеешь различать людей по их достоинствам.

— Кто эта Сонника, которая так возмущает тебя? Знаешь ли ты что-нибудь о ее жизни? — спросил афинянин, желавший узнать прошлое женщины, о которой толковал весь город.

— Как не знать! Тысячу раз она сама рассказывала мне о своей юности в минуты меланхолии и скуки. Когда я более не в силах смешить ее своей мудростью, она начинает вспоминать о своем прошлом, не стесняясь никаких нескромных подробностей, точно разговаривает с собакой. Но это длинная история.

Философ прищурился и показал глазами на открытую дверь небольшого дома, за которой виднелись ряды амфор.

— В доме Фульвия нам будет удобнее. Это благороднейший римлянин, он поклялся никогда не иметь дела с водой. У него есть удивительное ауронское вино. Даже сюда доносится его аромат.

— У меня нет с собой ни одного обола.

Философ еще раз вдохнул заманчивый запах вина и неодобрительно махнул рукой. Однако несмотря на отказ, он ласково посмотрел на грека.

— Ты все равно достоин того, чтобы слушать меня! Ты беден, как и я, среди этих купцов, набивающих сереб-

ром свои кошельки... Если нет вина, пойдем гулять — это освежает мысли. Я стану обращаться с тобой, как Аристотель со своими любимыми учениками.

И, прохаживаясь вдоль портиков, Евфобий начал рассказ о жизни Сонники.

Она предполагала, что родилась на Кипре, знаменитом острове любви. На тех побережьях, где, по словам поэтов, из пены морской вышла Афродита, где женщины искали моряков, чтобы отдаться им в память богини любви. От такой встречи и родилась Сонника. Она смутно помнила первые годы своей жизни, проведенные на палубе корабля. Ее кормили, как и живущих на корабле котят, и так же пренебрегали ею. Она побывала во многих портах, но мир видела только издали, словно во сне, так как никогда не сходила на берег.

Прежде чем повзрослеть и стать настоящей женщиной, она сделалась любовницей хозяина судна, одного самосского моряка. Потому ли, что она ему надоела, или из-за выгоды он продал ее беотийцу, содержащему публичный дом в Пирее. Маленькой Соннике не было еще и двенадцати лет, а она уже выделялась своей яркой красотой среди других блудниц Пирея.

Иностранцы, шулера, юноши, сбжавшие ст родителей, жили на одной из окраин Афин, которая вилась около портов Пирея и Фаралоо и входила в состав предместья Эстирон. Едва на землю опускалась ночь, как все развратники города собирались на главной площади Пирея между крепостью и портом, где прогуливались проститутки, которых только в сумерки выпускали на свободу. Под портиками молодежь играла в кости, странствующие философы отчаянно спорили, моряки рассказывали о своих путешествиях; и среди этой разношерстной толпы бродили проститутки в ярких, прозрачных покрывалах. Здесь выросла и молодая дочь Кипра, сходясь каждую ночь то с хлеботорговцем из Вифинии, то с продавцом кож из Великой Греции, с купцами, которые перед возвращением тратили часть приобретенных денег на афинских куртизанок. Дни Сонника проводила в доме, единственным украшением которого была только вывеска заведения. Двери дома всегда были открыты настезь.

Плотная завеса, закрывавшая вход, отдергивалась, и в открытом внутреннем дворике виднелся живой товар дома: женщины, истощенные страстью, и еще не сформировавшиеся девочки. Тут мешались между собой и темные египтянки, и бледнокожие гречанки, и смуглые азиатки.

Сонника, звавшаяся тогда Мирриной (именем, которое дали ей моряки), устала от жизни в этом доме. Здесь жили только рабыни, которых беотиец жестоко бил, если посетитель уходил недовольным. Ей противно было получать два обола — цену, установленную законом Солона, — из мозолистых рук, причинявших ей боль, ее тошнило от пьяных и грубых людей, сменявшихся все новыми и новыми, с тем же приливом желаний, с теми же капризами и требованиями.

Однажды она в последний раз посетила храм Венеры Пандемонийской, — построенный Солоном на главной площади Пирея, — положила по оболу у статуи Венеры и ее вечной спутницы Пифо — двух богинь, высоко чтимых куртизанками, что она делала часто, прежде чем отдаться на берегу моря своим случайным любовникам. Потом Миррина двинулась в город, радуясь свободе и надеясь со временем стать одной из афинских гетер, красотой которых часто любовалась издали. Она жила, как жили свободные и бедные портовые проститутки. Первое время она иногда вынуждена была голодать целыми днями, но считала себя гораздо счастливее своих бывших товарок из Фаралейского порта или предместья Эстирон — рабынь публичных домов.

Местом ее деятельности стал Керамикон, окраина Афин, где находились сад Академии и гробницы знаменитых граждан, погибших за республику. Днем известные гетеры присылали туда своих рабов — узнать, написаны ли их имена на стенах Керамикона. Афинянин, жаждавший любви какой-нибудь куртизанки, писал на стене ее имя и цену, которую он мог бы предложить, и если предложение принималось, то гетера ждала клиента у его надписи. При дневном свете гетеры показывались там почти обнаженные, с венками роз, посыпанных золотой пудрой. Поэты, риторика, артисты и именитые граждане прогуливались по зеленым садам или под от-

крытыми портиками Керамикона, беседуя с куртизанками и изо всех сил стараясь остроумно ответить им.

Ночью же толпа бедных, оборванных женщин слонялась между гробницами знаменитостей. Это были старые куртизанки, зарабатывавшие хлеб на том самом месте, где когда-то блистали красотой молодости; женщины, сбежавшие из публичных домов; рабыни, на несколько часов скрывшиеся от хозяев; и простые женщины, которые надеялись с помощью проституции хоть как-то облегчить свою трудную жизнь. Они прятались под густыми кустами лавра, и, когда шаги какого-нибудь запоздалого прохожего нарушали тишину Керамикона, отовсюду начинали раздаваться слабые призывы. Часто, увидев солдата, которому было поручено собирать с куртизанок пошлину, установленную законом Солона и составлявшую главнейший доход Афин, женщины обращались в бегство. Проходивший здесь в полночь после пира грек чувствовал вокруг себя дыхание невидимого мира, слышал стоны и видел колыхающуюся зеленую траву. Поэты, смеясь, говорили, что это вздохи великих умерших людей раздаются из могил.

Такую жизнь вела Миррина до пятнадцати лет, проводя ночи на Керамиконе, а дни — в хижине старухи из Фессалии, которая, как все ее соотечественницы, жила тем, что продавала любовные эликсиры и раскрашивала лица постаревших куртизанок.

Чему только не научилась маленькая проститутка у этой костлявой и безобразной старухи! Она помогала ей примешивать свинцовые белила к рыбьему клею, чтобы этой мазью разглаживать морщины; приготавлила муку из бобов для растирания груди и живота, что придавало гладкость и упругость коже; наполняла флаконы антимонием, придающим блеск глазам; распускала кармин, чтобы слегка подкрашивать губы. Она с величайшим вниманием выслушивала советы старухи, преподававшей своим ученицам искусство выставить достоинства и скрывать недостатки. Старая фессалийка советовала маленьким полным девушкам носить пробковые толстые подошвы, а высоким — тонкую обувь. Она изготавливала выпуклости для худых, корсеты для полных; красила се-

дые волосы; а тем, у кого были хорошие зубы, советовала смеяться после каждого слова.

Молодая девушка пользовалась доверием старухи и потому помогала ей в самых опасных предприятиях: составлении любовных эликсиров, которое преследовалось по закону. Наиболее состоятельные гетеры, жаждущие любви или мести, тоже обращались к искусству старухи. Чтобы помочь бессилию мужчины или бесплодности женщины, надо было в их чашу вина пустить маленькую рыбку; чтобы привлечь любовника, надо было на огне из веточек тмина и лавра испечь мучную лепешку без дрожжей; чтобы обратить любовь в ненависть, надо было идти по следам этого человека, ступая правой ногой в след его левой ноги и приговаривая: "Против тебя иду по следам твоим". Если клиентки желали возвратить охладевшего любовника, то старуха вертела в руках бронзовый шар, моля Венеру, чтобы названный человек также вертелся у дверей бывшей любовницы. Если же это не помогало, то колдунья бросала в костер восковую фигурку любимого человека, обращаясь ко всем богам с просьбой, чтобы его сердце растопила любовь, как растопилась восковая куколка. Эти заклинания часто подкреплялись смесями, составленными из разных возбуждающих средств, доводивших иногда до смертельного исхода.

В одну лунную весеннюю ночь случайная встреча заставила Миррину навсегда оставить лачугу фессалики. Ее зов, слабый и нежный, как стон, привлек внимание человека в белом плаще, с венком из увядших роз. По блеску глаз и нетвердой походке можно было наверняка предположить, что он сильно пьян.

Миррина тотчас же догадалась, что это знатный гражданин, который возвращается с пира. Это был поэт Сималион, молодой аристократ, получивший лавровый венок на олимпийских играх и считавшийся в Афинах наследником Анакреона. Его стихи пели под аккомпанемент лиры самые знаменитые гетеры, а добропорядочные гражданки читали их, краснея от волнения, в уединении гинекея. Прославленные красавицы Афин ссорились из-за одного его взгляда. Слабый здоровьем, он часто разъезжал по отдаленным провинциям Греции, но лишь только

мучившее его кровохарканье прекращалось и самочувствие улучшалось, он бросал лечение и возвращался к своим пирам, к гетерам и прелестным грешницам, переходя из одних объятий в другие, платя за щедрые ласки стихами, которые тут же облетали весь город.

Возвращаясь после одной из таких оргий, он встретил Миррину. Увидев при свете луны ее свежую, почти детскую красоту в месте, посещаемом самыми последними проститутками, поэт не поверил своим глазам. Перед ним стояла Психея. Поэт почувствовал такое же наслаждение, как если бы только что досочинял последние строфы прекрасной оды.

Миррина хотела пригласить поэта в хижину фессалийки, но Сималион, ослепленный красотой, увел ее в свой великолепный дворец на улице Треножников, сделав девушку полновластной хозяйкой, окружил рабами и одел в дорогие одежды.

Эта причуда поэта очень огорчила Афины. И в Агоре, и в Керамиконе только и говорили, что о новой любовнице Сималиона.

Знатные гетеры, так желавшие завоевать поэта, оскорбились тем, что он увлекся простой девочкой из публичного дома. Сималион возил ее на своей колеснице, запряженной тройкой лошадей с подстриженными гривами; посвящал ей стихи и дождем из падающих на постель цветов будил свою возлюбленную. Он давал пиры знакомым артистам и наслаждался их восторгом, когда обнаженная Сонника вставала на возвышение, во всем великолепии чистой, юной красоты, возбуждавшей в греках почти религиозное чувство.

Верная Сималиону, сначала из благодарности, а потом из любви к нему самому и его произведениям, она обожала своего поэта и как артиста, и как любовника. Скоро она научилась играть на лире и декламировать стихотворения в разных стилях, прочла всю библиотеку своего друга, без труда могла поддерживать разговор с художниками, посещавшими их вечера, и, наконец, прославилась как одна из образованнейших гетер Афин.

Сималион, все более увлекаясь Сонникой, щедро тратил жизнь и деньги. Для нее он выписывал из Азии

ткани, расшитые фантастическими цветами, золотой порошок для волос, чтобы его возлюбленная была похожа на богинь, изображавшихся в Греции белокурами; поручал купцам привозить из Египта самые свежие розы. Иногда он, измученный болезнью, падал в изнеможении в объятия своей любовницы. После двух лет, проведенных таким образом, в один осенний вечер он, склонив голову на колени Сонники и следя за ее белыми пальцами, перебиравшими струны лиры, в последний раз услышал свои стихи, пропетые любимой. Его слабые руки едва смогли поднять чашу, полную вина. Он сделал последнее усилие, чтобы поцеловать свою возлюбленную. Розы на его венке облетели и покрыли лепестками грудь Миррины; он издал тихий стон, закрыл глаза и упал в объятия женщины, которой посвятил остаток своей жизни.

Молодая женщина оплакивала его с отчаянием вдовы. Она обрезала свои роскошные волосы и возложила их на его могилу; как добродетельные афинянки, оделась Миррина в траурную одежду и стала жить одна в доме, пустом, как гинекей.

Но необходимость поддерживать ту роскошь, к которой Миррина уже успела привыкнуть, иметь лошадей и рабов, заставила ее вспомнить о своей красоте. С головой, покрытой рыжим париком, укутанная прозрачными покрывалами, обрисовывавшими плавные линии ее груди, она появлялась в высоком окне своего дома как богиня. Самые состоятельные афиняне простаивали ночи напролет на улице Треножников, чтобы увидеть вдову поэта, как ее ехидно называли в Керамиконе. Некоторые, более храбрые и нетерпеливые, поднимали указательный палец, в виде безмолвной просьбы, но напрасно ждали они ответа, которым гетеры изъявляли свое согласие, соединяя большой и указательный пальцы.

Через некоторое время афинские аристократы стали стараться проникнуть в дом знаменитой куртизанки. Шли разговоры о том, что в минуты скуки она выпускала ночью к себе молодых скульпторов, создавших первые произведения в садах Академии, или поэтов, читавших непризнанные стихотворения праздным гражданам на Агоре.

Это были люди, которые за ее любовь могли заплатить только несколько оболов, самое большее — драхму. Богачи же, предлагавшие несколько м и н, чтобы только войти в дом, не могли удовлетворить своего желания. Старые куртизанки с некоторым уважением рассказывали о том, что один азиатский правитель, бывший проездом в Афинах, дал Миррине за одну ночь два таланта — то, что тратили за год некоторые греческие республики, а гетера, не тронутая такой щедростью, позволила ему побыть рядом с ней, пока песок не пересыпался из одной склянки в другую. Чувствуя отвращение к мужчинам, она мерила любовь песочными часами.

Сказочно богатые купцы, приезжая в Пирей, искали путей, чтобы попасть в дом Миррины. Они давали взятки бродячим артистам, которых охотно принимали у куртизанки, чтобы получить приглашение на ужин. Некоторые из них, прибывшие накануне с целым флотом, продавали все свои корабли, чтобы только войти в дом поэта, и возвращались домой нищими, но довольные той завистью, которую они вызывали в сердцах своих товарищей.

Так Сонника познакомилась с Бомаро, молодым иберийцем, закинфским купцом, приплывшим в Афины с тремя кораблями, груженными кожами. Куртизанке понравилась его мягкость, так отличавшаяся от грубости остальных торговцев, испорченных беспутной жизнью в портах. Он говорил мало и краснел, будто долгое пребывание на море превратило его в скромную девушку; когда Бомаро просили рассказать о его приключениях, он говорил правдиво и скромно, не упоминая без нужды о пережитых опасностях.

Во время ужина, при их первом знакомстве, Миррину поразили его взгляды, полные нежности и уважения. Этот моряк, воспитанный в колонии, где не было и быть не могло никаких следов Греции, возбудил в куртизанке больше интереса, чем окружавшие ее афиняне и богатые купцы. Запинаясь и путаясь в словах, молил он даровать ему, как милость, одну только ночь, и провел ее не столько в плотском, сколько в духовном восторге перед царственной наготой Миррины.

При отъезде он хотел отдать ей все свое состояние, но Миррина, сама не зная почему, отказалась принять этот дар. Он был богат и одинок, и там, в своей варварской стране, обладал громадными имениями, сотнями рабов, большими гончарными заводами и множеством кораблей, таких же, как и стоявшие в Пирее. Когда куртизанка, ласково улыбаясь, отказалась принять деньги, он купил великолепное жемчужное ожерелье, о котором мечтали все гетеры Афин, и подарил его Миррине.

Однако Бомаро возвращался в Афины несколько раз, не в силах решиться отплыть домой. Он уже отправлялся со своей флотилией в путь, но в первом же порту брал груз для Афин, не торгуясь и не думая о цене, и мчался в дом куртизанки, не решаясь уехать и в то же время боясь, что его присутствие неприятно Миррине.

Кончилось тем, что куртизанка всей душой привязалась к своему смиренному любовнику: Бомаро всегда находился у ее ног и в любую минуту готов был умереть за нее; он выражал свое обожание с горячностью варвара, а не со скептической вежливостью афинян. Она называла его братом, и это слово, которым гетеры называют очень молодых людей, приобретало в ее устах оттенок искренней нежности. Когда Бомаро долго не возвращался из своих поездок на острова, она тосковала и с нетерпением ожидала его возвращения. Миррина не любила его так, как своего поэта, но страстная преданность Бомаро, его любовь, покорная и уважительная, не похожая на похотливые чувства остальных, пробуждала в ней благодарность и признательность.

Однажды ибериец осмелился нерешительно высказаться.

Он не может жить без нее и поэтому никогда не вернется в Закинф; пусть пропадает все его состояние, но расстаться с ней он не в силах. Лучше он станет крючником на Фараллейском молу... И вдруг, как бы для того, чтобы поскорее устранить возможные препятствия, он предложил Миррине стать его женой, обещая передать ей все свое состояние, увести в веселый Закинф, с цветущими полями и горами, похожими на горы Аттики.

Миррина рассмеялась, выслушав его, но в душе была тронута самоотверженностью иберийца, который, желая соединиться с ней в браке, закрывал глаза на ее прошлое. Куртизанка шутливо отказывалась, но Бомаро был настойчив. Неужели она не устала от жизни, где ее покупают, как дорогую вещь? Разве не лучше царить в Иберии, где жители будут восхищаться ее талантами афинянки?

Бомаро благодаря своему упорству в конце концов победил, и в один прекрасный день Афины с грустью увидели, что дом на улице Треножников продан, и рабы грузят на корабли иберийца сокровища, собранные Мирриной за три года безумного успеха.

Куртизанка, чтобы успокоить человека, так всецело ей доверившегося, решила оставить в Афинах свое прошлое. Она решила забыть свое позорное имя и приняла имя Сонники, которое очень ей понравилось.

Приехав в Закинф, моряк и гречанка совершили свадебный обряд в храме Дианы в присутствии сенаторов, к числу которых принадлежал и молодой человек. Весь город ощутил очарование, исходившее от Сонники. Оно напоминало дыхание далеких Афин.

На пирах, когда она пела гимны, сочиненные великими поэтами, вся молодежь готова была пасть к ее ногам и возносить молитвы, как богине. Через год после их брака Бомаро уже почувствовал хозяйскую смекалку этой женщины.

Она следила за работами в поле и на гончарных заводах, присутствовала при разгрузке кораблей, и громадное состояние Бомаро заметно увеличивалось благодаря разумным советам, которые Сонника давала, лежа в тени лавров, в то время как рабыня обмахивала ее веером.

Бомаро, полностью удовлетворенный, часто отправлялся в плавание вдоль берегов Иберии, желая еще больше увеличить состояние, которым так хорошо управляла Сонника. Она жила в окружении греческих юношей, рожденных в Сагунте и желавших узнать у нее поподробнее о нравах и обычаях Афин. Злые языки в городе называли ее "Сонникой-куртизанкой", а народ и

мелкие торговцы, которым она много помогала, "Сонникой-богачкой".

После четырех лет супружеского счастья Бомаро утонул в зимнюю бурную ночь близ Геркулесовых Столпов. И Сонника стала полновластной хозяйкой его состояния и благодаря богатству и доброму сердцу получила огромное влияние в городе. Она, в память погибшего морехода, освободила нескольких рабов, принесла дары во все храмы Сагунта и воздвигла в Акрополе памятник Бомаро, выписав из Афин греческих художников. Своим великодушием она заставила суровых граждан забыть о ее прошлом и безмолвно переносить ее беззаботную свободную жизнь.

Когда прошло время траура, Сонника снова стала давать пиры, выписала из Афин известных флейтистов, игра которых сводила с ума сагунтинскую молодежь. Ее корабли отправлялись в путешествия с единственной целью привозить благовония из Азии, ткани из Египта и фантастические украшения из Карфагена. Слава о ней прокатилась по всей стране и скоро некоторые кельтиберийские царьки стали приезжать в Сагунт, чтобы познакомиться с этой удивительной женщиной, добродетельной, как жрица, и прекрасной, как богиня. Греки восхищались тем, что Сонника возвеличивала превосходство их соотечественников над туземцами, а последние высоко ценили ее щедрость. Ее дом не посещали никакие другие женщины, кроме рабынь и танцовщиц; Сонника была окружена боготворившими ее мужчинами, обращаясь с ними просто, но холодно. Она мечтала только об Афинах, о лучезарном городе ее юности, и на чужбине всячески старалась воссоздать его нравы.

В этом месте своего рассказа философ Евфобий начал горячо отстаивать чистоту жизни афинянки. По словам греков торгового квартала, у Сонники не было любовников, и он, самый злой язык города, уверяет то же самое. Несколько раз она склонялась в пользу кого-нибудь из своих знакомых; Алорко, сын одного из царей Кельтиберии, произвел на нее впечатление. Но в последнюю минуту Сонника отступила, словно испугавшись смешения с низшей расой. Воспоминания об Аттике на-

полняли ее воображение. Если бы в Сагунт приехал какой-нибудь афинский юноша, красивый, как Алкивиад, ловкий, как участник олимпийских игр, она упала бы в его объятия; но дерзкие кельтиберийцы или женоподобные сынки купцов, завитые, раздушенные, ласкающие юных рабов, постоянно сопровождавших их в бани, не могли увлечь ее.

— Ты, афинянин, — продолжал философ, — должен представиться ей, и тебя хорошо примут... Хотя ты и не юноша, — прибавил Евфобий улыбаясь, — у тебя уже седеет борода, но в твоём облике есть что-то, напоминающее царей "Илиады". А в чём состояло величие Сократа? Кто знает, может быть, ты станешь наследником богатств Бомаро? Если это случится, не забудь бедного философа. Я буду доволен амфорой лауронского вина, хотя ты сегодня и не утолил мою жажду...

И Евфобий, смеясь, хлопнул Актеона по плечу.

— Я приглашен к Соннике сегодня вечером, — сказал грек.

— Вот как! Ну, мы тогда еще увидимся. Меня не приглашают, но я прихожу сам, по праву домашней скотины.

Мимо собеседников прошел Алько, миролюбивый гражданин Сагунта, возвращавшийся с Акрополя.

— Это один из лучших людей в городе. Он проповедует добродетель, советует мне работать и забыть философию, но всегда дает что-нибудь выпить. До вечера, иностранец.

И философ побежал за Алько, который, добродушно улыбаясь, поджидал его. Актеон направился было к центру рынка, но его окликнул знакомый детский голос. Это была Ранто, продававшая последние круги сыра. Около нее на корточках сидел молодой гончар. Они ели пирог с луком и, звонко смеясь, вырывали друг у друга куски. Пастушка предложила Актеону кусок пирога и сыру, что он принял с благодарностью, так как ничего не ел с прошлого вечера.

Казалось, что его судьба — получать в Сагунте помощь из рук женщин: это, со времени приезда, случилось уже два раза.

Сидя с двумя детьми, он заметил, что рынок постепенно пустеет. Пастухи гнали свои стада к Морским воротам; кельтиберийские вожди, посадив на лошадей жен, торопились в свои горные жилища.

Актеон снова увидел знакомого кельтиберийца, переходящего от одной группы торговцев к другой и внимательно выслушивающего базарные сплетни. Проходя мимо, он взглянул на грека тем таинственным взором, который пробуждал в последнем тревожные, неясные воспоминания.

Вдруг молодой гончар вскочил, отбежал на несколько шагов и спрятался за колоннадой Форума.

— Он увидел отца, — пояснила Ранто. — Мопсо спускается с Акрополя.

Актеон поднялся навстречу стрелку.

— Моего слова было достаточно, чтобы сенат принял тебя на службу. Городу нужны хорошие воины. Старейшины очень озабочены: опасаются Ганнибала, этого Гамилькарова волчонка, который не простит нам дружбы с римлянами и казни друзей его отца... Держи. Это тебе задаток от республики.

И он протянул горсть монет, которые Актеон пересыпал в свою сумку. Затем Мопсо пригласил его к себе отужинать, но афинянин вежливо отказался, оправдываясь тем, что уже приглашен вечером к Соннике.

Простясь со стрелком, Актеон почувствовал жажду и, вспомнив совет философа, зашел к тому римлянину, лауронское вино которого сводило с ума Евфобия. Он разменял денарий и получил за него глиняный кувшин искрящегося красного вина. В углу лавки два наемника с разбойничьими физиономиями пили пиво. Один из них был ибериец, другой — ливиец, готовый за деньги одинаково служить как родному народу, так и его врагу.

— Я состою в войске Сагунта, — говорил ливиец, — эти купцы платят больше, чем карфагеняне. Хотя я и вполне доволен службой у них, но считаю, что они напрасно сердят Ганнибала. Рим, конечно, имеет большое влияние, но он далеко, а этот львенок — близко. Я его видел ребенком, когда еще служил Гамилькару. Бегает он, как скаковая лошадь; сражается и пе-

шим, и на коне превосходно; одевается, как раб; больше всего на свете ему нравится оружие; спит он на земле, и часто Гамилькар поутру находил его среди сторожей лагеря. Он все хотел видеть собственными глазами и каждый вечер пытался убежать во вражеский лагерь, чтобы наверняка узнать о его слабых сторонах.

Газдрубал, его брат, несколько раз выходил из себя, когда в его палатку врывался старый нищий, и потом хохотал до слез, после того как Ганнибал сбрасывал парик и рубища, которые помогали ему проводить несколько часов во вражеской армии.

Завидев Ранто, собиравшуюся возвращаться на виллу Сонники, Актеон встал из-за стола и, не дослушав ливийца, вышел из таверны.

— Я пойду с тобой, малютка. Ты проводишь меня в дом твоей госпожи.

Солнце склонялось к западу. Вечерние лучи золотили изумрудные виноградные листья и расцвечивали все вокруг огненными бликами. Тихо позванивали колокольчики коров и коз, громыхали телеги и слышались песни возвращавшихся из города крестьян.

Наконец путники добрались до роскошной виллы Сонники. Они миновали жилища рабов, у дверей которых в бесчисленном множестве кишели голые ребятишки. За ними располагались конюшни, из которых кверху поднимался пахучий пар, амбары, голубятня, птичник, и за всеми этими зданиями находилась сама вилла Сонники, о которой с восторгом отзывались даже в самых отдаленных местах Кельтиберии. Вилла утопала в лаврах и кипарисах и была окружена решетчатой изгородью, увитой плющом и дикими розами.

Актеон молчал всю дорогу. Несколько раз Ранто пыталась заговорить с ним, но не получала ответа.

— Смотри, чужестранец, все, что ты можешь окинуть взглядом, — все принадлежит Соннике.

— Смотри, грек, сколько кур. Кажется, все яйца, продающиеся на базаре, — отсюда.

Актеон не обращал внимания на слова пастушки; когда же путники оказались у входа в сад, грек ударил себя по лбу, словно внезапно сделал какое-то открытие.

— Я знаю, кто это был, — сказал он, очнувшись.

— Кто? — удивленно спросила девушка.

— Никто, — ответил он холодно, опасаясь, что сказал лишнее.

В глубине души он был доволен своим открытием. Ему вспомнились слова ливийца в таверне, перед ним промелькнул образ загадочного иберийского пастуха, и все встало на свои места.

Теперь он знал, кто это был. С первой минуты его насторожил взгляд незнакомца: взгляд, который не могло изменить время. Этот взгляд он часто встречал в своей молодости, когда его отец состоял на службе у Гамилькара, а он сам воспитывался в Карфагене.

Этот взгляд принадлежал Ганнибалу.

III

Танцовщицы из Кадиса

Сонника проснулась в два часа дня. Косые лучи солнца пробивались через золоченый переплет окна, увитого дикими розами. Свет играл на ярких алебастровых орнаментах, обрамлявших сцены из олимпийских игр, изображенных на стене, и колоннах из розового мрамора.

Красавица-гречанка отбросила белое покрывало из сегабийского полотна и окинула взглядом свою наготу. Она любовно проследила за всеми очертаниями обнаженного тела от груди до кончиков розовых ногтей.

Роскошные, надушенные, волнистые волосы покрыли ее золотой мантией. Куртизанка любовалась собой с восторгом, который внушили ей похвалы афинских художников.

Она была молода и красива; она могла вызывать трепет и волнение в мужских сердцах, когда в конце пира вставала на стол, обнаженная. Желая убедиться воочию в своей красоте, она провела рукой по упругой шее, по перламутровым выпуклостям груди, оканчивавшимся розовыми бутонами: коснулась атласной кожи с легкой сетью голубых жилок и, мало-помалу, спустилась от глубокой впадины у талии к крепким бедам и мягкой выпуклости живота, напоминавшей выпуклость кратеры*, а отсюда к ногам, гармонию и упругость которых азиатские купцы, посещавшие Соннику в Афинах, сравнивали с хоботом слона.

Любовь окутывала Соннику своим огненным дыханием, но не могла зажечь ее: она жила среди этого пламени холодная и бесчувственная, как мраморная статуя. И видя себя такой молодой, красивой и девственно свежей, Сонника улыбалась, довольная собой, довольная жизнью.

— Одацис!.. Одацис!

На ее зов вошла рабыня-кельтиберийка, высокая, худая, сильная, которую гречанка очень ценила за аккуратность, с которой та расчесывала волосы.

Опираясь на ее плечи, Сонника, улыбаясь, встала с постели, чтобы отправиться в ванну.

Прикосновение голых ног к холодному мозаичному полу, изображавшему суд Париса, заставил Соннику весело рассмеяться. На ее щеках обозначились круглые ямочки, а по спине пробежала легкая дрожь.

Она спустилась в яшмовый бассейн и развела руки, разбрасывая вокруг жемчужные брызги. Ее тело в зеленоватой воде казалось прозрачным, когда она плыла из одного конца бассейна в другой, как сирена.

— Кто приходил, Одацис? — спросила Сонника, вытягиваясь в ванне.

— Приходили танцовщицы. Полиант поместил их около кухни.

— А еще?

— Несколько минут тому назад пришел чужестранец из Афин, которого ты встретила сегодня утром в

---

* Кратер — чаша, в которой вино смешивалось с водой.

храме Афродиты. Я провела его в библиотеку и не забыла о правилах гостеприимства. Пора выходить из ванны.

Сонника улыбнулась, вспомнив об утренней встрече. Она плохо спала и приписывала это беспокойной ночи, проведенной с друзьями на террасе загородного дома и прогулке к городским воротам, продолжавшейся до восхода солнца. Ее несколько взволновала встреча с афинянином — он приснился ей во сне. Сама не зная почему, Актеон сливался у нее с представлением о Зевсе, который спустился на землю в человеческом образе, ища земной любви.

В те минуты, когда она с отвращением расточала в Афинах свои ласки, продавая их за груды золота, у нее появлялось смутное желание быть любимой богом. Сонника размышляла о Леде, о Психее, об изнеженном Ганимеди, любимых жителями Олимпа, и сердилась на невозможность встречи с богом, который взял бы ее в таинственной роше или на краю одной из дорог, ведущих в никуда. Ей хотелось смотреться в глаза, в которых отражается бесконечность; целовать уста, распространяющие высшую мудрость; чувствовать себя рабой в объятиях, обладающих силой и могуществом. Она испытала долю подобного блаженства, любя своего поэта, величественного и недостижимого в минуты вдохновения; но по молодости лет Сонника не смогла оценить того наслаждения, а теперь, достигнув полного расцвета, встречала людей только таких же, каких знала в Афинах. Или грубых и невежественных, или изнеженных и сумасбродных, лишенных той строгой величественной красоты, которую она находила только в статуях.

Выйдя из ванны, она поежилась, как ребенок: при каждом ее шаге с волос легким дождем падали водяные капли.

По зову Одагис вошли три рабыни. Они обычно делали массаж своей госпоже.

Сонника отдалась в руки женщин, которые начали растирать и вытягивать ее члены, чтобы придать им гибкость. Затем она села в кресло из слоновой кости и в таком положении стала ждать, когда рабыни приступят к ее туалету.

Одна из них, почти еще девочка, одетая в тунику с широкими полосами, присела на пол, держа большое медное зеркало, в котором Сонника могла видеть всю верхнюю часть своей фигуры. Другая разложила на мраморном столе принадлежности для утреннего туалета, и Одацис начала расчесывать гребнем из слоновой кости роскошные волосы своей госпожи. Прочие рабыни поднесли бронзовую патеру. В ней был порошок, который афинянки употребляли для придания коже гладкости и эластичности. Служанки натерли им лицо, упругие груди, торс, бедра и ноги гречанки, покрыв все тело сплошным блестящим слоем. Места, где кожа была покрыта пушком, они промокнули особым составом из укуса и кипрской земли.

Сонника безучастно следила за всеми этими приготовлениями.

Одацис продолжала причесывать ее. Она собрала вместе роскошные волосы, спускавшиеся блестящим каскадом, осторожно обвила их вокруг руки, словно огромную золотую змею, разделила на пряди, а потом осторожно начала расчесывать гребнем из слоновой кости, лежавшим на столе, — настоящее произведение искусства с резной верхней частью, представляющей шаловливых нимф, преследующих оленей, и безобразных сатиров, пытающихся поймать обнаженных красавиц.

Высушив волосы, рабыня приступила к их окраске. Из маленькой амфоры с широким горлышком она смочила голову Сонники раствором шафрана и аравийской камеди и, открыв маленькую шкатулочку, полную золотого порошка, посыпала им густые пряди. Затем, завив пряди на висках железной палочкой, гревшейся в жаровне, собрала массу волос на затылке, перевив их крепкой красной перевязью, и закончила прическу, придав верхним прядям форму огненных язычков.

Сонника привстала. Две рабыни принесли массивную амфору с молоком и губкой стерли с тела своей госпожи слой порошка. Кожа Сонники засверкала еще ярче и ослепительнее.

Одацис, с серебряными щипчиками в руках, осмотрела тело своей госпожи с вниманием художника, за-

канчивающего великое произведение искусства. Рабыня очищала кожу от малейших волосков; и никто не мог сравниться с ней в аккуратности, с которой она удаляла едва видимый пушок. Ее щипчики вырвали несколько тончайших волосков, показавшихся было под мягкой округленностью живота, там, где растительность безжалостно истребляется греками.

Одацис заставила Соннику сесть обратно в кресло из слоновой кости и принялась за туалет лица. На столике под ее рукой выстроился целый ряд стеклянных флакончиков, алебастровых сосудов, бронзовых и серебряных ящичков, коробочек из слоновой кости, инкрустированных золотом, — все резное, украшенное драгоценными камнями и содержащее египетские и европейские эссенции, аравийские благовония, доставляемые купцами из центра Азии в финикийские порты, а оттуда в Грецию и Карфаген, и приобретаемые для Сонники кормчими ее судов во время торговых поездок.

Одацис покрыла лицо куртизанки слоем белил, а затем, смочив деревянную палочку в розовой эссенции, обмакнула ее в темный состав, хранившийся в бронзовой шкатулочке. Этот порошок назывался кохель. Египетские купцы продавали его за баснословные деньги. Рабыня тронула палочкой веки гречанки, окрасив их в черный цвет, а затем провела тонкую линию в уголках глаз, отчего они стали казаться больше и выразительнее.

Процедура подходила к концу, и рабыни открыли наконец многочисленные флаконы и сосуды, стоявшие на мраморном столе. По всей комнате распространился чудный аромат сицилийского парда, иудейского ладана, мирры, индийского алоэ и греческого аниса. Одацис взяла небольшую стеклянную амфору с крошечным отверстием в конической крышечке, служившей для того, чтобы закапывать в глаза антимоний, заставлявший их блестеть, и наконец подала госпоже коробочку с тремя мазями, придающими различные оттенки коже: миний, кармин и египетский пурпур, который добывается из внутренностей крокодила.

Рабыня тоненькой кисточкой начала нежно раскрашивать тело своей госпожи. Она придала розовый оттенок

щекам и маленьким ушкам; тронула своей кисточкой бутон жизни, обозначавшийся легкой впадиной на блестящей поверхности живота и, присев, выделила ямочки, располагавшиеся ниже талии. Наконец одна за одной египетским пурпуром были подкрашены ладони рук и ноги, которые другая рабыня обула в белые сандалии из папируса с золотыми застежками. Потом Соннику опрыскали благовониями, отличными для каждой части тела, чтобы все вместе это напоминало букет цветов. Одацис поднесла госпоже ларец с уборами. Тонкие пальцы гречанки равнодушно перебирали груды ожерелий, повязок и подвесок, бесценных, подобно всем греческим украшениям, как по своей артистической работе, так и по богатству материала. На корналиновых, ониксовых и агатовых камнях изображались сцены из великих поэм Гомера, а изумруды, топазы и аметисты украшались классическими профилями богов и героев.

На обнаженной груди Сонника звездной россыпью засверкало ожерелье; ее пальцы покрылись перстнями, а белизна рук, оттененная золотыми браслетами, стала еще ярче. Чтобы придать большую выразительность телу своей госпожи, Одацис начала обвивать его ф а с ц и е й, подобием корсета того времени — широкой полотняной полосой, сохраняющей упругость и форму груди. Оглядев себя в зеркале из полированной бронзы, Сонника улыбнулась своему телу, прекрасному, как у богини Венеры.

— Что ты сегодня наденешь, госпожа? — спросила Одацис. — Тунику с золотыми цветами, привезенную с Крита, или покрывало из каласирийской ткани, легкое как воздух?

Сонника не знала, на чем остановиться; надо было пойти и выбрать самой. И во всем блеске своей несравненной наготы она, в сопровождении служанок, двинулась из спальни.

Все это время Актеон сидел в библиотеке. Во время его многочисленных странствований по белому свету ему приходилось бывать в роскошных дворцах; видел он и знаменитого Колосса Родосского; видел Серафион и могилу великого завоевателя в Александрии; его трудно было удивить, но он не мог скрыть своего изумления,

вызванного этим необыкновенным дворцом, гораздо более роскошным, чем дома богатых афинских граждан.

Следуя за рабом, он прошел через сад и колоннаду и вступил внутрь дома — в протирум с мозаичным цоколем, на котором изображались охотничьи собаки, терзающие загнанного оленя.

Над дверью висели лавровая ветвь и лампада в честь богов — хранителей дома. За протирумом находился атриум с четырьмя рядами колонн, образовавших галерею, на которую выходили двери всех жилых помещений.

Посередине атриума располагался плавийум — мраморный бассейн для стока воды. Между колоннами на пьедестале стояли вазы из красной глины, полные экзотических цветов.

Актеон полюбовался стройными прочными колоннами из нежно-синего мрамора, как и панели галереи, что придавало атриуму мягкий бирюзовый оттенок, словно дворец стоял на дне моря.

Слуга перепоручил гостя Одацис, любимой рабыне Сонники, и она провела его в перистилиум — второй внутренний двор, гораздо меньших размеров, чем атриум, напоминавший по своему убранству греческие дворики. Колонны перистилиума были покрашены у основания в красный цвет, который дальше сливался с золотом и лазурью. В открытой части перистилия, у входа, помещался глубокий водоем, в воде которого, как золотые искорки, плавали юркие рыбки. Его окружали скамейки из мрамора; столы с ножками в виде дельфинов; кусты роз, в зарослях которых скрывались изящные статуэтки в сладострастных позах. Стены перистилия были увешаны картинами греческих мастеров: Орфей со своей лирой в окружении львов и пантер; Венера, выходящая из пены морской; Адонис, которого лечит мать Амура.

К Актеону вышли два молодых раба и отвели его в ванну; после ванной к нему снова явилась Одацис, и пригласила пройти в библиотеку, размещавшуюся в глубине перистилия.

Это была огромная комната с мозаичным полом, изображающим празднество Вакха. Молодой бог, увен-

чанный виноградными листьями, сшал верхом на пантере. На столах были разложены объемистые фолианты, а маленькие книжки лежали рядом в плетеных корзинах, обитых внутри шерстью.

Актеона поразило богатство библиотеки, которая заключала в себе больше ста книг. Она представляла целое состояние. Мореплаватели, следуя приказаниям Сонники, покупали все выдающиеся сочинения, какие только могли достать во время своих путешествий. Все книги были из папируса; его полосы оборачивались вокруг у м б и л и к у с а, деревянной или костяной палочки, с резьбой на концах. Полосы, исписанные только с одной стороны, с другой пропитывались специальным раствором. На верхней части ярко блестели названия книг, написанные киноварью и золотом, имя автора и заглавие. За переписыванием этих книг провели свою жизнь многие поколения людей. Это был тяжелый, кропотливый труд. И грек со свойственным ему уважением перед наукой и искусством не мог почувствовать себя одиноким в тишине библиотеки, он увидел вокруг великих людей. Его почтительный взгляд переходил с Гомера и произведений Фалеса к поэтам современным: Феокриту и Каллимаху, свитки которых были развернуты, что указывало на их недавнее чтение.

Актеон услышал легкий шорох, и на полу появилась чья-то тень. Он поднял голову и увидел Соннику, одетую в легкую полупрозрачную тунику.

— Приветствую тебя, афинянин, — сказала она с приветливой улыбкой. — Прибывшие из Греции — хозяева у меня в доме. Сегодняшний пир состоится в твою честь. Покажи всем, как афинянин царит за столом.

Актеон, несколько смущенный присутствием красивой женщины, начал говорить о доме, о своем восхищении перед его великолепием и о восторге, который возбуждает его хозяйка в городе. Все говорят о "богачке-Соннике".

— Да, так они зовут меня, хотя некоторые и осуждают мой образ жизни. Но теперь поговорим о тебе, Актеон. Расскажи мне, кто ты. История твоей жизни должна быть так же интересна, как и жизнь Улисса. Но прежде, поведай мне, что нового сейчас в Афинах?

И между ними завязалась продолжительная беседа. Сонника желала знать, какие куртизанки находились в зените славы. Она оживилась, довольная тем, что у нее появился случай вспомнить прошлое. Забыв о настоящем, она представляла, что по-прежнему живет на улице Треножников, а Актеон — один из тех бедных артистов, кто посещал ее по вечерам, чтобы посплетничать о городских делах. Она смеялась, слушая рассказы о последних проделках праздных людей из Агоры, песенки, бывшие в моде год тому назад, когда Актеон уехал из Афин, и деловым тоном подробно расспрашивала о деталях одежды и прическах наиболее знаменитых гетер.

Сонника удовлетворяла свое любопытство оторванной от родины афинянки, подробно расспрашивая о полной приключений жизни своего гостя. Актеон рассказывал все просто и чистосердечно. Он родился в Афинах и переехал в Карфаген, когда ему было всего десять лет. Его отец, состоящий на службе африканской республики, воевал вместе с Гамилькаром в Сицилии. Преданный раб смотрел в одном из заброшенных селений за сыном греческого наемника и четырехлетним мальчишкой Ганибалом. Афинянин помнил, как селяне поколачивали этого маленького звереныша в ответ на укусы, которыми африканец злоупотреблял во время игр. Он описал Соннике восстание наемников, постепенно переросшее в беспощадную войну. Его отец, оставшийся верным Карфагену и не захотевший взяться за оружие, вместе со своими товарищами был распят карфагенской чернью, которая забыла о ранах, полученных им на службе республике, видя в нем только иностранца, соратника Гамилькара, ненавистного противника Ганона. Актеон чудом избежал кровавой расправы, а верный раб Гамилькара переправил его на судне в Афины.

Там благодаря покровительству одного дальнего родственника он получил греческое воспитание. Актеон получал в гимназии награды за атлетическую борьбу, бег и метание диска; он научился ездить на неоседланных лошадях. Чтобы смягчить суровость такого образования, его учили играть на лире и петь стихи в различных стихах; а, достигнув полного физического и нравственного

расцвета, он был отправлен вместе со всеми афинскими юношами в один из пограничных гарнизонов для обучения воинскому искусству.

Ему стал ненавистен аскетический образ жизни; он был беден, но любил удовольствия, и в его жилах текла кровь его предков — солдат и искателей приключений. Актеон бежал из гарнизона, поступив на рыболовное судно Понта Эвксинского. Он был мореплавателем, морским и сухопутным купцом: его караваны пробирались в глубь Азии к воинственным племенам, к народам, изнеженным цивилизацией, приходившей в упадок. Он стал влиятельным лицом при дворах многих царьков, восхищавшихся его способностью выпивать залпом амфору душистого вина и одерживать верх над гигантскими телохранителями на поединках. Разбогатев, Актеон выстроил на Родосе дворец и стал устраивать там пиры, продолжавшиеся по несколько суток. Землетрясение, опрокинувшее Колосса, поглотило и его богатства: корабли Актеона потонули, а волны залили склады, полные товаров. Он снова начал вести бродячую жизнь, шатаясь по всему свету. Был он и учителем пения, и преподавателем военного искусства, пока, привлеченный спартанской войной, не вступил в войско Клеомона — последнего греческого героя. Затем, после его поражения, Актеон сел на корабль и, огорченный тем, что весь мир теперь поделен между Карфагеном и Римом, а Греция предана забвению, решил искать убежища в Сагунте, маленькой, почти никому не известной республике, надеясь найти там кусок хлеба. А под конец жизни он хотел — если только его не отвлечет война — написать историю своих странствий.

Сонника с интересом выслушала рассказ Актеона.

— И ты, бывший герой и могущественный человек, будешь служить здесь простым наемником?

— Мопсо-стрелок обещал меня прилично устроить.

— Этого недостаточно, Актеон. Ты начнешь жить, как и все остальные солдаты, пьянствуя ночь напролет в тавернах предместья. Нет, этому не бывать: ты поселишься здесь. Сонника сама устроит твою судьбу.

И ее блестящие глаза засветились грустной нежностью.

— Пройдем в сад, Актеон. Вечер будет тихий, и мы сможем насладиться несколькими приятными минутами в рошицах Академии.

Они пошли по извилистой аллее, обсаженной высокими лаврами. На террасе виллы два павлина, пронзительно крича, распускали свои роскошные хвосты.

Актеон, разглядывая при свете заходящего солнца свою прекрасную покровительницу, почувствовал, как по его телу пробежала дрожь сладострастия. На Соннике был только греческий хитон — открытая туника, скреплявшаяся на плечах серебряными застежками и перехваченная у талии узким золотым поясом. Туника была такой тонкой, что сквозь нее свободно просвечивали очертания розового тела Сонники.

— Актеон, тебе не нравится мой наряд?

— Нравится, но я люблюсь тобой. Ты кажешься мне Афродитой, выходящей из пены морской. Давно я не видел открытой красоты афинских красавиц. Меня испортила жизнь среди грубых варваров.

— Это правда. Как говорит Геродот, почти все варвары смотрят на наготу, как на что-то постыдное... Если бы ты знал, как возмущались вначале жители этой страны моими афинскими привычками! Как будто на свете существует что-нибудь прекраснее человеческого тела! Как будто нагота — это не высшая красота! Ведь поклонились же люди Фрипе, появившейся обнаженной перед старцами Ареопага; ведь вызвала же она крик восхищения у тысяч странников, собравшихся на елеврийские игры, когда ее белое тело показалось среди волн, как луна из-за туч. Ее красота затмила могущество богов.

— Ты не веришь в богов? — спросил Актеон с ироничной улыбкой.

— Так же, как ты, и все греки. Боги служат только образом для художников, и если они еще терпимы, как у старика Гомера, так только потому, что он умеет описывать их приключения в стихах. Нет, я не верю в богов: они просты и легковверны, как дети; но я уважаю их за красоту.

— Во что же ты веришь, Сонника?

— Не знаю... В нечто таинственное, что пробудило нашу душу к жизни. Я верю в любовь.

Гречанка на минуту задумалась, а затем продолжала:

— Я презираю варваров не потому, что они не понимают всего великолепия искусства, а за их ненависть к любви, которую они связывают всякими законами и правилами. Эти законы лицемерны и отвратительны; варвары считают преступлением воспроизведение рода и, с ужасом отворачиваясь от наготы, закутывают свое тело в разные тряпки. А, между тем, чувственная любовь, слияние двух тел — это та любовь, благодаря которой мы родились, без нее источник жизни давно иссяк бы, и мир погрузился бы во тьму.

— Именно этим мы сильны, — серьезно ответил Актеон. — Благодаря этому все преклоняются перед величиной Греции. Мы — народ, сумевший возвысить жизнь, поклоняясь ее источнику, мы без лицемерия удовлетворяем потребности любви и поэтому лучше других понимаем потребности духа. Голова работает лучше, когда не чувствуешь тяжести тела, мучимого воздержанием. Мы любим и учимся одновременно; наши боги ходят нагими без иных украшений, кроме бессмертной печати света на челе. Они не требуют крови, как божества варваров; они красивы, как смертные, и они смеются, как смертные; их смех, раздающийся с Олимпа, разливает радость по всей земле.

— Любовь — чувство добродетельное: она порождает великое. Одни только варвары прячутся от нее, как от чего-то постыдного.

— Я знаю народ, у которого на божественное слияние двух тел смотрят как на осквернение, — сказал Актеон. — Это израильтяне — несчастное племя, живущее в бесплодной стране. Они лицемерны и жестоки, поэтому любовь им ненавистна. Если бы подобный народ достиг той высоты, которой достигла Греция, если бы он овладел миром и начал диктовать свои законы, если бы ему случайно удалось погасить вечный свет, сияющий в Парфеноне, — человечество погрузилось бы во мрак, сердце мира усохло, а мысль — умерла. Прошло бы мно-

жество лет, пока люди вторично вступили бы на дорогу, ведущую к культуре красоты, придающей радость жизни.

Сонника, слушая грека, подошла к усыпанным розами кустам и, срывая цветы, с наслаждением вдыхала их аромат. Ей казалось, что она — в Афинах и слушает своего поэта, который посвящает ее в сладкие тайны любви. И она смотрела на Актеона с восхищением, с покорностью рабыни, ожидающей только слова, чтобы упасть в объятия повелителя.

Ветерок тихонько проносился по саду. Сквозь листву проглядывало потемневшее, закатное небо. Под деревьями опускался таинственный полумрак. Шум на полях, движение во дворе виллы и крики павлинов на террасе, казалось, доносились из другого мира.

В зарослях роз возвышалось изваяние Приапа, искусно вырезанное из древесного ствола. Бог улыбался похотливо, выставляя вперед волосатую грудь и бедра, как бы для того, чтобы лучше показать свое мужское начало, окрашенное в красный цвет.

Сонника улыбнулась, заметив, что афинянин с изумлением посмотрел на бога.

— Ты знаешь, что существует старинный обычай — отдавать сад под охрану Приапа. Говорят, он отпугивает воров. Мои рабы верят этому; но я поставила бога среди этих роз как символ жизни. Грубость Приапа дополняет собой нежную грацию Амура.

И они оба медленно двинулись по кипарисовой аллее, в конце которой открывался грот, увитый плющом. Белый амур выбрасывал из раковины струю воды, которая тихо журчала, падая в алебастровый бассейн. Здесь куртизанка проводила жаркие дневные часы.

— Сонника!..

Расстегнув золотой пояс гречанки, Актеон уронил его на землю. Голова куртизанки любовно склонилась на плечо грека.

— Тебя посылают ко мне Афины, — прошептала Сонника в нежной истоме. — Встретив тебя сегодня утром на ступенях храма Афродиты, я приняла тебя за Аполлона, спустившегося к людям... Познай в моих объятиях неземное блаженство... Приди ко мне... Приди!..

Она притянула к себе Актеона, обвив руками его шею. Туника гречанки скользнула вниз, и в наступающих сумерках обнаженное тело Сонники осветилось божественной красотой.

Гостей, приглашенных Сонникой, было девять человек.

Когда Сонника и Актеон вошли в залу пиршеств, гости уже собрались вокруг круглого стола, который рабы вытирали губками, смоченными душистой эссенцией. Четыре больших бронзовых светильника стояли по углам триклиниума. Сверху на цепочках спускались курьлицы с благовониями; фитили громко трещали, ярко освещая залу. От одного светильника к другому тянулись гирлянды из роз, окружая ароматной завесой праздничный стол. Около двери, выходящей в перистиль, на резных столиках стояли блюда, золоченые и серебряные вазы, и острые вилки, которые нужны были рабам при подаче кушаний.

Кельтибериец Алорко разговаривал с Лакаро и еще тремя молодыми греками, вызвавшими утром негодование сагунтинцев на Форуме. Он был варваром и, по обычаю своего племени, не снял меча до начала ужина, а привесил его к ложу, чтобы постоянно иметь под рукой.

На другом конце стола двое пожилых граждан неторопливо беседовали с осторожным Алько, которого Актеон встретил на площадке Акрополя.

Это были давнишние друзья дома, греческие купцы, с которыми Сонника вела торговые дела и которых постоянно приглашала на свои ночные празднества, ценя их не переходящую границ приличия веселость.

Когда влюбленная пара вошла в зал, все гости угадали о том, что произошло, по влажным, блестящим глазам Сонники и истоме, с которой Актеон склонил голову, увенчанную розами и фиалками, на плечо подруги.

— Уже слюбились, — с завистью прошептал Лакаро.

— Ему повезло больше, чем нам, — просто заметил кельтибериец. — Ведь он афинянин, и понятно,

что неприступная Сонника предпочла одного из своих.

Познакомившись со всеми гостями, Актеон подошел к ложу с уверенностью влиятельного лица, сознающего величие своего могущества. Он без особого труда вернулся из бедности к своим обычным привычкам богача.

По знаку Сонники все гости возлегли на ложа, окружавшие стол, и в залу вошли четыре юные девушки, которые несли на головах корзины с розовыми венками. Они шли легко, словно скользили по мозаичному полу под звуки невидимых флейт.

В зале неожиданно появился домоправитель, явно рассерженный.

— Госпожа, философ Евфобий во что бы то ни стало хочет войти.

При этом известии среди гостей послышались возмущенные крики и протесты.

— Гони его прочь, Сонника! Он заразит нас своей бедностью! — кричали молодые люди, со злобой вспоминая шутки, которыми философ осыпал их утром.

— Позор, что город терпит этого дерзкого нищего, — возмущались солидные горожане.

Сонника зловеще улыбалась: она припомнила жестокую эпиграмму, которую философ посвятил ей несколько дней тому назад. Тогда она, нахмурившись, бросила:

— Прогони его палками.

Гости обмыли руки душистой водой, и Сонника хотела было отдать приказание начать ужин, когда в дверях снова появился домоправитель с палкой в руках.

— Я его гнал, госпожа, только он не собирается уходить. Его бьешь, а он все лезет и лезет обратно.

— Что же он хочет?

— Говорит, что праздник у Сонники немислим без Евфобия, а побои — это признак того, что его ценят.

Красавица гречанка наконец сжалилась; гости засмеялись, и Сонника, после минутного раздумья, приказала впустить философа. Но прежде, чем домоправитель успел добраться до двери, Евфобий уже вошел в триклиний, согнувшись в три погибели, но, однако, дерзко оглядываясь по сторонам.

— Да благословят вас боги. Да сопутствует тебе всегда удача, красавица Сонника!

И, обращаясь к домоправителю, он высокомерно приказал:

— Братец, ведь тебе известно, что я все равно вошел бы. В другой раз постарайся, чтобы твоя рука оказалась полегче.

И под смех гостей он стал потирать себе лоб в том месте, где вскочила огромная шишка.

— Привет вшивому! — крикнул ему Лакаро.

Но Евфобий не обратил на него внимания. Он посмотрел на Актеона, лежавшего рядом с Сонником, и в его глазах промелькнул задорный огонек.

— Ты тоже попал сюда, афинянин. И присоединился к этим изнеженным людям, окружающим Соннику и осыпающим меня оскорблениями.

Не слушая возражений молодежи, он прибавил с заискивающей улыбкой:

— Надеюсь, ты не забудешь своего старого приятеля, Евфобия? Теперь ты можешь пить, не платя, любое вино.

Философ занял место в отдаленном конце стола и отстранил венок, который ему подала рабыня.

— Я пришел не за цветами, я пришел поесть. Роз довольно и в полях; а кусок хлеба философу в Сагунте не так легко достать.

— Ты голоден? — спросила Сонника.

— Еще бы. Весь день пробродил по предместью. Все меня видят, но никому не приходит в голову дать мне денег промочить горло.

По греческому обычаю следовало выбрать распорядителя пира — почетного гостя, который должен был предлагать тосты, называть время, когда пить какое вино и выбирать темы для разговора.

— Выберем Евфобия, — предложил Алорко с шутливой серьезностью кельтиберийца.

— Нет, — запротестовала Сонника. — Однажды, я, ради забавы, поручила ему руководить ужином, и еще перед третьей переменной мы все были пьяны. Он предлагал выпить после каждого куска.

— Кого же избрать распорядителем? — спросил философ. — Мы видим его рядом с Сонникой. Пусть им станет афинянин.

— Пусть будет так, — согласился Лакаро, — и пусть он на всю ночь заставит замолчать тебя, дерзкого прихлебателя.

Посреди стола возвышалась большая бронзовая чаша кратера. За спиной каждого гостя стояла рабыня, и все они одновременно зачерпнули из чаши вина для первого возлияния.

Актеон приподнялся на своем ложе, чтобы предложить тост в честь наиболее почитаемого божества.

— Выпей за Диану, афинянин, — раздался голос Алько. — Выпей за сагунтинскую богиню.

Но грек почувствовал нежное дыхание Сонники на своей щеке.

И он посвятил первое возлияние Афродите, молодежь восторженно поддержала его. Афродита должна была стать богиней этой ночи, и в то время, пока молодые гости думали о танцовщицах, Сонника и Актеон ласкали друг друга откровенными взглядами.

Рабы, вспотевшие от кухонного жара, поставили на стол первую перемену кушаний. То были ракушки, подаваемые или в сыром виде, или запеченные на углях с большим количеством специй. Свежие устрицы, мидии, морские ежи, украшенные петрушкой и мятой, спаржа, огурцы, салат, свиной желудок, приправленный тмином и уксусом, жареные воробьи под соусом из сыра, масла и уксуса.

Аромат всех этих блюд наполнил пиршественный зал.

— Пусть мне не говорят о гнезде птицы Феникса, — воскликнул Евфобий, набив рот. — Поэты рассказывают, что она наполняла свое гнездо ладаном, лавровым листом и корицей, но, клянусь богами, что в этом гнезде не могло пахнуть лучше, чем в триклиниуме Сонники.

— Что не мешает тебе, негодяю, посвящать мне стихи, в которых ты меня оскорбляешь, — с улыбкой ответила Сонника.

— Я хочу указать тебе на твои сумасбродства. Днем — я философ, а к ночи желудок вынуждает меня приходить к тебе, чтобы твои слуги лупили меня палками.

Рабы унесли первую перемену и внесли вторую — мясные и рыбные блюда. Кабанчик занял место в середине стола, жареные фазаны в перьях красовались в окружении вареных яиц и душистых трав; дрозды, нанизанные на прутья; разрезанные на куски зайцы скрывали в себе начинку из розмарина и тмина, а дикие голуби мешались с куропатками и жаворонками. Рыбы было невероятное количество; греки всегда отдавали ей предпочтение и наслаждались кусок за куском и мегарскими улитками, и сционскими муренами, и золотыми рыбками.

Каждый из гостей выбирал кушанье, которое ему больше всего понравилось, и угощал им своих друзей, посылая выбранный кусок с одного конца стола на другой. Из погребов появлялись дорогие вина в запечатанных, покрытых пылью амфорах. Рабы без конца наполняли кубки гостей. Привозное хиосское вино мешалось с цекубским, итальянское фалернское и мессинское — с лауронским и местным, сагунтским. Аромат вин перебивался запахом соусов, в которые по сложным рецептам греческой кухни входили лук, петрушка, иссон, укроп, тмин и чеснок.

Сонника едва прикасалась к еде: она забывала о кушаньях, присылаемых ей гостями, и думала только об Актеоне.

— Люблю тебя, — шептала она греку, — меня будто околдовал фессалийский волшебник. Я вся полна любовью. Ты видишь этих рыб? Я боюсь есть ее: мне кажется, я совершаю святотатство: розы и рыбы освящены Венерой, матерью нашего блаженства. Я хочу только пить... Во мне горит огонь, от которого сладко и больно.

Гости поглощали блюда, громко расхваливая повара Сонники, уроженца Азии, которого привез один из ее кормчих. За золото, заплаченное за него, можно было бы приобрести целую виллу; но все считали, что эти деньги потрачены не даром благодаря искусству, с которым он придумывал бесконечные кушанья. Особенно

удачным его изобретением был соус из фиников и меда. "Имея такого раба, — говорили гости, — можно спокойно наслаждаться жизнью и отсрочить смерть на многие годы".

Окончилась вторая перемена. Гости полулежали на ложах, слегка ослабив пояса. Чтобы они не трудились приподниматься ради питья, рабы подавали им вина в сосудах, напоминавших рог, из конца которого вино лилось в рот тонкой струйкой. Ложа покрылись пятнами. Большие светильники по углам, в которых горело душистое масло, казалось, гасли в тяжелом воздухе, насыщенном острым запахом кушаний. Гирлянды роз, протянутые от одного светильника к другому, постепенно осыпались.

Сквозь открытую дверь виднелись колонны перистилля и клочок темно-голубого неба с мерцающими звездами.

Флегматичный Алько, развалившись на ложе и разглядывая небо, о чем-то размышлял в спокойном опьянении.

— Пью за красоту нашего города, — заговорил наконец он, поднимая рог, полный вина.

— За греческий Закинф! — крикнул Лакаро.

И разговор обратился к празднествам, которые сагунтинские греки намеревались устроить вместе с Сонником после окончания жатвы. Празднества должны были окончиться процессией, подобной афинской, которую увековечил Фидий на своих знаменитых фрезах. Молодежь с увлечением беседовала о лошадях, которые выступают на скачках, и атлетической борьбе, ради которой все они упражнялись каждый день. Сонника всячески поддерживала эти празднества, желая, чтобы они прославились наравне с афинскими.

Сагунтинская молодежь устроит за городскими стенами скачки и покажет, что нисколько не уступает кельтиберийским наездникам; более миролюбивые намеревались состязаться на Форуме в игре на лирах и заслужить венец, предназначенный лучшему певцу поэм Гомера. Затем великолепная процессия должна была пройти по городским улицам к Акрополю; вечером же горожане хотели устроить бег с факелами. Таковы будут празднества в честь Минервы.

— Ты в самом деле веришь в Минерву? — спросил Евфобий у Сонники.

— Я верю в то, что вижу, — ответила гречанка. — Верю в весну, в пробуждение полей, в жатву, в цветы, — благовонные курильницы земли, — а больше всех богов уважаю Атенея за мудрость, которую он дал людям, и Минерву за то, что она сохраняет ее.

Рабы поставили на стол третью перемену, и гости, уже несколько захмелевшие, приподнялись на ложах. На блюдах посреди стола высились пирамиды слоеного сладкого теста, оладьи из кунжутной муки с медом, и пироги с фруктами.

Рабы начали открывать маленькие амфоры с драгоценными винами, привозимыми кораблями Сонники из отдаленнейших частей света. Библосское вино из Финикии в несколько мгновений наполнило комнату своим ароматом; лесбосское вино распространяло, когда его наливали, нежный запах роз; и вместе с этими винами в кубки лились вина из Эрстрии и Гераклеи, крепкие родосские и хиосские, — предусмотрительно смешанные с морской водой, что способствовало, как говорят, пищеварению.

Чтобы снова возбудить аппетит и жажду гостей, рабы принесли блюда с редькой в уксусе и другие закуски, высоко ценимые знатоками из-за своего оригинального вкуса.

Актеон почти ничего не ел: близость Сонники, которая приподнялась на своем ложе и тесно прижалась к нему, взволновала грека. Влюбленные молчали и каждый из них любовался своим отражением в глазах другого.

— Дай мне поцеловать твои глаза, — шептала Сонника. — Они — окна души, и мне кажется, что через них моя любовь проникает в самую глубину твоего сердца.

Со своего ложа Алорко важно говорил о ближайших празднествах, поглядывая на свой пустой кубок. У него в городе было пять несравненных лошадей, и если власти разрешат ему принять участие в празднестве, несмотря на то, что он чужестранец, то он покажет всем быстроту и силу своих чудных скакунов. Лавровый ве-

нок, несомненно, достанется ему, если только какое-нибудь неожиданное известие не вынудит его покинуть город.

Лакаро и его друзья намеревались оспаривать друг у друга приз за пение, и их женоподобные руки, тонкие и холеные, нервно двигались по столу, будто перебирали струны лиры, а покрашенные губы шептали вполголоса стихи Гомера. Евфобий, опираясь плечом на ложе, задумчиво смотрел на стол, думая только об одном: как бы побольше съесть и выпить; а Алько и греческие купцы постепенно теряли терпение из-за продолжительности ужина.

— Танцовщицы! Пусть войдут девушки! — требовали они дрожащими голосами.

— Да, пусть появятся танцовщицы! — крикнул Евфобий, очнувшись из своего оцепенения, — я хочу видеть, как сладострастные позы этих дочерей Геркулеса нарушают пищеварение почтенных людей.

Сонника махнула рукой домоправителю, и через несколько мгновений в перистиле раздались веселые звуки флейт.

— Флейтистки! — закричали гости.

В комнату вошли четыре красивые девушки, увенчанные фиалками, в хитонах, которые при каждом шаге открывали крепкие ноги. Они играли на двойных флейтах.

Обходя вокруг стола, флейтистки заиграли нежную мелодию, погрузившую гостей, откинувшихся на свои подушки, в сладкую истому. Большинство из присутствующих встретило танцовщиц, как старых знакомых и, покачивая головами в такт музыке, жадно следило за очертаниями их тел.

Несколько раз флейтистки меняли мелодию. Но через час это, по-видимому, прискучило гостям.

— Мы уже видели их, Сонника, — сказал Лакаро. — Эти флейтистки выступают на всех твоих ужинах. Ты, кажется, влюбилась и позабыла о друзьях. Покажи нам другое: мы желаем танцовщиц.

— Да, пусть войдут танцовщицы, — присоединилась молодежь.

— Успокойтесь, — ответила гречанка, поднимаясь с груди Актеона. — Танцовщицы придут, но только в конце пира, когда я пойду спать. Я вас хорошо знаю и знаю, чем кончится ужин. А пока приглашаю вас полюбоваться маленькой рабыней, выучившейся у греческих моряков ходить по канату и плясать, как пляшут афинские танцовщицы.

Прежде чем рабыня вошла, все гости тревожно посмотрели в конец стола. Оттуда доносились звуки, напоминавшие звериный рык. То был Евфобий, который в изнеможении свалился с ложа и теперь лежал на залитом вином мозаичном полу.

— Дайте ему лавровых листьев, — посоветовал благоразумный Алько. — Нет ничего лучше против хмеля.

Рабы, не обращая внимания на протесты, насильно заставили философа жевать листья.

— Я не пьян, — кричал Евфобий. — Меня преследует голод. У меня часто целыми днями не бывает крошки хлеба во рту, и, когда приходится насладиться таким ужином, как у Сонники, все, что я ем, идет у меня обратно.

— Лучше скажи, что ты слишком много пьешь, — поправила его Сонника, снова склонившись на грудь грека.

Вошла канатная плясунья и низко поклонилась госпоже. Это была смуглая девушка лет четырнадцати. Вся ее одежда состояла из узкой полоски красной ткани, обернутой вокруг бедер, чуть ниже живота. Худощавые ноги и тело, с едва обозначившимися бугорками на груди, делали ее похожей на мальчишку. Старые купцы улыбались от удовольствия, видя эту почти юношескую свежесть.

Девушка вскрикнула, согнулась с нервной гибкостью и, встав на руки, пошла вокруг стола. Затем, собравшись с силами, она вскочила на стол и побежала на руках между блюдами, амфорами и кубками, не дотрагиваясь ни до одного из них.

Гости подбодрили ее восторженными восклицаниями. Греческие купцы предлагали свои кубки, и, когда девушка пила, целовали ей руки и поглаживали плечи.

— Лакаро, — обратился философ к своему изящному соседу, — почему ты и твои друзья не привели сюда красивых рабынь, которые служили вам опорой на Форуме?

— Сонника запретила, — отвечал молодой человек, не замечая иронии Евфобия. — Это женщина, стоящая выше всех остальных; но из всех утонченных афинских обычаев это единственный, который она отказывается принимать. Сонника верит только в Юпитера и Леду, а на красавца Ганимеда плюет. Она, наверное, не совсем афинянка.

Несколько рабов по приказанию распорядителя воткнули в пол ряд острых и широких сабель, чтобы плясунья показала свой главный фокус. Флейтистки заиграли медленную, протяжную мелодию, и плясунья, снова встав на руки, начала двигаться между саблями, стараясь не касаться острых лезвий. Гости, сжав кубки в руках, со страхом следили, как она пробирается среди этого леса отточенного оружия, которое могло вонзиться ей в бок при малейшем неосторожном движении. Плясунья остановилась возле одной из сабель. Подняв одну руку, она начала опускаться, пока не коснулась локтем пола, затем вытянулась параллельно земле, и в эту минуту острие лезвия коснулось ее живота и груди, но даже не оцарапало нежной, девичьей кожи.

Гости громко выразили свое одобрение, когда девушка закончила представление. Два старика купца принудили рабыню сесть между ними, почти закрыв ее своими широкими туниками, оставив на виду только ее шаловливое мальчишеское личико.

— Однако, Сонника, — снова запротестовал Лакаро, — где это видано, чтоб красавица-гречанка забывала о гостях? Афинянин, употреби все красноречие своей любви и заступись за нас: пусть, наконец, приведут девушек из Кадиса.

Сонника, казалось, задремала на груди Актеона, опьяненная жаром тела своего возлюбленного.

— Прикажи им войти... Исполни их желание... Пусть только они оставят нас в покое.

В перистиле раздались легкие шаги, смех и шепот,

и в триклиниум, как веселая птичья стайка, впорхнули танцовщицы.

Это были невысокие девушки, с живыми блестящими глазами и телами, окутанными легкими полупрозрачными покрывалами, более соблазнительными, чем откровенная нагота. На ногах и руках у них красовались браслеты с колокольчиками, весело позванивающими при каждом движении.

Распорядителем труппы был старик с дерзким взглядом, одетый так же, как танцовщицы, в женское платье. Щеки его были нарумянены, глаза обведены черными тенями, золотые кольца украшали пальцы рук ног.

Евфобий, равнодушный к прелестям танцовщиц, посмотрел на старика с восторгом. Его восхитила неопределенность мужского пола старца, который выдавали только худые руки, отягченные браслетами.

— Брат, мужчина ты или женщина? — серьезно спросил его философ.

— Я отец всех этих редких цветов, — ответил евнух гнусавым голосом, обнажая беззубые десны.

Трое из женщин, сев на корточки, принялись ударять в бубны и тамбурины.

Евнух вдруг стукнул посохом о пол, и четыре пары танцовщиц, выступив на середину триклиния, начали танец. Они танцевали торжественно, медленно поворачивая смуглые тела, словно ныряя в прозрачных пенистых волнах своих одежд. Мало-помалу их движения ускорились; они начали слегка выгибаться назад, открывая упругие груди.

Внезапно, по знаку старика, музыка прервалась, и танцовщицы остановились.

— Еще! Еще! — кричали возбужденные гости, приподнимаясь на ложах.

Эта остановка требовалась для изменения темпа в музыке и еще большего возбуждения зрителей. Медленная мелодия переросла в шумный, оживленный танец; старик, ударив посохом о пол, издал протяжный крик, печальный и страстный. И затем начал торжественно петь двусмысленные стихи, заставившие гостей зареветь от восторга.

Танцовщицы, бешено кружась, устремились на середину триклиниума. Каждый куплет песни, словно бичом, подгонял их проворные ноги, летавшие, подобно птицам, над мозаичным полом. Их животы с мягкими округлостями, казалось, жили собственной жизнью, образуя круговорот сладострастных изгибов. Обнажив плечи и обмотав газ вокруг бедер, девушки, исполненные неги и сладострастия, кружились вокруг амфор, томно вздыхая и замирая в созерцании собственной красоты. Музыка по временам утихала, и танцовщицы медленно кружились на месте, едва касаясь ногами земли, а затем быстро выпрямлялись. Флейтистки возбуждали танцовщиц словами любви, словно те стояли перед смущающим воображение ложем.

Гости, раскрасневшиеся от волнения, бросились на середину триклиниума и прервали танец, смешавшись с танцовщицами. Евфобий храпел на полу. Сонника уже давно исчезла, удалившись из триклиния, но не поднимая головы с плеча Актеона.

Покрывала танцовщиц скользнули вниз. Они жадно набросились на сладости и фрукты, с головой погружались в кратеру с вином, и потом, обернувшись на гостей, смеялись пьяным смехом. Евнух продолжал петь, неистово стуча посохом, указывать ритм своим музыкантам. Но все было напрасно: танцовщицы не могли вырваться из рук гостей, яростно срывающих с них одежду. Юноши катались по полу, доведенные до иступления юными вакханками, познавшими утонченность и испорченность целого света. Кельтибериец Алорко, необузданный в своей страсти, разгуливал по триклиниуму, громко хвастаясь своей силой, с которой сжимал в могучих объятиях двух танцовщиц. А снаружи, в темноте перистилия, слышался шепот рабов и рабынь, собравшихся, чтобы хотя бы издали полюбоваться оргией.

Начало светать, когда Актеон, проснувшись, встал с мягкого спального ложа. Сонника лежала рядом с ним, и при свете занимающегося дня он заметил улыбку блаженства на ее устах.

Афинянину после ночного опьянения и духоты захотелось вдохнуть свежего воздуха. И он поспешил покинуть ложе, которое еще горело огнем недавней страсти.

Грек на цыпочках вышел в перистиль. Светильники в триклиниуме еще не погасли, и из дверей залы доносился нестерпимый запах жаркого, вина и потных тел; Актеон увидал вчерашних гостей, лежавших на полу вперемежку с обнаженными женщинами. Евфобий протрезвел и, заняв почетное место, — ложе Сонники, — воображал себя хозяином дома. Закутавшись в свой старый плащ, он заставил танцевать двух сонных танцовщиц, с презрением оглядывая их наготу, как человек, стоящий выше плотской любви.

Завидев Актеона, несколько рабов бросились прочь, опасаясь наказания за свое любопытство. Не желая, чтобы философ заметил его, грек выбрался из дома в прохладный сад. И здесь Актеона встретили бегством. По аллеям мчались обнаженные пары; в густой листве раздавались крики и стоны. Сад, казалось, жил собственной таинственной жизнью.

То были рабы, повторявшие под открытым небом сцены, разыгравшиеся в триклиниуме.

Грек улыбнулся, подумав, что состояние хозяйки дома скоро пополнится новыми рабами.

— Пусть наслаждаются в мире. Помешать им — значит навредить Соннике.

Он пересек огромные владения куртизанки, фиговые рощи, большие масличные плантации и вышел на дорогу. Вдали послышался лошадиный топот, и Актеон увидел в голубоватом свете занимающегося утра всадника, направлявшегося к воротам.

Когда он подъехал поближе, афинянин тотчас же узнал его, несмотря на то, что лицо всадника было закрыто капюшоном. Это был уже знакомый нам кельтиберийский пастух. Грек бросился к лошади и взял ее под уздцы, а всадник тут же выхватил кинжал из-за пояса.

— Перестань! — тихо сказал Актеон. — Я оставил тебя неспроста. Ты — Ганнибал, сын великого Гамилькара. Ты можешь скрыться от сагунтинцев, но друг детства всегда узнает тебя.

Африканец присмотрелся и узнал грека.

— Это ты, Актеон? Встречаясь с тобой вчера столько раз, я знал, что ты в конце концов узнаешь меня. Что ты тут делаешь?

— Живу во владениях Сонники.

— Я слышал о ней; это гречанка, известная своей красотой и талантами. Мне хотелось бы поближе познакомиться с ней, и думаю, я смог полюбить ее, если бы моей задачей было проводить время в обществе женщин. У тебя нет другого дела?

— Я воин этого города.

— Ты?.. Сын Лидия, доверенного соратника Гамилькара? Человек, воспитанный в афинской гимназии, на службе у варварского города!..

Он замолчал, изумленный поведением грека, но затем продолжил решительно:

— Поедем со мной. В порту меня ждет карфагенский корабль с грузом серебра. Я отправляюсь в Новый Карфаген, чтобы стать во главе огромного войска. Дни славы приближаются, начинается смелое предприятие, подобное деяниям гигантов, сдвинувших горы, чтобы взобраться на Олимп. Поедем со мной, ты друг моего детства, я знаю тебя дольше, чем Газдрубала и Магона, сыновей Гамилькара, данных мне славным полководцем в братья. Он называл нас "львятами"... Я знаю, ты ловок и храбр, как и твой отец; со мной ты сможешь разбогатеть. Может быть, сделаешься царем какой-нибудь плодородной страны.

— Нет, карфагенянин, — серьезно ответил Актеон. — Я тепло вспоминаю о наших первых годах жизни, но не поеду с тобой. Против этого твое происхождение, канувшее в Лету прошлое и окровавленная тень моего отца.

— Происхождение, прошлое — это только предлог для начала войны. Не все ли тебе равно, служить Карфагену или другой республике, если ты грек? Если бы мои земляки покинули меня, я отправился бы в какую-нибудь другую страну. Мы — люди войны, мы сражаемся ради славы, ради могущества и богатства: нужды нашего народа служат лишь для оправдания грабежа. Я

ненавижу карфагенских купцов, но и высокомерных римлян ненавижу с не меньшей силой. Едем, Актеон. Раз мы встретились, последуй за мной: счастье сопутствует мне.

— Нет, Ганнибал, оставь меня здесь. Увидев твоих африканских солдат, я вспомню чернь, распявшую Лидия.

— Преступление было неизбежно. Мой отец не раз сокрушался, вспоминая верного Лидия. Я постараюсь загладить несправедливость Карфагена.

— Я не последую за тобой. Я простился с войной и грабежом и предпочитаю жить здесь тихой и спокойной жизнью со своей Сонникой. Жить ради мира.

— Мир!.. Жить ради мира!

И тихая дорога огласилась резким и грубым хохотом, который Актеон уже слышал на ступенях храма Афродиты, когда римские послы отправлялись на корабль.

— Слушай хорошенько, Актеон, — сказал африканец, снова принимая серьезный вид, — доказательством того, что я сохранил воспоминание о нашей детской дружбе, служит откровенность, с которой я сообщаю тебе мои планы. Пойми — только тебе!.. если бы во время сна в моей палатке у меня вырвалось хоть одно слово, я заколол бы стражника, охраняющего мой сон... Ты говоришь о мире!.. Проснись, Актеон! Если хочешь найти где-нибудь мир, отправляйся с этой гречанкой, которую любишь, подальше отсюда. Там, где нахожусь я, ты не найдешь спокойствия. Война следует за мной по пятам, и кто не подчиняется мне, тот должен умереть или сделаться моим рабом.

Грек понял угрозу, заключавшуюся в последних словах.

— Вспомни, Ганнибал, что этот город заодно с Римом. Сагунт — союзник республики, и она покровительствует ему.

— Ты думаешь, я боюсь Рима?.. Я ненавижу Сагунт за то, что он кичится этим союзом, а меня презирает. Он делает вид, что вокруг все спокойно, потому что ему покровительствует эта отдаленная республика, и

смеется надо мной, хотя я царствую над всеми полуостровами до самого Эбро и стою почти у ворот Сагунта. Он враждует с турдетанцами, моими союзниками, и казнит любящих меня горожан, друзей великого Гамилькара... О, слепой и надменный город! Дорого тебе это обойдется.

Обернувшись в седле, он с угрозой посмотрел на Акрополь, невидимый в предрассветном тумане.

— Рим растерзает тебя, как только ты нападешь на его союзника.

— Пусть! — вызывающе воскликнул африканец. — Именно этого я и желаю. Мир тяготит меня: я не могу свыкнуться с мыслью о рабстве Карфагена. О, Рим! О, Африка! Пусть же скорее наступит последнее столкновение, и пусть повелителем мира станет народ, сумевший устоять на ногах... Я ненавижу богачей своей страны, забывающих о позорном поражении, благодаря которому они могут спокойно торговать и набивать свои подвалы серебром. Эти негодяи после нашего поражения в Сицилии решили покинуть Карфаген и переселиться на острова Великого моря, чтобы жить там припеваючи. Настоящие карфагеняне — это финикийцы, не знающие другого занятия, кроме торговли, другой цели, кроме создания новых гаваней для сбыта своих товаров. Мы, род Барка, — ливийцы. Мы — потомки богов. У нас, как и у них, полет мысли не знает границ. Мы хотим или править, или умереть... Эти купцы не понимают, что не достаточно только разбогатеть, что необходимо еще внушать страх. Они создали в Карфагене партию, отравившую жизнь моего отца своим упорным сопротивлением и оставившую меня без помощи, кроме той, какую я могу раздобыть на островах. Они не понимают, почему Барки стремятся к мировому могуществу Карфагена. Отец в потере Сицилии видел гибель нашего народа и попытался спасти его. Нам требовалось войско для защиты от Рима, а войска у нас не было. Граждане Карфагена годятся только для того, чтобы воевать на своих землях. Купцу в тягость оружие, и он не выносит длинных походов. Им легче добывать богатство мирным путем, чем кровью, и так как они любят деньги, то не очень охот-

но платят наемникам. Ради денег Гамилькар привел нас на полуостров, и мы основали для карфагенян новые гавани и рынки, но Барки продолжали сами содержать войско. Мы не обращаем внимания на то, что в карфагенском сенате противники отказывают нам в помощи. Иберийские племена любили моего отца, который на деле доказал свою силу, и они возьмутся за оружие и пойдут против того врага, на которого мы им укажем.

И Ганнибал посмотрел на далекие горы, будто хотел разглядеть жившие там бесчисленные варварские народы.

— Гамилькар умер, — грустно продолжал он, — в ту минуту, когда должны были осуществиться его мечты: набралось большое войско, готовое вступить в борьбу с Римом. Газдрубал, заменивший его, потерял зря восемь лет. Он был хороший правитель, но плохой полководец. На этот раз Ваал направил руку убийцы, чтобы Газдрубалу наследовали другие, способные стереть с лица земли вечного врага Карфагена... И это сделаю я! Слышишь, грек? Тебе первому я открываю свои замыслы. Рим скоро узнает, что на свете есть Ганнибал, который пошлет ему вызов, овладев Сагунтом.

— Это тебе трудно будет сделать, африканец. Сагунт силен, и я, прибывший из Нового Карфагена, видел там только слонов, жалкие остатки войска твоего отца и нумидийских всадников, посланных вашими друзьями из Африки.

— Ты забываешь об иберийцах, кельтиберийцах и всем полуострове, который поднимется, чтобы пойти на Сагунт. Страна бедна, но в городе много богатств. Это я видел собственными глазами. Их хватит, чтобы долгие годы платить наемникам, и от берегов Великого моря придут лузитанские племена, привлеченные жадной добычей и ненавистью, которую туземцы-варвары питают к богатому городу, где живут бездельники, пьющие из них кровь. Мне нетрудно будет овладеть этой республикой.

— А после того, как ты овладеешь ею?..

Африканец не отвечал, загадочно улыбаясь.

— Ты молчишь, Ганнибал? Овладев Сагунтом, ты не сможешь больше ничего сделать. Рим начнет обви-

нять тебя в нарушении мирного трактата, а карфагенский сенат — проклянет. Твоя голова будет оценена, твоим солдатам прикажут не повиноваться тебе, и ты умрешь на кресте или будешь скитаться по свету, как беглый раб.

— Нет, клянусь огнем Ваала, — запальчиво воскликнул воин. — Карфаген не сможет ничего сделать. Он начнет войну с Римом, даже если я не стану этого добиваться. У семьи Барка много сторонников, и чернь тоже желает войны, надеясь на богатую добычу; весь сброд предместий жаждет разграбить полуостров после того, как войскам будет уплачено сторицей. Гамилькар и Газдрубал поступали также. Народ растерзает богачей, если те предпримут что-нибудь против Ганнибала. Девять лет после смерти отца я не был в Карфагене; но народ восхваляет мое имя. И мои противники последуют за мной на войну, если я призову их.

— Как же ты победишь Рим?

— Не знаю, — ответил Ганнибал, все так же загадочно улыбаясь. — У меня много мыслей, которые заставили бы презрительно рассмеяться моих друзей, если бы я рассказал о них... Я воображаю себя титаном, поднимающимся до самого неба, чтобы с большей силой обрушиться на врага... Не спрашивай меня, я ничего не смогу тебе объяснить. Моя воля говорит: "дерзай", и этого довольно... Я повинуюсь ей.

Ганнибал замолк, нахмутив брови, как бы опасаясь, что сказал лишнее.

Уже совсем рассвело. По дороге брели женщины с корзинами на головах. Два раба несли большую амфору, останавливаясь время от времени, чтобы перевести дух. Африканец потрепал лошадь по шее, явно намереваясь трогаться в путь.

— В последний раз спрашиваю тебя, грек: ты поедешь со мной?

Актеон отрицательно покачал головой.

— Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы попросить забыть о нашей встрече. Ты умен; ты знаешь, что безмолвие полей должно поглотить все сказанное мною, и нет надобности никому повторять, что ты услышал

здесь. Будь же счастлив со своей новой любовью и живи в мире; родившись орлом, чтобы парить, ты думаешь, что уживешься в курятнике. Если же когда-нибудь ты станешь сражаться против меня, я не распну тебя и не сделаю рабом. Хотя ты и не следуешь за мной, я люблю тебя; я никогда не забуду, что ты первый научил меня стрелять из лука. Да хранит тебя Ваал, Актеон! Мои люди ждут в гавани. Прощай!

И он умчался прочь, поднимая облака пыли, мимо поселян и рабов, жавшихся по краям дороги.

IV

Среди греков и кельтиберийцев

Актеон никому не рассказал об этой встрече. Даже больше того, — через несколько дней он совершенно забыл о ней. Он видел, что в городе, находящемся под покровительством Рима, жизнь течет спокойно, граждане готовятся к большим Панафейским празднествам; и мало-помалу воспоминание о встрече с африканцем стало казаться ему туманным сном.

Слова Ганнибала породила простая юношеская заносчивость. Ненавидимый богачами своей родины, рассчитывающий только на себя, карфагенянин был не в состоянии выполнить такое смелое предприятие: напасть на город, союзный Риму, и нарушить таким образом карфагенские мирные трактаты.

Кроме того, грек переживал время сладкого опьянения; он постоянно находился или в объятиях Сонники, или рядом с ней наслаждался прохладой перистилия, слушая флейтисток и любуясь движениями танцовщиц, в то время, как возлюбленная украшала его венками и гирляндами.

По временам беспокойный дух странника и воина заставлял его искать движения и борьбы. Тогда он отпра-влялся в город. Там Актеон вел беседы с Мопсо-стрел-ком и прислушивался к сплетням на Форуме, посетители которого, не подозревая о плане Ганнибала, смеялись над карфагенским войском, полагаясь на крепость своих стен, а еще более на покровительство Рима, которому на берегах Иберии так же легко будет победить Ганни-бала, как он победил его отца в Сицилии.

Актеон крепко подружился с кельтиберийцем Алор-ко. Ему нравились мужественная гордость варвара, его благородство и почти религиозное почитание, которое он питал к греческой культуре. Старый и больной отец Алорко был царьком одного племени, разводившего в кельтиберийских горах стада коров и лошадей. Алорко был его единственным наследником и со временем наме-ревался встать во главе своего сурового, дикого народа, постоянно ведущего междоусобные войны. Отец с детства воспитывал Алорко в Сагунте, и, таким образом, юноша впитал в себя греческие обычаи. Когда он достиг совер-шеннолетия, его самым горячим желанием было вернуть-ся в приморский город, что он и сделал, не обращая внимания на жалобы старика отца, которому уже недол-го оставалось жить на этом свете. Сагунтинцы же смот-рели на Алорко почти как на соотечественника.

Он пожелал принять участие в Панафейских празднествах, чтобы греки по достоинству оценили его великолепных скакунов и присудили ему лавровый вен-ок. Он был очень благодарен Актеону за то, что тот, пользуясь своим влиянием, убедил сенаторов разрешить кельтиберийцу участвовать в большой процессии, которая должна была двинуться из Акрополя, чтобы отнести пер-вые сжатые колосья в храм Минервы.

В те дни, когда афинянину надоедали пение и танцы, он вскакивал рано утром с ложа, хватал лук и дротик и в сопровождении двух великолепных собак от-правлялся в окрестности Сагунта охотиться за дикими козами, спускавшимися с гор.

Во время одной из таких прогулок у него произош-ла неожиданная встреча. Было около полудня; солнце не-

шадно палило над самой головой, и собаки, высунув языки, медленно направились к роще вековых смоковниц. Актеон, приказав животным молчать, шел впереди, осторожно натянув тетиву лука, и вдруг он, в очередной раз раздвинув ветки, увидел на опушке двух своих старых друзей — Ранто и Эросиона.

Мальчик сидел на земле перед куском красной глины, который он медленно разминал, хмурия брови и задумчиво посвистывая. Пастушка, совершенно обнаженная, не стыдясь своей юной, невинной красоты и довольная тем, что ею любят, весело улыбалась Эросиону и каждый раз слегка краснела, когда мальчик бросал взгляд на свою модель.

Актеон пожирал глазами это юное тело. Он испытывал чисто греческое восхищение перед красотой; любовался нежной, маленькой, словно розовые бутоны, грудью; слегка выдающимися бедрами, плавной линией шеи; грацией юного существа, соединенной с обаянием пола. Утонченный вкус грека помог ему оценить всю свежесть юных форм, и он сравнивал их про себя с упоительной, хотя несколько зрелой, красотой Сонники.

Ранто, заметив среди листьев голову грека, пронзительно вскрикнула и бросилась к своей одежде. В чаще зазвенели бубенчики коз, встревоженных криком пастушки.

— Это ты, афинянин? — спросил Эросион, поднимаясь с земли с недовольным видом. — Ты испугал Ранто своим неожиданным появлением.

Но затем он шаловливо прибавил:

— Ранто — твоя рабыня, я знаю это. И также знаю, что ты теперь хозяин гончарни, где я работаю. Ты высоко взлетел с того дня, когда мы повстречались с тобой на Змеиной дороге. Ты теперь, как хочешь, распоряжаешься Сонником: любовь сделала ее твоей рабыней.

— Ничей я не господин, — просто ответил грек. — Я ваш друг и помню, что первый кусок хлеба, который я съел в тот день, я получил из ваших рук.

Эти слова, по-видимому, смягчили Эросиона.

— Куда ты смотришь, афинянин? На эту глину? Как ты, должно быть, смеешься надо мной! Ты уверен, что из меня не получится настоящий художник. Бывают

минуты, когда я чувствую себя способным создать великую вещь: я вижу ее, она как будто стоит во весь рост передо мной; а когда я беру в руки глину, то чувствую свою слабость и готов плакать от обиды. О, если бы я мог поехать в Грецию!

Он сказал это со слезами в голосе, тоскливо посмотрев на кусок глины, в котором уже можно было угадать формы Ранто.

— Если бы ты знал, сколько я потратил сил, прежде чем она решилась открыть мне божественную наготу своего тела... Не удивляйся: она из племени варваров, к тому же сильно боится посоха своего деда, которого бы ей пришлось попробовать, если бы он увидел ее обнаженной. Я говорил ей о наших ваятелях, рассказывал, как наши знаменитейшие гетеры спорили за честь позировать им, и единственное, что побудило ее сделать решительный шаг, было то, что ее госпожа Сонника показывала, не стесняясь, свою красоту в Афинах... Но все же, как увековечить это божественное тело? Как вдохнуть в глину жизнь?

В своем отчаянии юноша погрозил кулаком глиняной фигурке, будто собираясь раздавить ее. Все более оживляясь, он решительно добавил:

— Только я сам сильнее своего неумения. Я буду работать, если понадобится, годы, многие годы, пока не передам во всей красоте божественное тело Ранто. Я не вернусь в гончарню, пусть старый стрелок убьет меня. Я начал свою статую, надеясь, что она появится на Панафейском празднике. Ранто понесет ее над головой, и люди будут тесниться, чтобы увидеть статую. Я жду только минуты вдохновения. Кто знает, не снизойдут ли ко мне музы завтра, и я наконец почувствую достаточно уверенности, чтобы выполнить свою мечту?..

И, смело бросившись в водоворот воображения, молодой художник раскрыл афинянину свои мечты.

— Если мне удастся окончить эту статую, будущность моя обеспечена: через несколько дней мое имя будут с восторгом повторять на Форуме и в самом городе. Я навсегда избавлюсь от гончарни. После того, как весь Сагунт налюбуется моей статуей на празднествах, я пода-

рю ее Соннике, и твоя щедрая возлюбленная восхитится моим талантом и отправит меня на одном из своих судов за море. Я вижу Афины, а потом... потом!.. Взгляни, Актеон, в ту сторону. Что ты видишь на горах Акрополя? Ничего. Стены из больших камней, колоннады, высокие крыши храмов, но ни одной статуи, которая издала бы о славе города. Говорят, что над афинским Акрополем возвышается гигантская фигура Паллады, с золотым копьем, которое ярко блестит при солнечном свете и служит вехой морякам, плывущим далеко в море. Правда ли это? Вот уже много ночей мне снится нечто подобное, и я вижу, как Эросион, великий художник, вернувшийся из Афин, воздвигает на нашем Акрополе свое колоссальное произведение, быков Герiona с позолоченными рогами, ослепительно сверкающими на солнце, а между ними возвышается Геркулес. Он потрясет своей огромной палицей, которая тоже, как и копье афинской Паллады, будет служить вехой всем мореплавателям Сукронейского залива... О, если бы мне только удалось осуществить свою мечту!

Ранто, уже одетая в свою старую тунику, боязливо подошла к Актеону, краснея при одном воспоминании о своей наготе. Эросион, возбужденный разговором, очевидно, желал бы снова приняться за работу. Он, казалось, глазами раздевал пастушку, мысленно представляя себе ее наготу.

Афинянин понял, что его присутствие мешает молодым людям.

— Работай, Эросион, — сказал он. — Стань великим художником, если сможешь. Все скульпторы Афин позавидовали бы твоей модели. Теперь, зная, что вы скрываетесь здесь, я постараюсь не досаждать больше своим присутствием.

Так он и сделал. Актеон уже не возвращался в рошу, чтобы не мешать юным созданиям: ему, — пылающему честолюбием, ей, — покоренной любовью.

Наступил день празднества. Весть о торжестве распространилась далеко за пределы Сагунта, и целые толпы кельтиберийцев собирались в город, чтобы взглянуть на необычайное зрелище.

Поселяне приостановили жатву, и, одевшись в праздничное платье, еще с вечера поспешили в город, чтобы принять участие в чествовании богини Деметры. Они несли огромные снопы пшеницы и белых ягнят для жертвоприношений на ее алтаре.

На рассвете город наполнился пестрой толпой, занявшей весь Форум и берега реки, чтобы лучше видеть скачки.

Около Беатис-Перкес была устроена площадка, на которой должно было происходить состязание между знатнейшими сагунтинскими гражданами. Сенаторы, охраняемые отрядом наемной стражи, председательствовали, сидя на скамьях. На одном конце арены сыновья купцов и богатых земледельцев, ожидали сигнала к началу схватки. Почти полностью обнаженные, с легкими копьями в руках, молодые люди держали на поводу неоседланных лошадей.

Дали сигнал начинать, и юноши, опираясь ногой о древко копья, одним махом взлетели на коней и помчались по дороге. Народ громко приветствовал всадников. Потрясая копьями, они с криками мчались вперед, поднимая густые облака пыли.

Бешеная скачка продолжалась довольно долго. Нескольким наездников, менее искусных или имевших не самых лучших лошадей, отстали; число всадников уменьшалось на глазах. Пришедший первым должен был получить лавровый венок, и в толпе держали пари за кельтиберийца Алорко и афинянина Актеона, которые с первого мгновения возглавляли скачку.

Граждане, не собиравшиеся ожидать под палящими солнечными лучами конца состязания, шли вдоль берега реки к городским стенам, в тени которых юноши боролись один на один, добываясь награды за ловкость и силу. Другие, более миролюбивые, направлялись на Форум, где под портиками происходило состязание в пении и музыке. Сидя на креслах из слоновой кости в окружении юных рабов, обмахивающих их миртовыми ветвями, Лакаро и его друзья играли на флейте или лире и пели греческие стихи приторно-нежными голосами. Среди слушателей кое-кто смеялся, передразнивая слашавость их

голосов; но остальные с негодованием унимали насмешников: несмотря на отпечаток женственности, певцы своим искусством произвели сильное впечатление на их души.

Около полудня восторженные толпы заполнили Форум. Народ приветствовал победителя скачек. Наиболее восторженные, сняв мужественного Алорко с коня, несли его на руках. Лавровый венок украшал его растрепавшиеся, покрывшиеся пылью волосы. Актеон шел рядом, чистосердечно радуясь его торжеству и не проявляя ни малейшей зависти.

Певцы, отвлеченные криками толпы от своего занятия, снова вернулись к инструментам. Лакаро надел на себя лавровый венок, приветствуемый только своими рабами. Весь восторг граждан был целиком отдан победителю скачки. Народ восторгался его силой и ловкостью.

Наступил торжественный момент, начало процессии. В торговом квартале рабы заранее натянули от одной черепичной кровли к другой красные и зеленые покрывала, затенявшие улицы. Окна и террасы покрылись пестрыми коврами с затейливым рисунком, а в дверях рабыни ставили жаровни с благовониями.

Богатые гречанки в сопровождении слуг занимали места на ступенях храма или под навесами Форума, а народ становился в тени домов, с нетерпением ожидая начала шествия. Толпы детей бегали по улицам, размахивая миртовыми ветвями и громко восхваляя богиню.

Скоро толпа заволновалась, и со всех сторон слышались восторженные крики. Шествие медленно приближалось к Форуму.

Во главе процессии шли почтенные старцы с окладистыми бородами, одетые во все белое. Они торжественно несли в руках масличные ветви. За ними — наиболее знатные граждане, вооруженные копьями и щитами. Потом шли самые красивые юноши города, певшие гимн в честь богини; дети, взявшись за руки, весело приплясывали с криками и смехом; тут же шли девицы, дочери богачей, в полупрозрачных туниках из чистейшего льна. Они несли в руках легкие тростниковые корзиночки, закрытые сверху покрывалами. Эти корзиночки скрывали внутри принадлежности для жертвоприношения и пучки

свежей пшеницы. Для того, чтобы наглядно указать на высокое положение девушек, рабыни несли за ними носилки и полотняные зонтики, с большими пестрыми султанами наверху.

Рабыни, прославившиеся своей красотой, во главе которых шла Ранто, несли на головах большие амфоры с водой и медом для возлияния в честь богини. За ними выступали все городские певцы и музыканты, увенчанные розами. Они играли на лирах и флейтах, а несколько греков из гончарни Сонники, бывшие певцами у себя на родине, декламировали отрывки из поэм Гомера.

Люди теснились и толкались, стремясь получить разглядеть танцовщиц бога Марса, которые выступали, вооружившись дротиками и кинжалами. Два раба несли висевшие на шесте бронзовые щиты, по которым другие два раба ударяли палками, и под эти звуки танцовщицы исполняли пляску, делая вид, что ожесточенно нападают друг на друга. Они махали дротиками и кинжалами, представляя сцены из жизни их божества.

Среди этой сутолоки, заставлявшей чернь реветь от восторга, появились девушки, которые за края несли тончайшее покрывало. На этом покрывале самые знатные гречанки города изобразили битву Минервы с титанами. Это был дар в новый храм богини, как вечное воспоминание о празднестве.

В конце процессии двигался отряд всадников, состоявший из самых богатых граждан. Они горячили своих скакунов, на которых ехали без седел, только в помощь уздечки. Старые воины защищали себя от жары, обмахиваясь большими шляпами; на молодых красовались крылатые каски, а некоторые ехали с непокрытой головой, перехватив волосы лентой огненного цвета. Алерко выставлял напоказ свой лавровый венок победителя, а Актеон, ехавший рядом на одном из коней кельтиберийца, улыбался толпе, которая смотрела на него с таким почтением, будто он был супругом Сонники и распоряжался ее огромными богатствами. Всадники с гордостью посматривали на свои мечи, всем своим видом выражая уверенность и спокойствие, в каком мог жить Сагунт под их охраной.

Особый восторг толпы вызвало появление Сонники. Окруженная рабынями, она медленно поднялась на крышу высокого здания. Сонника сама устраивала прекрасный афинский праздник в Сагунте. Курильницы наполняли воздух благоуханием; из окон на шествие сыпался дождь роз; оружие ярко сверкало; и в те минуты, когда гул толпы замолкал, издали доносились звуки лир, флейт и нежные голоса певцов Гомера.

Суровые кельтиберийцы, приехавшие в Сагунт, чтобы посмотреть на праздник, молчали, пораженные шествием, которое ослепило их блеском оружия, количеством драгоценностей и пестротой одежд. Но праздник еще не закончился. Вечером ожидалось развлечение для простого народа.

Вдоль городских стен устраивалась эстафета с зажженными факелами в память Прометея. В ней участвовали моряки, гончары и земледельцы, богатые и бедные граждане. Победителем признавался тот, кто обегал вокруг всего города с зажженным факелом. У кого факел потухал и кто двигался осторожно, пытаясь сохранить огонь, того толпа провожала пинками и свистками. Впрочем, и аристократы с увлечением принимали участие в этом веселом народном развлечении.

Когда вся процессия вступила в Акрополь, Алорко заметил в толпе кельтиберийца на взмыленной лошади, который знаками подзывал его.

Алорко, выехав из строя, приблизился к всаднику.

— Что тебе надо? — спросил он на родном языке.

— Я из твоего племени. Я прибыл в Сагунт, три дня проехав по пустыне. Алорко, твой отец умирает. Старейшины племени приказали, чтобы я не возвращался без тебя.

Актеон тоже выехал из рядов процессии, последовал за другом и слышал весь разговор. Он не понял ни слова, но по побледневшему лицу кельтиберийца догадался, что случилось какое-то несчастье.

— Плохие вести? — тревожно спросил он.

— Отец умирает и зовет меня.

— Что же ты будешь делать?

— Ехать немедленно.

Оба всадника в сопровождении кельтиберийского посланца направились к выходу из города.

Актеон посочувствовал своему приятелю. Кроме того, в нем проснулось жажда путешествий и желание посмотреть страну, возбужденное многочисленными рассказами кельтиберийца.

— Хочешь, Алорко, я поеду с тобой?

Молодой человек с благодарностью посмотрел на грека, однако отказался принять предложение, ссылаясь на спешку. Греку надо обязательно проститься с Сонникой: разлука наверняка сильно огорчит ее. А Алорко желал немедленно отправиться в путь.

— Обойдемся без прощания, — сказал Актеон со свойственной ему веселой беззаботностью. — Сонника успокоится, когда я пошлю ей через раба весть, что отлучусь всего на несколько дней. Ты хочешь отправиться немедленно? Хорошо, но мы поедem вместе. Я буду сопровождать тебя. Мне любопытно взглянуть на твою страну с ее варварскими обычаями.

Они проехали через город. Все улицы были пусты. Население устремилось в Акрополь. Актеон заехал на минуту в товарный склад Сонники, чтобы рассказать о своем отъезде ее рабам. Затем он догнал друга, и они оба выехали из города.

Алорко жил в одной из гостиниц городского предместья — огромном здании с обширными внутренними дворами, где посетители разговаривали на всех языках мира. С молодым кельтиберийским вождем в Сагунте проживало пятеро людей его племени, ходившие за лошадьми и прислуживавшие Алорко как свободные слуги.

При известии о предстоящем отъезде они закричали от радости. Кельтиберийцы томились от бездействия в стране, нравы которой были им ненавистны.

Солнце уже начало садиться, когда путешествие началось. Алорко и Актеон ехали впереди, накинув на головы капюшоны. Пятеро слуг и кельтиберийский голец, вооруженные широкими копьями, замыкали шествие, ведя за собой на поводу двух мулов, нагруженных личными вещами Алорко и провизией.

В этот вечер они ехали по проезжей дороге. Путники находились на сагунтинской земле и проезжали мимо возделанных плодородных полей, роскошных загородных вилл и аккуратных простых домишек, теснившихся вокруг крепостей, служивших им защитой. К вечеру отряд остановился на ночлег в бедной горной деревушке. Здесь оканчивались сагунтинские владения.

На следующее утро глазам грека открылась непривычная картина. Море и зеленая равнина скрылись из виду, а на горизонте виднелись горы, и одни только горы. Лошади с трудом пробирались по тропинкам, протоптанным предыдущими путниками; много раз с вершины горы срывались камни или бурные речки пересекали путь путешественникам. Всадники взбирались по склонам до самых вершин, спускались в пропасти и глубокие ущелья, где царил вечные сумерки.

Вдали, в небольших долинах или на берегу речки, виднелись бедные глиняные хижины с соломенными крышами. Худые женщины, окруженные голыми ребятишками, выходили из дверей, чтобы издали посмотреть на проезжавших всадников. Другие, очень юные, прикрытые только рваным лоскутом ткани, косили редкую, похожую на щетину, невысокую пшеницу. Мальчики, крепкие и некрасивые, но здоровые, спускались с гор, неся за плечами большие связки хвороста, а мужчины в тени ореховых деревьев и буков плели из воловьих жил щиты или упражнялись в стрельбе из лука и владении копьем.

На дороге иногда показывались подозрительные всадники на маленьких мохнатых лошадках — полупастухи, полуразбойники. Они внимательно оглядывали путников и, убедившись, что те хорошо вооружены, возвращались к своим стадам. Несметные стада баранов и рогатого скота, привыкшие к уединению, разбегались в испуге перед отрядом всадников. Из зарослей розмарина и тмина взлетали стаи диких куропаток.

Актеону понравилась суровая жизнь этих людей. Женщины, более подвижные, чем мужчины, выполняли трудные работы. Только дети помогали матерям. Юноши рано брались за копье и под руководством старших учились сражаться как пешими, так и конными.

В некоторых деревушках путешественников принимали с традиционным гостеприимством, узнавая Алорко, наследника Эндовеллика, сурового вождя племени. Горцы приказывали женщинам готовить гостям постели из мягкого сена, а сами закалывали теленка в честь приезжих. По пути многие женщины останавливали путников у дверей своих хижин, предлагая горькое пиво в больших глиняных сосудах и хлеб из желудевой муки.

Алорко рассказывал афинянину об обычаях своих соплеменников. Они собирали желуди — свою главную пищу и, высушив их сначала на солнце, очищали от кожуры и перемалывали, запасаясь мукой на зимние месяцы. Этот хлеб, дичь и коровье молоко помогали им выжить. Случалось, что коровы дохли от болезней, поля не давали урожая, и когда свирепствовал голод, более сильные варвары съедали более слабых. Алорко помнил, что ему говорили об этом старики.

Молодой кельтибериец продолжал рассказывать о своей родине.

Многие из женщин, так усердно работавших на полях, часто умирали в раннюю пору своей жизни, не выдерживая домашней работы и трудных родов. Едва только новорожденный появлялся на свет божий, его погружали в ближайшую горную реку, чтобы этим испытанием закалить и укрепить на долгие годы. И роженица сразу вставала с постели, принимаясь за домашнюю работу, а муж ложился на ее место, укладывая рядом с собой новорожденного. Еще не оправившаяся от родов женщина готовила ужин и окружала своего господина заботой в благодарность за плод, дарованный ей.

Несколько раз всадники видели по краям тропинки охапки травы, на которых неподвижно лежали больные. Около них стояли кувшины с водой. Иногда какой-нибудь ребенок сидел рядом на корточках и отгонял веткой мух. Это были калеки, которых родные по древнему обычаю оставляли на краю дороги, чтобы они просили милостыню, выставляя напоказ свои болячки.

Мужчины умывались лошадиной мочой для того, чтобы укрепить свое тело. Оружие было их единственной ценностью, и они берегли его как зеницу ока. Осо-

бенно ценились бронзовые мечи, привозимые с северного полуострова, стальное оружие, изготовляемое в Бильбилисе, и гибкие панцири, сделанные из нескольких слоев полотна, наложенных один на другой. С ними кельтибериец не расставался, даже укладываясь спать. Варвары спали, не снимая грубого походного плаща, держа оружие под рукой, чтобы всегда быть готовыми к бою.

После трех суток пути отряд вступил во владения племени Алорко. Оно жило на склонах гор по обе стороны Халона.

Женщины выходили из хижин, чтобы приветствовать сына вождя, а мужчины, схватив копья, вскакивали на лошадей и присоединялись к отряду. В первой деревушке, где путники остановились, один старик сказал Алорко, что его отец, могущественный Эндовеллик при смерти, а в другом селении, куда отряд приехал через несколько часов, им сообщили, что великий вождь уже умер.

Все воины племени, пастухи и земледельцы последовали за Алорко. Когда они прибыли в деревню, где жил вождь, присоединившиеся к отряду местные жители образовали целое войско.

В дверях отцовского дома — низкого строения из красного камня с бревенчатой крышей — Алорко увидел своих сестер с букетами цветов в руках.

Сестры Алорко, так же, как и другие женщины, жены первых воинов племени, скрывали свое горе и улыбались, словно собирались справлять празднество. Старость считалась позором у кельтиберийцев, презиравших немощь. Смерть в постели была большим несчастьем, и единственное, что смущало семью Эндовеллика, было то обстоятельство, что такому знаменитому воину пришлось умереть, постепенно угасая от болезни.

Одежда и необычный вид Актеона привлекли внимание всего племени. Многие из кельтиберийцев никогда не видели ни одного грека и смотрели на чужеземца враждебно, вспоминая хитрость и уловки торговцев, от которых их соплеменникам приходилось терпеть убытки, когда они отправлялись в Сагунт, чтобы продать серебро из рудников.

Алорко быстро успокоил своих земляков.

— Это мой брат, — сказал он на родном языке. — Я жил рядом с ним в Сагунте. Но он не из этого города. Он приехал издалека, из тех краев, где люди напоминают богов, и этот человек захотел сопровождать меня, чтобы поближе познакомиться с нашими обычаями.

Женщины изумленно смотрели на Актеона, до глубины души пораженные почти божественным происхождением, приписываемым ему Алорко.

Всадники спешили и вошли в обширный дом вождя. Обширная зала, закоптевшая от дыма, служила местом сбора всех воинов племени. На одном из ее углов находился огромный плоский камень, на котором потрескивали дрова, а над ним — проделанное в крыше большое отверстие, заменявшее дымоход. На стене висело каменное изображение бога племени, душившего голыми руками двух львов. Стены залы были увешаны копьями и щитами, шкурами диких зверей, ветвистыми рогами серн, убитых на охоте. Вдоль стен тянулась длинная деревянная скамья. А у очага возвышалось некое подобие трона, сложенное из камня и покрытое медвежьей шкурой. Здесь сидел вождь.

Воины племени вошли. Один из старейшин, взяв Алорко за руку, подвел его к почетному месту.

— Садись здесь, сын Эндовелика. Ты его единственный наследник и достоин стать нашим вождем. Ты унаследовал его храбрость и мудрость.

Остальные воины взглядами выразили одобрение словам старика.

— Где мой отец? — спросил Алорко, сильно взволнованный этой простой церемонией.

— До заката солнца его тело будет находиться на лугу, где ты учился объезжать коней и владеть оружием. Юноши нашего племени охраняют его. Завтра, с восходом солнца, совершится сожжение, достойное столь великого вождя. Теперь же ты, как новый вождь, отдай свои приказания.

Алорко посадил грека рядом с собой. Женщины внесли факелы: сквозь узкие окошки в комнату проникал только слабый, рассеянный свет.

Сестры Алорко в украшенных цветами туниках обходили воинов, угощая их медом и пивом. Все пили очень много, не теряя при этом чувства собственного достоинства.

Воины вспоминали подвиги умершего, словно он умер много лет тому назад, говорили о великих походах, в которые они, без сомнения, отправятся под началом нового вождя. Несколько раз старейшины таинственно намекали на что-то, что должно было обсуждаться завтра в Совете.

Принесли ужин. Кельтиберийцы не ели, сидя за столом, как прибрежные жители. Они остались сидеть на каменных скамьях. Женщины поставили рядом с ними пшеничный хлеб вместо обычного, из желудевой муки. Потом они принесли большую миску, наполненную кусками жареного мяса с кровью, и каждый воин взял по куску кончиком ножа. Сосуды, полные питья, переходили из рук в руки. Когда сосед Актеона дружелюбно предложил ему свой рог, он принял его и вежливо поблагодарил, хотя и не понял ни слова из его речи.

После ужина в комнату вошли несколько юношей с флейтами и начали играть старинную мелодию. В ней слышались и радость охоты, и ярость битвы. Гости разгорячились, и многие из них, самые молодые, выскочив на середину залы, начали бешеную пляску. То был танец, которым оканчивались все пиршества кельтиберийцев, танец, состоявший из упражнений, требовавших большого физического напряжения, и возвращавший силы в минуты слабости.

Воины разошлись задолго до полуночи, оставив Алорко и Актеона одних в громадной зале, наполненной дымом и чадом. Друзья, не раздеваясь, улеглись на охапках сена, положив оружие возле себя, как делали все воины племени.

На рассвете они отправились на луг, где возлежало тело Эндовеллика. Все племя собралось на площадке около реки. Молодежь с копьями, в полном вооружении, сидела верхом на конях. Старики устроились в тени бучков, а женщины и дети — вокруг костра, на котором лежало тело умершего вождя.

Эндовеллик отправлялся в свой последний путь, одетый в полное воинское снаряжение. Его поредевшие волосы выбивались из-под высокого, позолоченного шлема; тщательно расчесанная борода прикрывала бронзовый панцирь; в руках у него был кельтиберийский меч с короткой рукояткой. Щит, с вырезанным на нем изображением бога, сражающего со львами, лежал под головой вождя.

Когда на лугу появились двое приятелей, им навстречу поднялся старик, разговаривавший накануне с Алорко. То был старейший из всех членов племени, с которым Эндовеллик не раз советовался, прежде чем пускаться в свои смелые набеги. В трудных ситуациях старик разрезал священным каменным ножом животы пленников, чтобы по их внутренностям предсказывать будущее. Он отрубал руки побежденным, чтобы прибить их у дверей вождя и тем умиловать грозное божество племени. Все воины смотрели на него с благоговением и страхом, считая его способным изменять движения светил или за одну ночь уничтожить посевы врагов.

— Подойди, сын Эндовеллика, — торжественно сказал он. — Взгляни на свой народ, избирающий тебя, как самого храброго и достойного, наследником вождя.

Он вопросительно посмотрел на толпу, и воины дружно ударили по щитам, приветствуя избрание нового вождя яростными криками, точно перед битвой.

— Ты наш вождь! — продолжал старик. — Ты станешь отцом и хранителем своего народа. Прими наследие отца... Подайте щит!..

Двое юношей подошли к костру и, приподняв голову Эндовеллика, вынули из-под его головы щит с изображением бога.

— Этим оружием ты будешь прикрывать свой народ от врагов, — сказал старик. — Теперь возьми меч.

Юноши подали меч, вынув его из окоченевших пальцев покойника.

— Надень его, Алорко, — продолжал старик. — С его помощью ты будешь защищать нас. Он, как молния, поразит того, на кого тебе укажет племя. Подойди, юный вождь!

Старик взял Алорко за руку и подвел к костру, на котором лежал его отец. Молодой человек отвернулся от тела, опасаясь прослезиться в присутствии племени.

— Клянись Нетопом, Аутубелем, Наби, Каулеком, — всеми богами нашего племени и богами всех племен, населяющих эту землю и ненавидящих иноземцев, которые пришли из-за моря, чтобы захватить наши богатства! Клянись соблюдать верность своему народу и всегда выполнять то, что решат воины племени!.. Клянись телом своего отца, которое сейчас обратится в пепел!

Алорко торжественно поклялся, и воины вторично ударили по щитам.

Старик с необычной ловкостью поднялся на костер и дотронулся до лат покойного.

— Возьми, Алорко, — сказал он, подавая новому вождю медную цепочку с висевшим на ней маленьким сосудом. — Это самое ценное из наследия твоего отца: оберег, с которым он никогда не расставался. Нет во всей Кельтиберии воина, который не носил бы на себе яд, чтобы в решающую минуту умереть, но не стать рабом победителя. Этот яд приготовил я для твоего отца. Целый лунный месяц я извлекал его из диких трав, и одна его капля убивает быстрее, чем молния. Если тебе когда-нибудь случится быть побежденным, выпей его и умри прежде, чем твои соплеменники увидят своего вождя рабом.

Алорко надел цепочку на шею. После этого он вернулся и сел рядом с Актеоном.

Молодежь поднесла зажженные факелы к хворосту. Юноши подожгли смолистые стволы, и скоро пламя полностью скрыло тело от глаз зрителей.

Воины, прославившиеся своей силой и мужеством, окружили костер. Потрясая копьями, они громко перечисляли подвиги умершего вождя, и все племя вторило им. Они рассказывали о бесчисленных битвах, из которых Эндовеллик вышел победителем; о смелых набегах, когда он застигал врага врасплох ночью, забирал его запасы и уводил множество пленных. Они вспоминали о его невероятной силе и ловкости, с которой он объезжал самых диких жеребцов, и о мудрости, которую он проявлял на всех советах.

— Он покрывал отрубленными руками рабов двери наших жилищ, — крикнул один воин, словно призрак, промчавшийся среди дыма, окутывавшего костер.

И толпа кричала:

— Эндовеллик!.. Эндовеллик!

Так продолжали они восхвалять своего вождя. Пламя костра поднималось все выше и выше, а воины, громко перечисляя подвиги умершего, скакали прямо через костер взад и вперед. Наконец костер погас, и на месте, где он был, началась битва в честь покойного.

Воины, опустив поводья коней и держа перед собой щиты, яростно вступили в бой, как будто были непримиримыми врагами. Близкие приятели, друзья, ожесточенно обменивались ударами с увлечением воинов, считавших сражение лучшим развлечением. Они думали, что чем больше в день похорон прольется крови, тем больше почета будет оказано умершему. Если лошади при столкновении падали, бойцы продолжали биться пешими. Когда несколько воинов, с ног до головы залитые кровью, удалились с поля боя, в единоборство вменялись женщины и дети, разгоряченные видом битвы; Алорко приказал дать сигнал к отступлению, и сам смешался с толпой сражавшихся, чтобы разнять наиболее яростных.

Обряд похорон подошел к концу. Рабы племени насыпали остатки костра, и толпа в последний раз наполнила рога пивом, чтобы выпить в честь нового правителя.

Предводители направились в дом вождя, чтобы устроить там Совет.

Афинянин ехал рядом с Алорко, рассказывая ему, с каким ужасом он смотрел на варварские обычаи кельтиберийцев. Так как Актеон не понимал ни слова из их языка, то воины без тревоги встретили его появление на Совете вместе с новым вождем.

Старик-колдун, обращаясь к Алорко, при почтительном молчании воинов произнес длинную речь, и Актеон понял, что он рассказывал о событиях, происшедших в племени за несколько дней до прибытия нового вождя, о союзе с дружественными племенами и нескольких удачных набегах.

Грек заметил, как по лицу Алорко пробежала легкая тень, словно ему говорили о чем-то неприятном, что шло вразрез с его взглядами. Воины смотрели на своего вождя очень пристально, и в их глазах читалось одобрение всему, что говорил старик. Алорко быстро овладел собой, внимательно выслушал колдуна и, когда тот кончил, кивнул головой в знак согласия.

Присутствующие восторженными криками встретили этот кивок и затем быстро выбежали из дома, спеша сообщить радостную весть всем остальным членам племени.

Когда грек остался один на один с кельтиберийцем, последний грустно сказал:

— Актеон, завтра я выступаю в поход. Я стал предводителем своего племени. Воины желают, чтобы я вел их в битву.

— Я могу сопровождать тебя?

— Нет. Я не знаю, куда мы отправляемся. У моего отца был могущественный союзник, которого я не могу тебе назвать, и он теперь призывает меня, не говоря, куда. Все племя с нетерпением ждет этого похода.

После долгого молчания Алорко прибавил:

— Ты можешь оставаться здесь, сколько хочешь. Мои братья будут повиноваться тебе, как если бы ты был вождем племени.

— Нет, мне нечего делать здесь без тебя. За один день я повидал достаточно, чтобы понять нравы кельтиберийцев. Я возвращаюсь в Сагунт.

— Тебе хорошо: ты можешь вернуться к спокойной жизни и пирам Сонники! Твое будущее не покрыто мраком неизвестности.

Оба друга молчали, словно их обоих одновременно посетили мрачные мысли.

— Ты вернешься из своего похода, отягченный богатством, и приедешь в Сагунт весело проживать его, — проговорил грек...

— Кто знает, — сказал Алорко. — У меня есть предчувствие, что нам больше не встретиться с тобой, Актеон. Если мы увидимся, то проклянем богов, и потому будет лучше не встречаться.

И он замолчал, словно опасаясь дальше высказывать свои мысли.

Грек и кельтибериец крепко обнялись и затем, в знак братской дружбы, поцеловались.

V

Набер

Красавица Сонника думала, что навеки потеряла Актеона. Она посчитала его внезапный отъезд за каприз непостоянного афинянина, неугомонного странника, горевшего желанием посетить новые страны. Одни боги знали, куда направится эта редкая птица после посещения Кельтиберии! Наверное, он уедет с Алорко, начнет воевать вместе с варварами, и они, восхищенные его умом и изворотливостью, в конце концов провозгласят Актеона вождем.

Сонника полагала, что афинянин никогда уже не вернется обратно, что ее короткая весна походила на мимолетное счастье женщины, полюбившейся богу, ради которой он ненадолго спускался на землю. Она, так хладнокровно и насмешливо относившаяся к чужому чувству, целыми днями проводила в постели или, как тень, бродила по большому саду, подолгу оставаясь в гроте, где впервые, под рукой грека, упал на землю пояс ее туники. Рабы трепетали перед изменчивостью ее настроения: она то плакала, как девочка, то вдруг, повинувшись внезапной вспышке жестокости, наказывала всех без разбора. И однажды, в одно прекрасное утро, перед загородным домом куртизанки появился Актеон на взмыленной, запыленной лошади. Он жестом отпустил сопровождавших его кельтиберийцев совершенно дикого вида и с распростертыми объятиями бросился навстречу Соннике. Все огромное имение снова ожило: хозяйка смеялась,

веселее звучали флейты, и рабы, не боясь наказания, распевали веселые песни. Даже воздух стал как будто мягче, а небо светлее.

Загородный дом Сонники снова зажил своей веселой жизнью, точно его хозяйка очнулась от долгого сна. По вечерам в обширном триклиниуме устраивались пиры. Сонника приглашала своих молодых друзей, и даже для Евфобия находилось место за столом, и бедному философу не приходилось больше опасаться рассерженного домоправителя.

Сонника улыбалась, обнимая Актеона, слушая его голос, как нежную музыку. Гости просили грека рассказать о путешествии в Кельтиберию, удивляясь обычаям племени Алорко. Евфобий не скрывал своего удовольствия, что имеет столь могущественного друга, и говорил о своем намерении отправиться к нему на некоторое время, чтобы пожить без забот, не нищенствовать и не питаться подавниями сагунтских купцов.

Для афинянина снова началась пора любви. Целые дни он проводил на вилле у Сонники. После наступления сумерек Сонника отправлялась вместе с ним в сад, и ночь настигала их в гроте, когда влюбленные, крепко обнявшись, сквозь сон прислушивались к песне ручейка, дившегося в алебастровую чашу.

Иногда по утрам Актеон отправлялся в город прогуляться под портиками Форума, прислушиваясь к новостям с любопытством человека, выросшего среди сплетен афинской Агоры. С каждым днем он замечал все большее волнение на центральной сагунтской площади. Праздные люди постоянно говорили о войне; более воинственные граждане вспоминали о походе против турдетанцев, разумеется, сильно преувеличивая собственную храбрость; а миролюбивые купцы оставляли свои лавки, чтобы узнать последние новости.

Проходя по Сагунту, Актеон замечал, что рабы подправляют еще не полностью развалившиеся вековые стены, заделывая трещины, возникшие за время долголетнего мира.

Мопсо-стрелок каждый день сообщал Актеону о сошествиях, проходивших между сенаторами. Ганнибал при-

слал к ним эмиссара с требованием возвратить турдетанцам земли и добычу, отнятые у них во время последней войны. Африканец держался с нестерпимым высокомерием, и сагунтинская республика отнеслась к нему презрительно, наотрез отказавшись выполнить его требования. Сагунт повиновался только своему сильному союзнику — Риму, и, уверенный в его покровительстве, город равнодушно отнесся к угрозам карфагенян. Однако, так как война казалась неизбежной, и все горожане опасались отчаянной смелости Ганнибала, то два посла республики сели на корабль в порту Сагунта и отправились к берегам Италии, чтобы просить защиты римского сената.

Подобные слухи ходили по Форуму, и народ смеялся над Ганнибалом, как над заносчивым юнцом, которого давно надо проучить. Пусть он только пожалует в Сагунт! Кто он такой, и какой у него народ?! Карфагеняне-сицилийцы, основавшие новый город после того, как римляне изгнали их из Великой Греции. Хотя они и одерживали после того победы в Иберии, но то были победы над варварскими племенами, не знакомыми с военным искусством. Напав на Сагунт, они встретят достойного врага, за спиной которого будет стоять весельный Рим.

Подобные разговоры ободряли горожан. Приходили вести, что Ганнибал уже выступил в поход и медленно приближается к городу. При этом известии неведомый ранее воинственный дух пронесся по Сагунту, нарушая покой самых разумных граждан. Купцы, осознающие, что их добру угрожает опасность, выставляли у дверей своих лавок всяческое оружие или выходили на берег реки, смешиваясь с молодежью, упражнявшейся в стрельбе из лука под началом Мопсо.

Актеон целыми днями пропадал вне дома, несмотря на мольбы Сонники, желавшей видеть его постоянно возле себя. Сенат доверил ему начальство над пельтастами, легкой пехотой, не имевшей другой защиты, кроме тонкой кольчуги и тростникового щита. Он отправлялся со своим отрядом на берег реки и обучал его воинскому искусству с рассвета до заката.

После упражнений молодежь бежала в реку купаться, а грек, не торопясь, отправлялся в загородный

дом, останавливаясь по дороге в полюбившихся ему местах.

Однажды вечером афинянин встретил Эросиона, сидевшего под огромным вишневым деревом. Он смотрел вверх, откуда дождем падали красные сочные плоды, бросаемые невидимой рукой. Со времени их случайной встречи в священной роще Актеон не видел юношу. Эросион приветливо встретил грека.

— Почему же ты не работаешь? — спросил Актеон с отеческой улыбкой, — ты закончил свою статую?

Мальчик отрицательно покачал головой:

— Статуя? Не смейся надо мной. Я ни над чем не работаю...

— А Ранто?

— Она сидит на дереве и собирает для меня лучшие вишни. Сама лазает, как коза, а мне не позволяет. Боится, что я упаду.

Ветки дерева зашевелились, и вниз кубарем скатилась Ранто с полным подолом вишен. Она тут же принялась поглощать ягоды вместе со своим другом. Наевшись, влюбленные начали украшать друг друга гирляндами и подвесками из вишен.

Актеон с улыбкой смотрел на молодых людей, целовавшихся и обнимавшихся так непринужденно, словно они были совсем одни.

— Отчего ты бросил свою работу? — спросил он юношу.

Эросион и Ранто дружно рассмеялись.

— Я ее уничтожил, — пояснил мальчик. — Я разбил статую на куски и поклялся, что не возьму в руки никакой другой глины, кроме гончарной... если решусь вернуться на гончарный завод.

Он ласково обнял девушку за талию и положил голову на ее плечо.

— Зачем работать? — продолжал он. — Много дней провел я над проклятой глиной, стараясь придать ей форму этого тела, и все напрасно. Глина остается глиной и не может превратиться в тело. Когда у меня есть моя милая Ранто, разве не безумство стараться передать ее жизнь комку мертвой земли! Я больше не хо-

чу мечтать, афинянин. С меня довольно и того, что я сейчас имею.

И с наивным бесстыдством юноша начал ласкать свою подругу.

— Однажды, — продолжал Эросион, — я прозрел и понял истину. Обнаженная Ранто стояла передо мной. Позабыв обо всем, я видел в ней раньше только одну модель, но в тот день передо мной предстала женщина. Зачем гоняться за призрачной славой, когда удержишь счастье в руках? Я мечтал создать великую статую; чего бы я достиг этим? Разве что люди после моей смерти стали говорить: "Ее сделал Эросион, сагунтинец." А я, проведя всю жизнь в работе и страданиях, даже не услышал бы этого... нет, лучше будем жить и наслаждаться жизнью. В этот день я уничтожил свою статую и поцеловал Ранто. Лучше любить ее, чем терять время с комками глины. Не правда ли, Ранто?

И он снова обнял девушку, не обращая внимания на присутствие грека.

И Актеон, по смелости юноши и по огню, горевшему в глазах пастушки, понял, какая великая перемена произошла в них за последнее время. Любовный пыл изменил их тела, придав им грацию, полную неги, и сладкую истому, которой в них прежде не было.

— Я забыл об искусстве, и мы счастливы, — снова заговорил юноша. — Было бы безумством бежать в Грецию, оставив здесь это сокровище. Мы проводим время, гуляя по полям, разыскивая в рощах таинственные уголки, душистые темные гнездышки, которым позавидовала бы сама богачка Сонника; а когда мы проголодаемся, то доим коз Ранто, берем мед из ближайшего пчелиного улья или собираем плоды.

Он замолчал, опасаясь, что сказал лишнее. Ранто давно уже делала предостерегающие знаки, и Эросион прибавил умоляющим голосом:

— Ты же добрый, афинянин. Мы принимали тебя за старшего брата с тех пор, как познакомились с тобой на Змеиной дороге. Не рассказывай ничего отцу и Соннике. Не мешай нам наслаждаться этой жизнью, достойной богов...

Актеон с некоторой завистью посмотрел на этих счастливых, страстно любивших друг друга среди полей и лесов, любивших так, как будто у них была одна вера — любовь.

— Сагунту предстоит осада. Война близка. Ты не знаешь об этом?

— Не знаю, — беспечно ответил Эросион, — мне ни до кого, кроме Ранто, нет дела.

— А твой город? Тебя не беспокоит его безопасность?

— Я беспокоюсь больше о поцелуях моей пастушки. Пока я могу наслаждаться любовью и солнцем, какое мне дело до остального мира.

— Ты не любишь свою страну, неблагодарный!

— Теперь я люблю только вишни и эти красные губки, такие же сочные и свежие.

Они расстались, и Актеон несколько дней не мог забыть об этой встрече: веселая беззаботность счастливой парочки наполняла его сердце завистью.

Прошло лето. Начал созревать виноград, и виноделы радовались будущему урожаю, скрытому пока под широкими узорчатыми листьями; время от времени, как зловещий отголосок войны, приходили вести о Ганнибале, о его победах над варварами, о его планах насчет Сагунта.

Актеон чувствовал близость войны, и это вызывало в нем глубокую печаль. Он полюбил эту землю, такую же прекрасную, как Греция. Его душа, проникнутая покоем и миром плодородных полей и священных рощ, омрачалась при мысли, что эта жизнь будет скоро нарушена. Актеон провел свою жизнь в борьбе и приключениях и теперь, когда наконец он обрел мир в уголке, где надеялся окончить свои дни, война, как брошенная любовница, являющаяся неожиданно, без всякого желания с его стороны, опять заставляла сражаться и убивать.

Однажды вечером, в последние дни лета он, не торопясь, ехал по направлению к городу. В косых лучах солнца мелькали, как золотистые блески, трудолюбивые пчелы. Сборщики винограда весело пели в виноградни-

ках. И вдруг Актеон увидел выбегающего из ворот города слугу, работающего на складах Сонники в Сагунте.

Поравнявшись с Актеоном, он остановился, едва переводя дух от усталости, и сбивчиво заговорил. В его отрывистых словах слышался сильный испуг. Ганнибал приближается со стороны Сетабиса... В город уже устремились поселяне со своими стадами. Они не видели врага, но бежали, испугавшись рассказов жителей пограничных сагунтинских земель. Карфагеняне пересекли границу. Они грабят деревни и предают их огню. Слуга бежал предупредить свою госпожу, чтобы и она поспешила укрыться в городе.

И он снова пустился бежать к загородному дому Сонники. Грек несколько минут постоял в нерешительности. Он думал было вернуться за своей возлюбленной, но затем решил отправиться в город и уже оттуда попытаться спасти ее. Он надеялся отыскать дорогу в горы, с помощью которой Сагунт общался с племенами, живущими внутри страны. Приблизившись к городу, Актеон увидел многочисленных беглецов, о которых рассказывал ему раб.

Они заполнили всю дорогу; их стада брели, мешаясь с повозками; женщины бежали, таща за собой ребятешек; мальчики погоняли лошадей, нагруженных домашней утварью. Все перепуталось в поспешном бегстве. Грек ехал в направлении, противоположном потоку беглецов. Он с трудом миновал бесконечный ряд повозок, пробрался сквозь толпы крестьян и рабов.

Людской поток начал редеть. Мимо Актеона брели отставшие, несчастные старики, сгорбившись под тяжестью своего добра; калеки, опирающиеся на клюку; потерянные родителями дети.

Скоро дорога стала совершенно пустынной. Вереница беглецов скрылась вдаль, и перед Актеоном оказалась только прямая лента красной земли, дороги, доходившей до ближайших гор. Стук копыт его лошади гулко отдавался в окружающем безмолвии. Как будто сама природа замерла, чувствуя приближение войны. Даже вековые деревья стояли неподвижно, словно испуганные всеобщим бегством.

Актеон проехал через одно селение. Дома были пустынные, улицы — безлюдны. Ему показалось, что из одной хижины раздаётся тихий стон. Вероятно, это был какой-нибудь больной, забытый в поспешном бегстве. Потом он проехал мимо большого загородного дома. Из-за его высоких стен отчаянно залаяла собака.

И снова одиночество, молчание, разлившееся по всем окрестностям. Вечерело. Издали доносился слабый глухой гул, похожий на рев бушующего моря.

Грек сошел с дороги и поднялся на склон ближайшего холма. С его вершины Актеон мог, наконец, осмотреть окрестности.

Последние лучи заходящего солнца освещали горы, по которым красной лентой вилась дорога, и на ней золотыми искрами сверкали латы неизвестных всадников, продвигавшихся вперед с некоторой осторожностью. Актеон сразу узнал их — то были нумидийцы, а рядом с ними скакали другие воины, менее внушительной наружности, изю всех сил подгонявшие своих маленьких лошадей.

Актеон улыбнулся, узнав в них амазонак Ганнибала — знаменитый отряд, состоявший из жен и дочерей прославленных воинов. Этим отрядом командовала храбрая Асбита, дочь Хидарбаса из африканского племени гарамантов. Сзади всадников дорога казалась такой же пустынной, как и прежде, но в глубине, подобно скольжению огромной змеи, чувствовалось движение огромного войска.

Временами на горизонте словно вспыхивало новое солнце, освещая путь, по которому уже прошло войско карфагенян. Это полыхали деревни. Орды Ганнибала, набранные из наемников, двигаясь к вражескому городу, безжалостно вытапывали поля и сжигали жилища. Актеон стал опасаться, как бы нумидийцы и амазонки не захватили его в плен; поэтому, торопливо спустившись с холма, он пустил своего коня галопом к Сагунту.

Он достиг города уже ночью и, назвав себя, попросил Мопсо отпереть ворота.

— Ты видел их? — спросил стрелок.

— Прежде чем первый раз пропоют петухи, они будут стоять под нашими стенами.

Город полностью преобразился. Все улицы освещались кострами. Смоляные факелы горели около дверей каждого дома. Толпы беглецов осели на площадях, наполняя портики и собираясь под сводами ворот. Все сагунтинские жители заперлись в городе.

Форум за несколько часов превратился в лагерь. Стада коров согнали под колоннаду, где они из-за тесноты не могли даже пошевелиться и только топтались на месте и ревели. Ягнята прыгали по лестницам храмов; семьи поселян кипятили воду на мраморном полу атриумов, и пламя их костров озаряло город трепетным, тревожным светом. Сенат распорядился разместить беглецов в домах богатых людей вместе с рабами или в Акрополе, предоставив его многочисленным зданиям в распоряжение поселян. Туда при свете факелов, не мешкая, перевели огромные стада.

Заглушая шум толпы, вдруг раздался звук рогов и морских раковин, призывающий граждан собраться в отряды для защиты города. Купцы, вырываясь из объятий жен и дочерей, надевали греческие каски, увенчанные пучками конских волос, и выбегали на улицу. Юноши уже складывали у стен огромные камни, чтобы бросать ими в осаждающих, и весело насмеялись над женщинами, тоже желавшими принять участие в битве. Почтенные старики, богатые сенаторы раздавали оружие из своих складов наиболее воинственным поселянам, предварительно справившись, свободны ли они.

Город, казалось, был доволен предстоящей битвой. Пусть приходит Ганнибал! Наиболее самоуверенные сомневались, что африканец осмелится близко подойти к стенам города. А если он и подойдет, смеялись шутники, Карфаген погибнет около Сагунта.

Сагунтские посланники были уже в Риме и, без сомнения, скоро к городу должны прибыть римские легионы и в один миг уничтожить осаждающих. Многие в своем оптимизме верили, что боги совершат чудо, и римские войска появятся через несколько часов: на рассвете на голубой поверхности Сукропензского залива покажутся бесчисленные паруса — флот, который привезет непобедимых римских солдат.

Почти весь город собрался у стен: многие горожане думали, что, укравшись за зубцами, они останутся в безопасности и смогут собственными глазами увидеть приближающееся ганнибалово войско.

За городскими стенами царил полнейший мрак, погасли все костры. Словно в испуге замолкли лягушки в речных камышах, но бродячие собаки в полях лаяли, не переставая: они чуяли присутствие незнакомых людей, постепенно окружавших город.

Мрак усиливал напряженность толпы, находившейся на стенах города. Но вдруг среди темноты сверкнул один огонек, а затем второй, третий — все больше и больше. То были факелы, при свете которых шла надвигавшаяся орда. В слабом, колеблющемся свете виднелись размытые силуэты людей и лошадей. Вдали, на склонах гор, пылали костры, служившие, вероятно, вехой отставшим отрядам.

Этот свет заставил наиболее нетерпеливых горожан выйти из себя. Несколько юношей не могли удержаться и начали пускать стрелы в сторону огня. Из мрака им скоро ответили. Над головами горожан раздался свист, и с ближайших домов, грохоча, полетели черепицы: их сбили камни, пущенные вражескими пращниками.

Так прошла ночь. Когда петухи возвестили рассвет, большинство осажденных заснуло: им наскучило всматриваться в темноту ночи.

На заре все войско Ганнибала уже стояло под стенами города. Актеон, определив расположение отрядов, не мог не улыбнуться.

— Он хорошо знает местность, — проговорил грек, — воспользовался своим пребыванием в городе. Ганнибал сумел найти единственное место, откуда можно напасть на Сагунт.

На склонах гор больше никого не было видно. Все войско расположилось между рекой и низменной частью города, заняв дачи знаменитого предместья, которыми так гордились сагунтские богачи.

Солдаты, расположившись в роскошных виллах, готовили завтрак. Они ломали богатую мебель, чтобы развести костры, вырывали с корнем редкие плодовые деревья

и растягивали на них свои палатки. На другом берегу реки разъезжали всадники, занимая деревни и дачи, покинутые жителями.

Но больше всего сагунтинцев изумили слоны.

Они стояли в ряд по другую сторону реки, огромные, похожие на холмы, поднявшиеся из земли в течение одной ночи. Хозяева слонов с помощью солдат снимали с их спин квадратные башни и разворачивали гигантские покрывала, защищавшие бока животных во время битвы. Слонов выпустили на свободу: Ганнибал был уверен, что осада предстоит долгая, и помощь ужасных животных, столь ценимых в битвах, не потребуется.

Вслед за слонами на берег реки прибыли боевые машины, тараны, осадные башни — сложные сооружения из дерева и бронзы, которые тащили огромные быки, запряженные в два ряда.

Окрестности Сагунта преобразились: они покрылись холмиками разных цветов: полотняными и кожаными палатками — коническими и квадратными, напоминавшими муравейники. И вокруг них без остановки сновали солдаты.

Сагунтинцы с высоты городских стен рассматривали войско осаждающих, постоянно пополнявшееся новыми конными и пешими ордами, то и дело прибывающими по всем дорогам. То было сборище различных племен и народностей, пестрая смесь одежд и вооружения. Купцы, встречавшие в своих далеких путешествиях некоторые эти племена, подробно рассказывали о них своим удивленным согражданам.

Всадники, свободно разъезжавшие по равнине на маленьких лошадках, были нумидийцы. В бою они сражались, не ведая страха, налетая на врага на всем скаку. Копьем они владели с большим искусством. Вокруг костров в садах прохаживались ливийские негры. Они кутались в только что украденные богатые ткани и, дрожа, жались к огню, словно им была непереносима утренняя прохлада.

Эти люди с темной, блестящей кожей, — редкое зрелище в Сагунте — почти наравне с амазонками возбуждали любопытство жителей.

Амазонки — стройные загорелые женщины, смело разъезжали под стенами города. Их волосы свободной волной спускались из-под касок, а всю одежду составляла широкая туника с разрезом на левом боку, обнажавшим сильные ноги. Амазонки держались на лошадях без седел, управляя ими только с помощью легкой узды. Они подъезжали к самым стенам, а когда в них устремлялись тучи стрел и камней, бросались прочь, крича что-то угрожающее на своем языке.

Среди серой массы солдат выделялись латы нескольких всадников, сверкавшие, словно золотые искры. Это были карфагенские вожди, сыновья богатых купцов, сопровождавшие войско скорее в качестве советников, чем вождей. Они были с головы до ног закованы в броню, но годились больше для дележа добычи, чем для битвы.

Бывалые солдаты из числа горожан выделяли из общей толпы настоящее осадное войско. Люди с молочно-белым цветом лица, белокурыми усами и рыжими волосами, связанными в пучок на макушке, были галлы; другие, бронзовые и такие худые, что без труда можно было пересчитать все их кости, — были африканцы из оазисов Великой пустыни, таинственные люди, заставлявшие игрой на флейте плясать ядовитых змей. Рядом с ними стояли гиганты-лузитанцы; уроженцы Бетики — нынешней Андалузии, не сходившие с лошадей ни днем, ни ночью; враждебные кельтиберийцы, волосатые и грязные, выставляли напоказ свои лохмотья и северные племена, обожествлявшие одиноко стоящие камни — все это были люди суровых обычаев, вечно сражающиеся с голодом, варвары, о которых рассказывали всякие ужасы, что будто после битвы они съедают тела побежденных врагов.

Пращники-балеарцы, несмотря на свой свирепый вид, вызывали у горожан веселый смех. Купцы рассказывали о странных обычаях, господствовавших на их островах, и толпа шутками встречала балеарцев, вооруженных вместо копий пращами, — одной, обмотанной вокруг лба, второй — вокруг пояса, и третьей в руках. Эти пращи делались из конского волоса, камыша и во-

ловьих жил, и каждая из них употреблялась с учетом расстояния, на которое приходилось метать камни.

Пращники-балеарцы жили в пещерах или в расщелинах между скалами и с детства приучались владеть пращей. Отцы клали детям хлеб на горные выступы, и они не могли съесть его, не сбив прежде из пращи. Их страстью было вино и женщины. В битвах балеарцы пренебрегали пленниками, за которых можно было получить хороший выкуп, ради того, чтобы захватить женщин, и часто отдавали несколько здоровых рабов за одну рабыню. На их островах не были ценимы ни золото, ни серебро. Старейшины, угадывая зло, порождаемое деньгами, запретили вводить монеты, и балеарские пращники, состоявшие на службе у Карфагена, не имея возможности привозить заработанные деньги к себе на родину, спаивали солдат и тратились на грязных, жалких проституток, следовавших за войском. Их обычаи забавляли сагунтцев. По словам людей, побывавших на их островах, у балеарцев существовал обычай делать невесту достоянием всех гостей, прежде чем отдать ее мужу, а при погребении они колотили палками тело покойного до тех пор, пока не разбивали все кости и не превращали его в бесформенную массу, которую запихивали в маленькую урну. Их пращи были ужасным оружием. Во время битвы балеарцы бросали тяжелые камни с такой силой, что не выдерживали самые крепкие латы.

Кроме этих воинственных полчищ, по равнине бродили оборванные женщины всевозможных оттенков кожи и истощенные дети, не знавшие, кто их отцы. Они толпились в хвосте войска и лишь изредка пользовались трофеями одержанных побед. Женщины, засыпавшие на одном конце лагеря, а просыпавшиеся утром на другом, рано загубленные усталостью и побоями; дети, которые видели отцов во всех солдатах. Они несли в походах дрова и котелки воинов, а в минуты отчаянных схваток бросались под ноги противника и кусались, как волчата.

Актеон встретил Соннику на крепостной стене, откуда она смотрела на неприятельский лагерь. Красавица гречанка успела перевезти на городские склады часть со-

кровищ из загородного дома. Но бесценные картины и мозаика, богатая мебель, роскошная посуда — все это осталось неприятелю. Сонника и Актеон со стен крепости видели террасу дачи, голубятню и крыши помещений для рабов, где сновали неизвестные люди. Там поселились враги. Они забавлялись, пуская стрелы в азиатских птиц с пестрыми перьями и избивая старых больных рабов, оставленных во время бегства. Посреди сада поднялся густой столб дыма.

Гречанка и ее друг знали, что все будет разграблено и разрушено. Соннику огорчала, однако, не потеря части ее богатств, но то, что, разрушая место, свидетеля безудержной страсти, враги вместе с ним убивали и ее любовь.

Когда наступило утро, на стенах Сагунта раздались негодующие крики. По Змеиной дороге шли группы кривляющихся и кричащих женщин, обнимающих солдат.

То были проститутки из порта — отверженные, бродившие по ночам вокруг храма Афродиты и не смевшие показываться в городе. Когда в порту высадились карфагенские воины, они с восторгом последовали за ними. Эти женщины привыкли к грубым ласкам мужчин различных наций и потому не испугались появления солдат, принадлежавших ко всевозможным племенам и народам. Не все ли равно? Они любили людей сильных, хищных, когтями раздирающих женское тело, и поэтому без страха отправились по пятам карфагенян, довольные, что смогут подойти к городу без страха наказания и в насмешках над осажденными излить всю ненависть, накопившуюся за годы унижения.

Они кричали, как безумные, бросаясь в жадные объятия иступленных страстью воинов; они напивались дорогими винами, наряжались в ткани, украденные несколько минут тому назад. Нумидийцы с восторгом украшали их венками, и женщины, заливаясь веселым смехом, ласкали эфиопов, смеявшихся с детской радостью.

Они предавались любви прямо под стенами города, оскорбляя своим бесстыдством сагунтинцев, дрожавших от бешенства.

— Подлые суки!..

Граждане, бледные от ярости, высовывались из-за стен, словно собирались выскочить из города, чтобы растерзать проституток, а обезумевшие женщины, стремясь еще сильнее раздражить горожан, удваивали свои насмешки и, катаясь по земле, высоко задирали туники, приглашая вражеских солдат насладиться их любовью.

Скоро новое обстоятельство возмутило сагунтинцев. Некоторым из них показалось, что они узнали одного кельтиберийского воина, ехавшего во главе группы всадников. Его изящная посадка и уверенность, с которой он держался на лошади, напомнили многим Панафейские празднества. Когда юноша, соскочив на землю, снял шлем, все собравшиеся на стенах тут же узнали его и закричали от негодования. Это был Алерко! Черной благодарностью он отплатил городу, осыпавшему его почестями. Как видно, обязанности вождя кельтиберийцев заставили его забыть братский прием, оказанный ему Сагунтом.

Рассерженные граждане начали совещаться. Неожиданно вперед выступил Ферон, жрец Геркулеса. Он был полностью поглощен созерцанием вражеского лагеря.

Сагунтинцам показалось, что перед ними появился сам Геркулес, покинувший свой храм в Акрополе, чтобы взойти на городскую стену. Жрец был обнажен: только плечи прикрывались огромной львиной шкурой. Он без видимого напряжения нес в правой руке ствол дерева, служивший ему палицей. Его голова возвышалась над головами всех окружающих. Толпа с восторгом смотрела на твердую, как латы, грудь жреца, на мускулистые руки, на ноги, напоминавшие столбы. Ферон был так громаден, что его голова казалась непомерно маленькой по сравнению с огромными плечами, покрытыми буграми мускулов. Все горожане дружно отступали на шаг, словно испугавшись столкновения с этой горой мяса — олицетворением грубой силы.

Молодые, изящные друзья Сонники, даже в крайних обстоятельствах не забывшие накраситься, шли за жрецом и громко восторгались им.

— Привет Ферону! — вскричал Лакаро. — По-

смотрим, что скажет Ганнибал, встретившись с ним в бою один на один.

— Привет сагунтскому Геркулесу! — вторили остальные юноши, томно опираясь на плечи юных рабов.

Гигант посмотрел на лагерь, где в ту же минуту зазвучали рога и засуетились солдаты, собираясь в группы. Пращники начали осторожно приближаться к городу, прячась за сохранившимися строениями и небольшими холмиками. Скоро должна была начаться битва. За стенами стрелки натягивали луки, а молодежь по-прежнему собирала в кучи камни. Старейшины приказали женщинам удалиться. Около одной из лестниц, среди группы граждан, ораторствовал философ Евфобий, не обращая никакого внимания на негодование слушателей:

— Прольется кровь, — кричал он. — Все вы погибнете. А почему? Спрашиваю вас, что вы выиграете, если не повинуетесь Ганнибалу? У вас появился бы могущественный покровитель, и не все ли равно быть другом Карфагена или Рима? Если осада затянется, выдохнете с голода. Я переживу всех вас, потому что давно знаком с нуждой, как с закадычным другом... И еще раз спрашиваю: какая для нас выгода в том, что мы будем зваться римлянами, а не карфагенянами? Живите и наслаждайтесь! Пусть хищники проливают кровь, а вы, прежде чем убивать других людей, оглянитесь вокруг. Если бы вы обращали внимание на мои советы, если бы вместо того, чтобы презирать меня, черпали бы из кладезя моей премудрости, мы не оказались бы сейчас запертыми со всех сторон, как лисицы в норе.

Удары и пощечины были ответом философу.

— Паразит! Раб нищеты! — кричали со всех сторон. — Ты хуже проститутки, отдающих варварам.

Евфобий, дерзость которого все больше усиливалась, продолжал возражать. Он, однако, остановился, когда что-то огромное и темное заслонило ему свет. Перед ним возвышался гигант Ферон, смотря на философа с величайшим презрением.

Жрец неподнял левую руку, словно собираясь пальцем сбить зловредное насекомое, и не успел философ рта открыть, как покатился по ступеням лестницы с

окровавленной головой. Молча, без единого стога, — он привык к подобному обращению.

В ту же минуту град камней посыпался на стены. Затрещала черепица, обрушились куски штукатурки, некоторые из стоявших на стене упали с размозженными головами. Из города в ответ полетели камни и стрелы.

Началась осада.

VI

Асбита

Ганнибал метался в своей постели и никак не мог уснуть.

Петухи, нарушая безмолвие лагеря, возвестили полночь, а сон по-прежнему бежал от вождя. Ему не давало спать пение соловья на ветвях дерева, под которым была разбита палатка.

Глиняная лампа освещала ее внутреннее убранство. При колеблющемся свете слабо поблескивали латы, каски, кольчуги, заваленные тюками богатых тканей, награбленных в загородных домах сагунтинцев. Греческие кожи, амфоры с тонкой резьбой, ковры с мифологическими рисунками валялись вперемежку с воловьими кожами, щитами из бегемотовой кожи... Ганнибала больше заботило хорошее состояние оружия, чем порядок и чистота. Греческие сосуды изящной работы он использовал для самого унижительного употребления. Пол был покрыт обломками цоколей, статуй и колонн, разрушенных наемниками. На этих обломках сидели вожди, когда собирались на совет в палатке Ганнибала. Вся эта сваленная в кучу добыча была испорчена слепой страстью к грабежу. Только небольшая ее часть досталась вождю, относившемуся с полным презрением к искусству, если оно не отображалось на драгоценном металле. Он насмехался

над богами этой страны, как, впрочем, и всего мира, и обращался с их мраморными изваяниями, наполнявшими лагерь, как с каменными глыбами, пригодными только для того, чтобы пускать ими из катапульты в неприятеля.

В нервном возбуждении, никак не дававшем заснуть, Ганнибал приподнялся на ложе, и свет ночника упал на его лицо. Это уже был не косматый, свирепый кельтиберийский пастух, которого Актеон встретил у ворот Сагунта. Теперь на постели сидел статный молодой человек, не отличавшийся, правда, чрезмерной мускулатурой, но зато в состоянии выдержать любые испытания. Цвет лица у него был слегка смуглый. Волосы крутыми кольцами вились вокруг головы. Голову он обыкновенно склонял несколько набок, словно прислушиваясь к окружавшим его звукам.

Он постоянно одевался в разорванный и грязный плащ, такой же, как у всех кельтиберийцев, и единственным его отличием были тяжелые золотые браслеты на руках.

Уже больше месяца провел Ганнибал под стенами Сагунта, но не добился никакого результата. Еще накануне катапульты громили город, но все усилия оказались тщетны, и мысль об этой неудаче не давала ему заснуть. Любимец фортуны он без труда побеждал самые дикие иберийские племена; он водил своих слонов на вершины высоких снежных гор, переправлялся через реки, прорубал дороги в лесах, и варвары преклонялись перед ним, как перед божеством; впервые Ганнибалу пришлось иметь дело с упорным врагом, насмехавшимся над ним под прикрытием своих стен и не дававшим продвинуться вперед ни на шаг.

Город купцов и земледельцев, который он изучил так подробно, с презрением посматривая на его роскошь и изнеженность, теперь грозил положить конец всему, и в душу вождя при мысли о карфагенских врагах, о гневе Рима и о том, что время проходит бесполезно, начинала закрадываться тревога.

Он хорошо разведдал слабые места Сагунта. Его стенобитные орудия стояли у нижних ворот города, где

стены выходили на открытую равнину, допускавшую свободное приближение неприятеля. Но едва рабы, тащившие тяжелые машины, начинали подходить ближе, как в них устремлялась такая туча стрел, что те из них, кто не оставался вечно лежать на поле битвы, тут же обращались в бегство.

Иногда передвигавшиеся на колесах башни стремительно приближались к стенам города. Но так как эта часть крепости была более всего уязвима для неприятеля, стены, сделанные в других местах из глины и соломы, имели здесь крепкий каменный фундамент, и тараны с бронзовыми наконечниками лишь притуплялись, не нанося городу ощутимого вреда. Иногда осажденные покидали стены города, яростно бросаясь на своих врагов. Каждая такая вылазка наносила большой урон войску Ганнибала. Африканцы с суеврным страхом поговаривали о гиганте в львиной шкуре, который одним ударом поражал десяток осаждающих. Эфиопы считали его ужасным кровожадным божеством, подобным богам, которым они поклонялись в своих оазисах; кельтиберийцы утверждали, что это Геркулес, спустившийся с Олимпа на помощь родному городу.

Ганнибал издали узнавал его среди сражавшихся. То был Ферон, жрец, которого он видел однажды в Акрополе. Хорошо зная о его человеческом происхождении, Ганнибал не мог, однако, смотреть без ужаса, как над шлемами карфагенских воинов появляется эта голова, неуязвимая ни для стрел, ни для камней.

Кроме того, осажденные пользовались зажигательными стрелами — фалариками. Было известно, что среди купцов и сельских земледельцев находились люди, искусные в военном искусстве и побывавшие во многих странах. Ганнибалу припомнился Актеон, греческий скиталец, друг его детства. Наверное, он и стал изобретателем фаларика — стрелы, обернутой паклей и пропитанной смолой. Эта раскаленная стрела могла пробить и латы, и щит; а, если она не пробивала вооружение, то сжигала платье. Воин срывал латы, чтобы избавиться от огня и, таким образом, оказывался беззащитным под ударами врагов.

Карфагеняне, побеждавшие дикие, варварские племена Иберии, бежали с поля боя, как только их щиты загорались от огненных стрел.

Так проходило время, а осада не давала никаких результатов, и Ганнибала охватывало жестокое нетерпение. Огонь Ваала! Он стоит тут, прикованный к этим стенам, которыми никак не может овладеть, а тем временем там, в Карфагене, партия Ганона готовит падение династии Барков. И если Ганнибалу не удастся овладеть Сагунтом, то карфагеняне выдадут его, как нарушителя мирных трактатов Риму, если последний того потребует.

Тревожные мысли подняли его с постели, окончательно прогоняя долгожданный сон, которым он желал бы забыться. Ганнибал погасил лампу, но и в темноте продолжал лежать с открытыми глазами. Бледный свет луны пробивался сквозь отверстие в крыше палатки и падал на латы, блестящие в темноте, словно серебряные рыбки. Соловей по-прежнему выводил свои трели.

Ганнибала это раздражало: проклятая птица не давала ему спать. Он быстро засыпал среди шума битвы. Его, с детства привыкшего к лагерной жизни, убаюкивали звуки рога, грубые песни наемников и ржание лошадей. А между тем пение маленькой птицы раздражало Ганнибала и не давало заснуть.

Он вскочил, ошупью в куче оружия, тканей и прочих вещей нашел стрелу и вышел из палатки. Ночная прохлада несколько успокоила Ганнибала.

Луна равнодушно светила с безоблачной высоты. Дул легкий ветерок: осень уже подходила к концу; звезды на небе тускло мерцали. Лагерь отдыхал. Потухли костры, вокруг которых спали вперемежку с женщинами и детьми солдаты, закутавшиеся в конские попоны или куски драгоценных тканей; лошади, крепко привязанные к кольям, стояли правильными рядами, понурив сонные головы. Осажденный город тоже был погружен во мрак и молчание. Но слабый свет, мерцавший в бойницах крепостных стен, наводил на мысль о человеке, который только притворяется, что спит.

Ганнибал прошел мимо караула, стоявшего у его палатки. Солдаты приподнялись, услышав его шаги, но,

узнав вождя, снова опустились на землю. То были ветераны гамилькарова войска, смотревшие почти с обожанием на львенка — своего любимого вождя.

Ганнибал натянул лук, собираясь сразить ночного певца; но вдруг остановился и нахмурился, заметив неподалеку белую фигуру, выделяющуюся среди ночного мрака.

То была амазонка. Ее шлем и латы блестели при свете луны. Женщина пристально смотрела на палатку Ганнибала. Она лежала неподвижно, словно спала крепким сном, а ночной ветерок тихо играл ее волосами. Рядом с ней стоял вороной конь. На нем не было ни седла, ни узды. Опустив голову, он, словно верный пес, лизал обнаженные ноги амазонки.

— Асбита! — воскликнул Ганнибал, изумленный неожиданной встречей. — Что ты тут делаешь?

Царица амазонок очнулась и нежно посмотрела на своего вождя.

— Я не могу спать, — тихо сказала она. — Первую половину ночи мне снились ужасные сны. Богиня Танит не дает мне покоя: я видела тень своего отца Гиербаса, возвестившего мне скорую смерть.

— Смерть! — рассмеявшись, воскликнул Ганнибал. — Кто в такую ночь думает о смерти?

— Разве я бессмертна? Разве я не сражаюсь наравне с твоими солдатами? Я храбро бросаюсь на острия копий; стрелы дождем падают вокруг меня. Я презираю опасность... Но я должна скоро умереть — это возвещают мои сны.

И не желая показывать, как сильно она огорчена и встревожена, Асбита живо прибавила:

— Пусть смерть приходит, когда захочет. Если сны и смущают меня, то только потому, что, просыпаясь, я думаю о тебе. Не могу объяснить, почему, когда я представляю, что ты можешь умереть, я не могу с этим примириться. Ты должен жить долго и счастливо, как живут боги. Мне пришло в голову, что ты спишь один в своей палатке и никому не позволяешь охранять твой сон, и я поняла, что обязана провести эту ночь, сжимая в руках копьё, вблизи твоего ложа, чтобы враг не мог предательски убить тебя.

— Безумие! — смеясь, воскликнул африканец.

— Вспомни Газдрубала, мужа твоей сестры, — серьезно ответила амазонка. — Достаточно было предательского удара в спину, чтобы его не стало.

— Газдрубал должен был умереть, — живо ответил вождь. — Того требовала безопасность Карфагена. Было предопределено, что Газдрубал уйдет и уступит место Ганнибалу. А Ганнибала некому заменить, и поэтому он будет жить, хотя бы и в окружении одних врагов. Мой сон легок, а рука быстра; кто осмелился бы проникнуть в палатку Ганнибала, тот нашел бы там свою смерть.

Асбита с восхищением посмотрела на молодого героя, который, рассказывая о своей ловкости, протянул вперед сильные руки. Луна удлинила его тень, и амазонке на миг показалось, будто он охватывает руками весь лагерь, весь город, весь мир...

Амазонка приблизилась к нему, прислонив копьё к стволу дерева. Оставив свое оружие, она, казалось, отбросила воинственную суровость и теперь с женственной мягкостью приблизилась к Ганнибалу.

— Кроме того, — прошептала она, — я пришла потому, что меня тянет к тебе. Величайшее наслаждение для меня — охранять твой сон; я радуюсь, принося жертву, о которой ты и не подозреваешь. Днем я люблю тебя тобой, когда ты едешь в окружении карфагенян или, когда руководишь осадными башнями. Я всегда вижу тебя издали, вижу вождя, героя, но не простого человека. Помнишь ли ты тот день, когда я с подкреплением прибыла к тебе из Африки, и ты встретил нас криками радости?

— Асбита! Асбита! — прошептал Ганнибал, отступая на шаг, словно эти воспоминания мучили его.

— Не сердись, Ганнибал, выслушай меня. Мне очень нужно поговорить с тобой. Позволь мне хотя бы рассказать, что я чувствую. Если ты даже на это не согласен, то зачем я пришла в Иберию, соединив свою судьбу с твоей?

Вождь оглянулся, словно опасаясь, что кто-нибудь подслушает его беседу с амазонкой.

— Не бойся, — сказала Асбита, — Магон, твой брат, спит в другом конце лагеря с Марбахалом, твоим любимым военачальником. Мои амазонки далеко отсюда. Ты же окружил себя только одними иберийцами, а они ни слова не понимают по-финикийски.

Убедившись в справедливости ее слов, Ганнибал решил выслушать амазонку.

— Ты неприступен, словно бог, — со вздохом продолжала она. — Я люблю тебя, меня постоянно пожирает внутренний огонь, а ты даже не снизойдешь до того, чтобы добрым взглядом или улыбкой уменьшить его жар. Ты, наверное, сделан из бронзы; твои глаза всегда смотрят вверх, и ты не видишь тех, кто стелется по земле у твоих ног. Ты думаешь, что осчастливил меня тем, что водишь меня за собой от битвы к битве, от победы к победе, и считаешь, что мой долг — натирать себе копьём мозоли на пальцах, хотя прежде я украшала их кольцами; что я обязана портить забралом шлема себе лицо, когда до этого я натирала его драгоценными мазями, привозимыми из Египта моими караванами... Ты требуешь, чтобы я была сурова и жестока, как мужчина. Владая там, далеко, садами, где царит вечное лето, я терпела возле тебя голод и холод. Я уже сама не могу сейчас сказать, кем я стала: усталость заставляет мое тело терять красоту; моя кожа, по которой руки рабынь скользили как по зеркалу, стала твердой, как кожа крокодила. Если я не ужасна, как те состарившиеся жалкие самки, следующие за твоими солдатами, то только потому, что во мне еще живет молодость. И ради кого это все? Ради тебя. А ты даже не смотришь в мою сторону. Ты забыл нашу первую встречу. Ты видишь в Асбите только доброго друга, союзника, который следует за тобой и вовремя приводит подкрепление. Ганнибал! Ответ Ваала! Ты велик, как бог, но ты не понимаешь людей. Ты видишь во мне только амазонку, воинственную деву, но я ведь женщина...

Асбита замолчала и посмотрела на Ганнибала.

— Ты, вероятно, забыл, как мы познакомились, — после долгой паузы грустно заговорила амазонка. — Я счастливо жила в своем оазисе, пока не пришел ты,

и увел меня за собой. Я дочь гараманта Хиарбаса. Покинув уют своего дома, оставив рабынь и богатства, я часто отправлялась с Хиарбасом на львиную охоту, и воины ужасались, видя, как дикие звери становились робкими и покорными, когда я настигала их. Я была сильна, была красива; не успела я повзрослеть, как самые знаменитые нумидийские вожди стали навещать нас только для того, чтобы увидеть меня. Они хвастались своими стадами и землями, предлагая Хиарбасу свой союз. Я же, равнодушная, холодная, думала только о Карфагене, где побывала однажды с отцом. О, этот величественный, огромный город с его храмами и гигантскими статуями!

И, удалившись от предмета разговора, Асбита стала говорить о Карфагене. Воспоминания о большом городе, несмотря на все прошлые путешествия и приключения, были свежи в ее памяти. Она вспоминала дворцы богатых карфагенян; большие мраморные храмы со священными рощами; храм богини Танит, утопавший в кустах роз; гавань, огромную гавань, кишевшую судами, отовсюду привозившими бесценные богатства: дерево из Британии, медь из Италии, серебро из Иберии, золото из Офира, кость из Эфиопии, специи и жемчуг из Индии, а драгоценные ткани от бесчисленных таинственных азиатских племен, живущих где-то на краю света.

Асбита обожала этот город, но не только за его богатство, а еще и за то, что там жили приверженцы семьи Барка, чьим отпрыском был Ганнибал, еще мальчиком прославившийся в иберийских войнах.

— Мои родные всегда уважали твоих, — продолжала амазонка. — Если мой отец Гиербас переносил господство Карфагена, то только потому, что во главе карфагенского войска стоял Гамилькар, африканец, как и мы. Я тоже ненавижу карфагенских купцов, потомков финикийцев, которые заполнили холмы Арада, чтобы потом переплыть через море и захватить нашу чудную африканскую землю. Я ненавижу корабль на многих ваших монетах, — это знак насильников, но я обожаю карфагенского коня, нумидийского скакуна, как знак нашего прошлого.

Потом она начала восхищаться всемирной славой Барка. Она заранее полюбила Ганнибала, очарованная рассказами о его подвигах. Потом она видела юношу, сражающегося со звериной яростью рядом с отцом. Она видела Ганнибала, рыдающим от горя у трупа Гамилькара, а затем изнывающим в бездействии при Газдрубале, миролюбивом посреднике.

Ее отец, Хиарбас, умер, и она стала главой племени, когда вдруг узнала, что Ганнибал осажден в крепости Нового Карфагена, имея в своем распоряжении только остатки войска, собранного Гамилькаром в Иберии. Карфагенские богачи, враги семьи Барка, употребили все свое влияние, чтобы лишить Ганнибала власти. Они без возражений встретили его избрание, но предоставили ему защищать крепость только его собственными силами, надеясь, что варвары сами справятся с ним, или, если ему удастся основать на берегу Иберии небольшое государство, то в его пределах медленно угаснут притязания династии Барков.

— И тогда я помчалась к тебе, — продолжала вспоминать Асбита. — Я хотела спасти героя. Я продала большую часть своих богатств карфагенским купцам, чтобы они отдали мне свои корабли; воодушевила наиболее воинственных моих соплеменников, и они последовали за мной. Девушки, ходившие, как и я, на охоту, взялись за копье, увлеченные моим безумием. Таким образом, однажды вечером, когда ты уже похоронил все свои мечты о славе, неожиданно увидел с вершины крепости Нового Карфагена огромный флот, прибывший из Африки. Ты помнишь это? Скажи, ты не забыл, как принял меня тогда?

— Я никогда этого не забуду, — мягко ответил Ганнибал. — Это мое самое приятное воспоминание.

— Ты встретил меня, как богиню, словно сама Астарот спустилась с неба, чтобы взять тебя под свое покровительство. Ты видел только меня одну. Забыв о своем честолюбии, ты проводил со мной ночи на террасах крепости, и звезды были свидетельницами наших объятий. Но увы! Наше счастье было подобно египетским розам, расцветающим всего на один день. Скоро к

тебе вернулась страсть к господству. Ты восхищался больше искусством амазонок, чем моей красотой. Мы сражались с олкадами, с вацеями — иберийскими племенами, воевавшими с тобой. Я билась, как солдат, и считала себя счастливой, когда во время утомительных переходов ты ласково наклонялся ко мне, чтобы поцеловать... Теперь этого нет и в помине. Кто я? Только воин, друг, достойный благодарности за оказанную когда-то помощь. В битвах ты всегда защищаешь меня, а после, в походах, в лагере — всего только несколько дружеских слов, холодная улыбка, как и прочим твоим военачальникам. Твое сердце закрылось для меня. Разве я не та Асбита, которую ты знал в Новом Карфагене? Ты разлюбил меня за то, что я подурнела и огрубела за время войны? Скажи мне, и я снова превращусь в женщину, брошу своих амазонок и окружу себя греческими рабынями. Я стану натираться мазями, чтобы вернуть коже прежнюю свежесть, и буду следовать за тобой, лежа в носилках с пурпурными занавесями.

— Нет, — горячо возразил Ганнибал. — Я люблю тебя такой, какая ты есть. Возлюбленной Ганнибала может быть только такая амазонка, как ты.

— В таком случае, почему ты избегаешь меня? Почему бросил, забыв о нашей первой встрече? Взгляни на соловья, которого ты хотел убить: он радостно поет, призывая свою подругу, не обращая внимания на ужасы войны, не замечая запаха крови, поднимающегося с полей. Будем жить, как он, забудем войну, чтобы любить друг друга.

— Нет, Асбита, — мрачно сказал африканец. — Такое счастье невозможно. Хотя я и люблю тебя, но мы никогда не пойдем друг друга. Ты жалуешься, что я вижу в тебе только воина, когда ты еще и женщина; ты же, напротив, видишь во мне только мужчину. Я не бог, как ты воображаешь. Я больше — я огромная военная машина без сердца и сострадания, созданная сокрушать народы, попадающиеся мне на пути.

Ганнибал проговорил это, выпрямившись в мрачном величии, словно подтверждая свою разрушительную силу.

— Я любил бы тебя, если бы был только человеком, способным терять драгоценное время на подобные глупости. Но, разве ты где-нибудь видела, чтобы орел проводил всю свою жизнь в гнезде вместе с подругой, не стремясь взвиться ввысь, чтобы оттуда броситься на врага? Те, у кого есть когти, не могут любить, и я родился, чтобы победить этот мир или чтобы он победил меня... Любить! Я признаю, что это приятно! В моем прошлом, полном крови и борьбы, единственным счастливым временем были те дни в Новом Карфагене, когда мне казалось, что сама Танит, во всей своей божественной красоте, снизошла до моих объятий... Но у Ганнибала есть и другие привязанности: он любит свой меч, любит все, чем владеет враг. Я не могу спать спокойно, думая о Риме... Как далеко еще до окончательной победы!..

Амазонка в отчаянии подняла руки при виде страстного увлечения, с которым Ганнибал рассказывал о своих честолюбивых планах.

— Ты, может быть, думаешь, что я увлекся другими женщинами? — продолжал Ганнибал. — Кого я любил, кроме тебя? Чтобы сблизиться с варварами, последовавшими за мной, я решил жениться на дочери иберийского вождя. И где же она? Разве она последовала за мной, как ты? Она осталась в Новом Карфагене пряхь свои пестрые наряды, и я даже не вспоминаю о ней. Я люблю тебя одну. Только в твоих объятиях Ганнибал может трепетать от страсти. Будь же достойна этого, не веди себя, как остальные женщины; не ищи новых объятий; раздели со мной то, что я желаю и ненавижу, в стремлении назвать мир нашим.

И воодушевленный собственными словами, африканец приблизился к Асбите, шепотом продолжая свои горячие речи.

— Я хочу стать властелином мира. Хочу, чтобы на земле существовал только Карфаген — моя родина. Если бы я родился римлянином, то я сделал бы Рим владыкой мира. Я хочу затмить славу Александра Македонского; завоевать больше земель, чем завоевал он. Рим суров. Он гораздо могущественнее нашей торговой

республики, скупаемой скупостью. Его же рука крепко держит и плуг, и копье... Кто сладит с Римом? Александр? Как незавидна его судьба! Легко было завоевывать мир сыну Филиппа, получив в наследство войско, привыкшее к победам, имея за собой покорное государство и с детства пользуясь уроками Аристотеля. Но не легко сделать это Ганнибалу, покинутому родиной, без иной поддержки, кроме своей собственной. Я вынужден одновременно бороться со свирепыми врагами, изменой и кознями соотечественников. Я воспитывался вдали от отца, среди алчных купцов, которые, обращаясь со мной, как с заложником, старались заглушить мои воинственные наклонности. Я не имею других знаний, кроме поверхностных навыков греческого языка, которому научил меня спартаец Сосилон. И несмотря на все это, Ганнибал борется с судьбой и побеждает ее. Если сейчас все изумляются завоеваниям Александра в странах солнца, то настанет день, когда мир содрогнется, увидев, что я, перебравшись через высочайшие снежные горы, повелеваю Вселенной. Посмотри на меня хорошенько, Асбита, и ты убедишься, что так же бесполезно пытаться пробудить в моем сердце человеческие чувства, как пытаться смягчить огромное бронзовое Мелькарта в храме Карфагена. Несколько минут тому назад, в своей палатке, я чувствовал себя слабым и почти пал духом. Теперь, когда говорю с тобой, силы мои прибывают. Взгляни на меня: ты увидишь человека, не боящегося ни людей, ни богов.

— Богов! — воскликнула Асбита. — Ты не боишься, что они покарают тебя?

Оглушительный хохот, в котором слышалось бесконечное презрение, был ответом амазонке.

— Боги! — сквозь смех повторил Ганнибал. — Я живу среди воинов различных национальностей. Каждый из них поклоняется своим богам, а сколько не верит ни в кого?! Я же смеюсь над всеми. В Карфагене я поклонялся Мелькарту; здесь, ты видела сама, я не раз приносил жертвы иберийским богам, чтобы привлечь на свою сторону варваров. Если мне когда-нибудь суждено вступить победителем в тот город, куда постоянно устре-

мляются мои мысли и мечты, народ будет ликовать от восторга, видя, как я иду в Капитолий, чтобы почтить его богов... Я верю только в силу и ум. У меня есть один бог-покровитель — война, которая возвеличивает человека и наделяет его могуществом бога. Если, став властелином земли, я не встретил никого, с кем можно было бы сразиться, я бы умер от горя, полагая, что мир обезлюдел.

Амазонка грустно опустила голову.

— Я понимаю, что ты никогда не станешь моим, Ганнибал. Ты любишь войну превыше всего и не изменишь ей, пока жив. Ты похож на хищного орла; с тебя достаточно минутной любви рабыни, тебя удовлетворит несчастная окровавленная женщина, попавшая в руки твоих солдат после взятия города. Ты никогда не поймешь радостей любви.

Ганнибал презрительно пожал плечами.

— Я люблю победу и торжество. Ароматы лавров, которыми греки венчали себя в минуту триумфа, для меня приятнее благоухания роз. Перестань горевать, Асбита: если ты по-прежнему будешь воевать, забыв, что ты женщина, я буду любить тебя больше — ты станешь моим братом по оружию. Зачем вспоминать о ночах любви в то время, когда у меня не было войска, именно теперь, когда вся Иберия идет за мной, и мои мечты начинают осуществляться? Взгляни на этот лагерь. Каждый день здесь появляются новые воины. Сколько их? Никто этого не знает. Марбахал говорил вчера, что около ста двадцати тысяч, а я думаю, что скоро будет сто восемьдесят. Их привлекает слепая вера в Ганнибала. Они верят в мою победу. Их боги будто бы поведали, что теперь начинается война, которой потом ужаснется мир. Есть чему удивиться, Асбита. Эти люди проводили свою жизнь в междоусобных войнах; они ненавидели друг друга, и, несмотря на это, меч Ганнибала, словно пастуший посох, собрал их в одно стадо. После этого чуда ты хочешь, чтобы я терял время, положив голову тебе на колени, слушая, как ты поешь песни своей далекой родины. Нет, клянусь Ваалом! Сагунт насмеется над самым большим войском, какое только со-

биралось когда-либо на равнинах Иберии, и пора положить этому конец. Наточи хорошенько свое копьё, дочь Хиарбаса; приготовь своего верного скакуна, любовь моя, мы еще сегодня войдем в Сагунт.

И он посмотрел вдаль, с нетерпением ожидая наступления дня. Луна светила уже не так ярко: небо посветлело, и над морем обозначилась широкая фиолетовая полоса.

— Скоро рассвет, — продолжал африканец, — следующую ночь, Асбита, ты проведешь на ложе из слоновой кости какой-нибудь богатой гречанки, и старейшины города будут прислуживать тебе, как рабы.

— Нет, Ганнибал, я не увижу захода солнца. Сегодня во сне мне явилась тень Хиарбаса. Я умру, Ганнибал.

— Умрешь?.. Ты так думаешь? Чтобы добраться до тебя, враг должен будет перешагнуть через тело Ганнибала. Ты — мой товарищ по оружию. Я всегда буду рядом.

— И тогда ты тоже умрешь. Отец не мог обмануть меня.

— Ты боишься?.. Ты дрожишь, дочь гарамантов... Ты ведь женщина! Спрячься же в свою палатку и не приближайся к стенам. Я приду за тобой, когда настанет время торжественно вступить в город.

Асбита выпрямилась так резко, будто ее хлестнули бичом. Ее черные глаза сверкнули гневом.

— Я ухожу, Ганнибал. Солнце встает. Я хорошенько przygotowлюсь к приступу, и ты встретишь меня на коне, когда твои рога протрубят сигнал к наступлению. Зная, что умру, я прошу разрешения поцеловать тебя... всего один раз... Нет, не подходи ко мне очень близко. Сейчас мне это повредило бы. Поцелуй меня потом. Если я умру, и ты найдешь меня между трупами, вспомни о моем последнем желании.

Она ушла с копьём в руке в сопровождении своего черного коня.

День занялся. Костры погасли, и вокруг догоравших поленьев зашевелились люди, сбрасывая попоны, которыми прикрывались ночью. Солдаты отвязывали ло-

шадей, собираясь вести их к реке, чтобы выкупать и вычистить.

Со всех сторон к лагерю направлялись большие повозки, нагруженные провизией и кормом для лошадей. Со скрипом колес сливались песни солдат, певших на своих родных языках. Над лагерем стоял запах обнаженных, потных тел и едких специй. В воздухе раздавались громкие удары плотников, чинивших катапульты. Несколько всадников разъезжали около города, осматривая его стены, на которых уже начали собираться защитники. Ганнибал, стоя на обломке стены — жалком остатке роскошного загородного дома, — тоже внимательно смотрел на город.

Было решено начать приступ сразу же, как только войско окончит необходимые приготовления. Пятьсот наездников, вооруженных пиками, выстроились перед лагерем. Они должны были напасть на город в том месте, где его стены выходили на открытую равнину, позволявшую беспрепятственно добраться до цели. В других концах лагеря строились иберийские пехотинцы с длинными лестницами. Выдвигались вперед осадные машины, готовые начать бомбардировку Сагунта. Тараны раскачивались на цепях, ожидая своего часа. Осадные башни, закрытые щитами стрелков, двигались вперед на огромных колесах.

Ганнибал поспешил в свою палатку, миновав всадников, осматривавших свое оружие в уверенности, что им только в последнюю минуту придется принять участие в приступе. Вождь оделся в легкие доспехи. Он надел короткие латы из бронзы и взял меч. Выходя, он столкнулся с Марбахалом и своим братом Магоном.

— Ты идешь на приступ, оставив открытыми ноги? — спросил его брат.

— Да, — решительно ответил вождь. — Я иду на приступ, и мои ноги должны двигаться без лишних усилий. Стрелы не тронут меня.

По пути, между двумя палатками, он увидел царицу амазонок, провожавшую его грустным взглядом. Но когда взгляд Асбиты встретился со взглядом Ганнибала, она высокомерно отвернулась и ушла.

Затрубили трубы, и весь лагерь карфагенян пошел на приступ. Вперед выдвинулись мантлеты, деревянные укрытия, за которыми скрывались стрелки. Под защитой этих подвижных крепостей, шли африканцы, вооруженные пиками, и кельтиберийцы, несшие перед собой осадные лестницы.

Стены вмиг покрылись защитниками. Наверху зашумели пращники, метая тяжелые камни; с резким свистом выпуская стрелы, натягивались луки.

Воодушевляя осаждающих, Ганнибал ходил между своими солдатами, не обращая внимания на всевозможные снаряды, ударявшиеся о дерево мантлетов. Несколько раз ночью, рискуя попасть в плен, он добирался до подножия городской стены. Основанием ей служили большие камни, скрепленные глиной. Вождь убедился, что взобраться на стены трудно и решил пробить брешь в фундаменте, разрушив стену прежде, чем его войско понесет серьезные потери.

Приблизившись к стенам, африканцы вышли из-под защиты мантлетов и бросились на приступ. Они иступленно кричали и яростно потрясали сверкающими пиками, напоминая своих свирепых богов. С упорным ожесточением варвары принялись ломать стену, не обращая внимания на летевшие сверху камни.

Граждане, взбешенные такой смелостью, осыпали африканцев стрелами и камнями. Африканцы валились на землю с разбитыми головами, разможенными руками и ногами; многие из осаждающих были настигнуты стрелами. Но новые толпы, шагая по грудам трепещущих, изувеченных тел, выхватывали пики из рук умирающих и с удвоенной яростью продолжали крушить стену, словно она была их заклятым врагом. Африканцы, кельтиберийцы, галлы — люди всех цветов кожи — смешались между собой, выкрикивая с пеной у рта проклятия каждый на своем языке.

Часть стены начала поддаваться. Камни выпали из своих ячеек. Осаждавшие испустили дикий крик радости. Но прежде чем они успели перевести дух и снова взяться за работу, сверху на них хлынул раскаленный поток. Осажденные зажгли в городе костры. Купцы пла-

вили слитки серебра и лили расплавленный металл на тех, кто осмелился разрушать городские стены.

Осаждавшие с яростными воплями отступили. Ганнибал, подняв меч, надеялся остановить бежавших и вернуть их к работе. Но все его старания были напрасны. Солдаты только пожимали плечами, с почтением поглядывая на вождя, но опасаясь приближаться к стене. Многие из них катались по земле, задыхаясь от невыносимой боли...

Вдруг Ганнибалу показалось, что стены города рухнули сами собой, и все жители устремились наружу. Сагунтинцы бросились на кельтиберийцев, вырывая у них из рук лестницы. Город решил сделать дружную вылазку. Ворота были слишком малы, чтобы пропустить вооруженную толпу, рвавшуюся на простор, как поток, текущий между гор, а затем свободно разливающийся по равнине. Самые нетерпеливые, стремясь поскорее встретиться с врагом, прыгали прямо со стен.

В одно мгновение все пространство между стенами и лагерем было заполнено сагунтинцами. Осаждающие бежали. Ганнибала увлек за собой поток бегущих солдат. Мантилеты горели, и толпа женщин и детей, схватив факелы, поджигала осадные башни.

Сагунтинцы подвигались, сметая все на своем пути.

Гигант Ферон шел впереди, привлекая всеобщее внимание. Он невозмутимо поднимал и опускал свою палицу на головы бегущих, образуя в их рядах широкие просеки.

— Это Геркулес, — в суеверном ужасе кричали осаждающие. — Сам бог Сагунта идет на нас!

Появление гиганта только усилило всеобщее бегство.

Ганнибал не хотел отступать. Он пытался удержаться на месте, но напрасно. Его увлек поток бегущих, и ему пришлось употребить немало усилий, чтобы не быть сбитым с ног и растоптанным. Еще минута, и граждане, уничтожив все осадные орудия, ворвались в лагерь.

Вождь с проклятиями и угрозами обрушился на своего брата и Марбахала, не сумевших сдержать поток испуганных солдат. Он видел, как отряды воинов в бес-

порядке покидали лагерь, затягивая на ходу ремни своих панцирей. Все вокруг смешалось, и никто не обращал внимания на предводителей, приказавших трубить сбор войска, чтобы водворить нарушенный порядок.

Сагунтинцы, увлеченные победой, столкнулись с первыми рядами резервов и сразу смяли их. Ганнибалу удалось собрать вокруг себя группу отважных солдат, и он выступил с ними навстречу горожанам.

— Сюда! Сюда! — звал он бегущих из лагеря солдат, не знавших, в какую сторону им бросаться.

Но его крики привлекли внимание врагов. Ферон, словно действительно направляемый Геркулесом, двинулся к Ганнибалу. Он с холодным мужеством врезался в ряды врагов, сокрушая их ударами палицы; мечи, казалось, тупились о его могучие мускулы. Он был свиреп и великолепен, как бог.

Осаждавшие вторично отступили перед натиском сагунтинцев. Но вдруг неожиданное обстоятельство изменило ход битвы.

Земля задрожала от лошадиного топота, и на врага, с развевающимися из-под шлемов волосами, яростно налетели амазонки Асбиты. Они кричали, яростно потрясая копиями, и враг отступил в ужасе перед разъяренными женщинами.

Поверх голов окружавших его солдат Ганнибал увидел Асбиту. Солнечный свет, падая на ее шлем, окружал Асбиту сиянием. Инстинкт любящей женщины помог ей угадать местонахождение Ганнибала, и она тут же поспешила к нему на помощь.

Случившееся затем произошло очень быстро: Ганнибал едва успел разглядеть амазонку сквозь окружавшую ее пыльную завесу. Опустив копье, Асбита устремилась на жреца Геркулеса, который стоял в одиночестве, окруженный телами сраженных врагов.

— Охоо! — воскликнула она.

И, обхватив ногами бока животного, она слегка приподнялась, чтобы наверняка поразить гиганта.

Лошадь, испугавшись львиной головы, пятясь, поднялась на дыбы, и в ту же минуту на ее голову опустилась тяжелая палица.

Конь, обливаясь кровью, рухнул на землю, а амазонка стремительно вскочила на ноги, прикрываясь щитом. Если бы ей удалось продержаться еще одну минуту, она была бы спасена. Ганнибал, забыв обо всем на свете, бросился к Асбите.

Из лагеря на помощь амазонкам во весь опор скакали всадники, и толпа горожан в беспорядке отступила к городу.

Асбита, сделав шаг вперед, подняла копье, собираясь поразить гиганта, но в то же мгновение страшная палица обрушилась ей на голову. Бронзовый щит громко зазвенел, золотой шлем разлетелся вдребезги, и Асбита в тунике, обгаренной кровью, упала на землю, как белая птица с подбитыми крыльями.

Ферон, несмотря на свою ярость, на мгновение замер, словно ужаснувшись, во что он превратил эту красивую женщину.

— Сюда, Ферон! Я вызываю тебя на бой, свирепый Геркулес! Попробуй сладить со мной. Я — Ганнибал!

Жрец обернулся и увидел воина, приближавшегося осторожно, как тигр, который собирается напасть на слона и старается обнаружить его слабое место. Битва окончилась: сагунтинцы отступали к городу. Несколько солдат медленно подошли к Ганнибалу и остановились, пораженные суеверным ужасом.

Ферон не испугался, увидев себя в одиночестве. Ганнибал! Так этот воин, собиравшийся бороться с ним один на один, — Ганнибал! Этот странный поединок на виду всего города, собравшегося на стенах, казалось, был устроен самим Геркулесом. Он избавит Сагунт от главного врага!.. Бог посылает ему эту славу!

И, подняв палицу, Ферон, усмехаясь, двинулся на африканца.

Ганнибал старался не приближаться к жрецу, уврачиваясь от него с кошачьей быстротой, пока, наконец, Ферону это порядком не надоело, и он решил положить конец поединку. Твердо встав на ноги, он замахнулся палицей на Ганнибала. Но Ганнибал мгновенно отскочил в сторону. Однако палица все же задела его щит; но от

сильного удара она выпала из рук Ферона и отлетела далеко в сторону, подняв облако пыли. У африканца от этого удара подогнулись колени, но он удержался на ногах и стремительно бросился прямо на Ферона.

Оказавшись без оружия, жрец Геркулеса на минуту потерял самообладание. Ему стало страшно, и он бросился к стенам Сагунта. Увидев бегущего жреца, горожане на стенах натянули луки, чтобы хоть как-нибудь задержать Ганнибала, но стрелять они не решились, опасаясь ранить Ферона.

Грузному великану трудно было бежать по полю, усеянному телами погибших. Вдруг он споткнулся и упал. Ферон попытался встать, но не смог: его ноги запутались в свалившейся с плеч львиной шкуре.

Преследователи настигали его. Гигант спиной почувствовал холод оружия и, не желая на виду всего города умереть с позором, он быстро повернулся, вытянув вперед руки и пытаясь обхватить врага.

Но прежде чем огромные руки дотянулись до него, Ганнибал успел глубоко всадить меч в бок гиганту. Ферон грузно опустился на землю, зажав руками рану и недоуменно посмотрев на кровь, хлынувшую темным потоком.

Он посмотрел на Ганнибала без злобы, скорее с укором, и затем обратил угасающий взор на Акрополь.

— Отец Геркулес, зачем ты покидаешь своих детей? — горько прошептал он.

Его огромное тело, рухнув на землю, подняло густое облако пыли. Ганнибал наклонился над ним и начал отсекал мечом голову. Много усилий пришлось ему приложить, прежде чем удалось перерубить могучие жилы, в которых то и дело застревало оружие.

Вокруг Ганнибала тут же начали падать стрелы.

Вождь снял шлем, оставив голову незащищенной. Он схватил Ферона за окровавленные кудри и, поставив с видом победителя ногу на тело жреца, показал голову стоящим на стенах.

Граждане узнали своего жреца и вдоль стен пронесся крик изумления и ярости.

— Ганнибал!.. Это сделал Ганнибал!

Он же, простояв несколько минут, не обращая внимания на падавшие вокруг него стрелы, вдруг выпустил голову Ферона и упал на колени.

Мопсо-стрелок ранил его в ногу.

Осажденные видели, как в порыве ярости карфагенский вождь выдернул стрелу из раны и, разломав ее на куски, отшвырнул прочь. Но дальше горожане уже не видели ничего. Большая часть войска поспешила к своему полководцу, чтобы прикрыть его своими телами, а пращники и стрелки снова начали обстреливать стену.

Актеон, утомленный вылазкой, смотрел из амбразуры на равнину, не обращая внимания на пращников, которые, озлобленные раной своего вождя, осыпали стены настоящим градом камней.

Он видел, как Ганнибал приподнялся, поддерживаемый двумя карфагенскими военачальниками в золоченых латах.

Неожиданно вождь отделился от поддерживающих его воинов и, сильно хромая, направился к белому, окровавленному, женскому телу. Он наклонился над ним, и окружавшие его нумидийцы в первый и последний раз увидели, как свирепый Ганнибал заплакал, прильнув губами к изуродованному лицу Асбиты.

VII

На стенах Сагунта

Благодаря ране Ганнибала город на несколько дней мог отдохнуть от осады. Осаждающие, оставаясь в лагере, бездействовали, издали наблюдая за Сагунтом. Пращники выходили утром, чтобы упражняться в ловкости, бомбардируя городскую стену; но, кроме всего этого и нескольких стрел, пущенных из города в ответ, дру-

гих враждебных действий ни осаждающие, ни осажденные не предпринимали.

Отряды конницы разъезжали по полям, запасаясь фуражом, а огромная орда варварских племен заканчивала разрушать деревенские дома и виллы. Группы деревьев все редели: каждый день солдаты срубали все новые стволы для своего лагеря. Дымящиеся и почерневшие развалины поднимались среди покинутых полей. Кусок мозаичного пола часто являлся единственным остатком загородного дома, до основания скрытого дикими племенами.

Войско Ганнибала все росло. Каждый день к нему присоединялись все новые и новые племена. Казалось, вся Иберия собирается в лагерь под Сагунтом, стараясь овладеть богатствами города. Воины прибывали пешие и конные, грязные, одетые в звериные шкуры или лохмотья, жаждущие грабежа и привозившие с собой богатые подарки для африканца.

Сагунтинцы, торговавшие с этими племенами, без труда узнавали их со своих стен. Воины прибывали издалека; некоторым из них приходилось идти целый месяц, прежде чем они достигали Сагунта. Здесь были могучие лузитанцы, о зверствах которых ходило много рассказов; гамаики, жившие рыбной ловлей; астуры, сами делающие себе оружие, и мрачные воски, языку которых не могли выучиться никакие другие народы. И вместе с ними прибывали племена из Бетики, поспешившие отозваться на зов карфагенянина — ловкие наездники, с оливковым цветом кожи, одетые в короткие белые юбочки с широкой пурпурной бахромой и вооруженные пиками и большими круглыми щитами. Лагерь Ганнибала раскинулся почти по всей обширной равнине. Там вырос настоящий город, который все более увеличивался и, казалось, собирался поглотить крепость вместе с ее стенами.

На другой день после победоносной вылазки сагунтинцев горожане заметили оживленное движение в лагере осаждающих. Происходило погребение царицы амазонок. Сагунтинцы видели, как амазонки подняли тело Асбиты на свои щиты. Затем посреди лагеря за клубился

дым огромного костра, и жадный огонь пожрал останки Асбиты.

Осажденные предугадывали настроение, царившее во вражеском лагере. Ганнибал был прикован болезнью к ложу, и все войско, казалось, разделяло печаль героя. Знахари входили и выходили из его палатки. А их помощники искали в окрестных горах таинственные травы для приготовления целебных пластырей.

В Сагунте наиболее храбрые горожане предлагали повторить вылазку и, воспользовавшись всеобщей растерянностью, ударить по врагу, чтобы обратить его в бегство. Но лагерь осаждающих хорошо охранялся. Брат Ганнибала и все военачальники были начеку, опасаясь быть застигнутыми врасплох. Войско за земляными окопами, пользуясь вынужденным досугом, строило все новые укрепления, за которыми оно могло бы укрыться в случае нападения.

Кроме того, город был сильно поражен смертью жреца Геркулеса. Сагунтинцы не могли себе представить, каким образом африканский вождь смог убить великана Ферона на глазах всего Сагунта. И наиболее суеверные видели в этом зловещее знамение, предупреждение, что боги — покровители города постепенно покидают его.

Все горожане проявляли беспримерную твердость, решив защищаться до конца; но веселое настроение первых дней исчезло. Казалось, что над городом нависло несчастье, и все увеличивавшееся число врагов внушало панический ужас. Каждое утро сагунтинцы замечали, что вражеский лагерь растет. Когда же союзники Ганнибала перестанут прибывать?!

Великий и богатый торговый греческий город, недавно праздновавший веселый Панафейский праздник, превратился в осажденную крепость. Толпы крестьян, укрывшиеся в городе, расположились на улицах и площадях. В храмах, у подножия колонн, помещалась больница; наверху, в Акрополе, день и ночь пылали костры, на которых сжигались трупы погибших на стенах или умерших от болезней.

Запасы в городе были еще в изобилии, но богачи, предвидя будущее, собирали все съестные припасы, ка-

кие только могли достать. Бедняки резали лошадей и выючных животных и жарили их мясо на кострах.

И со стен Сагунта, так же, как и из Акрополя, все горожане с нетерпением смотрели на море. Когда же придет помощь из Рима? Что делают послы, отправленные Сагунтом в великую республику?..

Нетерпение часто становилось причиной трагических ошибок. Однажды утром караульные на башне Геркулеса начали отчаянно бить тревогу: им показалось, что они видят на горизонте паруса. Народ бросился на верхушку холма и, затаив дыхание, стал следить за белыми и красными парусами. Это они!.. Римляне!.. Долгожданный флот заходит в гавань! Однако через несколько часов на смену всеобщему ликованию пришло разочарование: то были вражеские триремы, посылаемые Газдрубалом, братом Ганнибала, из Нового Карфагена с запасами для войска.

Каждый из подобных случаев усиливал мрачное настроение сагустинцев. Число врагов все росло, а помощь не приходила! Городу суждено погибнуть. Защитники на стенах оживлялись только с появлением старого Мопсо, ставшего героем дня, и мужественного Актеона, умевшего афинскими шутками поднимать угнетенное настроение.

Сонника тоже часто появлялась на стенах. Она без страха ходила среди защитников, и граждане удивлялись храбрости богатой гречанки, не боявшейся вражеских стрел.

Любовь к Актеону и ненависть к осаждавшим придали ей мужества. Одно имя Ганнибала приводило ее в ярость. С высоты Акрополя она видела, как взвилось пламя над крышей загородного дома, как обрушилась голубятня, как вырубались чудные рощи, окружавшие ее дом, и как скоро все это превратилось в груду обуглившихся развалин. Сонника поклялась мстить не за потерянное богатство, а за разрушение приюта ее любви, полного воспоминаний. Она чувствовала себя очень уютно в осажденном городе, вынужденная питаться грубой пищей и жить на товарном складе среди сокровищ, кое-как сваленных в поспешном бегстве, бок о бок с ра-

бынями, и к тому же лишённая ванны, так как в городе вода хранилась только в цистернах, и старейшины раздавали ее в очень небольших количествах, предвидя будущие тяжелые времена.

Эта жизнь, полная лишений, раздражала Соннику, вызывая у нее воинственную смелость. Она каждый вечер присоединялась к своему возлюбленному и вместе с ним распоряжалась рабами, чинившими стену, а затем отправлялась к Мопсо в Акрополь, чтобы обсудить создавшееся положение. Она надеялась употребить затишье, вызванное болезнью Ганнибала, для того, чтобы улучшить состояние города. И вот Сонника ходила по стенам, разговаривала с молодежью и сулила щедрое вознаграждение тем, кто отличится больше всех, убеждая совершить беспримерную вылазку, снова дружно устремиться на врагов и оттеснить их до самого моря.

Постоянными спутниками Сонники стали Эросион и Ранто. Жизнь в тесноте и общая опасность сблизили ее с молодыми людьми, и они повсюду следовали за своей госпожой, восторженной улыбкой встречая все ее воинственные предложения.

Ранто перестала быть пастушкой. Всех коз из ее стада одну за другой съели в доме Сонники, и у нее не осталось никакого другого занятия, как следовать за своей госпожой рука об руку с Эросионом. Она была счастлива и желала, чтобы этому не было конца. Даже мрачный Мопсо, отец ее возлюбленного, при встрече с молодыми людьми часто улыбался, видя их такими счастливыми.

Опасность заставила людей сблизиться между собой. Богатые торговцы стреляли из лука, стоя на стенах рядом с рабами; довольно часто можно было видеть, как богатая гречанка разрывала свою полотняную туннику, чтобы перевязать раны грубого наемника, и богачка Сонника, прежде высокомерно относившаяся к городским женщинам, уговаривала их образовать отряд амазонок, подобный отряду Асбиты. Ранто, довольная своим новым положением, была ослеплена счастьем до того, что не замечала всеобщего горя и бедствия. Пылая страстью, она часто вырывала у своего возлюбленного лук и тут же на стене ласкала юношу с неистовым жаром.

Временное затишье продолжалось всего двадцать дней. Во вражеском лагере, не переставая, стучали топоры плотников, и граждане видели, как мало-помалу над равниной поднимается огромная деревянная башня в несколько этажей.

Ганнибал окреп и решил немедленно возобновить осаду. Желая, чтобы враги убедились в его выздоровлении, он, как только рана закрылась, стал выходить из палатки и часто объезжал городские стены в сопровождении своих военачальников.

Его вид ослеплял сагунтинцев. Солнце окружало Ганнибала ослепительным сиянием, словно он был богом. На нем были латы и шлем, принесенные в дар галаисскими племенами и изготовленные из чистого золота. Ганнибал предпочитал бронзовые доспехи, побывавшие с ним не в одной битве, но он специально совершал свои поездки вокруг Сагунта в золотых, желая поразить горжан своим величием.

С появлением Ганнибала осада возобновилась. Она стала еще более ожесточенной. Сагунтинцы сразу поняли, что осаждающие воспользовались затишьем, чтобы укрепить свою мощь. Они с большими усилиями подкапывали к городу огромные деревянные башни, которые успели построить за эти дни. В башнях скрывались воины-стрелки, стрелявшие из прорезанных в стенах амбразур. Верхняя площадка была настолько выше городской стены, что катапульты без труда бросали оттуда большие камни, поражавшие защитников города.

Ганнибал выходил из себя, взбешенный стойкостью сагунтинцев, и стремился поскорее кончить осаду...

По стенам стало невозможно ходить открыто. Осадные башни вплотную подошли к тому месту города, которое Ганнибал считал самым слабым пунктом. Стрелы и камни летели постоянно, и защитники не могли показаться на стенах, а внизу в это время под защитой башен работали тараны, медленно разрушая стену.

Побледневшие от ярости и сознания своего бессилия сагунтинцы напрасно пытались помешать этой работе. Осадные башни медленно переезжали с места на место, разрушая все вокруг.

Наиболее воинственные граждане, горевшие негодованием при виде такой безнаказанности, высовывались наружу, но едва они показывались из-за прикрытия, как на них обрушивался град камней.

Стена была усыпана трупами.

Напрасно осажденные пытались бомбардировать башни: камни с глухим шумом ударялись о стены, не причиняя им никакого вреда. Даже фаларики были бессильны против них: они не могли зажечь мокрые кожи, покрывающие верхние части башен.

Труссы постепенно покидали стены, и их место занимали смельчаки, не знающие, каким образом отразить неприятеля, но твердо решившиеся умереть раньше, чем враги продвинутся хотя бы на шаг.

Мопсо-стрелок был единственный, кто при подобном положении дел мог мешать карфагенянам. Он на секунду высовывался из-за прикрытия и ловко пускал стрелы в амбразуры осадных башен, поражая солдат, считавших себя в полной безопасности. Эросион не отходил от него ни на шаг. Он отправил Ранто вниз, не обращая внимания на ее слезы и мольбы, и, схватив лук, решил последовать примеру отца.

Однако менее осторожный, чем Мопсо, юноша временами чуть ли не целиком высовывался из-за своего прикрытия, и, когда ему удавалось всадить стрелу в амбразуру, он начинал смеяться, всячески оскорбляя осаждавших.

Камень, неожиданно брошенный катапультой, попал ему в голову. Кровь, пополам с мозгами, брызнула на стоявших вблизи воинов, и юноша, медленно перевалившись через стену, бессильно полетел вниз. Его стрелы с печальным звоном посыпались на землю.

— Мопсо! Мопсо! — кричал Актеон, желая удержать стрелка.

Но старик бросился на середину стены, оставив всякую осторожность. Он яростно рвал седую бороду, не помня себя от горя и ненависти.

Три раза подряд пытался он натянуть свой лук, чтобы пустить стрелу на площадку башни, где находилась катапульта, но, несмотря на все усилия, не мог

сладить с оружием. Горе и отчаяние, что он не может покарать своих врагов, лишили его сил.

Обезумевший от горя перед обезображенным трупом любимого сына, он испустил яростный стон и, собрав последние силы, бросился вниз со стены на останки Эросиона. Его тело глухо ударилось о камни, и отец с сыном застыли невдалеке от осаждавших, продолжавших разрушать крепостную стену.

Почти целый день продолжалась отчаянная борьба. Стена, казалось, содрогалась от ударов тарана, а горожане ничего не могли сделать, чтобы остановить осаждающих.

Защитники стали медленно отступать. Актеон, опечаленный смертью старика и убежденный в бесполезности дальнейшего сопротивления, предложил отступить во внутрь города. Он отошел со своим отрядом, и через минуту одна из башен крепости закачалась и рухнула, засыпая наиболее стойких воинов своими обломками. Потом обрушились еще две башни и большой кусок стены.

Громкие крики осаждающих сопроводжали это падение. Через открывшуюся брешь виднелась опустошенная равнина и часть лагеря. Вдруг в тесном проходе за сверкало оружие, и слышался звук трубы.

— Приступ!.. Карфагеняне занимают город!

К брешу со всех сторон начали сбегаться вооруженные люди. Все вокруг кричали, яростно потрясая мечами и копьями. И скоро широкая щель, прорвавшая каменный пояс города, быстро заполнилась разноплеменной толпой, образовавшей плотную, непроходимую массу.

Актеон сражался в первых рядах. Рядом с ним стоял благоразумный Алько, заменивший свой посох на меч, и многие из тех, кто решил умереть, прежде чем враг овладеет городом.

Когда карфагеняне пошли на приступ, они увидели, что им придется иметь дело с целым городом. Осадные башни, катапульты и тараны уже ничем не могли помочь. Предстояла борьба один на один, и горожане пустили в ход только мечи и копья.

Ганнибал пробивался впереди войска. Он сражался, как простой солдат, понимая, что наступила решитель-

ная минута, и городом можно овладеть, только собрав все свои силы. Он обращался к солдатам на их родных языках, напоминая о несметных богатствах Сагунта, о красоте гречанок и множестве рабов. И воины яростно бросались на приступ. Кельтиберийцы орали военные песни, размахивая короткими мечами; нумидийцы и мавританцы коварно пускали в горожан стрелы, пряча луки под своими белыми покрывалами.

Но все было напрасно. Брешь оказалась слишком узкой. Карфагенское войско, несмотря на численное превосходство, должно было постоянно стягивать свой фронт, восстанавливая таким образом равновесие, а на стороне сагунтинцев было преимущество положения, и горожане поражали врагов всякий раз, как только они взбирались на груды обломков. Сражающиеся схватывались врукопашную, ломали руки, сдавливая грудь друг друга в смертельном объятии.

Отряд Ганнибала ураганом налетел на обломки стены, и их натиск заставил дрогнуть защитников. Но никто и не думал отступить. Горожане вынуждены были умирать на своем посту, так как за спиной у них находились плотные ряды соотечественников. Это обстоятельство не давало никому убежать.

Бой продолжался несколько часов. Трупы, горой возвышавшиеся между осажденными и нападающими, затрудняли приступ. Солнце медленно начало садиться. Ганнибала утомило упорное сопротивление неприятеля, о которое разбивались все его усилия. Все еще веря в свою счастливую звезду, он приказал протрубить сигнал к последней атаке. Но в эту самую минуту произошло нечто неожиданное, сильно всполошившее карфагенское войско.

Актеон так и не понял, откуда раздался голос. Может быть, это была галлюцинация, может быть, выдумка какого-нибудь воинственного горожанина, которому надоело обороняться.

— Римляне! — крикнул кто-то. — Наконец прибыли наши союзники!..

Эта новость быстро распространилась. Ее встретили с легковерием, обычным в минуты крайней опасности.

Из уст в уста стала передаваться весть, будто караульные на башне Геркулеса только что увидели подплывающий к гавани римский флот. Никто не поинтересовался, кто сообщил эту приятную новость. Все с восторгом подхватывали ее, приукрашивая множеством подробностей. Глаза сагунтинцев блестели от радости, лица покрылись румянцем; и даже умирающие поднимали вверх руки с криками:

— Римляне! Приближаются римляне!

И неожиданно, без сигнала к атаке, точно всех их толкнула вперед невидимая сила, сагунтинцы бросились вниз по обломкам на осаждающих, построившихся для последней атаки.

Быстрота натиска, неожиданность и крики: "Римляне! Приближаются римляне!" посеяли смуту среди войска Ганнибала. Весь город обрушился на них. Даже женщины и дети ринулись в бой, как и в то памятное утро, когда был убит Ферон. И солдаты Ганнибала, отрезанные от своих военачальников, сломя голову бросились к лагерю.

Ганнибал громко закричал, увидев, что осажденные второй раз отбросили от города его войска. Слепленный гневом, он бросился в самую гущу врагов, пренебрегая осторожностью.

Быстро смеркалось. Сражающиеся сагунтинцы уже вплотную подошли к лагерю; некоторые из них рассеялись по полю, приканчивая раненых или пытаясь поджечь осадные машины. Их всех непременно уничтожили бы, если бы не Марбахал, один из военачальников Ганнибала. Он двинулся из лагеря с несколькими когортами всадников. Осажденные не в силах были сопротивляться коннице в открытом поле и медленно отступили. К ночи они снова заняли брешь. Победа над карфагенянами разогнала уныние, охватившее граждан из-за долгого отсутствия римлян.

Актеон с отрядом наиболее отличившихся в сражениях сагунтинцев начал восстанавливать стены города. Он объяснил сенаторам, что удерживать пролом — задача не из легких, и каждый день повторять такие чудеса, как сегодняшнее чудо, — невысказанно. И при свете

факелов горожане всю ночь заделывали брешь, ломали крыши и сносили стены.

Торговцы и рабы, богатые граждане и простые земледельцы дружно катили камни, таскали в корзинах глину. Даже сенаторы приняли участие в работе, продолжавшейся всю ночь и большую часть следующего дня.

Философ Евфобий, скрестив руки на груди, под градом насмешек и оскорблений рабочих, с иронией вспоминал основателей Сагунта, титанов, заложивших фундамент Акрополя.

На следующий день, когда работы в городе прекратились, карфагенское войско снова двинулось на приступ. Оно шло в полном безмолвии. Было ясно, что враги решились при первом же натиске овладеть проломом — местом их недавнего постыдного поражения.

Первые отряды войска Ганнибала стремительно поднялись на обломки и вступили в бой с доблестными сагунтинцами, все еще продолжавшими отстаивать брешь. После короткой схватки осаждающие заняли проход и разразились торжествующими криками.

Ганнибал смело шел во главе воинов. Но, перебравшись через обломки бреши, он невольно отступил назад.

Перед ним, куда ни глянь, были снесены все дома, а дальше, за грудой обломков, возвышалась огромная стена, построенная на скорую руку. Массивные плиты, неотесанный камень, разбитые колонны, все это было аккуратно положено друг на друга, и скреплено еще не засохшей глиной. Поспешно воздвигнутая усилиями всего города новая стена была еще выше прежней. Описывая кривую линию, она соединялась с уцелевшими концами стены.

Ганнибал побледнел от гнева, увидев, что все его усилия свелись к тому, что сейчас в его руках находился жалкий клочок городской земли, покрытый развалинами. Сагунт, если потребуется, снова разрушит свои дома и возведет новые укрепления, преграждая путь вражескому войску. Ганнибалу с боем придется брать каждую пядь земли, годами сокращать пространство го-

рода, сначала вокруг Форума, потом на высотах Акрополя, прежде чем он добьется своего.

На новой стене выстроились сагунтинцы, столь же решительные, как и накануне. Их стрелы и камни умерили воинственный пыл нападающих, и те, в конце концов, отступили к развалинам старой стены.

Ганнибал размышлял, глядя на высоты Акрополя. Он думал о том, что может потерять все свое войско, если будет продолжать осаду Сагунта с прежней стороны, где осажденные защищались так энергично. И, посоветовавшись с Марбахалом и своим братом Магоном, он убедил их занять новые позиции на высотах, напасть на Акрополь и вынудить город сдаться на милость победителя.

Прошло несколько дней. Атаки карфагенян не возобновлялись. Осадные орудия были перевезены к подножию горы и оттуда начали сокрушать стены Акрополя. Эти стены сильно обветшали и очень давно не поправлялись: сагунтинцы испокон века считали их неприступными.

Защитников для охраны обширного Сагунта не хватало, а осаждающие располагали несметным числом солдат, которые могли одновременно обрушиться на различные участки стены.

Однажды ночью Актеон повстречался на Форуме с Сонницей. Она искала его вместе с благоразумным Алько.

— У сенаторов есть к тебе дело, — печально произнесла прекрасная гречанка. — Алько будет говорить с тобой.

— Слушай, афинянин! — важно произнес сагунтинец. — Дни проходят, а необходимой помощи из Рима все нет. Может быть, послан не удалось добраться до римской земли, и сенат великой республики не знает о нашем положении. Может быть, в Риме воображают, будто Ганнибал раскаялся в своей смелости и снял осаду... Нам необходимо знать, что думает наш союзник. Мы хотим, чтобы римский сенат был подробно осведомлен о действиях Сагунта; и сенаторы, по моей просьбе, остановили свой выбор на тебе.

— На мне... Чего же они хотят? — удивленно спросил Актеон, поглядывая на грустную Соннику.

— Они хотят, чтобы ты сегодня же ночью отправился в Рим. Вот золото. Возьми также и эти таблички: по ним сенат признает в тебе сагунтского посла. Не на праздник отправляем мы тебя. Выбраться из города будет очень трудно, а еще труднее найти людей, которые доставили бы тебя в Рим. Ты должен отправиться сегодня ночью, и, если возможно, сейчас же, спустившись по веревке со стен Акрополя, где неприятеля почти нет. Завтра, может быть, будет поздно. Отправляйся и возвращайся поскорее назад с желанной помощью.

Актеон без возражений взял у Алько золото и таблички, понимая серьезность поручения.

— Кроме тебя, никто этого не сделает, — сказал сагунтинец. — Потому-то я и остановил свой выбор на тебе. Ты всю свою жизнь скитался по свету, ты говоришь на многих языках, и у тебя достаточно хитрости и храбрости... Ты бывал в Риме?

— Нет. Отец моего отца сражался против него под началом Пирра.

— Ступай же теперь туда как друг, как союзник! И да будут боги милостивы к тебе!

Актеон, однако, все еще не решил, отправляться ему в путь или нет. Ему казалось недостойным оставить Сагунт в таком трудном положении, покинуть в осажденном городе Соннику.

— Я — чужеземец, Алько! — напрямик сказал он. — Никакие кровные узы не связывают меня с вами. Ты не боишься, что я убегу, брошу вас?

— Нет, афинянин. Я хорошо знаю тебя и потому смело поручился перед сенаторами. Сонника также заверила, что ты обязательно вернешься, если только не попадешь в руки врагов.

Грек посмотрел на свою возлюбленную, словно спрашивая ее совета, следует ли ему отправиться в путь. Она медленно опустила голову. Тогда Актеон наконец решился.

— Алько! Передай сенаторам, что афинянин Актеон будет либо схвачен и распят в лагере Ганнибала,

либо он доберется до Рима и предстанет перед сенатом.

Он несколько раз поцеловал Соннику в глаза. Прекрасная гречанка, сдерживая слезы, решила вместе с Алько проводить Актеона до высот Акрополя, чтобы побыть с ним еще несколько лишних минут.

И они втроем пошли по площади старинного города, двигаясь вдоль стен Акрополя. Чтобы не привлекать внимания осаждающих, они погасили факел и шли вперед при тусклом свете звезд, сверкавших из-за ночного холода ярче обыкновенного.

Алько искал часть стены, указанную сенаторами, хорошо знавшими Акрополь. Когда они наконец нашли ее, сагунтинец поднял с земли толстый канат и, привязав его к зубцу, сбросил вниз.

Отъезд Актеона совершался в глубочайшей тайне. Те из сенаторов, кто решил отправить посла, отсутствовали. Сонника, рыдая, обняла Актеона.

— Отправляйся поскорее, афинянин! — заторопился сагунтинец. — Первая половина ночи — самое удобное время для бегства. По полю еще бродят солдаты. Сейчас ты можешь проскользнуть незаметно. Позже, в ночной тишине, тебя обязательно схватят часовые.

Актеон освободился от объятий Сонники и, приготовившись к спуску, ухватился за канат.

— Уповай на милость наших богов! — посоветовал Алько. — Хоть и кажется, что они покидают нас, все-таки это покровители Сагунта. Недавно один беглый раб из лагеря сообщил сенаторам, что вакеям и калпийцам надоело мародерство отрядов Ганнибала, и они перерезали их военачальников. Видно, Ганнибалу придется с большей частью войска отправиться на расправу. Перед воротами города останется меньше врагов, и, если ты вернешься с римскими легионами, Сагунт станет для карфагенян тем же, чем стали для них в Сицилии Эгатские острова... Увы! Насколько мир лучше войны!

Алько грустно простился с греком. Актеон молча начал спускаться по канату. Вскоре его ноги коснулись плиты, лежащей у самого основания. Он бросил канат и начал скользить вниз ошупью, цепляясь за жалкие, искривленные деревца, приютившиеся на высокой стене.

У ног грека, посреди черной, пустынной равнины, горело несколько костров. Может быть, то были лагерные аванпосты, сторожившие эту часть горы, может быть, — мародеры, укрывшиеся здесь, вдали от взоров Ганнибала.

Актеон спустился вниз и начал бесшумно пробираться вдоль гребня камней, часто останавливаясь и прислушиваясь. Ему показалось, что кто-то осторожно идет за ним. Актеон увидел поблизости большой костер. В его красных отблесках вырисовывались мужские и женские тени.

Он выпрямился, собираясь обойти костер стороной, как вдруг кто-то схватил его за плечи, и хриплый голос прошептал:

— Вот и попался!.. Напрасно прячешься!

Актеон резко освободился от этих неожиданных объятий, схватился за широкий нож, который всегда был у него за поясом, и занял оборонительную позицию. Это была женщина. В тусклом свете луны грек разглядел ее изумленное лицо.

— Разве ты не прашник Герион? — испуганно прошептала она.

Они долго смотрели друг на друга, и грек узнал в этой женщине несчастную проститутку, накормившую его в ночь приезда в Сагунт. Она, видимо, удивилась еще больше, чем афинянин.

— Это ты, Актеон?.. Видно, сами боги сводят нас, хоть ты и презираешь меня... Ты бежишь из города, не правда ли? Тебе, наверно, сильно надоела богачка Сонника, к тому же не хочешь погибнуть, как все эти торгаши, которых прикончит доблестный Ганнибал? И правильно делаешь! Беги!

И она с тревогой посмотрела в сторону соседнего костра, опасаясь, очевидно, солдат, которые в это время были заняты болтовней с несколькими проститутками.

Женщина, понизив голос, рассказала греку, как она очутилась здесь. Она была возлюбленной балеарского прашника Гериона. Герион несколько минут назад убежал от нее, не желая отдавать деньги из своей последней полочки. И, разыскивая балеарца, она случайно натолк-

нулась на Актеона. Пращик мог вернуться в любую минуту, могли подойти его товарищи, здесь опасно оставаться... Что Актеон собирается делать дальше?

— Я хочу добраться до берега и разыскать какое-нибудь рыбацкое судно, которое доставит меня в Эмпорион или Дению. У меня есть деньги. Потом я найду корабль и поплыву далеко, очень далеко.

— Ты не вернешься? Правда?.. Я не хочу, чтобы ты возвращался. Если бы ты только знал, каждый раз, когда на стенах идет бой, я думаю о тебе!.. Больше я никогда не увижу тебя; но так будет лучше: ты не погибнешь в городе и не станешь рабом Ганнибала. О, жестокий город! Как я желаю, чтобы перед войсками Ганнибала пали все эти высокомерные богачки. Они приказывали бить нас палками, когда мы осмеливались подойти к ним в гавани!..

И проститутка взяла грека за руку и повела по полю.

— Иди за мной! — прошептала она. — Я отведу тебя на берег, а там ты будешь пробираться сам, под защитой одних богов. Если нас вместе увидят, то подумают, что ты солдат и ищешь укромный уголок, чтобы уединиться со своей возлюбленной на ночь. Я накормила тебя в первую ночь твоего прибытия, наверное, спасу и в последнюю.

Они прошли мимо нескольких костров, сопровождаемые циничными шутками солдат и проституток, которые принимали их за влюбленную парочку. Несколько вооруженных караулов беспрепятственно пропустили их.

Шум волн слышался все ближе и ближе.

Вдруг женщина остановилась.

— Я покидаю тебя, Актеон. Если бы ты пожелал, я последовала бы за тобой, как рабыня. Но ты не захочешь. Я знаю... Ты уезжаешь навсегда, но я рада: ты уезжаешь от Сонники... Поцелуй меня, мой бог!.. В глаза, нет... В губы!.. Вот так!

И афинянин, тронутый ее добротой, поцеловал сухие, мягкие губы. От них сильно пахло балеарским вином.

VIII

Рим

Первые лучи солнца позолотили стены Капитолия. Но Рим проснулся уже больше часа тому назад.

Римляне вставали до рассвета. Во мраке извилистых улиц громыхали сельские телеги, проходили рабы. И когда наконец рассветало, двери всех домов были уже открыты, а граждане шли на Форум — центр торговли и общественных дел.

Уже два дня Актеон находился в великом городе и жил за его стенами в гостинице, принадлежавшей одному греку. Его удивление перед этой суровой республикой, перед грубыми земледельцами и солдатами, завоевавшими весь мир и жившими в более убогой обстановке, чем любой афинский крестьянин, еще не прошло.

Актеон надеялся предстать перед сенатом в день прибытия. Отцы республики, по большей части, жили среди полей в сельских домиках. Они сами наблюдали за работой своих рабов и ходили за плугом, подобно Цинциннату или Камиллу. А когда страна призывала их, они ехали в Рим в тележках, заставленных корзинами с зеленью и мешками с зерном, ехали с трудовыми мозолями на руках. В столице они одевали тоги и являлись на Форум, преображенные величием своего высокого сана.

Грек пришел на Форум на рассвете и увидел там обычную толпу — почтенных римлян, учивших юношей искусству благоразумно вкладывать деньги; стариков легионеров, в серых залатанных плащах, которые с тоской вспоминали о былых войнах с Пирром и Карфагеном; плебеев, одевавшихся лишь в короткие плащи из грубого сукна, — несметный римский плебс, работающий на па-

трициев и вечно мечтающий о разделе общественных земель, оседавших в руках богачей.

На ступеньках Комиций собрались граждане из одной трибы, чтобы обсудить завешание своего умершего члена. У ораторской трибуны ветераны-центурионы в котурнах и бронзовых шлемах говорили об осаде Сагунта и смелости Ганнибала, предлагая немедленно двинуться против дерзкого карфагенянина.

На огромных плитах голубого камня, которыми был вымощен Форум, расположились продавцы горячих напитков с большими кратерами. Они ударили по ним черпательными ложками, привлекая публику. А у подножия лестницы храма Согласия этрусские шуты представляли смешную пантомиму. К ним со всех концов площади спешили дети и зеваки.

Было холодно. Дул ледящий влажный ветер. Небо было серое и угрюмое. Слышался лишь мрачный, непрерывный гул толпы, теснившейся на Форуме. Актеон сравнивал эту площадь с веселой афинской Агорой и с сагунтским Форумом в дни мира. В Риме не было греческой веселости, радостной легкости народа-художника, презирающего богатство и торгующего лишь ради того, чтобы жить получше. Это был суровый, мрачный народ, занятый лишь земледелием и войной.

— Эта нация, — говорил сам себе афинянин, — видно, не знает молодости. Даже дети в Риме рождаются стариками.

И Актеон вспоминал все, что видел за минувшие два дня. Жестокою дисциплину, подчинившую себе поголовно всех граждан, суровое воспитание, основанное единственно на долге.

В Греции отец — это старший товарищ своих детей, в Риме же он оказывался тираном. Жена, дети — все они занимали положение, равное положению рабов. Боги внимали только молитвам отца. Он в своем доме был жрецом и судьей, он мог убить жену, трижды продать детей, и его власть над потомством со временем усиливалась: победитель-консул, всемогущий сенатор дрожал в присутствии своего отца. И в этой мрачной, деспотичной стране, более суровой, чем Спарта, Актеон

чувствовал могучую силу, накопившуюся тайно и постепенно. Когда-нибудь Рим соберет мир в свой железный кулак. Греку не понравился этот мрачный народ, но он не переставал удивляться ему.

Грубость и воинственность нации сказались и на архитектуре Форума. На высотах священной горы Капитолий выглядел настоящей крепостью с голыми, мрачными стенами, лишенными украшений, благодаря которым цитадель Афин сверкала вечной улыбкой. Храм Юпитера Капитолийского с низкой крышей и рядами колонн, напоминающих башни, был едва виден. Внизу, на Форуме, царил такая же основательность и мрачность. Дворцы походили скорее на военные укрепления, чем на храмы богов и общественные здания. От Форума во все стороны расходились римские *viae*, единственное украшение, признаваемое Римом, из-за того, что их можно было использовать в качестве дорог для передвижения легионов и подвоза продуктов из окрестностей. С Форума была видна Аппиева дорога, мощенная голубым камнем, с двумя рядами гробниц, возвышавшихся по краям. С противоположного конца города начиналась Фламиниева дорога, которая вела к морскому берегу и доходила почти до земли цизальпинцев. На необъятной равнине красными линиями протянулись первые водопроводы, построенные еще при цензоре Аппии Клавдии.

Но, несмотря на все эти памятники, гигантский город больше напоминал поселения кельтиберийцев, которых Актеон видел во время своей предыдущей поездки в горы.

Большинство домов представляли собой хижины с покатыми крышами из досок и бревен. После сожжения Рима галлами город вновь отстроился на скорую руку. Дома теснились, едва уместаясь в границах кварталов, оставляя узкий проход лишь для одного человека. В других местах они стояли на большом расстоянии друг от друга, словно загородные виллы. Улиц не существовало вовсе, они были лишь продолжением дорог, которые вели к Риму. Они капризно извивались, а иногда неожиданно приводили к большим пустырям, куда римляне обычно сваливали отбросы.

Грубость и бедность этого города крестьян, заимодавцев и солдат сказались в наружности его обитателей. Все римляне презирали роскошь и хорошие манеры. Надменные матроны, одетые в туники из грубой ткани, пряли шерсть у дверей своих домов.

Серебро римляне начали чеканить после самнитской войны; грубый, тяжелый, медный асс был до этого ходячей монетой. Роскошным греческим вещам, привезенным легионами после сицилийской войны, не поклонялись в домах патрициев. Сенаторы, владевшие большими землями и сотнями рабов, с гордостью носили заплатанные тоги. Во всем Риме был всего один серебряный прибор, собственность республики. Он переходил из одного патрицианского дома в другой, когда в Рим приезжал посол из Греции и Сицилии или богатый карфагенский купец, привыкший к азиатской утонченной роскоши, и приходилось давать пиры в его честь.

Актеон, привыкший к философским диспутам на афинской Агоре, к разговорам о поэзии и тайнах души, возникавших сразу, как только встречались хотя бы два праздных грека, внимательно прислушивался к беседам на грубом языке, терзавшем его нежный слух, слух афинянина. В одной группе толковали о цене на шерсть. В другой заключалась сделка о продаже быка в присутствии пяти совершеннолетних граждан. Покупатель положил на весы продавца бронзу, цену покупки, и, дотронувшись до быка, произнес торжественно:

— Это мое по закону квиритов. Я заплатил полновесным металлом.

Чуть дальше легионер униженно выпрашивал заем у какого-то старика, предлагая ему в залог свой шлем и поножи. Тот и другой, в конце концов, произнесли слова, узаконивающие договор.

— *Dari spodes?* (Обещаешь дать?) — спросил солдат.

— *Spondeo* (Обещаю), — отвечал заимодавец.

И сделка была заключена. Малейшее изменение уже делало договор недействительным. Римляне суеверно почитали букву закона.

В другой группе обсуждалось, в каких условиях нужно держать раба, чтобы он был полезен своему хо-

зяину и чтобы последний не лишился его. И на всем Форуме серьезные суровые римляне разговаривали лишь о материальных благах и об их увеличении.

Грек заинтересовался юношей, который, на первый взгляд, едва достиг двадцати лет, но уже был серьезен, как старик. Его небрежно подстриженные волосы были рыжего цвета, суровый взгляд свидетельствовал об уме и хитрости. Он медленно шел рядом с мальчиком, который внимательно слушал юношу, точно учителя.

— Хоть отец твой и консул — говорил рыжий, — но ты должен запомнить, Сципион, чтобы быть хорошим гражданином и служить республике, нужно не только хорошо владеть копьем и управлять конем, но также обрабатывать почву и знать тайны земледелия. Может быть, ты когда-нибудь станешь во главе наших войск, и тебе придется не только завоевывать земли, но и возделывать их, стараться, чтобы они приносили больше дохода. Понимаешь?

— Понимаю, Катон, — отвечал подросток.

— Ежедневно ты должен заучивать по месяцу календаря. Когда ты все хорошо выучишь, тебе легче будет отдавать приказания рабам насчет полевых работ. Вчера я учил тебя месяцу мая. Повтори, Сципион.

— Месяц май, — медленно начал говорить мальчик, стараясь вспомнить заученное. — Тридцать один день. Ноны приходятся на седьмой день. День — четырнадцать с половиной часов, ночь — девять с половиной. Солнце стоит в знаке Вола; месяц под покровительством Аполлона. Полюют пшеницу. Стригут овец. Промывают шерсть. Ставят под ярмо новых быков. Срезают журавлиный горох. Освящают жатву. Жертвоприношения Меркурию и Флоре.

— Хорошо, Сципион. Наши предки не знали и не желали знать другой науки. С них достаточно было знать, что следует делать во все месяцы года. С этими навыками, охраняя свои поля и овладевая чужими землями, они основали наш город, который растет и будет расти, пока не станет первым городом мира. Мы не пустозвоны вроде греков, что падают на колени в восхищении перед мраморными изваяниями или серьезно рассуждают

о загробной жизни. Мы не обладаем безумным честолюбием карфагенян. Наша жизнь — на земле. Мы грубее, но основательнее прочих народов; мы подвигаемся вперед медленнее, но зато пойдем дальше. На земле, которую мы завоевали, мы не основываем торговые лавки: мы возделываем ее; вот почему то, что забирает Рим, никто у него не может отнять. Не забывай об этом, Сципион.

Афинянин шел следом за ними. Слова этого двадцатилетнего старца познакомили его с нравом римлян лучше, чем все тщательные наблюдения. Сам Рим говорил устами юноши, наставлявшего сына одного из консулов.

— Ты также должен знать, — продолжал Катон, — правила хорошего тона. Когда наши предки хотели кого-нибудь похвалить, то называли его "добрым земледельцем". Это была величайшая похвала. Тогда люди жили в сельских хибарах и в Рим являлись лишь в дни базаров и комиций. Даже теперь некоторые граждане живут здоровой жизнью Цинцинната и Камилла и приезжают в город лишь на собрания сената. Но война принесла с собой много бед. Многие хотят жить только в городе и старинный римский сельский очаг заменяют домами с колоннами.

Суровое лицо Катона выразило безграничное презрение к чужеземной роскоши, нарушавшей грубые устои его родины.

— В деревне добрый гражданин не теряет ни одного дня. Если погода не позволяет ему выходить в поле, он чистит хлева и птичьи дворы, чинит старый инвентарь и смотрит за женщинами. Даже в праздники следует делать кое-что: поливать сады, ездить в город и продавать масло или фрукты. Нечего понапрасну тратить время: спрашивать советов у всяких никчемных авгуров, придерживаться культов, заставляющих гражданина покидать свой дом. Вполне достаточно богов домашнего очага. У наших предков не было других богов, и все же они были велики и могущественны.

Маленький Сципион, казалось, внимательно слушал своего учителя, но его взгляд был прикован к двум

парням из Кампании, которые устроили яростную драку около продавца вина. Щеки подростка покраснелись: он волновался.

— Если гражданин живет в Риме, — продолжал Катон, не обращая внимания на драчунов, — он должен работать с самого утра, учить юношей искусству, увеличивать свои сбережения и избегать разорительных затрат. Глава семьи должен из всего извлекать деньги: продавать масло, остатки вина и пшеницы в конце года, старых быков, телят, ягнят, шерсть, шкуры, негодные телеги, ржавое железо и больных рабов. Продавать всегда. Глава семьи должен быть продавцом, а не покупателем. Запомни это хорошенько, Сципион.

Но Сципион почти не слушал его.

Крестьяне давно прекратили драку, и заскучавший мальчик тоскливо смотрел в сторону реки, желая поскорее уйти с Форума.

— Катон, наступает час борьбы! Я должен идти на берег Тибра, упражняться в беге и кулачном бое, а потом плавать.

— Ступай и помни мои советы. После урока хороши борьба и холодное купание: гражданин, желающий хорошо служить своей стране, должен быть не только благоразумным, но и сильным.

Мальчик удалился, а Катон, обернувшись, увидел афинянина, который все это время шел за ними. Вид Актеона заинтересовал его. Он подошел к греку.

— Привет тебе, грек, — сказал он, — понравился ли чужеземцу наш город?

— Мрачный, но великий город. Я в Риме всего три дня.

— Может быть, ты и есть тот сагунтский посланец, что должен сегодня явиться в сенат?

Актеон утвердительно кивнул головой, и римлянин фамильярно взял его под руку, точно перед ним стоял его старинный друг.

— Ты мало чего добьешься, — сказал он. — Сенат страдает сейчас серьезной болезнью — излишком благоразумия. Я тоже враг рискованных поступков и не считаю Ганнибала великим полководцем, раз он затеял

такое дерзкое предприятие, как осада Сагунта. Но я не стану молчать, когда Рим вдруг становится слишком щепетильным. Он всеми силами стремится сохранить мир. Избегает начинать войну, хотя она неизбежна. Карфаген и Рим не могут ужиться вместе. Мир тесен для них обоих. Я говорю постоянно: "Давайте разрушим Карфаген!" Но надо мной только смеются. Несколько лет тому назад, когда в Карфагене вспыхнул бунт наемников, мы безо всякого труда могли раздавить его. Но мы испугались. Рим тогда зализывал свои раны. Мы боялись худшего — восстания наших наемников, и спасли Карфаген, дав ему возможность уничтожить бунтовщиков.

— Теперь другое дело, — энергично возразил Актеон. — Сагунт — ваш союзник, и Ганнибал напал на него только из-за этого.

— Да, и поэтому нам не безразлична его судьба. Но не жди слишком многого. Его больше беспокоят пираты Адриатического моря и восстание Деметрия Фаросского в Иллирии.

— Ну а Сагунт? Если вы оставите его на произвол судьбы, разве он сможет победить Ганнибала, командующего воинственными племенами Иберии! Что подумают несчастные сагунтинцы о верности Рима своим союзникам!..

— Постарайся убедить сенат. Меня убеждать не надо. Именно в Карфагене я вижу единственного врага Рима... Если бы все думали, как я!.. Мы воспользовались бы дерзким поступком сына Гамилькара и объявили бы войну Карфагену. Мы непобедимы, что бы ни случилось, наши передовые посты — на востоке Иллирия, нам принадлежит Сардиния. А земли Карфагена составляют всего девятьсот миль. Пусть Рим проиграет сто сражений — он всегда останется Римом. Но достаточно одного поражения Карфагена — и город исчезнет...

— Если бы все думали, как ты, Катон!..

— Если бы сенат думал так же, как я, он оставил бы в покое Деметрия Фаросского и послал свои легионы в Сагунт. Может быть, Рим избежал бы большей опасности: кто знает, куда потом направится этот юный африканец, и на что он осмелится, если ему удастся ов-

ладеть Сагунтом. Потому-то я, свободный гражданин, читаю наставления. Этот юноша — сын консула Публия Корнелия Сципиона. В нем с новой силой воскресают все добродетели его семьи. Может быть, он сумеет преградить дорогу Ганнибалу и разрушит могущество Карфагена.

Они еще некоторое время гуляли по Форуму, разговаривая о римских нравах и сравнивая их с афинскими. Наконец римлянин ушел: ему нужно было срочно уладить свои личные дела.

Оставшись в одиночестве, Актеон неожиданно почувствовал голод. До собрания сената было еще далеко, и утомленный шумом Форума, грек обогнул склон Капитолия и пошел по ближайшей улице.

Он вошел в пекарню и постучал монетой по каменному прилавку. Из глубины дома послышался звук, похожий на жалобный стон. Грек присмотрелся и увидел огромный жернов и человека рядом с ним, — раба, с трудом вращавшего камень. Раб оставил свое занятие и вышел на свет. Он взял деньги грека и дал ему каравай хлеба. Затем раб с любопытством посмотрел на Актеона.

— Это твоя пекарня? — спросил грек.

— Я — простой раб, — грустно ответил тот. — Мой хозяин отправился на Форум, потолковать с продавцами хлеба... Ты — грек, не правда ли?

И прежде чем Актеон успел ответить, раб с гордостью прибавил.

— Я не всегда был рабом, а стал им лишь недавно. Когда я был еще свободным человеком, моим заветным желанием было посетить твою родину. О, Афины! Город, где поэтов почитают как богов.

И он продекламировал несколько стихов из "Прометея" Эсхила, и Актеон изумился чистоте его произношения и выразительности чтения.

— В Риме рабов заставляют заниматься поэзией? — спросил со смехом афинянин.

— Я раньше был поэтом. Меня зовут Плавт.

И, оглянувшись по сторонам, раб стал рассказывать свою историю, радуясь, что хотя бы на несколько

минут смог избавиться от своей изнурительной работы.

— Я писал комедии, пытался создать в Риме театр. Но римляне безразличны к поэзии. Они любят фарсы; трагедии, заставляющие вас плакать, их не тронули нисколько; от комедий Аристофана они бы заснули. Они побили бы камнями героев ваших трагедий, но заревели бы от восторга, завидев солдат, наряженных в козлиные шкуры, которые всякий раз после победы идут за колесницей консула-победителя. Я писал комедии для этого народа и продолжаю писать их в минуты, когда мой хозяин перестает лупить меня и не заставляет вращать жернов. Патриции, свободные граждане не любят, когда их жизнь показывают на сцене. Здесь растерзали бы Аристофана, который выводил на театральные подмостки образы виднейших афинских мужей. Мои герои — рабы, чужеземцы и наемники — часто смешили публику. Я кончил недавно комедию, осмеивающую спесь военных. С радостью прочел бы ее тебе, да боюсь: каждую минуту может вернуться хозяин.

— Ты хорошо развлекал свой народ, почему же ты попал в столь бедственное положение?

— Я совершил большую глупость: основал в Риме первый театр по образцу греческих. Занял денег, влез в долги. Народ приходил на представления, но давал мало. Я разорился, а мудрые римские законы обрекают должника на рабство у его кредитора. Хлебопек, с удовольствием одолживший мне несколько мешков меди, теперь мстит за свое былое восхищение: заставляет меня вращать жернов. Я обхожусь ему дешевле осла. За каждый прежний взрыв хохота он платит теперь ударом палки по моей спине. Такова судьба поэтов. Да, и великому Эсхилу, который умер свободным человеком, платили камнями.

Плавт замолчал, а потом прибавил с грустной улыбкой:

— Я уповаю на будущее. Не всегда же я был рабом. Может быть, свобода вернется ко мне. Римляне завоевывают новые страны, видят много нового и все больше ценят науки и искусства. Я стану свободным, создам новый театр и тогда... тогда...

И в глазах бывшего поэта зажглась надежда, словно он уже воочию увидел свои мечты осуществленными.

Вдруг в доме раздался шум, и, прежде чем появился хозяин, Плавт снова начал вертеть свой жернов. А грек вышел из пекарни, ошеломленный этой случайной встречей.

Что за народ! Обращать должника в раба, а поэтов делать вьючными животными?!

Грек дождался собрания сената и, желая хоть как-нибудь скоротать время, он решил подняться на вершину Палатинского холма.

Актеон с высоты смотрел на необъятный город — настоящее море крыш. Рядом с Палатинским холмом возвышался Капитолий, великая крепость Рима. И грек направился туда, чтобы получше разглядеть знаменитый храм Юпитера Капитолийского, не отличавшийся, впрочем, особенной красотой.

По пути он встретил жрецов Юпитера, выступавших так торжественно, точно они шли приносить жертвы своему богу; и весталок, закутанных в белые покрывала. Несколько *milites* (воинов) поднималось к храму Марса. Они с восторгом говорили о предстоящей иллирийской кампании и даже не вспоминали о бедственном положении союзников в Иберии.

Актеон вошел в священные пределы Капитолия. Это была гора *mons Tarpeus* с двумя вершинами, соединявшимися огромной площадкой. На ее северной части располагалась агх'ом, или римская цитадель. На южной части горы находился храм Юпитера Капитолийского.

Грек вошел в крепость. У небольшого пруда он увидел священных птиц, гусей, которые когда-то спасли Рим от неожиданного нападения врагов. Актеон пересек площадку и приблизился к великому святилищу Рима.

Длинная лестница вела в храм, построенный при последнем Тарквинии в честь трех римских богов: Юпитера, Юноны и Минервы. Здание имело три *cellae*, три отдельных святилища. Посредине находилась *cella* Юпитера, а крайние принадлежали двум богиням. По бокам храма шли два ряда колонн, образуя портик. В его тени прогуливались старейшины Рима, беседуя о городских делах.

Храм был построен мастерами, специально приглашенными для этого из Этрурии. Внутри красовались статуи, привезенные легионерами из сицилийских экспедиций и разных военных походов. Сам Рим не способен был воспитать художников, но имел солдат, которые войной и грабежом добывали произведения искусства и заставляли их создателей работать на Республику.

Афинянин, выйдя из храма, посмотрел на *gnomon*, солнечные часы, показывающие время всему Риму.

Ему уже нужно было отправляться в *senaculum*, старинное здание, расположенное у основания Тарпейской горы, спустя много лет превратившееся в храм Согласия. Подходя к зданию, Актеон встретил двух послов, отправленных Сагунтом еще до начала осады. Они, по видимому, были удручены многомесячным пребыванием в Риме, бесплодными скитаниями и просьбами. Оба сагунтинца, ошеломленные и окончательно павшие духом, покорно последовали за решительным греком.

Сенаторы постепенно собирались. Одни приходили прямо с Форума в сопровождении клиентов, всячески старавшихся привлечь внимание зрителей к своим величественным покровителям. Другие являлись из деревни. Они поднимались в храм со свернутыми тогами в руках, одетые в грубые крестьянские плащи. Это были старики, которые, несмотря на старость, сохраняли в глазах былую уверенность. Толпа смотрела на них с почтительным уважением — это были отцы Рима.

Сагунтские послы поднялись по лестнице.

Внутри, в храме, лежали груды трофеев последних войн. Их положили здесь сами победители. Актеон видел разбитые щиты, мечи, заржавевшие от крови, колесницы со сломанными дышлами и многое другое. Это были трофеи самнитской войны. Дальше выстроились статуи, сорванные с карфагенских кораблей после великой победы при Эгатских островах. На стенах висели знамена войск Пирра, на которых были изображены фантастические животные, громадные бивни слонов, которых он водил против римских легионов. Блестели лигурийские шлемы, альпийские дротики и рядом с дверью — почетный трофей, оружие славного Камилла, которое с три-

умфом носили по городу, после того как великий римлянин отбросил галлов от Капитолия.

Сагунтские послы долго дожидались приема. Наконец центурион ввел их в *Senaculum*.

Сенаторов было больше двухсот. Их белые тоги напоминали только что выпавший белый снег. Сквозь купол амфитеатра пробивался сумеречный свет, способствовавший размышлениям и сосредоточенности. Низкая каменная балюстрада замыкала полукруг. По другую ее сторону толпились видные граждане Рима, не обладавшие званием сенатора. Посередине храма находился пьедестал. На нем стояла бронзовая волчица с двумя близнецами. Внизу крупными буквами была сделана внушительная надпись: *S.P.Q.R.* Перед пьедесталом, на треножнике курилась небольшая жаровня.

Грека слегка смутило величие собрания. Он вспомнил о вступлении галлов в Рим, о том, как варвары были поражены царственным видом сенаторов. Одни варвары, опыненные жаждой убийства, могли решиться наложить руку на столь величественных старцев.

Послов усадили на мраморные кресла около статуи волчицы.

Послы могли начинать: сенат приготовился слушать. И Актеон, побуждаемый умоляющими взорами товарищей, поднялся с места. В его душе уже улеглось волнение, вызванное в первую минуту величием собрания.

Актеон заговорил медленно, стараясь взволновать представителей Рима. Он описал отчаянное положение Сагунта и его твердую надежду на помощь республики — слепую веру, с помощью которой при одном только известии, будто на горизонте показался римский флот была одержана блестящая победа. Когда Актеон оставил город, там еще имелись съестные припасы, мужество защитников не иссякло. Но с тех пор прошло много времени, около двух месяцев. Послу пришлось пережить множество опасностей и приключений. И сейчас положение города, несомненно, отчаянное. Сагунт падет, если к нему немедленно не поспешить на помощь. А какую ответственность возьмет на себя Рим, если покинет состоя-

щий под его покровительством город, который вызвал гнев Ганнибала только из-за своей симпатии к римлянам! Кто будет доверять Риму, памятуя о печальном конце Сагунта!..

Грек кончил говорить, и тягостное молчание сената свидетельствовало о глубоком волнении, вызванном его словами.

Тогда поднялся сенатор Лентул. Среди наступившей тишины он начал громко говорить о происхождении Сагунта. Если последний и считался греческим городом благодаря закинфским купцам, устроившим в нем фактории, его можно считать и итальянским, из-за ардейских ритуалов, основавших там свою колонию. Притом Сагунт — союзник Рима. В знак своей верности он обезглавил граждан, друзей Карфагена...

Но как дерзок, однако, этот мальчишка, сын Гамилькара! Забыв о договоре Рима с Газдрубалом, он осмелился пойти против города, союзника римлян? Если Рим равнодушно отнесется к подобному посягательству, то этот щенок осмелеет еще больше. Великий город не потерпит такой наглости. Там, у дверей *senaculum*'а, сложены славные военные трофеи — доказательство того, что всякий восставший против Рима рано или поздно падает перед ним на колени. Нужно быть неумолимым с врагами и соблюдать верность союзникам. Нужно начать войну в Иберии, дабы уничтожить дерзкого юнца, бросившего вызов Риму.

И весь мрачный, воинственный, суровый город словно говорил устами этого старца.

Товарищи Актеона, не понимавшие латинского языка, все же угадывали смысл речи Лентула. Их глаза наполнились слезами, а руки яростно рвали ни в чем не повинные темные плащи — отличительное одеяние послов скорби.

Отчаяние стариков и достойная поза грека — мрачный и безмолвный, он, казалось, олицетворял собой Сагунт, ожидающий выполнения обещаний, — тронули сенат и толпу, теснившуюся у перил. Раздались негодующие крики. Под куполом сенакулума послышался гул тысячи голосов. Римляне немедленно предлагали объа-

вить войну Карфагену, собрать легионы, снарядить корабли и двинуть войско против Ганнибала.

Один сенатор попросил внимания, собираясь говорить. Это был Фабий, один из знаменитейших римских патрициев. Он был само благоразумие. Его советы считались самыми здоровыми. Потому сенат затих, как только увидел, что Фабий просит слова.

Выразив сожаление по поводу трудного положения союзного города, он сказал, что неизвестно, Карфаген ли начал военные действия против Сагунта или лишь Ганнибал на собственный страх и риск. Война в Иберии, теперь, когда предстоит борьба с более опасным врагом — мятежным Деметрием Фаросским, — это серьезный шаг. Сначала нужно отправить посольство к Ганнибалу. А если африканец откажется снять осаду, то пусть послы едут в Карфаген и потребуют его выдачи Риму в наказание за дерзость.

Это предложение понравилось сенату. Те, кто минуто назад выказывал себя воинственным и непримиримым, одобрительно закивали головами. Упоминание об иллирийском восстании охладило наиболее пылких. Все подумали о враге, который находился почти рядом, по другую сторону Адриатического моря. И сенаторы считали данный поход более важным, чем клятвенное обещание Сагунту. Они преувеличивали значение посольства к Ганнибалу, уверяя, что африканец снимет осаду и попросит прощения у Рима, сразу же, как только в его лагерь явятся послы сената.

Актеон отнесся к этому с явным неудовольствием.

— Я хорошо знаю Ганнибала, — сказал он. — Он не послушает вас и только посмеется над послами, если Рим не пошлет войско.

Но сенаторы дружно набросились на Актеона. Как смеет он говорить, что над Римской Республикой кто-то может посмеяться! Как смеет предполагать, что Ганнибал презрительно отнесется к послам сената!.. Пусть этот чужеземец лучше помолчит. Он ведь не гражданин того города, от имени которого говорит.

Актеон опустил голову. Шепотом он рассказал послам о решении сената.

— Город обречен. Рим боится Ганнибала и не хочет сейчас начинать с ним войну. Когда они решатся прийти к нам на помощь, Сагунт уже погибнет.

Сагунтские послы получили приказание удалиться. Сенаторы приступили к избранию двух послов.

Когда грек выходил из сенакулума, старейший из сенаторов обратился к Актеону:

— Скажи своим товарищам, чтобы они немедленно готовились к отъезду. Завтра вечером вы вместе с послами сядете на корабль.

IX

Голодающий город

Больше пятнадцати дней плыла римская трирема.

Она обогнула берега Тирренского моря, пересекла Лигурийское море и прошла мимо Марсилии. Затем, переплыв великий залив, трирема повернула к Эмпориону и направилась вдоль иберийских берегов.

Послами Рима стали патриций Валерий Флакк, один из многочисленных сторонников мира, и Бебий Тамфил.

Актеон желал поскорее добраться до Сагунта. Он хотел выяснить намерения римлян, чтобы, в крайнем случае, прекратить бесплодную защиту города. Семь месяцев Сагунт оказывал упорное сопротивление. Армия Ганнибала окружила город еще до начала осени, а теперь уже зима подходила к концу.

Грек с грустью вспоминал о своих мечтах и надеждах, которые лелеял на пути в Рим среди опасностей и приключений. Он верил, что его рассказ о страданиях ни в чем не повинного народа возмутит римлян, поднимет на ноги все легионы, — а вместо этого он возвращался назад без подкрепления, возвращался с единственной по-

мошью — сладкими речами послов и бронзовой волчицей на высоком шесте, — эмблемой важного посольства.

Что скажут на это сагунтинцы, побеждающие врага при одном известии о прибытии римлян? Актеон спрашивал себя, что стало с мужественной Сонникой, как живет она среди лишений и трудностей продолжительной осады.

Корабль оставил позади себя устье Эбро, и в одно ясное утро римляне издали увидели сагунтский Акрополь. С высокой башни Геркулеса поднимался густой дым. Очевидно, жители узнали римское судно по четырехугольному парусу.

Солнце стояло в зените, когда римский корабль вошел в канал сагунтского порта. В гавани стояло на якоре несколько карфагенских судов.

Капитан римского корабля увидел, как по берегу к триреме начали приближаться отряды всадников. Это были эскадроны нумидийцев и мавританцев. Они яростно размахивали копьями и выпускали воинственные крики.

Всадник с непокрытой головой и надкусанным яблоком в руке приказал эскадронам остановиться. Он покакал вперед один, направляя коня к кораблю.

Актеон сразу узнал его.

— Это — Ганнибал! — передал он послам, которые с удивлением смотрели на оказанный им воинственный прием.

На берегу каждую минуту появлялись новые всадники, как будто все вражеское войско поспешило в гавань. Сзади всадников бежали суровые кельтиберийцы, баlearские пращники и пехотинцы всевозможных племен.

Ганнибал гнал своего коня все дальше в воду. Он протянул вперед руку, властно приказывая кораблю остановиться. Через несколько минут рабы перестали грести.

— Что вам надо? — спросил Ганнибал по-гречески.

Актеон выступил в роли переводчика между римлянами и карфагенским полководцем.

— Это римские послы. Они прибыли к тебе от имени республики.

— Кто говорит со мной? Этот голос мне кажется знакомым.

Ганнибал долго всматривался, приложив руку к глазам, и наконец узнал грека.

— Это ты, Актеон?.. Я думал, что ты в городе, а тебе удалось выбраться из него и притащить этих людей! Хорошо, можешь сказать им, что теперь слишком поздно. Полководец, осаждающий город, принимает послов только тогда, когда обоснуется в самом городе.

Грек передал римлянам слова Ганнибала и перевел их ответ.

— Слушай, африканец, — сказал он Ганнибалу. — Послы Рима напоминают тебе о союзническом договоре Рима с Сагунтом. Именем сената и римского народа они приказывают снять осаду и оставить город.

— Скажи им, что Сагунт оскорбил меня, что он первый объявил войну, обезглавив моих друзей.

— Неправда, Ганнибал!

— Грек, переведи римлянам мои слова.

— Послы хотят высадиться на берег. Они должны говорить с тобой от имени Рима.

— Бесплезно: ничто не заставит меня отступить. К тому же осада затянулась, войска возбуждены, и для послов Рима такой лагерь, как мой, место небезопасное. В нем собрались дикари и варвары разных стран, которые повинуются только моей воле. Несколько часов тому назад у нас была битва, и возбуждение в войсках еще не улеглось.

При этих словах он обернулся в сторону берега. Войска, принявшие этот жест за приказ, или, быть может, прочитавшие на лице полководца его скрытые намерения, начали приближаться к каналу, словно собираясь вплавь добраться до триремы. Всадники размахивали копьями, окрашенными кровью только что убитых врагов. Балеарцы, вынув из сумок глиняные шары, стали обстреливать из пращей римский корабль.

— Видите? — самодовольно крикнул Ганнибал. — Я не могу принимать послов. Поздно начинать всякие разговоры. Пусть Сагунт понесет должное наказание за свои грехи.

Послы негодовали на столь презрительный прием. Их щеки побледнели.

— Африканец! — закричал один из послов пс-латыни, не думая о том, что Ганнибал не может его понять. — Раз ты не хочешь выслушать послов Рима, мы отправимся в Карфаген и потребуем, чтобы граждане выдали нам тебя за нарушение договора, заключенного с Газдрубалом. Рим жестоко покарает тебя.

— Что он говорит? Что он говорит? — заревел Ганнибал, взбешенный словами посла, в которых угадал угрозу.

Когда Актеон перевел, то карфагенянин презрительно расхохотался.

— Эй, римляне! — закричал он. — Ступайте туда! Карфагенские богачи меня ненавидят и охотно согласились бы выдать врагам. Но народ любит Ганнибала, и ни один человек в Карфагене не решится явиться в мою армию с такими требованиями.

Вокруг корабля дождем сыпались стрелы. И римский кормчий отдал приказание плыть назад. Весла опустились в воду, и корабль начал медленно поворачиваться.

— Мы отправляемся в Карфаген? — спросил грек.

— Да, в Карфагене нас должны выслушать, — ответил один из послов. — После случившегося или сенат выдаст нам Ганнибала, или Рим объявит войну Карфагену.

— Отправляйтесь без меня. Мой долг велит мне остаться здесь.

И прежде чем ему смогли помешать, афинянин занес ногу за борт и бросился в воду. Долгое время он плыл под водой и вынырнул только около берега.

Не успел Актеон выбраться на сушу, как оказался в окружении нескольких пращников, которые по пояс зашли в канал, чтобы овладеть платьем грека. У него грубо отобрали кельтиберийский меч, висевшую на поясе сумку и золотую цепь, подарок Сонники. Солдаты хотели отнять у Актеона и дорожную тунику, но в эту минуту на берегу появился Ганнибал.

— Актеон, ты предпочел остаться! Поздравляю. Причинив мне столько вреда, ты раскаялся и вернулся

ко мне. Следовало бы оставить тебя в руках моих варваров. Они растерзали бы тебя в клочья. Или можно было бы распять тебя на кресте перед моим лагерем, чтоб твоя возлюбленная гречанка могла увидеть своего Актеона. Но я помню данное тебе слово и сдержу его. Я приму тебя как друга.

Он приказал одному из своих приближенных накинуть на мокрого грека эндромис, военный плащ с капюшоном. Потом Ганнибал велел посадить Актеона на коня одного нумидийца.

Все двинулись к лагерю. Римский корабль удалялся в море, снова распустив свой квадратный парус. На горе Акрополя потух костер. Лишь слабо поднимались к небу тонкие струйки дыма. Издали можно было догадаться об унынии, охватившем город при неожиданном бегстве римской триремы. С кораблем казалось, исчезли последние надежды осажденных.

Войска Ганнибала, направляясь в свой лагерь, обсуждали сцену, происшедшую между их полководцем и римскими послами. Они не поняли слов, которыми обменялись обе стороны, но энергичный тон римлянина всеми был принят за угрозу. Некоторые, желая уверить остальных, будто они поняли посла, передавали воображаемый разговор, при котором якобы римские послы грозили перерезать всю армию и распять Ганнибала на кресте. Солдаты на все лады повторяли эти угрозы, и каждый украшал их собственными подробностями, и, когда войско встретилось с другими отрядами, все солдаты утверждали, что видели с берега цепи, которые римские послы привезли с собой, чтобы заковать Ганнибала. Рев ярости пронесся по войску.

Ганнибал с гордостью слушал эти крики негодования. Солдаты приветствовали его с большим энтузиазмом. Он слышал гневные возгласы на всех языках, призывы снова пойти на штурм города и овладеть им раньше, чем римские послы придут в Карфаген.

— Берегись, Ганнибал, — сказал один старик кельтибериец. — Твои карфагенские враги, сторонники Ганнона, могут присоединиться к Риму, чтобы погубить тебя.

— Народ любит Ганнибала, — смело ответил полководец. — Прежде чем карфагенский сенат выслушает римлян, Сагунт падет, и карфагеняне будут приветствовать нашу победу.

Актеон с грустью смотрел на пустынный пейзаж, некогда столь радостный и цветущий. В гавани стояло на якоре лишь несколько военных кораблей из Нового Карфагена. Рыбацкий поселок был разграблен и разрушен. Молы покрылись нечистотами. Вся долина была опустошена. Не уцелело ни одного дерева. На костры шли целые роши смоковниц, плантации маслин и виноградники. Были разрушены даже дома. То тут, то там виднелись только полуразвалившиеся стены и низкорослые чахлые кусты. Сорняки быстро разрастались, уничтожая дороги и затягивая речные источники.

Из-за того, что русла ручьев постепенно засорялись, они широко разливались по всей долине, превращая низины в лужи.

За короткое время армия Ганнибала полностью разграбила окрестности города. Разрушив все вокруг до основания, солдаты начали грабить соседние деревни, заходя в глубь страны все дальше и дальше, по мере того как затягивалась осада.

Съестные припасы уже доставлялись из селений, находившихся на расстоянии нескольких дневных переходов. Слонов несколько месяцев тому назад отослали в Новый Карфаген: они были бесполезны при осаде, и их трудно было содержать среди опустошенных полей.

Над полями черными тучами летали вороны. Отовсюду поднимался зловонный запах околевших лошадей и мулов. По краям дороги лежали тела варваров, умерших от ран. Соотечественники, согласно своим обычаям, оставляли их на растерзание хищным птицам. Над долиной стоял тяжелый запах смерти, распространяя между горами и морем зловоние подземных темниц, темниц, переполненных рабами.

Актеон издалека почувствовал смрад лагеря и с тоской подумал об осажденных. Глядя в сторону города, он представлял себе все ужасы, происходившие за неприступными стенами Сагунта.

Актеон и Ганнибал приближались к лагерю, который за время отсутствия грека превратился в настоящий город. В нем осталось очень немного холщовых палаток. Зима, уже подходившая к концу, заставила осаждающих выстроить небольшие хижины и деревянные домики.

Ганнибал, словно читая мысли грека, жестоко улыбался, глядя на свой лагерь.

— Ты находишь повсюду большие перемены, не правда ли, Актеон?

— Я вижу, что твои войска не отдыхали, пока ты удалялся, чтобы наказать мятежных кельтиберийцев.

— Начальник моей конницы, Марбахал — прекрасный организатор! Когда я вернулся, он показал мне две разрушенные сагунтские стены и захваченную часть города. Видишь, вон те высоты близ Акрополя? Они — наши. Сагунт сократился наполовину. А все еще ждет помощи из Рима!.. Упрямыцы! Они в третий раз возвели стену. Собираются защищаться до тех пор, пока у них не останется один Форум, где я их всех и перережу. Самодовольный город! Я обращаю тебя в рабство!

Африканец вдруг, сделал короткую паузу, посмотрел в упор на своего бывшего товарища и изменил тему разговора.

— Наконец ты пришел ко мне. Пойдешь ли ты за мной по тому пути, о котором я как-то рассказал тебе на рассвете? Может быть, станешь когда-нибудь царем: ведь Птолемей получил царство благодаря Александру. Ты решился?..

Актеон не сразу ответил. И Ганнибал верно расценил его нерешительность.

— Не лги, грек: ложь хороша для врагов. Я — твой друг и обещал сохранить тебе жизнь. Ты не хочешь пойти со мной?

— Нет! — решительно ответил грек. — Я хочу вернуться в город, и если ты действительно сохранил признательность к другу детства, отпусти меня.

— Но ты погибнешь!.. Не надейся на милосердие, если мы силой прорвемся в город.

— Я умру, — просто ответил афинянин. — Но там есть люди, которые приняли меня в свою семью,

когда я голодным блуждал по миру. Там есть женщина, которая приютила меня в минуту нужды, подарила мне свою любовь и богатство. Они послали меня в Рим, чтобы я принес им слово надежды. И я должен вернуться, хотя бы вестником печали и горя. Что тебе стоит отпустить меня?.. В Сагунте я буду лишним ртом; там, вероятно, царит лютый голод. Может быть, когда я скажу им правду, когда граждане увидят, что я возвращаюсь безо всякой помощи, они потеряют мужество и сдадутся. Отпусти меня, Ганнибал.

Ганнибал с изумлением посмотрел на него.

— Безумец! Я никогда не думал, что афиняне способны на подобные жертвы. Вы так ветрены, так лицемерны, так эгоистичны... Ты — первый грек, который на моих глазах остался верным усыновившему его городу. Карфагену так не посчастливилось с наемниками, твоими земляками... Но ты простой человек. Тобой повелевает любовь. Ты привязался к женщине, ты — ее раб и хочешь умереть без славы на службе у каких-то торговцев, ради того, чтобы только вернуться к ней. Ступай же, безумец! Я отпускаю тебя... Я хотел сделать из тебя героя, а ты раб. Ступай в Сагунт, но знай, что дружба Ганнибала для тебя отныне потеряна. Если ты попадешься в мои руки, то станешь пленником наравне со всеми.

И Ганнибал, ударив плеткой своего скакуна, поскакал в лагерь, высокомерно повернувшись к греку спиной. К Актеону подошел молодой карфагенянин. Не глядя на грека, он взял под уздцы его коня и двинулся по направлению к Сагунту.

Дойдя до аванпостов осаждающей армии, карфагенянин произнес пароль, и Актеона пропустили вперед. Он ехал, провожаемый враждебными взглядами солдат, которые хорошо знали об эпизоде в гавани. Этот грек, отправлявшийся в осажденный город, был, несомненно, спутником римских послов. И многие солдаты натягивали свои луки, но останавливались перед холодным, высокомерным взглядом молодого карфагенянина, говорившего от имени Ганнибала. Актеон и его спутник добрались до ближайших развалин города. Там грек сошел с коня, со-

рвал ветку кустарника и пошел вперед, высоко подняв ее, как символ мира.

Перед ним стояла стена, воздвигнутая за одну ночь под его же руководством. Из-за стены виднелись шлемы сагунтинцев. Осаждающие сосредоточили все свои силы в верхней части города. И сторона, где происходили первые схватки, была почти пуста.

Караульные узнали Актеона и разразились радостными восклицаниями. Они спустили вниз веревку, чтобы помочь греку взобраться наверх. Он быстро поднялся на стену. Сагунтинцы тесной толпой окружили грека. Ему показалось, что он видит вокруг себя призраков. Тела граждан готовы были выскользнуть из панцирей. Лица нездорового, пергаментного цвета скрывались под забралами. А их руки с трудом держали оружие.

Актеон добродушно уклонялся от посыпавшихся на него вопросов. Он расскажет обо всем, когда наступит время; он должен сначала поведать о своей миссии сенаторам, но еще до наступления ночи граждане узнают все. И, исполненный сострадания, он солгал: уверил защитников, будто Рим не забыл о Сагунте, будто он сам — авангард римских легионов, отправленных союзниками.

Из соседних домов навстречу греку выходили мужчины и женщины: все хотели первыми узнать новости и распространить их по городу. Актеон с ужасом смотрел на их пожелтевшие, осунувшиеся лица, запавшие глаза и высохшие руки. Он двинулся вперед, эскортируемый толпой, впереди которой шли страшные, совершенно голые дети. Их кожа, казалось, вот-вот лопнет под напором резко выступивших ребер. Они шли, с трудом передвигая тонкие, ослабевшие ноги. Некоторые из них, совершенно обессилевшие, ползли по земле.

На одном перекрестке несколько женщин силились поднять обнаженного юношу, у ног которого валялся лук. Грек с ужасом увидел его впалый живот. Это была мумия, сохранившая пока еще искру жизни в глазах.

Он проходил целые улицы, но никто больше не присоединялся к сопровождавшей его толпе. Актеон мысленно сравнивал теперешнее безлюдье с живой сутолокой первых дней осады. В канавах валялись скелеты ло-

кой первых дней осады. В канавах валялись скелеты лошадей и мулов, лишенные малейших следов мяса.

Грек обратил внимание на оружие воинов. Но увидел лишь металлические панцири: кожаные ремни и доспехи исчезли. На углу улицы Актеон заметил двух стариков, дравшихся из-за куска темного мяса. Это была кожа, размоченная в кипятке. Голод и смерть царили среди осажденных.

Около Форума грек увидел, что какая-то женщина пробирается к нему в толпе. Приблизившись, она нежно обняла его. Это была Сонника. Лишения и голод и на нее наложили свою печать. Правда, она выглядела не столь ужасно, как остальные, но похудела и побледнела. Руки, сжимавшие Актеона в объятиях, ослабели и горели лихорадочным жаром. Синие круги окружали ее глаза. Белоснежная туника падала бесчисленными складками, прикрывая исхудавшее тело. Она, казалось, стала гораздо выше.

— Актеон... любовь моя! Я уже не надеялась увидеться с тобой! Но ты вернулся!

И, взяв его за руку, она пошла рядом с ним. Толпа смотрела на Соннику с благоговением: она одна во всем городе каждый день распределяла между бедняками последние припасы из своих складов.

Актеон заметил в толпе философа Евфобия, оборванного больше прежнего, но выглядевшего бодро по сравнению с голодными и несчастными горожанами. На Форуме Актеона слабыми голосами поприветствовали Лакаро и его изнеженные товарищи. У них был истощенный вид, но они замаскировали свою бледность румянами и всевозможными маслами, разделись в самые пышные костюмы, как бы желая вознаградить себя за пережитые лишения блеском бесполезной роскоши.

Толпа остановилась на Форуме. Сенаторы собрались в храме около площади. Наверху, в Акрополе, происходили постоянные стычки с карфагенянами. Оттуда часто падали камни, пущенные вражескими катапультами. Некоторые из них долетали даже до Форума. Многие крыши и стены храмов были разрушены.

Актеон вошел в храм. Число сенаторов уменьши-

лось. Часть их стала жертвой голода, другие с юношеским пылом защищали городские стены. Благоразумный Алько пользовался теперь большим влиянием и руководил собранием.

— Говори, Актеон! — произнес Алько. — Расскажи нам правду, только правду. После несчастий, ниспосланных нам богами, мы готовы услышать самое худшее.

Грек окинул взглядом сенаторов. Они с нетерпением ждали начала его речи, но старались замаскировать свое нетерпение величественным спокойствием.

Актеон рассказал о своем свидании с римским сенатором, о примирительной тактике последнего, о странном приеме Ганнибала, отъезде послов в Карфаген и их намерении потребовать выдачи полководца и освобождения Сагунта.

Во время этого рассказа спокойствие старцев постепенно исчезло. Наиболее пылкие из них били себя кулаками и ревели от ярости. А самые дряхлые, не меняя величественных поз, тихо плакали. Слезы катились по их исхудалым щекам.

— Нас покидают!

— Когда помощь придет, будет уже поздно!

— Сагунт погибнет раньше, чем римляне придут в Карфаген.

Всем казалось, Ганнибал уже стоит в дверях храма.

— Сенаторы, успокойтесь, — воскликнул Алько.

— Вспомните: народ Сагунта стоит за этими стенами. Если он узнает о вашем унынии, малодушие овладеет всеми, и сегодня же ночью мы станем рабами Ганнибала.

Мало-помалу старцы успокоились, и водворилось молчание. Все ждали советов благоразумного Алько. И Алько заговорил:

— Теперь осталось только хорошенько подумать о скорейшей сдаче города, не так ли?

Всеобщий взрыв негодования был ему ответом:

— Ни за что!

И для того, чтобы поддержать мужество защитников, чтобы на несколько дней затянуть оборону, приходилось лгать, внушая сагунтинцам ложные надежды.

Припасов не хватало. Те, кто защищал стены с оружием в руках, ели последних лошадей, оставшихся в городе. Народ сотнями умирал от голода. Каждую ночь горожане подбирали трупы и тотчас сжигали в Акрополе, чтобы их не съели бродячие собаки. Поговаривали, что оставшиеся в городе чужеземцы вместе с рабами и наемниками собирались по ночам около стен и ели тела погибших. Городские цистерны почти высохли. Лишь на дне можно было найти немного воды, смешанной с осевшей грязью. Но, несмотря на все это, в Сагунте никто и не думал сдаваться. Все знали, что означало попасть в руки Ганнибала.

— Я разговаривал с ним, — сказал Актеон, — и он неумолим. Если его войско войдет в Сагунт, мы все станем рабами Ганнибала.

Сенат, охваченный негодованием, снова заволновался.

— Прежде мы умрем! — кричали старцы.

И они быстро договорились о том, что скажут народу. Все поклялись скрыть истину. Они пойдут на новые жертвы в надежде, что помощь из Рима все же когда-нибудь придет.

Скоро среди толпы распространилась весть: римские послы отправились в Карфаген, чтобы потребовать выдачи Ганнибала. С минуты на минуту должны прибыть легионы, отправленные Римом в поддержку сагунтинцам. Толпа встретила это известие холодно: лишения долговременной осады сильно умерили ее пыл. Столько раз они воодушевлялись, надеясь на скорую помощь римлян, что теперь уже отказывались верить в нее, пока собственными глазами не увидят приближающийся флот.

Актеон искал Соннику. Он увидел ее в компании Лакаро и его товарищей. Неподалеку от них стоял Евфобий, не решаясь подойти поближе.

— Боги покровительствовали тебе в твоём странствовании, Актеон, — произнес философ. — Ты выглядишь лучше, чем мы, оставшиеся в городе. Видно, что ты ел досыта.

— А ты, философ, — сказал грек, — не так слаб и истощен, как прочие. Что же поддерживает твои силы?

— Моя бедность. Я так привык к голоду в дни изобилия, что теперь почти не замечаю недостатка. Премущество философа и нищего!

— Не верь этому чудовищу, — с отвращением заявил Лакаро. — Он такой же варвар, как и кельтиберийцы. Каждый день он ест досыта. Но его следовало бы распять посредине Форума для острастки. Многие видели, как он по ночам бродит около стен с толпой рабов и ищет умирающих.

Грек с отвращением отошел от философа.

— Не верь им, Актеон, — сказал Евфобий. — Они завидуют моей нищенской доле, как раньше издевались над ней. Голод — мой старинный друг и поэтому щадит меня.

Все отошли подальше от философа. А Актеон последовал за Сонникой в ее дом. Прекрасная гречанка жила почти одна. Многие ее слуги были убиты на стенах; некоторые погибли на улицах, сделавшись жертвой голода. Несколько рабов, будучи не в состоянии вынести лишения осады, убежали в лагерь карфагенян. Две старухи рабыни тяжело вздыхали среди великолепных сундуков и тюков роскошной одежды.

— А Ранто? — спросил грек свою возлюбленную.

— Бедняжка! Я лишь изредка вижу ее. Она не хочет жить здесь; убегает, когда я приказываю привести ее сюда для ее же безопасности. Она потеряла рассудок, увидев тело своего возлюбленного. Дни и ночи Ранто гуляет по стенам. Она равнодушно ходит под стрелами, словно не замечая их. По ночам слышно, как она поет, призывая своего Эросиона. Часто Ранто показывается в венке из цветов, растущих на стенах, и спрашивает всех о сыне Мопсо, точно последний скрывается от нее среди защитников. Простой народ думает, что она может общаться с богами, и расспрашивает ее об участи Сагунта.

Влюбленные провели ночь на складе, равнодушные ко всему окружающему, словно они еще находились в великолепной загородной вилле.

Прошло несколько дней. Город совсем обессилел, но по-прежнему продолжал упорно защищаться. Осажда-

ющие атаковали не так яростно. Ганнибал догадывался о состоянии города и, не желая, чтобы его войска зря проливали кровь, занял выжидательную позицию, окружив осажденных тесным кольцом и надеясь, что голод и мор довершат его торжество.

Людей на улицах умирало все больше. Уже некому было подбирать трупы. Костер, на котором сжигали тела защитников, потух. Тела умерших валялись у дверей домов до тех пор, пока стервятники не спускались ночью прямо в город и не начинали отнимать добычу у бродячих собак.

Одичавшие, обезумевшие от лишений люди, крадучись, бродили по переулкам, вооружившись палками, камнями и дротиками. Как только начинало темнеть, они отправлялись на охоту. Ими руководил Евфобий, командовавший, точно великий полководец.

Когда им удавалось убить ворона или бродячую собаку, они несли добычу на Форум и поджаривали ее на костре, вырывая друг у друга вонючие куски. А богатые граждане отворачивались, испытывая тошноту при подобных ужасных сценах.

Начиналась весна. Печальной она была в том году. Зима кончилась, однако в Сагунте веяло холодом, холодом могилы, пронизывающим осажденных до костей. Сверкало солнце, а город был окутан смрадным туманом, который придавал дворцам и храмам свинцовый оттенок.

Отправляясь однажды утром на вершину горы, где продолжались бои, Актеон встретил на Форуме благодушного Алько. У него был печальный, унылый вид.

— Афинянин, — таинственно сказал Алько, — я решил, что все это должно кончиться. Город не может больше сопротивляться. Достаточно он ждал помощи римлян. Пусть Сагунт наконец падет, и Рим устыдится своей измены союзникам. Я сегодня же отправлюсь в лагерь Ганнибала просить у него мира.

— Ты хорошенько все обдумал? — воскликнул грек. — Не боишься, что твой народ разгневется, узнав, что ты ведешь переговоры с врагом?

— Я очень люблю свой город и не могу спокойно видеть его бесконечную агонию. Немногие знают об

этом, но я говорю тебе, Актеон, так как ты человек благоразумный. Положение наше хуже, чем ты думаешь. Сегодня не осталось ни одного куска мяса. Утром из цистерн с трудом могли достать немного грязи. У нас нет воды. Пройдет еще несколько дней, и нам придется есть трупы, подобно тем безумцам, что добывают себе пищу по ночам. Нам придется убивать детей, чтобы утолить жажду их кровью.

Алько замолчал и с мрачным видом провел рукой по лбу, словно отгоняя от себя страшные мысли.

— Кто, кроме нас, сенаторов, — продолжал Алько, — лучше осведомлен обо всем, что происходит в городе. Боги должны содрогаться от ужаса, созерцая, что творится в Сагунте, покинутом ими. Вчера две женщины, обезумев от голода, бросали жребий, кого из своих детей они съедят первым. Мы, сенаторы, закрыли глаза и уши; мы не хотим ничего видеть и слышать, понимая, что наказание лишь способствовало бы повторению подобных ужасов. Граждане, сражающиеся на стенах, вярят кожу своих доспехов. Они уже не могут держаться на ногах; обессилев, воины падают на землю. Мы обороняемся около восьми месяцев. Двух третей города уже не существует. Мы уже доказали небу и людям, как выполняет Сагунт свои клятвы.

Грек кивнул головой, убежденный доводами Алько.

— Притом, — продолжал сенатор, — мужество города падает, вера истощается. Некоторые по ночам видели, как огненные шары поднимались над Акрополем и устремлялись к морю. Народ думает, что это пенаты города, предвидя близкую гибель Сагунта, удаляются за море, откуда пришли. Ночью часовые в храме Геркулеса видели над могилой Закинфа змею. Змея жалобно шипела, словно ее ранили. Благодаря ей был основан город. Она проползла между ног изумленных сторожей, направляясь в сторону моря. И она покинула нас. А ведь это божество — покровитель Сагунта.

— Может быть, произошел обман, — сказал грек. — Видения людей, измученных голодом.

— Может быть. Но походи к женщинам, и ты увидишь, что они, забывая о своих бедствиях, скорбят

об исчезновении змеи Закинфа. Они думают, что город остался без защиты. И многие мужчины сегодня на стенах почувствуют себя ослабевшими, узнав об исчезновении змеи. Вера вдохновляет народы.

Они помолчали.

— Иди! — наконец сказал грек. — Поговори с Ганнибалом, и да пошлют боги ему милосердие.

— Почему бы тебе не отправиться со мной? Ты столько странствовал, умеешь убеждать людей и сможешь помочь мне.

— Совсем недавно я презрел дружбу Ганнибала, и он возненавидел меня. Этот африканец непреклонен в своем гневе. Он всех простит, только не меня. Я скорее умру, но не стану его рабом и не буду распят на кресте.

Х

Последняя ночь

Было три часа дня, когда Актеон, находившийся среди защитников верхней части города, увидел, как по ближайшему переулку медленно бредет Ранто.

Он ни разу не встречал пастушку после своего возвращения в Сагунт и поразился произошедшей в ней перемене, в которой виноваты были лишения осады и горе, омрачившее ее разум.

Она шла задумавшись, низко опустив голову. В ее спутанных волосах виднелось несколько завядших цветочков. Разорванная, грязная туника обнажала ее исхудалое тело, сохранившее еще стройность и свежесть — предмет восхищения грека. Грудь Ранто сильно развилась, как будто горе заставило созреть то, что раньше выглядело нераспустившимися бутонами. Широко раскрытые глаза, казалось, заполняли все лицо девушки.

Она медленно брела вперед. Несколько раз Ранто поднимала голову и внимательно смотрела на мужчин, стоявших на стене. Наконец, остановившись у подножия каменной лестницы, она прошептала умоляющим голосом, больше похожим на вздох:

— Эросион! Эросион!..

Несмотря на то, что в лагере осаждающих началось движение, — очевидно, новая атака против города, грек спустился со стены, желая поговорить с девушкой.

— Ранто... пастушка, ты помнишь меня?

Он говорил ласково. Но она заволновалась, точно силясь пробудиться от страшного сна. Однако, быстро успокоившись, Ранто замерла, как испуганная птичка.

— Ты!.. Это ты!

— Помнишь меня?

— Да. Ты — афинянин. Мой господин, возлюбленный Сонники. Скажи, где Эросион?

Грек не знал, что ей ответить. Но Ранто, не дожидаясь ответа, заговорила снова:

— Мне сказали, будто он умер. Я собственными глазами видела, как он лежал у подножия стены. Но это неправда. Это был дурной сон. Погиб его отец, стрелок Мопсо. С тех пор Эросион избегает меня: ему хочется оплакивать смерть отца наедине. Днем он прячется. Я замечаю его издали на стене, среди сражающихся, поднимаюсь к нему, но Эросион уже исчезает. Он верен мне только ночью: тогда возлюбленный приходит ко мне. Как только я усаживаюсь у подножия стены и склоняю голову на колени, появляется он. Смелый, влюбленный, с колчаном на бедре, с луком за спиной. За ним бегут дикие псы. Они пробираются во тьме, обнюхивают мое лицо, смотрят на меня красными, как угли, глазами. Он приходит ко мне... садится рядом, улыбается, но все молчит. Я пытаюсь заговорить; но мне отвечает лишь его улыбка, а не уста. Я ищу его плечо, как прежде, хочу положить на него свою голову. А он бежит прочь. Что это значит, добрый грек?.. Если увидишь его, спроси, почему он прячется. Скажи, чтобы он не убегал от меня. Он очень, очень любит тебя! Столько раз Эросион с восторгом говорил о тебе и твоей родине!..

Она замолкла на минуту, — словно слова воскресили в ней безвозвратно ушедшие сладкие воспоминания и грезы. И медленно в ее памяти оживала картина счастливых дней, когда они с Эросионом блуждали по долине и приютом им служили все окрестные рощицы.

Ранто, нежно улыбаясь Актеону, стала напоминать ему об их встречах. О первой встрече на дороге, когда он, бедный, безвестный, только что приехал в Сагунт. Напомнила о том, как он встретил ее и Эросиона, когда они, смеясь, отнимали друг у друга красные вишни. Напомнила о его неожиданном появлении в священной роше, когда она, совершенно обнаженная, позировала молодому скульптору. Он помнит все это? Не забыл добрый грек дней мира и счастья?

Актеон бережно сохранил все в своей памяти. В нем живо было первое впечатление, произведенное пастушкой. И в эту самую минуту его взгляд скользнул по ее почти обнаженному телу, несколько похудевшему, но еще юношески свежему, с нежным смуглым оттенком.

Но Ранто снова впала в безумие. Где Эросион? Видел ли грек его? Он наверху, среди защитников? И девушка бросилась вверх по лестнице. Актеон схватил ее за руки, чтобы помешать подняться на стену.

Наверху, стреляя из луков, бросая дротики и камни, сражались защитники. Началась вражеская атака. Стена содрогалась от глухих ударов, как будто африканцы, желая пробить брешь, обрушились на нее всеми своими силами.

Актеон должен был подняться на стену.

— Уходи, Ранто! — торопливо сказал он.

— Здесь тебя убьют... Ступай к Соннике... Я приведу Эросиона... Беги.

Он безуспешно пытался оттолкнуть ее подальше от края стены и наконец грубым пинком отбросил ее далеко от лестницы. Ранто бессильно упала на колени.

Грек поспешил подняться наверх. Не успел он пройти и половину лестницы, как вдруг за его спиной раздался слабый стон, напоминавший стон серны, пораженной стрелой на охоте. Обернувшись, он увидел сзади себя на лестнице Ранто. Она, падая, откинулась назад.

В ее груди торчала вражеская стрела, еще трепетавшая после стремительного полета.

Ранто хотела последовать за греком на стену, но на лестнице ее сразила стрела осаждающих.

— Ранто!..

Грек, повинувшись порыву скорби, которого он сам не мог объяснить, но который был сильнее его воли, забыл о вражеской атаке, обо всем на свете и побежал к девушке. Она тихо оседала на землю, точно подстреленная птица.

Обняв Ранто обеими руками, он положил ее на землю у подножия лестницы. Она, тяжело дыша, закрыла глаза, словно стремясь прогнать охватившую ее боль.

Грек звал ее нежным голосом:

— Ранто!.. Ранто!..

Взгляд девушки прояснился: он утратил свое мутное, безумное выражение. Казалось, боль вернула ей рассудок; и в эту последнюю минуту, минуту просветления, она увидела все свое прошлое.

— Не умирай, Ранто! — шептал грек, не отдавая отчета в своих словах. — Подожди: я вырву у тебя из груди это железо, отнесу тебя на Форум и тебя вылечат.

Но девушка отрицательно покачала головой. Нет, она хочет умереть, хочет соединиться с Эросионом. Она блуждала, точно тень, среди осажденного города, думая, что Эросион жив, искала его всюду. А Эросион убит. Она теперь хорошо помнит это: собственными глазами видела его труп. Он умер, к чему жить?

— Ты будешь жить для меня! — воскликнул Актеон, вне себя от горя, не видя и не слыша ничего вокруг себя.

— Ранто, послушай меня! Теперь я понимаю, почему твой образ появлялся передо мной в Риме всякий раз, как я вспоминал о Сагунте. Живи! И ты станешь для Актеона последней весной его жизни. Я люблю тебя, Ранто. Ты — цветок, распустившийся в мою зимнюю пору. Я люблю тебя, Ранто, люблю с того дня, как увидел тебя обнаженной, подобной богине. Живи, и я стану твоим Эросионом.

Девушка печально улыбнулась и прошептала:

— Актеон... Какой ты добрый... Благодарю, благодарю!

Ее тело выскользнуло из рук грека. Афинянин долго смотрел на тело девушки.

Молчание, воцарившееся вдруг на стене, заставило его очнуться от тяжелого оцепенения. Осаждающие прекратили атаку. Грек выпрямился; потом снова встал на колени и несколько раз поцеловал еще теплые губы пастушки.

Поднявшись, он увидел перед собой неподвижно стоявшую Соннику. Она холодно посмотрела на него.

— Сонника!.. Ты здесь?

— Я пришла сказать тебе, чтобы ты поспешил на Форум. К воротам города явился посланец из неприятельского лагеря. Он желает говорить. Народ собрался на Форуме.

Актеона не взволновала эта важная новость. Его смущал строгий вид Сонники.

— Ты давно здесь?

— Я пришла как раз вовремя. Ты очень трогательно прощался с моей рабыней.

Она замолчала. Потом неожиданно подняла руки и сделала шаг вперед.

— Ты любил ее, не правда ли? — произнесла она с горечью.

— Да, — ответил грек мягко. — Я понял только теперь, что любил ее... но люблю и тебя.

Долгое время они стояли, пристально глядя на тело пастушки. словно непреодолимая стена выросла между ними, разлучая навеки.

Актеон устыдился своих слов, ранивших женщину, так глубоко любившую его. Сонника, видимо, была страшно разочарована, и холодно смотрела на тело рабыни.

— Ступай, Актеон! — сказала гречанка. — Тебя ждут на Форуме. Сенаторы требуют твоего присутствия: ты будешь переводить слова посланца Ганнибала.

Афинянин сделал несколько шагов, затем остановился и с нежной мольбой посмотрел на Соннику.

— Она останется здесь... Скоро наступит ночь, и голодные псы... толпы безумцев...

Актеон содрогнулся при мысли, что это прекрасное тело, заставлявшее его трепетать от восторга, будет растерзано.

Сонника махнула рукой. Пусть уходит: она останется здесь. И Актеон, повинувшись своей возлюбленной, побежал к Форуму.

Когда он явился на Форум, начало смеркаться. Посередине пылал большой костер, который зажигали каждую ночь для борьбы со смертельным холодом, холодом ранней весны.

Сенаторы усаживались в свои кресла из слоновой кости, ожидая Ганнибалова посла. Новость о прибытии вестника из вражеского города распространилась по всему городу, и каждую минуту на площадь прибывали все новые и новые толпы.

Актеон встал рядом с сенаторами. Он внимательно посмотрел по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии Алько. Последний, по-видимому, еще находился в карфагенском лагере. И прибытие вражеского посла было, несомненно, результатом свидания Алько с Ганнибалом.

Один сенатор объяснил Актеону, в чем дело. У стен Сагунта час назад появился неприятельский воин без оружия, размахивая масленичной веткой. Он желал говорить с сенатом от имени осаждающих, и старейшины сочли необходимым собрать весь город, чтобы горожане приняли участие в переговорах.

Отдали приказ привести посла. Вскоре в толпе показалась группа вооруженных солдат, среди которой шел человек с непокрытой головой, без оружия, с веткой в правой руке — символом мира.

Когда он проходил мимо костра, на его лицо упал красноватый отблеск пламени, и на Форуме раздались громкие негодующие крики. Посла узнали.

— Это Алорко!.. Это Алорко!

— Изменник!

— Неблагодарный!

Множество рук схватилось за мечи, собираясь поразить предателя. Но присутствие сенаторов и грустная улыбка кельтиберийца успокоили расходившийся народ.

Притом люди чувствовали слабость, у них не осталось сил для негодования, и они хотели поскорее узнать свою судьбу.

Алорко прошел вперед еще немного и остановился перед сенаторами. Вся площадь погрузилась в глубокое молчание, которое лишь изредка нарушалось потрескиванием дров в костре. Все взоры были устремлены на кельтиберийца.

— Благоразумного Алько нет среди вас? — начал кельтибериец.

Все с изумлением посмотрели по сторонам. Да! Это была правда! До сих пор никто не заметил отсутствия человека, игравшего главную роль во всех общественных делах.

— Не ищите сго, — продолжал кельтибериец. — Алько сейчас в лагере Ганнибала. Скорбя о положении города, понимая, что больше нельзя обороняться, он пожертвовал собой ради вас и, рискуя жизнью, явился несколько часов тому назад к Ганнибалу, слезно умоляя его сжалиться над вами.

— А почему же он не пришел с тобой? — спросил один из сенаторов.

— Он не в силах повторить вам слова Ганнибала, его условия сдачи города.

Водворилось еще более глубокое молчание. По отсутствию Алько толпа догадывалась об ужасных условиях победителя. Еще никому неизвестные, они заставляли тревожно биться сердца всех присутствующих.

На Форум приходили все новые и новые люди. Даже защитники города покинули стены. В отблесках костра ярко сверкали их бронзовые шлемы и щиты. Актеон увидел Соннику. Она с трудом пробралась сквозь толпу и остановилась около группы знатных молодых людей.

Алорко продолжал.

— Вы, конечно, узнали меня? Минуту тому назад я слышал угрозы, видел обнаженные мечи. Может быть, я оказался человеком неблагодарным, но, посудите сами: я родился в другой стране, и смерть отца поставила меня во главе племени. Я обязан повиноваться своему на-

роду, соблюдать его союзные договоры. Я отнюдь не забыл, что был гостем Сагунта; я считаю его своей второй родиной, но поразмыслите хорошенько о вашем положении, сагунтинцы. Храбрость тоже имеет свои границы. И сколько бы вы ни упрямылись и не напрягали свои силы, боги предопределили судьбу Сагунта: они покинули вас. И все ваши усилия разбиваются об их непреклонную волю.

Туманная речь Алорко только усилила тревогу.

— Условия!.. Скажи нам условия! — закричали сагунтинцы.

— Вот доказательство того, что я забочусь о вашем благе, — продолжал Алорко, не обращая на крики никакого внимания. — Пока вы могли обороняться вашими собственными силами или надеяться на помощь римлян, я не посмел бы предложить вам сдать город. Но городские стены постепенно разрушаются войнами Ганнибала. Ежедневно в Сагунте погибают от голода сотни граждан. Римляне не помогут вам: они очень далеко и заняты другими войнами. Вместо того, чтобы послать вам войска, они отправляют послов. Поэтому я, увидев, что Алько не решается вернуться назад, решил отнести вам весть о мире. Правда, невыгодном, но необходимом.

— Условия! Говори условия! — оглушительно заревела толпа.

— Имейте в виду, — сказал Алорко, — все, что предлагает победитель, — подарок с его стороны. Сейчас он безраздельный хозяин ваших жизней и имущества.

Воцарилось молчание.

— Сагунт, почти уже занятый его войсками, Ганнибал в наказание отбирает у вас. Но он разрешает вам построить новый город в предварительно указанном месте. Все ваши богатства до последней монеты будут отданы победителю. Ганнибал пощадит ваши жизни, жизни ваших жен и детей, но вы должны будете выйти из города без оружия, только с двумя переменами одежды. Это — жестокие условия, но несчастье велит вам примириться с ними. Смерть — намного хуже.

Алорко кончил говорить, но на Форуме по-прежнему

му царило молчание, грозное молчание, предвещающее бурю.

— Нет, сагунтинцы, ни за что! — воскликнула какая-то женщина.

Актеон узнал голос Сонники.

— Нет, нет! — заревела толпа.

Сонника исчезла, потом снова появилась в сопровождении рабов, женщин и солдат. Все они несли на плечах богатую обстановку знаменитой загородной виллы, привезенную на склад: ларцы с драгоценными украшениями, великолепные ковры, серебряные слитки, ящики с золотой пудрой. Толпа смотрела на эти богатства, не догадываясь о намерениях Сонники.

— Нет, нет! — повторяла гречанка, обезумев от гнева. Она представляла себе, как выходит из города в одной тунике, надетой на голое тело, представляла, как ей придется просить милостыню по дорогам или работать в полях, подобно рабыне, как ее преследуют грубые, грязные солдаты.

— Нет, нет! — энергично повторяла она, направляясь к костру, горевшему посередине Форума.

Она была великолепна в своем гневном и напоминающем фурию, находящую горькую усладу только в разрушении. К чему богатство? К чему жизнь? И особенную силу ее отчаянию придавало разочарование, которое она час тому назад испытала перед телом Ранто.

Она подошла к костру и швырнула в огонь статую Афродиты из яшмы и серебра, которую держала в руках. Статуя тут же исчезла в пламени. Спутники Сонники, бедняки и оборванцы, с радостью последовали ее примеру. Уничтожение столь великих богатств заставляло толпу реветь от восторга. В пламя костра летели ларцы из мрамора, кедра, черного дерева. Из них высыпались бесценные сокровища: жемчужные ожерелья, диадемы из топазов и изумрудов, бриллиантовые серьги, целые россыпи драгоценных камней, сверкавших в огне словно сказочные саламандры. Затем в костер полетели ковры, затканые серебром покрывала, туники с золотыми цветами, золотые сандалии, кресла с львиными лапами, ложа из слоновой кости, черепаховые гребни, зеркала,

светильники, лиры, флаконы с духами, столики с мраморной инкрустацией — все достояние богачки Сонники. И обезумевшая толпа рукоплескала и редела, видя, как пламя костра поднимается все выше и выше, разбрасывая искры и пепел на крыши домов.

— Ганнибал жаждет сокровищ! — кричала Сонника хриплым голосом. — Так пусть африканец поспорит с огнем! Бросайте все в костер!

Многие сенаторы, удалившись в первую минуту смятения, возвращались на Форум, неся под белыми плащами сундучки, и с размаху бросали их в костер. Эти богатства они взяли из своих домов.

Над головами людей из рук в руки передавались ларцы с драгоценностями, куски материи, и все, все без исключения попадало в костер, разгоравшийся все больше и больше.

Это было всеожжение в честь немых и глухих богов, покидавших Акрополь. Мужчины выполняли свою разрушительную миссию в мрачном молчании, но женщины точно обезумели. С дикими криками они плясали вокруг громадного костра, раздирая себе лицо ногтями.

Одна из женщин, отделившись от этого безумного хоровода, вдруг прыгнула прямо в костер. Сразу же загорелись ее волосы и одежда. И несколько мгновений она пылала, точно факел. Другая женщина, размахнувшись, бросила в костер своего ребенка, крепко прильнувшего к ее истощенной груди, и, разбежавшись, сама прыгнула вслед за ним.

Огонь перекинулся на деревянные крыши домов. Толпа задыхалась от дыма и жара. В потемневшем воздухе вещи, передаваемые из рук в руки, казалось, сами направлялись к костру.

Лакаро со своими друзьями готовились к смерти. Эти изнеженные юноши спокойно обсуждали, какой смертью им лучше погибнуть. Они не желали последовать примеру Сонники, которая, вооружившись мечом, собиралась броситься в гущу неприятельских войск и умереть в бою. Им противно было сражаться с грубыми солдатами, и умереть, обливаясь кровью, в грязи и пыли, точно зарезанная скотина. Им не улыбалась также

перспектива поразить себя кинжалом, — это слишком затасканный прием. Они выбрали смерть на костре, — это напоминало конец цариц Египта и Азии, кончавших свою жизнь в огне благоухающего костра. Как печально, что от этого костра так скверно пахло! Но выбирать не приходилось. И, прикрывшись плащами, изящные юноши, подталкиваемые своими юными рабами, взошли на костер один за другим, спокойно, как раньше в дни мира проходили по Форуму, развлекаясь всеобщим возмущением, вызванным их откровенными нарядами и женскими украшениями.

Сонника подобрала тунику, обнажив очаровательную белизну своих ног. Она собралась броситься в бой.

— Умрем, Евфобий, — обратилась она к философу, погруженному в созерцание царившего разрушения.

Впервые философ изменил своей дерзкой манере обращения. Он нахмурился, глядя, как умирают люди, над которыми он когда-то зло смеялся.

— Умереть! — сказал он. — Непременно нужно умереть? Ты так думаешь, Сонника?

— Да. Кто не хочет стать рабом, должен умереть. Возьми меч и следуй за мной.

— Я не хочу. Раз нужно умереть, я хочу избавиться себя от труда наносить удары. Я умру, но умру спокойно, в сладкой лени, скрашивавшей мою нелегкую жизнь.

Он сделал несколько шагов и улегся среди пламени, прикрыв голову своим заплатанным плащом, как ложился спать под портиками Форума в дни мира.

На ступеньках храма сенаторы поражали себя в грудь кинжалом. Умиравшие передавали свое оружие соседу и, испуская дух, старались держаться прямо на своих креслах. Женщины выхватывали горящие головни из бушующего костра и носились, как обезумевшие вакханки, по Сагунту, поджигая все дома подряд.

Вдруг в верхней части города, там, где Ганнибал последнее время сосредоточил свои силы, раздался страшный шум. Защитники покинули городские стены, и одна башня, под которую уже несколько дней карфагеняне вели подкоп, рухнула. Когорта вражеской армии.

увидев, что проход в город освободился, стремительно бросилась в него.

— Ко мне! Ко мне! — закричала Сонника хриплым голосом. — Я не умру на костре! Я хочу умереть в бою... Я хочу крови!

И она оставила Форум вместе с Актеоном. Грек бежал рядом с ней, звал Соннику по имени, всячески стараясь обратить на себя ее внимание. Но прекрасная гречанка забыла обо всем на свете. словно рядом с ней бежал совершенно незнакомый человек.

За ними бросились все, кто находился на Форуме: солдаты, женщины, яростно размахивающие ножами и дротиками, оборванные подростки с пиками в руках. При свете огромного костра люди неслись вперед, сметая все на своем пути. Они бежали к лагерю осаждающих.

Когорта кельтиберийцев, бросившаяся было к Сагунту, была смята, растоптана лавиной отчаявшихся, обезумевших людей. Но дальше сагунтинцы натолкнулись на новые отряды и отступили.

Истощенные долгой осадой, потерявшие силы в борьбе с болезнями и голодом, граждане не могли противостоять вражескому натиску. Кельтиберийцы, опьяненные боем, убивали всех без разбора.

Актеон, отбиваясь от двух рослых солдат, увидел, как Сонника вдруг выпустила из рук свой меч и содрогнулась, прежде чем упасть на землю.

— Актеон! Актеон! — воскликнула она, чувствуя, что в минуту смерти к ней вернулся весь пыл прежней страсти.

Она упала. Грек хотел было побежать к ней, но вдруг у него зашумело в ушах. Актеон почувствовал страшную боль в спине и упал. Ему казалось, что он падает в мрачную бездонную пропасть и никак не может долететь до конца. Немного погодя грек очнулся. Актеон не знал точно, жив ли он или уже умер. Его тело отказывалось ему повиноваться. С огромным усилием грек открыл глаза и начал смутно вспоминать, почему он здесь.

Вдали пылал город. И в беспокойном блеске пожара содрогались стены Акрополя.

Актеон припомнил все. Этот город был Сагунт. Вокруг слышались яростные крики победителей, поджигавших уцелевшие дома, убивавших в слепой ярости всех, кто попадался им на пути. Актеон понял, что еще не умер, но скоро умрет. Он чувствовал это по страшной слабости, постепенно овладевавшей всем его телом.

А Сонника? Как найти Соннику?.. Греку страстно захотелось поцеловать ее в последний раз. Но едва он собрал все свои последние силы и попытался приподняться с земли, теплая, липкая волна залила лицо Актеона. Это была его кровь.

И тогда, как в путаном кошмарном сне, перед ним возник черный кентавр. Он мчался прямо по тропам и, глядя на полыхающий город, улыбался торжествующей улыбкой.

Кентавр пронесся мимо него. Конские копыта вонзились в тело кельтиберийца, лежавшего на груди Актеона. Умиравший грек в зареве пожара узнал всадника.

Это был Ганнибал. Торжествующий, он скакал на черном, как ночь, скакуне. Коню, казалось, передалась ярость всадника, и он яростно топтал трупы, попадавшие ему на пути.

Ганнибал смеялся: наконец-то город, восемь месяцев державший его у своих стен, пал! Пришло время осуществить смелые замыслы.

На грека опускалась вечная ночь.

А Ганнибал вдруг остановил своего коня и посмотрел на восток. Затем он вытянул вперед руку, словно желая схватить восходящее солнце. И жестоко улыбнувшись, карфагенянин крикнул, бросая вызов невидимому врагу:

— Рим!.. Рим!

Карл Оппель

М Е Ч
ГАННИБАЛА

Глава I

Клятва

— Отец, возьми меня с собой. Я не хочу оставаться в Карфагене, когда ты уходишь в поход! — упрашивал отца маленький Ганнибал.

— Я не могу взять тебя! — серьезно возразил Гамилькар. — Мы отправляемся не на прогулку, а в тяжелый поход, в котором не место девятилетнему мальчику. Я не хочу подвергать тебя трудностям и лишениям лагерной жизни!

Но мальчик не унимался и продолжал умолять отца:

— Испытай меня! Вот увидишь, я перенесу все. Я могу маршировать в строю, кормить лошадей и слонов, чистить панцири и шлемы!

— Это невозможно! — возразил Гамилькар. — Голод, жажда, тяжелые, продолжительные переходы без отдыха и сна — все это быстро подорвет твое здоровье. Ты сам вскоре начал бы жаловаться, но помочь тебе уже никто не смог бы. Что я тогда буду делать?

— Отец, — ответил Ганнибал, и его большие темные глаза засверкали, — испытай меня, и если я только начну жаловаться, то можешь бросить меня в море!

Гамилькара обрадовало, что его сын проявил такую силу воли, но, тем не менее, он остался непреклонен.

— Быть полководцем — это не твое призвание, лучше займись торговыми делами и оставь другим копье и меч!

— Я не хочу сидеть дома, — возразил мальчик, — я хочу стать таким же героем, как и мой отец!

— Тебя заворожила пурпурная тога, — заметил Гамилькар, — блестящий шлем с развевающимися перьями и золотая цепь! И когда ты видишь меня в качестве полководца, перед которым преклоняются многие народы, у тебя, вероятно, сильнее начинает биться сердце, и ты сам желаешь испытать все это! Но счастье изменчиво, и часто в бою гибнут самые доблестные воины. Послушай! Сто лет тому назад (340 до н.э.) мы, карфагеняне, сражались в Сицилии против сиракузцев. Чтобы напасть на врага, который расположился по другую сторону реки, нам пришлось перейти ее в брод; но не успели наши войска пройти еще и половину пути, как началась ужасная буря. Черные тучи заволокли небо, засверкали молнии, загрохотал гром, а затем хлынул страшный ливень вперемешку с крупным градом, который ветер яростно швырял нам в лицо, полностью ослепляя, между тем как нашим врагам град бил в спину, и они мало пострадали от непогоды. В реке началась невообразимая толчея, — пехотинцы, конница, обозы, все смешалось в кучу, — а вода прибывала с невероятной быстротой, и в ее водоворотах гибли люди и кони. Но в нашей армии был "священный отряд" в две тысячи пятьсот человек. Он занял ближайший холм и защищался с необычайным мужеством.

— Сдавайтесь! — кричали им враги, — сами боги предрешили вашу судьбу: вам не миновать плена!

Но карфагеняне продолжали храбро сражаться, каждый раз отвечая врагам.

— Если нам суждено умереть, мы умрем все до последнего!

И все они погибли геройской смертью!.. А ты, Ганнибал, мог бы ты поступить так, как они?

— Мог бы! — воскликнул мальчик, гордо выпрямляясь перед отцом и пристально глядя ему в лицо.

— Я был уверен, что ты ответишь именно так! Яблоко недалеко падает от дерева. С помощью Ваала со временем станешь яркой звездой для нашей родины и страшным богом Мелькартом для наших врагов! Сейчас я покажу тебе меч, который ты со временем употребишь во славу Карфагена. Перед отъездом я вручу его своему

управителю, который будет воспитывать тебя, научит владеть оружием, а когда ты подрастешь и окрепнешь, пошлет ко мне вместе с этим мечом!

Гамилькар открыл ящик и достал оттуда меч, украшенный золотом и драгоценными камнями. Его великодушное убранство совсем ослепило мальчика.

Ганнибал снова стал горячо упрашивать отца:

— Дай мне этот меч сейчас, и возьми меня с собой! Я хочу учиться только у тебя!

В эту минуту тяжелый, украшенный золотой бахромой занавес приподнялся, и в залу вошли восемь полководцев Гамилькара. Он поспешно спрятал оружие, и, приказав сыну удалиться, предложил товарищам присесть.

— Я пригласил вас сюда, чтобы ознакомить с планом похода, — сказал Гамилькар. — После перемирия Рим восстановил против нас около двадцати тысяч наших наемников, и нам стоило многих трудов не покорить, а уничтожить все эти полчища; но великая богиня Танит* не оставила нас, мы победили, и теперь Карфаген стал во много раз богаче и могущественнее, чем когда бы то ни было... В годы бедствий граждане возложили на меня неограниченные полномочия. И я использовал свою власть; но все, что сделано до сих пор, — это только начало великой и сложной работы. Вероломный Рим вытеснил Карфаген из Сицилии, и пока у нас нет никакой надежды снова укрепиться там! Но взамен потерянного мы постараемся сторицей вознаградить себя в другом месте. Я сообщу вам мой план: вся наша армия направится на запад, и в том же направлении вдоль берега двинется флот. Все племена, которые встретятся нам на пути, должны быть покорены, а когда мы достигнем Абельских скал и Кальп (горные цепи на африканском и испанском берегах по обе стороны Гибралтарского пролива), то мы переправимся в Тарс и начнем завоевывать там одну область за другой, увеличивая таким образом наши владения. И затем наконец наступит тот день, когда мы сможем посчитаться с вероломными

Богиня Танит — лицо Ваала

правителями берегов Тибра. Грядет решительная битва Карфагена с Римом, ибо вместе нам нет места на земле, и один из нас должен погибнуть. Тебя, Газдрубал, я назначаю начальником флота. Но никто не должен знать, куда направляется наша армия: пусть все думают, что мы идем в поход против западных соседей! И только тогда, когда войска займут Тарс, карфагеняне узнают, какой великий подвиг мы совершили. Войска будут отсутствовать несколько лет, поэтому сделай все необходимые распоряжения.

— Как благодарить тебя за ту высокую честь, которой ты меня удостоил! — воскликнул Газдрубал, зять Гамилькара. — Ты никогда не пожалеешь об этом.

— Веди нас! — воскликнули полководцы, окружив своего главнокомандующего, — мы всюду последуем за тобой! Наша жизнь принадлежит Карфагену!..

— Завтра выступит флот, — сказал Гамилькар, отпуская военачальников, — а послезавтра — войско: Но храните молчание, как рыбы морские.

Едва полководцы успели удалиться, как из-за занавеса показалась голова Ганнибала.

— Можно мне войти? — спросил мальчик.

Получив разрешение, Ганнибал радостно вбежал к отцу и, остановившись в нерешительности посреди залы, спросил:

— А ты дашь мне меч и возьмешь с собой в поход?

— Ты еще ребенок и не понимаешь, что такое война. Геройски умереть — не трудно, но знать, что идешь на верную смерть, несмотря на все приложенные усилия, — вот что ужасно! Двести лет тому назад (440 г. до н. э.) наш полководец Гимилькон одерживал в Сицилии победу за победой, и нас уважали и боялись, как никогда раньше. Но вот в наш лагерь проник враг, перед которым храбрость была бессильна: в войске началась чума, распространявшаяся с неимоверной быстротой. Воины гибли ежедневно целыми тысячами, и через несколько недель от доблестного войска осталась жалкая горсть. Чтобы спасти хоть этот остаток, Гимилькон вернулся в родную гавань и этим спас от гибели корабли и

несколько сот человек. Совершив это, он пронзил себе грудь мечом!

— Я поступил бы точно так же! — воскликнул Ганнибал в сильном возбуждении.

В это время на улице заиграли трубы, и к гавани двинулись полки, чтобы в тот же день погрузиться на суда. Гамилькар с сыном поспешили на улицу.

На следующий день в Карфагене все жители оставили свои дела, чтобы полюбоваться необычайным зрелищем: войско выступало в поход. Но большая часть полков уже разместилась ночью на судах.

Карфаген считался одним из самых красивых городов того времени, а в этот день он разукрасился самым блестящим образом: на всех улицах возвышались мачты, убранные гирляндами и разноцветными пестрыми флагами, весело развевавшимися на ветру; в окнах красовались роскошные цветы и дорогие ткани. В гавани собралось столько народа, что воинские полки не могли пройти даже сомкнутыми рядами. Тогда вперед выступило человек двести солдат. Они с громкими криками пошли впереди войска и начали разгонять толпу, размахивая длинными копьями.

Сидя на породистом пегом коне, покрытом чепраком из леопардовой шкуры, Гамилькар смотрел на проходившие мимо него войска, преданные ему душой и телом. Все хорошо помнили, как лет семь тому назад он овладел в Сицилии римской горной крепостью. Однажды ночью Гамилькар вместе со своими воинами перебрался через крепостные стены и напал на врагов так неожиданно, что многие из них не успели даже проснуться.

Так Гамилькар снискал себе славу доблестного полководца.

— Слава тебе, око Ваала! — ликовали войска, проходя мимо него.

— Слава тебе, Гамилькар! — вторил им народ.

Под звуки праздничной музыки по улице беспрестанно проходил отряд за отрядом. Солнце начало уже клониться к западу, когда наконец все войско погрузилось на суда. Воины выстроились на палубах, а на берегу столпились жители Карфагена, ожидая сигнала к отплы-

тию. Когда прибыло известие, что суда готовы, военачальник подал знак, и трубы протрубили долгожданный сигнал. С шумом развернулись паруса, и весла начали мерно опускаться и подниматься. На берегу заиграли музыку, и корабли величественно выплыли из гавани. Но едва музыка замолкла, как воины на судах запели старинную песню, в которой каждый стих кончался припевом:

Мы — покорители морей,
Нам принадлежит весь мир!

С берега, вслед отплывающему войску, еще долго неслись прощальные напутствия и пожелания:

— Да хранит вас Ваал, гордые карфагеняне!.. Да хранит вас Ваал среди бушующих волн!

Поздно вечером Ганнибал снова пришел к отцу и повторил свою просьбу. Гамилькар серьезно сказал мальчику:

— Выслушай меня, сын мой, и вникни в каждое мое слово! Лет пятьдесят тому назад правитель сиракузский Гиэрон распустил часть войска, несколько тысяч наемников, которые сначала разбрелись по Сицилии, а затем направились к Мессане, чтобы оттуда переправиться в Италию: но только маленькая часть решила пойти дальше, большинство осталось в Мессане и начало грабить окрестности. Они назвались мамертинцами в честь римского бога войны Марса, которому и посвятили себя, дав обет и впредь жить только военной добычей, а не мирным трудом. В Италии римляне беспощадно истребили этих разбойников. Жители Мессаны были не прочь последовать примеру римлян, но они сознавали, что им одним не справиться с грабителями. И мессанийцы обратились к нам за помощью. Сначала мы хотели помирить враждующие стороны, рассудив их по всей справедливости; но мамертинцы не пожелали вступить в переговоры, и нам пришлось взяться за оружие. Когда же мамертинцы поняли, что проиграли, то обратились за помощью к Риму, и Рим, учинивший в Италии кровавый суд над этими разбойниками, стал на их сторону, выслал флот и

войско в Сицилию. У нас началась война, которая длилась двадцать три года и принесла нам множество бед.

— Это было нечестно! — с возмущением воскликнул Ганнибал.

— Да, сын мой, это было нечестно, но помни: именно так поступает Рим! Слушай дальше! Война плачевно закончилась для нас: мы потеряли земли, деньги, славу, но вынуждены были покориться. Мы переправили из Сицилии свои наемные войска обратно в Карфаген; но едва успели они сойти на берег, как, по наущению римлян, наши наемники восстали, и, уговорив союзников присоединиться к ним, подступили к Карфагену и уничтожили водопровод, так что жители города оказались на краю гибели.

— Как подло! — воскликнул Ганнибал.

— Не забудь: именно так поступает Рим! — продолжал Гамилькар. — Началась борьба не на жизнь, а на смерть! Но с помощью Ваала и великой благодатной богини Танит, покровительницы нашего города, нам удалось покарать предателей. Послушай, что в это время предпринял наш враг!.. Когда мы пребывали в этом плачевном положении, Рим отнял у нас остров Сардинию и объявил нам войну, зная, что мы не в состоянии защищаться. Что нам оставалось делать? Пришлось купить мир дорогой ценой, выплатив Риму одну тысячу двести талантов и уступив ему Сардинию и Корсику, которые стали римскими провинциями.

Сжав свои маленькие кулаки, мальчик задрожал от гнева, а отец продолжал:

— Запомни: именно так поступает Рим! И если все это глубоко запало тебе в сердце и уже никогда не изгладится из твоей памяти, тогда я, может быть, вручу тебе завтра меч и возьму с собой в поход, чтобы ты послужил во славу Карфагена.

— Я никогда это не забуду! — поклялся Ганнибал.

На другое утро, когда весь город еще спал, Гамилькар разбудил сына.

— Сегодня войска выступают в поход, и надо немедленно решать, пойдешь ли ты со мной или останешься здесь. Отправимся в храм богини Танит, принесем ей

жертвы и спросим ее благословения. Затем мы предстанем перед могущественным Мелькартом и посвятим ему твой меч.

И отец с сыном отправились в путь. Очень скоро они вступили в роскошный сад, окружавший храм высокочтимой богини Танит. Повсюду были проложены тенистые аллеи, росли редкие цветы и роскошные пальмы, среди которых виднелись статуи из белоснежного мрамора, алебастра и стекла. Все это отличалось необыкновенной роскошью, которой карфагеняне постоянно окружали благодатную покровительницу величайшего в мире города. Величественный храм был разукрашен пестрым мрамором, золотом и серебром, а тяжелые занавесы с золотой бахромой не давали яркому свету проникнуть сквозь окна.

Закончив торжественные воззвания, пропев молитвы и принеся в жертву плоды граната и белых голубей, отец с сыном вернулись в нижний город, направляясь к храму всемогущего Мелькарта, гневного божества, снискать расположение которого им было необходимо. Идол Мелькарта изображался в виде великана с головой быка. Делали его из железа, но внутри он был совершенно пуст. Под ним располагался огромный костер; на животе и груди божества помещалось семь больших отверстий, располагавшихся одно над другим и запиравшихся железными дверцами. Во время жертвоприношений жрецы указывали, в которое отверстие следовало вложить жертву, предаваемую сожжению. В первое отверстие сыпалась мука, во второе клали голубей, в третье — обезьян, в четвертое — баранов, в пятое — овец. В шестое отверстие вводили быков, кому же это было не по средствам, а между тем человек желал придать своей жертве тоже значение, он жертвовал только шкуру быка, служившую символом всего животного.

Нижнее отверстие предназначалось только для самых драгоценных жертв, то есть живых людей. Но и их можно было заменить символически: вместо самого человека в раскаленного Мелькарта клали прядь волос, или жертва перед лицом идола должна была перепрыгнуть через небольшой костер. Но если городу требовалась

крупная жертва, если Карфагену грозила опасность или уже его постигла беда, тогда по жребию жрецы выбирали детей из знатнейших семей и подвергали их мучительной смерти через сожжение.

Когда Гамилькар с сыном вошли в храм, жрецы, все до единого одетые в красные плащи, сосредоточенно поддерживали огонь в печи и под каменной плитой перед идолом. Но вот загрели литавры, и жрецы оставили свое занятие и запели жертвенный гимн, которому начали вторить отец и сын.

Затем Ганнибал опустился на колени перед идолом и повторил громко и ясно слова, которые шептал ему на ухо отец:

— Великий Мелькарт! Могущественный бог, господин Карфагена! Тебе посвящаю я свою жизнь, — при этих словах Гамилькар бросил в огонь прядь волос мальчика, — тебе и родному городу. Благослови мой меч!

И он протянул оружие главному жрецу, который прикоснулся им к идолу и затем три раза провел лезвие сквозь огонь.

— Я всю жизнь буду бороться с врагами Карфагена, ненавидеть и преследовать Рим! Так я буду жить и так умру! Моя жизнь принадлежит тебе, Мелькарту, и Карфагену! — и Ганнибал, вскочив с колен, три раза стремительно промчался сквозь высокое пламя.

Жрец благословил его, и Гамилькар принес богатые дары в пользу храма. Затем отец с сыном с легким сердцем поспешили домой.

Дома Гамилькар приказал позвать одного из своих лучших полководцев, Бодашторета, и обратился к нему со следующими словами:

— Я решил взять Ганнибала в поход, он уже настолько подрос, что его воспитанием следует заняться мужчине. Я отдаю сына в твои опытные руки. Научи его плавать и ездить верхом, обращаться с мечом и копьем, стрелять из лука. Мальчика не следует баловать; он должен научиться легко переносить жару и холод, голод и жажду, спать на голой земле и не бояться никаких трудностей. Словом, он должен стать лучшим

среди лучших. Бодашторет, на твою долю выпала честь воспитать будущего полководца Карфагена, — оправдай же мое доверие!

— Благодарю тебя! — воскликнул Бодашторет. — Когда наступит время, потребуй у меня отчета в том, что я сделал. Ты останешься доволен мною.

Уже много лет карфагеняне не помнили такого торжества. Карфаген считался богатым и могущественным городом, в нем процветали науки и искусства. При великих торжествах украшались не только храмы, но улицы и площади, а в тот день в городе повсюду царило ослепительное великолепие.

Закончив жертвоприношения, полководцы собрались перед дворцом Гамилькара, который, отдав всем приказания, обратился к армии с речью. Затем войска двинулись к морским воротам.

Жадной до зрелищ толпе было на что посмотреть: во главе войска шли иберийские наемники в белых полотняных накидках с красной каймой; затем обнаженные по пояс галлы, вооруженные щитами и полукруглыми мечами; нумидийцы со щитами, обтянутыми слоновьей кожей; гордые копьеносцы в блестящих доспехах и шлемах из чистой меди; одетые в красные накидки стрелки в полотняных колпачках и ярких цветных поясах, с колчанами на широких кожаных ремнях; воины с серповидными мечами; татуированные ливийские племена; за ним двигались тяжеловооруженные воины, в бронзовых кольчугах, массивных панцирях и набедренниках, тяжелых шлемах с конскими хвостами и ярко раскрашенными перьями.

Но всеобщее внимание привлекли всадники. Начиная с легких нумидийских наездников, одетых в плащи из львиных шкур и скакавших на маленьких неоседланных лошадях, до тяжелой кавалерии, вооруженной с ног до головы. Народ приветствовал войска громкими возгласами, но при приближении слонов раздались оглушительные крики. У гигантских животных на спине возвышались деревянные башни, в которых размещались копьеносцы; бивни обычно удлиняли с помощью железных ятаганов; бока и спины защищались металлическими панцирями, а

хоботы красили красной краской, так, что когда слоны размахивали ими, они походили на огненных змей.

Эти животные были всеобщими любимцами карфагенян, и за ними постоянно ухаживали, кормили сластями и баловали. В таком виде они редко появлялись на улицах, но и в тот день слонов сразу же разоружили, как только войска вышли за пределы города. Это сделали для того, чтобы облегчить животным поход.

Впереди войска шли музыканты, одетые в красное и желтое платье. Они играли на металлических рожках, барабанах, тамбуринах, треугольниках и на больших выложенных серебром рогах буйволов. На расстоянии пятидесяти шагов от них одиноко ехал Гамилькар, а на таком же расстоянии от него следовали полководцы; среди них, рядом с Бодашторетом, скакал на маленькой лошадке Ганнибал. Громкими криками приветствовал народ отца и сына, — опору в настоящем, надежду в будущем.

Когда последние полки исчезли за Морскими воротами, часть жителей разошлась по домам, а скоро в город возвратились и те, кто провожал войска за ворота, и когда ночь покрыла мраком город, в нем снова водворились тишина и спокойствие.

Кое-где граждане, несмотря на поздний час, все еще сидели за стаканом доброго вина, вспоминая о близких, ушедших в поход, и высказывая свои предположения о плане Гамилькара, все без исключения уважительно отзывались о доблестном военачальнике.

Но в одном из садов предместья происходил разговор, очень не похожий на все остальные. Два богатых купца, Гула и Капуза, вели вполголоса беседу за стаканами вина.

— Он отправился в поход, — говорил Гула, — и никому неизвестно, что он собирается предпринять. Я был еще ребенком, когда карфагеняне явились на мою родину, грабили, убивали и жгли целые селения, и не было семьи, которую не постигло бы несчастье. На моих глазах были убиты отец и мать, мою сестру подняли на копья, дом стал добычей огня. Только я, совсем еще ребенок, остался в живых, и если бы надо мной не сжа-

лились соседи, то я погиб бы от голода. Эти достойные люди вырастили меня и устроили мою судьбу. Я много путешествовал, долго жил в Утике, побывал в Сиракузах, в Риме. Все, что я ни предпринимал, мне удавалось; я разбогател, меня стали уважать, но никогда не изгладится в моей памяти тот ужасный день. В конце концов, я поселился в Карфагене: здесь можно заключить самые крупные сделки, но, несмотря на все это, я не карфагенинин. Напротив, я злейший враг Карфагена; и все мои помыслы направлены на то, чтобы достойно отомстить за отца, мать и сестру. Я вступил в тайную связь с Римом, тщательно наблюдал за каждым шагом Гамилькара и составил подробный донос. Кто мог ожидать, что обреченный на гибель город воскреснет! Что он соберет такие войска и снова выступит в поход!

— Моя судьба не лучше твоей! — начал в свою очередь Капуза. — И меня постигли такие же бедствия. Городок, в котором жила моя семья, был обращен в пепел, и я поклялся жестоко отомстить поджигателям. У Рима нет более преданного слуги, чем я! Моя мечта — дожить до того дня, когда сюда ворвутся римские легионы, и римский консул начнет вершить кровавый суд.

— Неважно, — снова заговорил Гула, — покорит ли Гамилькар несколько жалких племен на африканском побережье, — это не представляет никакой опасности для Рима. Главное, что мы оба тут; мы — око Рима, наблюдаем и докладываем, куда следует, а там уже знают, когда следует обнажить меч.

— Воистину не оценим в нашем деле Юба, третий, кто заключил союз, — вставил Капуза. — Он сопровождает пунийские войска в качестве одного из военачальников. К тому же он хитер, ловок и не отступит ни перед чем! Сегодня утром, выступая в поход, Юба торжественно поклялся, что позаботится о том, чтобы Гамилькар не вернулся в родной Карфаген, и, насколько я его знаю, он сдержит свое слово.

Оба заговорщика молча пожали друг другу руки и расстались — было уже далеко за полночь.

Глава II

Годы учения

Армия пунов продвигалась вдоль моря на запад, оставляя за собой множество городов. Наконец с одной стороны пролива ей преградили путь Абельские скалы, а по другую сторону протянулись высокие Кальпийские горы. Перед переправой в Тарс армия расположилась на отдых.

Бодашторет усердно воспитывал Ганнибала. Мальчик маршировал вместе с воинами, пока у него хватало сил, а когда они ему изменяли, забирался в слоновью башню. Иногда он ехал на своей маленькой лошадке.

Армия заслужила продолжительный отдых, но неожиданное обстоятельство изменило все планы. Город Гадес (Кадикс), осажденный со всех сторон неприятелем, обратился за помощью к Гамилькару.

Он быстро переправил туда весь свой флот, но едва последний отряд успел высадиться, как войску пришлось дать бой. Неприятель был разбит, обращен в бегство, и пуны вернулись в лагерь с богатой добычей.

Ганнибал еще не мог участвовать в битве, но с крыши высокого дома он наблюдал за происходившим сражением, а приставленный к нему опытный военачальник объяснял мальчику ход событий.

Ганнибалу страстно хотелось взять в руки меч, и он сказал об этом своему спутнику. В ответ мальчик услышал суровое замечание: "Карфаген немного выиграет оттого, что неопытного ребенка в пылу битвы затопчут конями". Сын полководца не должен многое мнить о себе, а обязан понимать, что пока он никто, и стремиться стать кем-нибудь!

После перемирия войско отдыхало и веселилось, а Ганнибал опять принялся за свои занятия.

Нумидийцы прославились, как великолепные наездники, и о них часто говорили, что они срослись со своими конями. Лучшим среди них считался Калев.

Когда он показывал товарищам свое искусство, перескакивая через рвы и кусты, проносясь, то стоя, то на коленях, верхом на неоседланной лошади, зрители бурно выражали свое одобрение и неизменно в один голос восклицали:

— Этого никто больше не в силах сделать!

Именно ему Бодашторет доверил Ганнибала.

— Постарайся, — сказал он. — Пусть мальчик превзойдет тебя в верховой езде, и пусть войско дивится Ганнибалу и говорит: "А ведь его учил Калев!"

— Хорошо, — ответил нумидиец. — Я постараюсь, чтобы мой воспитанник не посрамил меня. Пойдем, Ганнибал, посмотрим, на что ты способен.

— Я уже умею ездить верхом! — заметил мальчик, довольно часто скакавший на лошади.

— Посмотрим! — усмехнулся Калев.

С этими словами он посадил юного героя на неоседланную лошадь и так сильно ударил ее плеткой, что она встала на дыбы, а сын полководца, описав в воздухе большую дугу, грохнулся на землю.

Нумидиец улыбнулся и насмешливо спросил:

— И это ты называешь ездить верхом?

Ганнибал вспыхнул, но тут же овладел собою и, приблизившись к Калебу, смиренно попросил его:

— Научи меня!

После первого урока у Ганнибала болело все тело; зато он ясно осознал, что ездить верхом пока еще не умеет, но у Калеба может этому научиться.

Так же искусен по своей части был еврей Зеруйя: о нем шутя говорили, что он мог поразить из лука жука. И он тоже стал наставником Ганнибала.

Ганнибал научился владеть мечом и палицей, метать копье, колоть пикой, бросать камни и ядра, владеть секирой и топором, а также плавать и нырять, словом, он научился всему тому, что обязан знать хороший воин. При этом Бодашторет выбирал ему наставников из числа самых искусных воинов.

Гамилькара томило бездействие. Заключив мир в Гадесе, он двинулся со своим войском на восток и завоевал всю южную часть Испании. Он силой усмирал непокорных и, наконец, покорил всю страну на расстоянии пятидесяти часов пути от берега. То была самая прекрасная часть Южной Европы, и она представляла собой могущественное государство.

Гамилькар был справедливым правителем, и побежденные скоро свыклись со своим новым положением. Но в войске пунов находился изменник, Юба, товарищ Гулы и Капузы. Поход пунов в Гадес оказался для него неожиданным. После взятия города прошло несколько недель, и из Карфагена прибыло торговое судно; сделав свои дела, оно отправилось обратно. Многие отправили с ними письма на родину, и Юба сообщил своим друзьям о передвижении войска Гамилькара.

"Отсюда, — писал он, — я не могу поддерживать связь с Римом. Одним богам известно, куда еще поведет нас Гамилькар. Он страшный человек. Без сомнения, с Карфагеном будет поддерживаться связь, и я смогу время от времени посылать вам вести. Об остальном позаботьтесь сами."

Юба был ливийцем. Несколько лет тому назад, когда в Карфагене вспыхнул мятеж среди наемников, к ним примкнули и его соотечественники. Юба с братьями тоже взялся за оружие, надеясь вернуть родине независимость, но их планам не суждено было осуществиться.

Как ни храбро сражались ливийцы, Гамилькар завлек их в ловушку. Однажды, проснувшись рано утром, ливийцы увидели, что все высоты заняты пунами, и они окружены, причем пуны усердно возводили вокруг земляные укрепления, чтобы окончательно отрезать врагов от внешнего мира.

Скоро припасы ливийцев стали подходить к концу, и они начали умирать тысячами. Наконец доведенные до отчаяния ливийцы решили убивать каждого десятого своего воина и съедать его. Среди погибших этой ужасной смертью был один из братьев Юбы.

Когда первое убийство свершилось, ливийцы совсем озверели. Через несколько дней они снова кинули жре-

бий, и второй брат Юбы был отведен на бойню. Наконец Юба, последний из братьев, оставшийся в живых, обратился к своим товарищам по несчастью, призывая их сразиться с пунами.

— В тысячу раз лучше погибнуть в неравном бою, чем быть зарезанным подобно скотине! — кричал он. — Я хочу умереть с оружием в руках, как воин! Кто со мною — вперед!

Загорелся бой. Слабые, изголодавшиеся ливийцы были обречены на смерть, и скоро все их войско погибло.

Юба потерял сознание от потери крови и довольно долгое время провел среди мертвых и умирающих. С наступлением ночи он наконец пришел в себя, и ему удалось выбраться из окружения. С того дня Юба стал непримиримым врагом Карфагена, и Гамилькара в особенности. Случай свел его с Гулой и Капузой, тоже сильно пострадавшими от войны. Они заключили союз. "Смерть Карфагену!" — эти слова стали их девизом. Но чтобы достигнуть этой цели, необходимо было связаться с заклятым врагом Карфагена — Римом.

Во главе заговора встал Юба. Он проник в армию Гамилькара и под видом преданнейшего слуги замышлял измену.

Верный Бодашторет неустанно заботился о воспитании Ганнибала. У мальчика была такая же постель, как и у остальных воинов, и он скоро привык спать на траве и жестких сучьях, на мягком мху и голой земле. Когда изнашивалось его нарядное платье, Ганнибала одели в одежду простого пехотинца. Такое воспитание закалило мальчика, сделало его здоровым, сильным, выносливым и приучило ко всякого рода лишениям. Благодаря этому он приобрел любовь и уважение простых воинов.

Во время стоянок Ганнибал постоянно занимался со своими учителями.

Так прошло шесть лет.

Когда Ганнибалу минуло пятнадцать, в армии все были убеждены, что он станет достойным вождем пунов, когда старик отец умрет.

Теперь он мог сразиться в строю. Но, однако, ему еще недоставало сообразительности и опыта.

И отец начал лично заниматься с ним, изучая карты, объясняя военные позиции и обсуждая предприятия, которые следовало исполнить.

Как горд был мальчик, когда его впервые послали в разведку на опушку леса для того, чтобы он, взобравшись на высокое дерево, изучил расположение неприятельского лагеря и доставил отцу необходимые сведения.

В другой раз, когда его отправили в разведку, переодев в местное платье, он попался в плен: его схватили, связали по рукам и ногам и бросили в палатку. Но ночью, пока обитатели палатки спали, Ганнибал перегрыз веревку на руках зубами, развязал ремень, связывавший ему ноги, и, захватив длинный иберский нож, выполз на четвереньках из палатки. Пользуясь темнотой, Ганнибал выбрался из лагеря и на заре явился к отцу, весело играя добытым оружием.

— Ты еще ребенок, и я не могу ругать тебя за то, что ты попался в плен, — серьезно заметил отец, — но помни, это должно быть в последний раз! Подумай, что было бы, если бы меня схватили враги!

Ганнибал мужал; ему давали все более трудные поручения, и отец надеялся, что лет через десять сын будет обладать достаточным опытом и проницательностью, чтобы занять его место, и что тогда он может передать Ганнибалу начальство над армией.

Но все вышло иначе. Прошло девять лет, и Гамилькар успел совершить многое. Двигаясь все дальше, чтобы овладеть восточным берегом, он должен был завязать добрые отношения с воинственным народом, веттонами: от их дружбы зависел дальнейший успех предприятия. Пуны снарядили посольство к вождю дикарей; оно должно было передать ему богатые дары, предложить дружественный союз и добиться разрешения на беспрепятственный проход через его владения.

Юба просил, чтобы его назначили главой посольства.

— Я уже вел такие переговоры и к тому же понимаю местный язык, — говорил он.

— Я не сомневаюсь в твоих добрых намерениях, — возразил Гамилькар, — но в таком серьезном деле я

могу положиться только на уже испытанного человека. Во главе посольства встанет Балеазар, а ты будешь его сопровождать.

Все прошло благополучно. Соглашение было достигнуто, и армии пунов дали проводников и съестные припасы.

— Как держался Юба? — спросил Гамилькар.

— Мы обязаны ему многим, — ответил Балеазар. — Он держался очень скромно, дружески беседовал с вождем, и мне кажется, что ему мы главным образом обязаны за такой теплый прием.

Половина войска в полной готовности осталась на месте, а другая, во главе с Гамилькаром, двинулась в путь. Но в тот же день случилось нечто, что для слабых духом послужило бы дурным предзнаменованием. В тот день, на заре, восемнадцатилетний Ганнибал стремительно вбежал в палатку Гамилькара.

— Отец, мой меч исчез! Тот самый, который я посвятил великому Мелькарту! Я каждую ночь вешал его над изголовьем и заметил пропажу сразу же, как только проснулся. Я уже целый час ищу его; но он исчез бесследно.

Отцу все это показалось очень подозрительным, но откладывать поход было нельзя.

— Он найдется! — ответил Гамилькар и отдал сигнал к выступлению.

Веттоны радушно встретили пунов. Они предоставили им съестные припасы, проводников, повозки, вождем лично торжественно приветствовал знаменитого полководца.

Окрыленная надеждами армия пунов расположилась лагерем на отдых. Но вдруг на заре следующего дня с караульных постов донеслись тревожные сигналы, затрубили рога, забили барабаны, — войско оказалось окруженным со всех сторон. У пунов имелся богатый военный опыт, и их полководцу хорошо была знакома измена: за несколько минут солдаты приготовились к бою и ринулись в атаку.

— Что все это значит, Балеазар? — спросил Гамилькар.

— Не понимаю, — ответил тот. — По-видимому, измена и предательство! Лестью веттоны завлекли нас в ловушку, а ночью окружили со всех сторон. Ясно, что все было продумано и подготовлено заранее. Теперь мы вынуждены сражаться, и этот бой будет стоить жизни многим из нас!

— Что же говорит Юба? Где он?

— Не знаю! Мы его увидим, должно быть, на поле битвы.

Несмотря на стремительную атаку и мужество, обстоятельства для пунов были слишком невыгодными. Неприятель специально выбрал такое место, где без труда можно было целиком уничтожить вражескую армию. Ни слонов, ни конницу невозможно было пустить в дело из-за труднопроходимой местности; в довершение этого веттоны со всех сторон пустили на лагерь большие горящие телеги, заставлявшие слонов метаться из стороны в сторону, увеличивая смятение и давку.

Восходящее солнце осветило залитое кровью поле неравной битвы; но через несколько часов отчаянной борьбы пуны все-таки одержали победу. Враг отступил и только в одном месте веттоны все еще держались стойко: там сражался сам вождь в окружении последних воинов.

Гамилькар увидел это и, несмотря на свои полученные тяжелые раны, ринулся на врага с криком:

— Мелькарт дарует нам победу! За мной!

Трудно было сломить сопротивление веттонцев, для этого потребовались новые жертвы. Раненый Гамилькар пробился к самому вождю, и они схватились между собой.

— Это оружие несет смерть! — вдруг воскликнул вождь веттонов, его меч со свистом рассек воздух, и сраженный Гамилькар рухнул на землю.

В эту минуту в гущу схватки бросился Ганнибал и одним ударом поразил вождя веттонов. Судьба сражения была решена. Оставшиеся в живых веттоны обратились в бегство. Но победа досталась пунам дорогой ценой: тот, кто один стоил целой армии, закончил свой жизненный путь. Истекая кровью, Гамилькар успел только прошептать:

— Пусть заменит меня Газдрубал, пусть он станет вашим вождем...

Балеазар тоже расписался собственной кровью в верности Карфагену.

Когда Ганнибал на коленях наклонился над ним, он едва слышно произнес:

— Он... изменник... я... видел его... там.

— О ком ты говоришь?.. — спросил Ганнибал. Но Балеазар уже испустил дух.

Во время погребального обряда было сделано удивительное открытие: в руках вражеского правителя оказался меч Ганнибала, им, без сомнения, и был нанесен Гамилькару смертельный удар. На допросе один из захваченных в плен веттонов рассказал следующее:

— Существует старинное поверье, что никто не в силах устоять против собственного оружия. Всякий, в кого я метнул бы его собственное копьё, — неминуемо погибнет, как бы слаб и немощен я ни был. Наш правитель решил добыть меч вашего вождя, и это ему удалось! Каким путем он к нему попал, я не знаю, но, как видите, оружие поразило своего хозяина.

Так никому и не удалось узнать, как меч оказался в руках врага.

Когда Ганнибал снова взял его в руки, то проговорил:

— Ты орошен кровью моего отца и потому трижды священен для меня! Ты станешь мне служить во славу Карфагена, на погибель Рима и во отмщение Гамилькара!

Когда веттонов разбили окончательно, Юба предстал перед Газдрубалом и Ганнибалом и выразил им свои соболезнования.

— Где ты был во время боя? — спросил Газдрубал. — Тебя не видели среди пунов.

— Неудивительно, — заметил Юба, — я находился повсюду.

Но вечером в своей палатке, убедившись, что за ним никто не следит, предатель произнес:

— Отлично! Дело начато, и первый удар попал в цель. Правда, я предпочел бы истребить войско цели-

ком. Все было тщательно подготовлено, но пуны дрались, как боги. Ничего! Сегодня я погубил человека, который один стоил больше, чем все остальные вместе взятые. Это возмездие за первого брата; за второго тоже будет принесена достойная жертва.

После окончательной победы над веттонами, Газдрубал решил на время отказаться от дальнейших завоеваний, чтобы упрочить испанские владения Карфагена. На узкой косе юго-восточной части полуострова он основал Новый Карфаген, который стал столицей для всех завоеванных земель. В течение нескольких лет этот город приобрел огромное значение как в качестве крепости, так и морского торгового пункта, он стал связующим звеном между старой родиной и новыми владениями. С соседними правительствами и вождями пуны заключали дружественные союзы, и Ганнибал, посещая их, приглашал взглянуть на новый город.

Его роскошь и великолепие поражали приезжавших, а войско со слонами, конницей и боевыми орудиями побуждало их искать дружбы с пунами.

Газдрубал снискал себе много друзей и приверженцев, и вожди один за другим переходили на службу Карфагену, отказываясь от власти ради почестей.

Через семь лет после смерти Гамилькара в руках его преемника оказались земли от Гадеса до реки Ибер (Эбро); по величине они равнялись половине Италии. Таким образом, потеря Сицилии, Корсики и Сардинии была с избытком возмещена.

Доходы нового государства не только поддерживали войско и флот, а также морской порт и великолепный двор, — их в избытке хватало на подарки для новых друзей. Кроме того, Газдрубал имел возможность посылать значительные суммы на родину.

Однажды, когда в гавани стоял готовый к отплытию корабль, Юба попросил разрешения съездить в Карфаген, чтобы навестить родных и близких. Так как в стране царили спокойствие и мир, ему беспрепятственно дали отпуск.

Прибыв в Карфаген, Юба доложил совету города о состоянии дел на полуострове. И в то время как в горо-

де все радовались добрым вестям из Нового Карфагена, трое заговорщиков были заняты своими тайными планами.

— Несомненно, — говорил Юба, — Карфаген теперь сильнее, чем когда-либо. Он с честью преодолел все трудности и теперь наслаждается роскошью и изобилием.

— Рим не может начать военные действия: ему сейчас сильно досаждают собственные опасные соседи, кельты. Да это и не нужно. Судьба мира зависит от отдельных лиц; стоит убрать с дороги Газдрубала, и Карфаген падет.

— Верно, — согласился Юба, — именно вождям обязан народ своим достойным положением, и Карфаген имеет их! Гамилькар проявил сверхчеловеческую изобретательность, но был убит, а преемник даже превзошел его.

— Ого! — рассмеялся Капуза. — Если человека так легко превзойти, недорого же он стоит!..

— Его нелегко превзойти, — вспыхнул Юба, — но в армии есть еще один талантливый юноша, которого солдаты боготворят. Это Ганнибал, сын Гамилькара. Они поставят его во главе войска, а у нас имеются доказательства, что в нем жив дух его отца.

— Не горячитесь, — успокоил их Гула. — Если мы признаем, что вся ценность в голове, и без нее тело ничего не значит, то все сводится к тому, чтобы просто отрубить эту голову.

— Гм! Это не так просто! — сердито пробормотал Юба.

— Ведь есть же на свете мечи и кинжалы, — заметил Капуза.

— Хорошо же вы относитесь к делу! — запальчиво возразил Юба. — Сколько золота стоило мне устранить Гамилькара! А с Газдрубалом будет в тысячу раз труднее. В бою он не бросается в опасные места: победа ему обеспечена.

— Он и яда не боится? — насмешливо спросил Капуза.

— Не думаю. Только тебе придется собственноручно поднести его, потому что из воинов любой предпоч-

тет скорее умереть, чем отравить своего обожаемого вождя!

Почти ежедневно велись подобные речи, и без конца обсуждались способы, какими вернее можно было бы достичь цели, а Юба обещал сделать все, что в его силах, путем подкупа и убеждения.

— Если ты никого не найдешь, — воскликнул Капуза, — то отыщи влюбленную пару и повлияй на невесту так, чтобы она вынудила своего жениха исполнить твою волю. Если не найдешь такую пару, то ищи замужнюю женщину, женщина все может сделать!

И Юба отправился в Новый Карфаген. Гула и Капуза послали донесение в Рим, а через три месяца в гавань Нового Карфагена вошел римский корабль. Прибывшему посольству римский сенат поручил договориться с правителем новых владений о границах его военных притязаний.

Сенаторы пояснили, что это разграничение необходимо, дабы государства не столкнулись в своих завоевательных походах; словом, Рим питает сейчас к Карфагену самые дружественные чувства, но Карфаген обязуется сохранить независимость Сагунта и не переходить за пределы реки Эбро.

— Если Рим и Карфаген будут действовать сообща, — говорили сенаторы, — они могут поделить между собой все страны света!

Газдрубал спокойно обсудил их предложения. Ему было совершенно ясно: Рим ласкал руку, которую не мог отрубить. Сагунт должен сохранить самостоятельность для того, чтобы римляне могли овладеть им без лишних жертв, когда придет время; также не подлежало сомнению, что они первые перейдут границу, как только почувствуют свою силу. Однако Газдрубал согласился. Он хотел воспользоваться всеми выгодами договора с Римом: усилить и укрепить собственное государство, предоставляя дальнейшее течению времени.

В числе рабынь Юбы находилась молоденькая серийка, Иезавель. Когда Юба вернулся в Карфаген, она бросилась к его ногам и, умоляюще проговорила:

— О, господин, выслушай меня. Пока ты отсутствовал, твой раб Лутар и я решили пожениться. Дозволь нам сделать это, и мы будем служить тебе до конца своих дней!

Юбе вспомнились последние слова Капузы, и он хитро улыбнулся.

— Я сделаю для вас еще больше, — сказал он рабыне, — вы будете богаты, получите свободу и уедете в Рим, чтобы жить там в довольстве и счастье, но с одним условием. Ступай и передай это Лутару. Перед вами свобода, богатство и жизнь в Риме. О моем условии я расскажу послезавтра!

Вне себя от радости Иезавель побежала к Лутару и бросилась ему на шею.

— Мы счастливее всех! — воскликнула она и передала жениху слова Юбы.

— Да, мы очень счастливы! — согласился тот. — Кто бы мог подумать! Пусть он требует всего, что пожелает; если он захочет, чтобы я отрубил себе большой палец на правой руке, я и на это согласен. Стану себе господином! Боги, не позавидуйте нашему счастью!

Два дня они жили надеждой и мечтами об ожидающих их радостях. Когда же Иезавель спросила Юбу о его условии, он велел ей прийти на следующий день, так как хотел довести ее нетерпение до крайних пределов. Наконец Юба высказал свое требование, и рабыня передала его жениху.

— Не может быть! — в ужасе воскликнул Лутар, — ты, верно, ослышалась! Я не могу сделать этого!

Однако Иезавель не ослышалась, и Юба, видя упорство влюбленных, посадил их порознь под стражу на два дня, чтобы они, не спеша, поразмыслили о том, как могли бы быть счастливы, если бы только захотели. По прошествии двух дней он разрешил им увидеться.

Иезавель умоляла жениха согласиться:

— От этого зависит наше счастье! Неужели он тебе дороже, чем я?

— Это ужасно! Такого человека!.. Если бы не ты рассказала мне об этом, а кто-нибудь другой, я тотчас донес бы; но тебя я не могу предать, и Юба тоже на-

ходится в безопасности, потому что ты поклялась молчать. Я готов на все, но этого не могу сделать!

Юба снова посадил влюбленных в темницу и сказал Иезавели:

— Пока Газдрубал жив, вы будете сидеть взаперти, и с сегодняшнего дня вас начнут бить. Если же Лутар согласится, вы без промедления отправитесь в Рим. В гавани стоит римский корабль, а в открытом море капитан передаст вам обещанное золото. Когда Газдрубал погибнет, вы обретете свободу и заживете в богатстве и роскоши.

Иезавель жила отныне в сильнейшем возбуждении; ее щеки горели, глаза лихорадочно блстели, и через неделю в Карфаген проникла ужасная вест: Газдрубал предательски убит!

Злодеяние совершил некий галльский раб. Его застали неподвижно стоявшим перед трупом вождя, и он не оказал ни малейшего сопротивления. Когда раб предстал перед судьями, все ожидали услышать от него о серьезном заговоре, но жестоко ошиблись.

— Я убил его, — сказал раб. — Зачем? Этого вы никогда не узнаете. Мое бегство было тщательно подготовлено, и я смог бы скрыться прежде, чем вы успели бы меня схватить. Вы видите, что я не заморыш и силой не обижен: я был вооружен, и горе тому, кто попытался бы сразиться со мной! Но когда моя рука нанесла Газдрубалу смертельный удар, то я почувствовал такую слабость, что не мог двинуться с места. А теперь убейте меня!

Судьи попытались узнать, почему все же раб совершил такое тяжкое преступление, и кто его сообщники: но он сначала упорно молчал, словно не слыша ни слова и лишь потом спокойно заметил:

— Не тратьте даром времени. Вы уже знаете то, что должны были узнать; больше вы ничего не услышите. Газдрубал убит, и я, Лутар, его убийца, — это мое последнее слово!..

— Он сознался! — воскликнул возмущенный судья. — Какое отношение мог иметь к великому полководцу этот презренный галльский раб?.. Без сомнения,

тут существует заговор. Но у нас есть средства развязать ему язык. Принесите орудия пытки!

Началась пытка; но Лутар не проронил больше ни слова. Наконец, измученный и обессиленный от потери крови, он умер, так и не раскрыв свою тайну.

— Этот галл заставляет уважать себя, — заметил один из военачальников. — Я не могу себе представить, что побудило его стать нашим врагом, и я желал бы, чтобы он был нашим преданным другом. Под началом Газдрубала этот раб мог бы совершать чудеса.

— Лутар служил всего лишь орудием, — добавил второй военачальник, Элули, — это рука, но где голова? Мы должны быть осторожны: тайна пока еще сокрыта от наших глаз.

В гавани все было готово к отъезду. Иезавель ждала своего Лутара и мечтала о предстоящем безоблачном счастье, когда до нее дошла ужасная весть, что ее возлюбленный схвачен. У Иезавели не было никого, с кем она могла бы поделиться своим горем и услышать слова утешения: страшная клятва сковывала ее уста. Она мечтала о счастье, а взамен навлекла на возлюбленного ужасную беду! Несчастливая лишилась рассудка и бросилась в море.

— Это возмездие за моего второго брата, — прошептал Юба. — Теперь очередь за тремя сыновьями Гамилькара. Он истребил тысячи ливийцев, а я за это истреблю весь его род.

После смерти Газдрубала был собран военный совет, чтобы назначить нового военачальника.

Но армия решила все сама: солдаты на руках внесли Ганнибала в палатку вождей и объявили им, что повелевать должен тот, кто не кичится роскошью, живет вместе с ними, как равный, а доблестью превосходит их всех.

— Хорошо, — произнес Ганнибал. — Но я предупреждаю вас, чтобы вы не рассчитывали на покой и благоденствие; вам предстоят труды и лишения. Мой девиз: "Жить и умереть за Карфаген!" Вперед, на Рим!

— Веди нас! — раздалось со всех сторон. — Веди нас на Рим!

Шестнадцать лет минуло с тех пор, как Гамилькар простился с родным городом. Теперь старший из сыновей занял его место. Ганнибалу было всего двадцать пять, но судьба предрешила ему стать величайшим из полководцев всех времен и народов.

Глава III

Под Сагунтом

Ганнибал стремился упрочить власть Карфагена в Испании, расширить его владения и хорошенько прикрыть себя с тыла прежде, чем продолжать дальнейший поход.

Своим победам он был обязан трем обстоятельствам: необычным военным планам, быстроте их выполнения и храбрости своего войска. Первый удар он нанес олькадам, жившим на севере от Нового Карфагена. Форсированным маршем подступил Ганнибал к их столице Альте, взял ее приступом и разграбил. Быстрота нападения и жесточенность сражения были ошеломляющими, и остальные города добровольно сдались на милость победителя.

На следующую весну Ганнибал покорил земли, лежащие по другую сторону Тахо, и овладел крепостью Германдика, тогда ее называли еще Элемантика (современная Саламанка).

Олькады заключили с карпетанами тайный союз и, едва Ганнибал, возвращаясь после одержанной победы, успел перейти Тахо, они напали на него с огромным стотысячным войском. Ганнибал остановился и, не вступая в бой, расположился лагерем на берегу реки, закрывавшей его тыл. Неприятель прекратил наступление и тоже раскинул лагерь.

Наступила ночь. Ганнибал не спал: он обдумывал создавшееся положение. Вдруг ему вспомнилось сражение при Эрмиссе...

Его взгляд загорелся: "Нашел!" — прошептал он и, призвав к себе своих военачальников, изложил им свой план.

Его приказания были в точности исполнены.

Ночной сумрак все еще окутывал землю, когда в лагере пунов затрубили рога и забили барабаны, поднимая сонных воинов. Полки поспешно выстроились, и едва забрезжила утренняя заря, как войска пунов снова перешли Тахо и раскинули новый лагерь.

Неприятель, заслышав тревогу во вражеском лагере, начал готовиться к бою и вдруг заметил, что пуны отступают.

— Смотрите, — насмешливо говорили союзники, — Ганнибал испугался! Он воображает, что мы не сможем напасть на них. Но и мы в силах переправиться на другую сторону! Поспешим, пока он не окопался и не возвел укрепления!

И войско кинулось в реку, спеша переправиться на другой берег и сразиться с врагом.

Между тем пуны насыпали искусственный земляной холм, с которого Ганнибал мог следить за ходом событий.

Окружавшие его полководцы с напряженным вниманием смотрели на своего вождя... вот он поднял меч... раздался призывный сигнал, и нумидийская конница понеслась к реке. За нею поспешили слоны, и завязался неравный бой. Кони стойко держались на ногах, а неприятельские пехотинцы с трудом справлялись с бурным течением; всадники спокойно сидели на конях, а пехотинцам вода доходила подчас до шеи. Слоны тоже вошли в реку, производя вокруг страшное опустошение. Бурное течение, конница и слоны уничтожили большую часть неприятельского войска, а выбравшиеся на берег стали добычей пунийской пехоты.

Стремясь одержать полную победу, Ганнибал еще раз перешел реку и прикончил оставшихся на другой стороне врагов.

Теперь вся территория от южной оконечности полуострова до Дуэро и на восток до самого моря, равная по величине Италии вместе с островами, признала власть Карфагена. Ее признали все, кроме одного Сагунта.

Сагунт лежал на восточном берегу Испании, на расстоянии получаса езды от моря. Город был хорошо укреплен, а процветавшая там торговля обеспечила ему богатство и благополучие; но лучшим украшением Сагунта стали его граждане: для них честь и благо родины были превыше всего.

Сагунтинцы стремились расширить свои владения и часто воевали с соседними народами, которые и обратились за помощью к Ганнибалу. Молодой полководец с радостью использовал это обстоятельство, так как ему представлялся удобный случай вмешаться в дела города. Но Рим воспротивился: ему было невыгодно вмешательство Карфагена в дела Сагунта.

Однако пуны понимали, что им нечего опасаться Рима, а потому отпустили римских послов, не дав им никакого определенного ответа. Между тем Ганнибал послал своего воспитателя Бодашторета в Карфаген с донесением обо всем происшедшем, дабы получить необходимые указания от правителей родного города.

Их ответ был краток:

— Ганнибалу лучше всех известно положение вещей. Пусть поступает по своему усмотрению!

Через неделю в Карфаген прибыли римские послы, с требованием выдать им Ганнибала, нарушителя мира и спокойствия.

Послов приняли с подобающими почестями, но требование их отклонили:

— Войско боготворит Ганнибала; сотни тысяч воинов встанут на его защиту. Мы не можем исполнить ваше условие. Если вы сумеете его взять, берите!

Римским сенаторам пришлось довольствоваться этим.

Но Рим решил: "Пусть начнется война!"

Под Сагунтом события развивались со стремительной быстротой: граждане понимали, что им предстоит долгая осада, и воспользовались зимой, дабы укрепить стены, возвести новые башни, запастись водой и припа-

сами. Мужество не покидало их, и они храбро готовились к войне.

Весной 219 г. до н.э. Ганнибал подступил к стенам Сагунта с войском в сто пятьдесят тысяч человек и сразу, без промедления, начал осаду. Тараны пробивали в стенах бреши, баллисты засыпали город тяжелыми камнями... Осажденные отвечали градом стрел и копий, а однажды произвели неожиданную вылазку в лагерь неприятеля и устроили страшную резню.

Но Ганнибал не растерялся.

— Прекрасно! — воскликнул он, — теперь осажденные в наших руках!

Ганнибал бросился навстречу сагунтинцам, увлекая за собой свое войско. Вдруг неприятельское копьё со свистом рассекло воздух и ранило вождя в бок. Обливаясь кровью, он упал на землю, и с большим трудом воинам удалось перенести Ганнибала в безопасное место.

В течение нескольких дней он был лишен возможности держать оружие, но все-таки продолжал руководить осадой. Когда Ганнибал снова появился во главе пунийского войска, стены города были пробиты в нескольких местах, а три крепостные башни разрушены. Пуны с громкими криками бросились в наступление, но фаларики отняли у них заслуженные лавры.

Фаларики были изобретены сагунтинцами и представляли собой копьё с железным наконечником в три фута длиной. Древко над самым наконечником обматывалось паклей и обливалось смолой. Во время боя смолу зажигали, и затем метали копьё; огонь сильно разгорался во время полета... Даже в том случае, когда копьё не поражало самого воина, а только вонзалось в щит, щит приходилось бросать, и человек оказывался без прикрытия. Страшные огненные копья внесли панику в ряды пунов, которые стали отступать, преследуемые по пятам торжествующими сагунтинцами.

Ганнибал уже обдумывал новый план сражения, когда ему доложили о прибытии второго посольства: Рим серьезно отнесся к враждебным действиям против Сагунта. Ганнибал приказал ответить, что у него нет времени на переговоры, и что он не советует послам появляться

в его лагере, так как не может поручиться за их безопасность.

В тот же день он отправил в Африку осторожного и преданного ему душой и телом Элули. Когда же Юба стал настойчиво просить, чтобы ему разрешили сопроводить посла, Ганнибал отпустил и его.

После того, как Карфагенский Совет выслушал донесение Элули и ознакомился с положением дел, он приказал послам остаться в городе до окончания переговоров с ожидаемым римским посольством, чтобы затем немедленно отплыть в Испанию и сообщить Ганнибалу результат. Им пришлось ждать недолго. Не прошло и двух недель, как прибыли римские сенаторы. Римлянам приготовили пышную встречу и, как только они оправились от морского путешествия, торжественно препроводили в государственный Совет. Но послы получили тот же ответ, что и в прошлый раз: Рим не желал умалять своих требований, а Карфаген не шел на уступки, и соглашение стало невозможным.

На следующий же день после заседания Совета Элули и Юба отплыли в Испанию.

Под вечер того же дня карфагенский суфкет сидел у себя в зале, обдумывая все, что произошло за последние недели. Именно здесь высший сановник принимал своих приближенных, обсуждая те предложения, которые нужно было рассмотреть в Совете или в Народном собрании. Ни одно слово из того, что говорилось здесь, не должно было выйти за пределы этой залы. Из предосторожности не только крепко запирали входную дверь, но даже пол застелили толстым мягким ковром, а стены обили тяжелыми тканями. Роскошное убранство залы вполне соответствовало положению представителя богатого торгового города.

Удар по металлической дощечке дал знать суфкету, что кто-то желает говорить с ним. Около кресла суффета стояла витая, тщательно отполированная деревянная колонка, а на ней в большой золоченой чаше лежал маленький, искусно сделанный молоточек. Суфкет ударил молоточком по чаше, и тотчас же между драпировками появилась голова чернокожей служанки, в

любую минуту ожидавшей приказаний своего господина.

— Кто пришел? — спросил он.

— Белая служанка просит, чтобы ее впустили, — ответила негритянка, — она очень волнуется и постоянно говорит о том, что городу угрожает большая опасность.

— Пусть войдет! — приказал суфкет.

Через минуту в комнату вошла совсем еще юная девушка и, бросившись на колени перед могущественным сановником, воскликнула:

— Не гневайся, что я осмелилась проникнуть к тебе: я сознаю свою дерзость, но опасность придала мне мужества!

— Чего же ты хочешь? — милостиво спросил суфкет.

— О! Я узнала, — снова заговорила Циба — именно так звали девушку, — что мой господин замышляет измену против города и Ганнибала. Я давно уже подозреваю об этом, а вчера вечером мои подозрения полностью подтвердились.

— Встань, дитя, — ласково заметил суфкет. — Пододвинь к себе вон ту скамеечку и расскажи мне по порядку все, что тебе известно, и, смотри, ничего не забудь!

Циба была рабыней Гулы. Она знала, что у ее господина часто происходят ночные собрания, и даже как-то случайно услышала несколько отдельных слов. Гула смотрел на нее, как на ребенка, и не предполагал, что юная рабыня сумеет сопоставить мимоходом схваченные слова и будет помнить их в течение нескольких лет.

Между тем девушка обладала необычайной памятью и сообразительностью.

В течение долгих лет у Цибы постепенно крепло подозрение, что Гула, Капуза и Юба — изменники. Она жадно ловила каждое их слово, тщательно храня все в своей памяти... Ей недоставало лишь доказательств.

Накануне вечером ее позвали в дом: она должна была приготовить напиток из трав и разнести его гос-

тям. Она пробыла в комнате только несколько минут, но одно услышанное ею слово уничтожило все оставшиеся до сих пор сомнения. Дрожа от волнения, Циба сразу же, как только за нею закрылись двери, прокралась в соседнюю комнату и, приложив ухо к стене, начала подслушивать. Ее предположения подтвердились, и рабыня решила тотчас сообщить о своем открытии тому, кто стоял на страже безопасности родного города. Будь она свободна и независима, она еще ночью прибежала бы сюда... Но ведь она раба и вынуждена была ожидать удобного случая.

Суффет задал девушке еще несколько вопросов, а затем снова дважды ударил по чаше. В ту же минуту появился начальник дворцовой стражи.

— Немедленно схватить Гулу и Капузу! Но без всякого шума. Заковать их в цепи и привести ко мне!..

Начальник стражи исчез. Суффет снова ударил по чаше, и на этот раз в зал явилась негритянка.

— Возьми с собой эту девушку и хорошенько позаботься о ней. Ты за нее головой отвечаешь, — сказал господин, и обе девушки удалились.

Прошло полчаса, и Гула, скованный по рукам и ногам, предстал перед суффетом в сопровождении солдат. Капузу так и не сумели разыскать. Во время ареста своего соучастника он вместо того, чтобы вернуться к себе домой, бежал из города, решив вернуться тогда, когда обстоятельства сложатся более благоприятным для него образом.

И действительно, прошло много времени, прежде чем Капуза вновь увидел Карфаген.

Как только к суффету доставили Гулу, тотчас прибыли два члена государственного Совета. Привели и Цибу.

— Гула, — начал суффет, — прежде всего я покупаю у тебя эту рабыню, сколько ты за нее хочешь?

Арестованный еще не успел освоиться со своим новым положением и, застигнутый врасплох, заломил довольно высокую цену. Суффет улыбнулся, тотчас же отсчитал указанную сумму и заметил:

— Итак, Циба принадлежит мне, и ты не в праве больше распоряжаться ею.

С благодарностью склонилась невольница перед своим новым господином и поцеловала ему руку. Суффет снова обратился к Гуле:

— Теперь расскажи нам честно и откровенно, что задумал ты и твои сообщники и что вы успели привести в исполнение. При этом не думай, что сможешь нас обмануть: твои показания сопоставят с показаниями Капузы и с теми, которые Юба даст Ганнибалу.

— Вот как, — подумал Гула, — наш союз обнаружен, и они решили допрашивать нас поодиночке, чтобы показания одного служили уликой против другого! Но они все равно ничего не узнают, и у остальных, надеюсь, хватит ума промолчать!

И он рассказал, что они часто сходились, беседовали о своих делах, но о каких-либо враждебных замыслах против Карфагена ему ничего не известно.

Ни один мускул не дрогнул на лице суффета, и он спокойно выслушал показания Гулы до конца и только потом заметил:

— По-видимому, многое испарилось у тебя из памяти. Я даю тебе день срока, чтобы ты без помех, в тиши подземелья мог все припомнить. Быть может, к утру ты расскажешь нам что-нибудь новенькое... Отведи-те его в номер первый!

С этими словами суффет поднялся. Гулу поместили в темницу, находившуюся в подземелье дворца. За ее наружной стеной слышался плеск воды; воздух проникал в это темное сырое помещение через узкое отверстие, выходящее на внутренний двор. Вся обстановка этого страшного места состояла из брошенной на пол охапки соломы. Пища соответствовала помещению, — ее хватало ровно настолько, чтобы не сразу уморить человека голодом, а постепенно привести к смерти от истощения. Гула в отчаянии сулил своему тюремщику, приносившему скудную пищу, все свое золото, если тот выпустит его; но тюремщик не отвечал, — вполне возможно, что он был глух. Правительство Карфагена умело выбирать своих слуг.

На следующий день, во время допроса, Гула поведал многое, но, разумеется, не самое важное, и всю вину постарался переложить на своих сообщников.

— Твоя память все еще изменяет тебе, но она вернется!.. Пусть его отведут в номер второй.

Эта темница была вышиной всего четыре фута, так что заключенный не мог даже подняться, а вынужден был сидеть или лежать на голом каменном полу: там не было даже соломы. Мучения в этой тесной темнице были настолько велики, что Гула решил сознаться во всем, хотя и знал, что суфдет неумолим и в силу своих полномочий может предать его любой казни: распять, обезглавить, посадить на кол, утопить или забить камнями.

Через сутки Гула, совершенно разбитый, снова предстал перед своими судьями. Последний обратился к подсудимому с такими словами:

— Орудия пытки уже раскалены докрасна, но я неохотно иду на крайние средства. Ганнибал, наверно, не будет так церемониться с Юбой, но с тобой, пожалуй, мы обойдемся и без них!

До пытки дело не дошло: Гула во всем сознался.

После расследования суфдет объявил преступнику, что его пошлют в Тарс, чтобы там он мог встретиться с Юбой, а пока, прибавил суфдет, Гуле можно облегчить тяготы заключения, поместив в номер пятый.

Капузу искали целый месяц, но так и не нашли: он бежал в Рим.

Гулу в оковах, под надежным конвоем, отправили сначала в Новый Карфаген, а затем препроводили в лагерь под Сагунтом. Ганнибал был изумлен, узнав из донесения, какую роль в заговоре играл Юба. И этот заговорщик тоже был взят под стражу, но казнь была отложена до взятия осажденного города.

Бои под Сагунтом длились непрерывно. Граждане совершали невероятные подвиги; днем под палящим солнцем, ночью при свете факелов работали все поголовно: мужчины, женщины и дети возводили новые стены, укрепляли старые, рыли рвы, ковали оружие... Все жили одной мыслью — вернуть себе свободу и, если суждено, пожертвовать за нее своей жизнью.

Осаждавшие, в свою очередь, тоже не падали духом: голод в конце концов заставит сагунтинцев сдаться.

Прошло более полугодя, прежде чем Сагунт пал. Борьба была жестокая, кровавая; каждую улицу, каждую площадь приходилось брать с боем, каждый дом — штурмовать, и наконец в руках сагунтинцев осталась только одна крепость.

Однажды ночью, во время довольно большого перерыва, который предшествовал последнему штурму, в лагерь Ганнибала явились послы от Сагунта. Они представили полководцу условия, на которых жители готовы были сдать крепость.

— Если бы вы говорили так со мною восемь месяцев тому назад, — возразил вождь карфагенян, — я согласился бы на более льготные условия, чем вы теперь просите. Ведь мы отнюдь не стремимся опустошать города и разорять местных жителей; наоборот, куда бы мы ни пришли, всюду насаждаем и поднимаем земледелие, скотоводство, ремесло и торговлю. Народ должен процветать — его богатство только усиливает славу Карфагена. Не прошло еще и двадцати лет, с тех пор, как мы явились в Тарс, а оглянитесь вокруг, посмотрите на страны, подвластные Карфагену, — что видите вы? Старые города стали богаче и могущественней, возникло множество новых; повсюду пролегли дороги; где это было выгодно, там мы устроили гавани, открыли многочисленные рудники; ввели никого не обременяющие налоги. Могут ли жители Иберии быть недовольны нашим господством? И вы могли бы воспользоваться подобными преимуществами, но не пожелали этого. Теперь дело обстоит иначе. Вы заставили меня в течение долгих семи месяцев вести кровопролитную войну; тысячи моих воинов сложили в ней свои головы; сейчас ваши силы истощились, вы почувствовали свою слабость, — но теперь сагунтинцы не могут ставить условия, и я на них не пойду. Вам остается одно: сдаться на милость победителя!..

Этот ответ поверг весь город в уныние, хотя едва ли можно было ожидать чего-нибудь иного.

— Он хочет овладеть нашим золотом, — возмущались состоятельные граждане, — но ему ничего не достанется, пусть лучше пламя пожрет все!

Они собрали в кучу драгоценности, расшитые зо-

лотом одеяния, ложа из слоновой кости и многое другое и подожгли. Пламя этого гигантского костра еще не успело погаснуть, как страшный удар потряс землю, и к небу поднялся столб густой пыли: пуны взорвали крепостную башню. Через минуту раздались звуки труб, и Ганнибал вместе с торжествующим войском ворвался в крепость. Еще один отчаянный натиск, и карфагеняне овладели городом.

Победителям досталось все уцелевшее имущество горожан — деньги, оружие, драгоценности. Добыча была велика, и Ганнибал отправил в Африку огромный груз золота и ценностей: кольца, цепи, различные украшения, драгоценную утварь, оружие, украшенное слоновой костью и жемчугом.

Карфаген ликовал, прославляя полководца, который не только не требовал денег для ведения войны, а еще сам доставлял городу несметные богатства.

К побежденным Ганнибал отнесся милостиво; прошло немного времени, испуганные жители успокоились, и жизнь стала входить в прежнюю колею. Сагунтинцы пришли к убеждению, что и под властью Карфагена они могут жить счастливо.

Война кончилась, и Ганнибал стал думать о возвращении в Новый Карфаген. Ему, однако, предстояло еще совершить суд над предателем. Когда привели Юбу, закованного в цепи, сподвижники Ганнибала и знатнейшие граждане Сагунта собрались в палатке вождя. Ганнибал, не мешкая, приступил к допросу.

— Нам известны твои коварные замыслы. Твой соучастник, Гула, схвачен и уже допрошен. Тебе не удастся нас обмануть, потому лучше сознайся!

— Как бы вы ни были ловки, — подумал Юба — вы меня не поймаете. Мне сказали, что мой соучастник схвачен лишь для того, чтобы я все выболтал. Нет, Гула не дастся им в руки живым, а от меня они ничего не узнают.

Однако, когда привели Гулу, надежды Юбы рухнули, орудия пытки тоже оказались излишними: заговорщики, допрошенные каждый в отдельности, раскрыли полную картину преступного заговора. В день объявле-

ния приговора предателей ввели в палатку с завязанными глазами. После короткой речи Ганнибал объявил им:

— Слушайте, какому наказанию намерены вас подвергнуть мои соратники! А вы, друзья мои, — прибавил он, обращаясь к последним, — говорите, какая участь должна постигнуть изменников!

— Кто продал родину врагу, — воскликнул первый, — тот пусть будет привязан к столбу и поражен стрелами!

— Того следует побить камнями! — прозвучал приговор второго.

— Кто нарушил клятву, — произнес третий, — тот должен быть растоптан слонами!

— Пусть его растерзают ливийские львы! — предложил четвертый, а пятый требовал, чтобы изменник умер во время пыток.

— Кто бросит камень в собственную мать, — вставил свое слово шестой, — должен быть прикован к каменной плите и помещен в подвал, который будут понемногу наполнять водой, чтобы смерть постепенно приближалась к преступнику!

Смертельная бледность покрыла лица осужденных, когда они услышали эти слова; затем Ганнибал снова обратился к Гуле и спросил, не хочет ли он сказать что-нибудь в свое оправдание.

— Я не пун, — ответил Гула, гордо выпрямившись, — я из Мавритании, и родину не предавал; лишь отомстил за нее тому, кто убил моих родителей и сестру!

Этот смелый ответ придал мужества Юбе, и он в свою очередь заявил:

— Я ливиец и не кидал камнями в собственную мать! Нет, я боролся за свободу моего народа... И хотя я погубил Гамилькара и Газдрубала, но то было возмездие за бесчеловечную, позорную смерть моих братьев!..

Полководцы с изумлением переглядывались, слушая подобные речи, но Ганнибал спокойно возразил:

— Если бы вы выступили против нас открыто, мы уважали бы вашу месть! Но ты, Юба, добровольно вступил в войско моего отца, клялся ему в верности, а потом изменил; ты — клятвopреступник. А тебя, Гула,

кто звал в Карфаген? Разве ты не обещал служить на благо города? Ты принял его покровительство и отплатил изменой! Но вы погибнете не такой жестокой смертью!..

Через два дня после суда перед Сагунтом в восемь рядов один за другим выстроились войска пунов: два ряда пехоты, за ними два ряда ливийцев, затем два ряда всадников и, наконец, два ряда слонов. Войска заполняли три стороны четырехугольника, четвертая была занята гражданами. Посередине виднелись две небольшие ямы, тут же были сложены длинные поленья и, наконец, над всем этим возвышались два деревянных креста.

Трубы торжественно приветствовали Ганнибала, приехавшего на место казни вместе со свитой. В это же время привели преступников. Палачи набросились на них, сорвали платье и схватили бичи, но Ганнибал знаком отменил пытку. Он оказал осужденным еще большую милость: распятые часто сутками томились на своих крестах, пока не умирали от истощения и потери крови; иногда, чтобы облегчить смерть, им давали одуряющий напиток, лишавший осужденных сознания, а затем убивали.

Так было и на этот раз; каждому приговоренному дали по полной чаше напитка, и они осушили ее до дна. Потом их распяли на крестах, которые вставили в приготовленные ямы и укрепили при помощи поленьев, — приговор был приведен в исполнение.

— Гула! Взгляни туда! — воскликнул Ганнибал. — Ты видишь море. За ним лежит Карфаген, который ты хотел погубить. Он возвышается во всей своей славе и мощи, а ты умираешь. Так боги мстят изменникам!.. Юба! Видишь меч, который ты похитил у меня, и которым был убит мой отец! Он снова в моих руках, а ты распят на кресте. Вспоминаешь ли ты о том, как коварно умертвил Газдрубала, как виноват ты в гибели Иезавель и Лутара? Правда побеждает, а обманщики гибнут!

Спасительный напиток уже сделал свое дело: распятые потеряли сознание. По знаку полководца два копьеносца выступили вперед и пронзили сердца изменников: казнь свершилась.

Тогда Ганнибал высоко поднял свой меч и громко воскликнул:

— Да стоит Карфаген вовеки!..

Торжественно заиграли трубы и множество голосов подхватило:

— Да стоит Карфаген вовеки! Великий Мелькарт с нами!..

Глава IV

В Альпах

Когда известие о взятии Сагунта дошло до Рима, сенат тотчас же решил отправить в Карфаген третье посольство, чтобы узнать, действовал ли Ганнибал в силу предписаний своего правительства, и в случае положительного ответа тотчас же объявить войну.

Пуны не говорили ни да, ни нет, а только твердили:

— Сагунт служит для вас лишь предлогом. Скажите, чего именно вы добиваетесь!

Тогда Квинт Фабий, один из римских послов, выступил вперед со словами:

— Я несу войну или мир, выбирайте!..

— Нам все равно, — ответил суфпет, — все, что вам угодно!

— Хорошо, — воскликнул Фабий, — пусть будет война...

Ганнибалу немедленно сообщили о вызове Рима.

— Прекрасно! — заявил он, — я помню о своей клятве и бережно храню меч, освященный Мелькартом. Мне предстоит исполнить свой долг. Боги помогут мне, и содрогнутся враги Карфагена!..

Войска ликовали: никто среди пунов не сомневался, что победа останется за ними. Ганнибал был их кумиром.

Он действовал весьма осторожно: отправил в Африку опытного полководца с двадцатитысячным войском, чтобы обезопасить Карфаген на случай возможного нападения; своего же младшего брата Газдрубала, которому недавно исполнилось двадцать шесть лет, он оставил наместником Испании. В его распоряжении было пятнадцать тысяч воинов, двадцать один слон и пятьдесят семь военных кораблей. К кельтским народам, обитавшим по ту сторону Ибера, в Пиренеях и Альпах, он отправил послов, заключил с ними дружеские союзы, заручился поддержкой проводников, и когда осеннее солнце нового, двести восемнадцатого года прогрело землю, двинулся к северу, имея девяносто две тысячи пехоты, двенадцать тысяч всадников и тридцать семь боевых слонов.

Ганнибал все время держался моря. Он пребывал в приподнятом настроении, хотя прекрасно представлял всю смелость задуманного предприятия; но с другой стороны, он принял все меры, чтобы обеспечить себе победу. Он пересек Иберию, перешел через Пиренеи и вступил в неизвестные ему пределы, населенные дикими племенами... И это с войском, состоявшим из представителей всех племен и народов, обитавших по берегам Средиземного моря! Среди его войска находились солдаты из Африки и Иберии, нумидийцы и ливийцы, греки, сыны Южной Италии, Корсики, Сардинии и Галлии. Эти пестрые полчища говорили на разных языках, но всех их объединяла и тесно связывала страсть к войне, чувство воинского долга, верность данной клятве и благоговение перед своим доблестным вождем.

Вступив в Южную Галлию, Ганнибал щедро одарил кельтских князей, предлагая им свою дружбу и соблюдая в войске строжайшую дисциплину, чтобы никто из местных жителей не мог пожаловаться на насилие со стороны его солдат. Таким образом он привлек на свою сторону даже тех, кто сперва настороженно относился к пунам, и без больших затруднений дошел до Роны, двумя потоками впадающей в море. Войско двинулось к северу

и расположилось лагерем выше того места, где разделяется река. Ганнибалу осталось только переправиться на другой берег.

Однако местные племена не пожелали допустить неизвестное многочисленное войско в свои пределы и, не имея возможности противостоять такой силе, перебрались на противоположный берег.

Разумеется, не все имели возможность уйти, и с оставшимися Ганнибал очень быстро установил самые дружеские отношения. Он умел обходиться с дикими народами: всячески выражал им свое доверие, раздавал золото и драгоценную утварь, добивался создания мирных союзов, не преминув, однако, указать им на непреодолимую силу своего войска.

Он скупил у жителей не только все крупные суда, но и маленькие челноки, вмещавшие не больше двух солдат. Ганнибал не брезговал ничем, что могло бы хоть как-то послужить для переправы, он забирал даже надутые кожаные меха: левой рукой воин прижимал такой мех к груди, а правой — греб.

Несмотря на все эти приготовления, переправа обещала быть трудной. Течение Роны было довольно сильным, а на противоположном берегу стояли вражеские войска, пешие и конные, решившие не пустить пунцов в свою страну.

Ганнибал нашел выход из этого трудного положения. День за днем велись приготовления к переправе, привлекая внимание неприятеля на другом берегу. На третий день Ганнибал призвал к себе своего опытного учителя Бодашторета и отдал ему тайный приказ. С чувством пожал Бодашторет руку своему бывшему ученику, полностью одобрив его план, и с наступлением темноты бесшумно двинулся с тысячными полками пехоты и конницы вверх по реке, пользуясь советами опытных проводников. На следующее утро он был на расстоянии десяти часов пути от лагеря Ганнибала и беспрепятственно совершил переправу, щедро заплатив береговым жителям за услуги. На пятую ночь он двинулся к югу, и на заре шестого дня форпосты Ганнибала увидели вдали на другом берегу густой дым огромного костра:

это был условный знак, извещавший пунов о прибытии Бодашторета.

Как только на форпостах проверили достоверность этого сигнала, тотчас же началась переправа. Река сплошь покрылась большими и маленькими лодками, тысячи воинов пустились вплавь на надутых мехах. Но на противоположном берегу стояли враги и сбрасывали в реку тех пунов, которым удавалось достичь суши. Тем временем, с тыла к кельтам подобрался Бодашторет. Увлеченные сражением, они не заметили его приближения, не заметили, как внезапно огонь охватил их лагерь. Вынужденные бороться на два фронта, кельты были отчасти уничтожены, отчасти обращены в бегство, отчасти покорились тому, кому не в силах были противостоять.

Лошадей пуны переправляли, привязывая их за узду к большим судам так, чтобы они могли плыть самостоятельно, труднее оказалось переправить тридцать семь слонов. Для них приготовили крепкие широкие плоты, на которые сверху положили землю и дерн, плоты крепко привязали к низкому берегу и запустили слонов. Когда же животные встали по своим местам, пуны перерубили канаты, и лодки с гребцами перетянули плоты на другой берег.

Успешный итог переправы через Рону воодушевил пунов; но их приподнятое настроение омрачилось, когда местные жители описали им грозные Альпы. Войско впадо в уныние: каждому казалось, что он погибнет ужасной смертью вдали от родины.

— Вы идете в горы, — рассказывали галлы, — которые доходят почти до небес, так что облака будут стелиться под вами. На вершинах этих гор пусто, тихо и безлюдно; там никто не живет, там ничего не растет, — вы будете лишены всяческих припасов. Тысячи из вас погибнут в пропастях; огромные как тучи, снежные лавины хоронят сразу сотни людей; вас ждут тысячи смертей от холода, от голода, вы можете разбиться насмерть и быть заживо погребенными!..

К счастью, вскоре к Ганнибалу прибыло посольство от кельтского племени, обитающего в Северной Италии. Ганнибал расспросил их о цели приезда и расска-

зал о своем смелом замысле. Собрав затем армию на военный совет, он обратился к пунам с речью:

— Вы страшитесь гор? Неужели вы думаете, что скалы опаснее вооруженного врага? Разве они могут метать копьа или поражать мечом? Вы думаете, что горы так высоки и неприступны, что через них и перебраться нельзя? Так взгляните на этих послов, пришедших с той стороны, из-за гор: ведь они не летели, как птицы, по воздуху, они шли. Их предки когда-то жили в Галлии, и много лет назад тысячи мужчин, женщин, детей и стариков, со всем своим скарбом и скотом перебрались через горы. Неужели же воин со своей ничтожной поклажей не сможет повторить этот путь?.. Но не полагайтесь только на мои слова, а послушайте лучше того, кто живет по ту сторону Альп и пришел к нам через горы!..

Вождь Мегал, стоявший во главе посольства, заговорил:

— Нам здесь известно все: и я берусь проводить вас к своим соплеменникам: они примут пунов с распростертыми объятиями. Я поведу вас не кратчайшим путем, а тем, где легче добыть продовольствие, путем, который идет через владения дружески настроенных народов. Вы можете на меня положиться: я тоже хочу вернуться к себе домой, обнять жену и детей, отдохнуть у мирного очага. Я принимаю на себя ответственность за исход, но ставлю три условия: во-первых, до перехода через Альпы вы не должны вступать в сражение с римлянами, чтобы не терять сил, необходимых для утомительного пути; во-вторых, нужно начать переход без промедления, дабы воспользоваться благоприятным временем года и перебраться через горы до наступления холодов; в-третьих — все должны беспрекословно следовать моим указаниям. Вся наша страна настроена против римских тиранов, и если вы поддержите нас, мы без труда победим!..

Войско бурно выразило свое одобрение и восторг. А Ганнибал, внимательно выслушав речь кельта, отдал приказ:

— Теперь веселитесь, пейте и ешьте вдоволь, пока я буду приносить жертвы богам, а на заре мы снимемся с места!

Чтобы окончательно увериться в успехе предприятия, Ганнибал отправился к заклинателю духов, жившему поблизости, и спросил, удачно ли завершится его поход.

— Приходи сегодня, когда стемнеет, и сам спросишь духов земли! — ответил заклинатель.

В назначенный час Ганнибал явился со своими ближайшими соратниками. Их встретил ученик заклинателя. Прибывшие должны были разуться, снять с себя оружие и вымыть руки. Только тогда их провели в пещеру.

Посреди пещеры горел огонь, отбрасывая причудливые тени; разглядеть что-нибудь можно было только с большим трудом. Пуны поместились с одной стороны пещеры; у наружного отверстия, охраняя вход, стоял слуга. Заклинатель, распустив волосы и завернувшись в волчью шкуру, укладывал магические кости вокруг огня. Потом он выкопал в земле маленькую ямку, вывел откуда-то из глубины пещеры черного барана, и, пропев на неизвестном языке заклинание, перерезал барану горло и наполнил его кровью ямку; затем он бросил в огонь щепотку травы, и вся пещера наполнилась удушливым дымом. Заклинатель начал громко что-то выкрикивать, и эхо глухо повторяло его слова, потом он еще раз бросил что-то в огонь, пламя ярко вспыхнуло, и послышался глухой шум.

Тут заклинатель взял Ганнибала за руку, ввел его в круг, приказал опуститься подле пламени на колени, а остальным велел хранить полное молчание, что бы ни случилось. Вслед за тем он обмакнул палец в кровь, начертал на лбу коленопреклоненного вождя магический знак и приказал:

— Спрашивай!

Ганнибал растерялся, но быстро нашелся и спросил:

— Дойдем ли мы до Италии?

В ту же минуту снова раздался глухой удар, и из глубины пещеры донесся мрачный голос:

— Да, но не все!

— А сам я перейду через горы? — спросил Ганнибал.

— Да! — вторично ответил голос.

Ободренный этим ответом, Ганнибал продолжал:

— Победим ли мы римлян?

— Неоднократно, — последовал ответ, и все вздрогнули от радости.

— Теперь еще один вопрос, — подумал Ганнибал, — и довольно.

— Суждено ли мне победоносно вступить в Рим? — спросил он.

Снова раздался гром, пламя погасло, и мрак окутал всех своим черным покровом.

— Тебе дозволено только три вопроса, не больше, — пояснил заклинатель.

— Если бы я это знал, — ответил Ганнибал, — я бы в ином порядке расположил свои вопросы!

— Приходи через три ночи, и тогда сможешь опять испытать судьбу, — ответил заклинатель и отпустил посетителей.

Ганнибал не смог прийти через три дня: на следующий день его войско выступило в поход, который по предстоящим трудностям превосходил не только все те походы, которые впоследствии пережили полчища Ганнибала, но и все, какие они только могли себе представить. Бодро и решительно пуны выступили в путь: они твердо верили, что благополучно доберутся до пределов благословенной Италии, что Ганнибал останется на своем посту, что римляне будут разбиты неоднократно.

Пунийское войско благополучно двигалось вперед по восточному берегу Роны, тепло встречаемое дружески настроенными местными племенами. Достигнув Изара, пуны без всяких затруднений перебрались через него и вступили в страну аллоброгов. Этот народ по численности и воинственному духу превосходил всех своих соседей. Вождя Бланка теснил восставший против него младший брат: Ганнибал, явившийся как раз в разгар междоусобной войны, встал на сторону законного вождя, помог ему одержать блестящую победу и тем приобрел себе верных и преданных друзей, которые не только доставляли ему необходимый провиант, но еще и прикрывали пунов с тыла, пока те не углубились в горы.

Именно в горах началась ожесточенная борьба. Местные жители весьма враждебно относились ко всякому вторжению; они занимали вершины гор и скалистые утесы и оттуда сбрасывали вниз на армию, продвигавшуюся в узких проходах, камни, валуны, убивая множество доблестных воинов.

На одной из вершин перед пунами открылось зрелище, по своему величию превосходившее все когда-либо виденное ими. Перед ними во всем великолепии лежали ослепительные снежные поля; вдалеке возвышалась высочайшая из европейских гор — Монблан; внизу грохотали лавины, сметая все на своем пути, а вечером горы окрашивались багрянцем...

Войско Ганнибала спустилось в долину Изара, где можно было отдохнуть на приветливых мирных лугах и пополнить продовольственные запасы в местных селениях. Однако вскоре нужно было опять двигаться в поход: наиболее трудная часть пути была впереди; предстояло перейти через высочайшие вершины, а между тем сентябрь уже наступил, ночи в Альпах были леденяще-холодными, а снег шел почти каждый день. Подтаявшие за лето склоны покрыло зеркально-гладкой поверхностью, и вьючный скот постоянно скользил по ним и падал в пропасти, увлекая за собою проводников и воинов. Местами ледяная корка, как только на нее ступали тяжело навьюченные животные, внезапно трескалась. Свежевыпавший снег предательски прикрывал обрывы и расщелины, и порой путники видели, как идущий впереди вдруг проваливался и бесследно исчезал. Когда же они приближались к предательскому месту, провал был уже снова покрыт снегом.

Таким образом, на третий день восхождения исчез доблестный Элули. Могучий сорокалетний мужчина, он легко переносил все трудности перехода. Осторожный и в то же время бесстрашный, он прекрасно понимал кельтский язык, поэтому Ганнибал и послал его вперед исследовать тропу, когда войску пришлось идти по обрыву.

Впереди шагали два проводника, за ними Элули с восемью опытными воинами; у каждого в руках был

длинный шест, которым они ощупывали тропу, чтобы убедиться, что войско может беспрепятственно пройти по ней.

На небольшом расстоянии за ними двигался авангард. В одном месте тропа совсем сузилась, и Элули остановился, чтобы проверить, сколько человек может пройти по ней в ряд; но едва он ступил на тропу с левой стороны подле обрыва, как сорвался и на глазах авангарда исчез в бездонной глубине вместе со своими восемью спутниками. Раздался вопль отчаяния, и проводники бросились к месту, где произошло несчастье. Там они остановились и безуспешно начали вглядываться в глубину, но внизу расстилалось лишь сверкающее снежное поле, покрывавшее все своим белым пушистым ковром.

Узкой вереницей войска медленно перешли через перевал и снова оказались в чужой стране. Местные жители выслали навстречу наступавшим послов, чтобы заключить мирный договор.

— Вы без труда отразили бы наше сопротивление, — сказал посол, — мы учились на чужих ошибках и предпочитаем, чтобы вы проявили свое расположение, не давая почувствовать силу своего пресвосходства. Мы дадим вам припасы, опытных проводников, а чтобы вы не сомневались в благородстве наших намерений, просим вас взять наших заложников.

Было похоже, что посланцы не лгали; но Ганнибал все-таки подумал, что во время войны он может доверять только себе самому, а потому взял заложников, воспользовался предложенной помощью, но зорко наблюдал за всем и вел себя так, как будто находился во вражеской стране.

Во главе армии Ганнибала шли слоны, возбуждавшие панический ужас в варварах; за ними двигалась конница, дальше — пехота и обоз, а замыкал шествие сам Ганнибал с тяжеловооруженными пешими воинами.

Два дня прошли вполне спокойно, а вслед за тем дорога опять пошла по обрыву высокой крутой горы... Едва пуны вступили на узкую тропу, как откуда-то с высоты раздался военный клич и вниз полетели камни и

стволы деревьев, производя в рядах воинов Ганнибала страшное опустошение. Сам Ганнибал находился в арьергарде. К вечеру он был совершенно отрезан от своих и вынужден был провести ночь на уединенном плато. Но войска все-таки медленно продвигались вперед.

На следующий день кельты произвели вторичное нападение. Обе стороны жаждали вступить в решительный бой. Кельты находили, что более подходящего места для битвы быть не может. А пуны, в свою очередь, говорили: "Постоянные стычки утомляют нас, нужно положить этому конец". Борьба велась ожесточенно и с невероятным упорством, и каждый из противников надеялся, что другой наконец ослабеет и первым сложит оружие.

— Да здравствует Ганнибал! Слава Карфагену! — раздалось внезапно во время очередной изнуряющей атаки над головами воинов, и на вершине горы появились хорошо знакомые фигуры Элули и его товарищей.

— Мелькарт с нами! — пронеслось среди пунов, и они с новыми силами двинулись на врагов. Кельты же, не предполагая, что вражеское подкрепление составляет всего восемь человек, обратились в бегство.

Вечером вновь найденный Элули сидел среди соратников и рассказывал им о своем чудесном спасении:

— Мы проверяли тропу шестью, и все шло благополучно; как вдруг подо мною провалился снег, и я стремительно полетел в пропасть. Мои товарищи полетели вслед за мною. Сколько времени я лежал без сознания под белым холодным покровом, я не знаю; когда же я очнулся, то немедленно начал работать руками, и мне удалось высвободиться. К своей невыразимой радости я увидел, что снег в нескольких местах рядом со мной шевелится. Наконец моим товарищам тоже удалось вылезти наружу. Не хватало только одного воина, и мы предположили, что он остался наверху и не упал вместе с нами. Раз вы утверждаете обратное, значит, он замерз. Вероятно, его засыпало слишком глубоко... Никто из нас не был ранен, но мы не имели представления ни о том, где мы, ни чем будем питаться, ни как выберемся из этой пустыни и отыщем дорогу к вам. Первый день мы шли наудачу, а ночь провели в пещере, тесно

прижавшись друг к другу. На следующий день мы набрели на одинокую хижину. Переночевав и подкрепившись пищей, которую там нашли, мы двинулись вперед, прислушиваясь, не обнаружится ли как-нибудь ваше присутствие... Услышав шум сражения, мы бросились в том направлении и увидели внизу атакующих вас кельтов. И вот мы опять с вами!..

Велика была радость по случаю возвращения товарищей, которых многие считали уже погибшими, а через несколько дней войска пунов достигли высшей точки своего пути. Это был Малый Сен-Бернар, 6792 футов над уровнем моря. Войска расположились лагерем и решили отдохнуть два дня, чтобы подтянулись отставшие воины, а ослабевшие набрались бы сил.

Наиболее трудная часть пути была пройдена, но никто и не подозревал, какая опасность грозила величайшему из сынов Карфагена здесь, в царстве облаков.

Наступила ночь, и усталость всех свалила с ног: тяжести пути сказались и на сильнейших.

После полуночи облака внезапно скрыли месяц... В ближайшем ущелье показалась человеческая фигура. Незнакомец, проскользнув вперед, острым взглядом дикаря окинул форпосты, наметив путь, по которому можно было проползти незамеченным.

Это был кельт огромного роста. Он целый день, спрятавшись в ущелье, изучал пунийский лагерь. Бросившись на землю, кельт пополз, как змея, между сугробами и камнями, пробираясь все дальше, пока не очутился у цели. У палатки Ганнибала он приостановился, чтобы убедиться, все ли спокойно, и затем, крадучись, пробрался вовнутрь.

Сын Гамилькара не старался поразить своих подчиненных роскошью и великолепием. Его величие основывалось на убеждении воинов, что он лучший полководец в мире; и что ему почетный караул, когда у него двадцать тысяч преданных ему воинов, готовых пожертвовать жизнью за него!

Однако, дабы всякий мог в любой момент найти вождя, над его палаткой днем развевался флаг на высоком шесте, а ночью зажигался фонарь.

Кельт проскользнул в палатку и притаился, неподвижно распластавшись на земле. Только убедившись, что все вокруг объято мертвым сном, он осторожно выпрямился во весь рост, не выпуская меча из рук. Кельт пристально посмотрел на спавшего перед ним вождя: простой плащ служил постелью человеку, который вторгся в его родную страну с многотысячным войском, сокрушая все на своем пути.

В эту минуту жизнь Ганнибала висела на волоске, и от воли стоявшего над ним кельта зависело, когда оборвется этот тоненький волосок. Острый глаз великана приметил, что около спавшего лежит обнаженный меч. Однако рука Ганнибала не лежала на самой рукоятке, а только подле, так что ежеминутно он мог схватить оружие. Это была большая неудача: ведь, если Ганнибал не будет убит на месте, а сможет вскочить на ноги, то он позовет на помощь, тогда, без сомнения, кельт будет схвачен и казнен, и таким образом напрасно пожертвует своей жизнью. За ударом в грудь обязательно должен последовать другой удар, чтобы жертва не успела оказать сопротивления. Кельт нагнулся и тихонько взял за острие меча. Но едва он к нему прикоснулся, как Ганнибал вскочил на ноги и с мечом в руках приготовился отразить нападение.

Всегда готовый ко всяким неожиданностям, не исключая и ночных нападений, Ганнибал каждый вечер клал меч рядом с собою, а чтобы в нужный момент не пришлось долго искать оружие, а всегда иметь его под рукою, он тонкой веревкой привязывал меч к руке. В темноте кельт не разглядел веревочной петли. Ганнибал не знал, в чем дело, и, увидев перед собой неизвестного человека, спросил, что ему нужно; когда же ответа не последовало, в нем шевельнулось подозрение, и, отступив на шаг, вождь пунов приготовился к защите.

Теперь у кельта не возникало никаких сомнений в том, что последует дальше; но он не хотел умереть мучительной смертью и собственным мечом пронзил себе грудь.

Полководец кликнул своих людей; переводчики начали тут же допрашивать кельта, но он умер, так и не сказав ни слова.

— Смотрите, — говорили пуны, — Ганнибал находится под особым покровительством великой Танит: враги бессильны против него. Ведь прорицатель на Роне предсказал, что наш вождь придет в Италию и неоднократно победит римлян, и пока он с нами, успех обеспечен.

Перед тем как начать спуск, Ганнибал отвел военачальников на высокое плато и показал на лежащую внизу плодородную долину:

— Взгляните на Италию; там наша конечная цель! Альпы — это стены крепости; кто приступом взял крепость, тому нечего больше бояться.

Военачальники рассказали своим воинам о том, что они видели, и солдаты с криками: "В Италию! На Рим!" — двинулись вниз.

Уже пять месяцев прошло с тех пор, как армия Ганнибала выступила в поход из Нового Карфагена. Две недели занял переход через Альпы; от доблестного войска осталось двадцать тысяч пехоты и шесть тысяч всадников. Все они сильно обносились и изголодались. Армия превратилась в сборище оборванцев, больше походящих на дикарей.

Но эти изнуренные воины были проникнуты мужеством, которое не отступает ни перед какими лишениями, ни перед какими трудностями. Кто перешел Альпы, кто среди вечных снегов, сумел отразить нападение варваров, тому не страшны римляне!

Жители долины приветствовали пунов радостными криками, предлагая им лучшее из того, что имели сами. Был конец сентября, погода стояла великолепная. Альпы остались позади, и пуны стояли у входа в долину реки По. Ганнибал решил дать войску хорошенько отдохнуть и оправиться, а местные галльские племена доставляли своим избавителям от римского ига все, чего они только могли пожелать.

Глава V

Удары львиной лапы

Вся Северная Италия была населена переселившимися из Галлии кельтскими племенами, которые всеми силами стремились освободиться от римского владычества. В некоторых местах одни из них открыто восставали и присоединялись к пунам, другие же не осмеливались на это, боясь в случае неудачи мести со стороны римлян.

Ганнибал желал вступить в союз с тауринцами, но они категорически не соглашались на его условия, и ему пришлось в течение трех дней осаждать их столицу Тауразию (Турин). Город был взят приступом.

Между тем навстречу пунам выступил консул Публий Корнелий Сципион с пятьюдесятьютысячной армией. Он перешел Падус (По) у Плаценции (Пиаченца), построил мост через Тицинус (Тичино) и расположился лагерем на другом берегу. Здесь римляне получили известие о том, что Ганнибал ускоренным маршем идет им навстречу. При этом известии консул собрал свое войско и обратился к нему с такой речью:

— Наконец-то нам удастся встретиться с пунами и уничтожить их. Как они посмели пойти против нас? Ведь это вы отняли у них Сицилию, Корсику и Сардинию. Они сражаются из-за необходимости. До того, как начнется бой, они уже знают, что их ждет поражение. Быть может, вы думаете, что на вас идут герои? Нет! Это лишь тени, истощенные голодом, холодом, измученные, изнуренные борьбой с Альпами... Их руки и ноги свело от холода, оружие заржавело, кони охромели... Не с врагом вам предстоит встретиться, а с жалким остатком вражеской армии!.. Разве не дерзость со стороны этих

людей поднимать руку на римлян?.. Потому-то при встрече с этим обессилевшим сбродом вы должны помнить, что один ваш вид уже дарует вам победу; вам незачем даже проявлять свою обычную храбрость, достаточно будет и негодования, какое испытываешь при виде рабов, восставших против своего господина и повелителя под предводительством неистового юнца!

Ганнибал расположился лагерем невдалеке от римлян. С раннего утра его войско пребывало в боевой готовности, а он во главе конного отряда отправился на разведку, рассчитывая обнаружить слабое место врага.

Нужно было соблюдать величайшую осторожность: во всем войске не было ни одного человека, хорошо знакомого с этой местностью, никто не мог сказать, не помешают ли будущему сражению ручьи, реки, овраги и ложбины.

Противник руководствовался теми же соображениями: Сципион со своим отрядом тоже выехал на разведку, и, огибая холм, оба вождя столкнулись лицом к лицу.

Оправившись от неожиданности и изумления, они бросились каждый к своему войску и, не медля ни минуты, начали бой. Сципион располагал значительным числом лучников; он поместил их в авангарде, чтобы не дать врагу подойти слишком близко.

Ганнибал встал во главе конницы и сомкнутыми рядами медленно двинулся вперед, пока не подошел на расстояние, равное полету стрелы, а затем кинулся на римлян с такой стремительной быстротой, что их стройные ряды мгновенно распались.

Бой разгорался, пуны во главе с Ганнибалом сражались не на жизнь, а на смерть, а нумидийская конница со всех сторон теснила римлян.

Римляне не выдержали натиска и обратились в бегство. Сципион всеми силами сохранял хладнокровие и постоянно держался во главе войска, но в конце концов, был ранен копьем и упал с коня. Если бы не мужество преданных телохранителей, он неминуемо попал бы в руки врагов. Против ожидания римлян пуны одержали блестящую победу.

Римляне вернулись в свой лагерь, а с наступлением темноты перешли Тичино и у Плаценции переправились через Падус. Таким образом река дважды отделила их от пунов.

Вечером, после одержанной победы, Ганнибал собрал своих военачальников и приказал, чтобы все войско немедленно ложилось спать: воинам нужно было хорошо отдохнуть и рано утром приступом взять римский лагерь.

Этот приказ был неукоснительно выполнен. Ликование и крики, пение и бражничанье прекратились. Солнце не успело взойти, как все полки были опять на ногах. Солдаты подкрепились, лошади были накормлены, и армия бодро двинулась вперед. Но птицы покинули гнездо — римлян уже не было в лагере. Нужно было догнать беглецов. Однако мост был разобран, а река поосеннему вздулась; пришлось искать брод.

Переправившись наконец на другую сторону, Ганнибал стал беспрестанно нападать на римлян, преследуя их повсюду. А когда римляне перешли Требию и расположились лагерем на холме, пуны раскинули свой лагерь на расстоянии всего лишь трех часов ходьбы. Для римлян создалась крайне мучительная ситуация. Близость врага и быстрота карфагенской конницы держала их в страхе и днем и ночью, а между тем Сципион все еще не оправился от полученной раны, что исключало возможность наступления. Тут совершенно неожиданно подоспел на выручку второй консул, Тиберий Семпроний с многочисленным войском. Теперь римляне значительно превосходили числом своего противника.

Что же в это время делал Ганнибал? Он скупал хлеб, занимал города, заручался поддержкой местного населения, нанимал солдат к себе на службу и раза два в неделю появлялся перед лагерем Сципиона, насмешливо вызывая его на бой. Семпроний неоднократно извлекал свой меч из ножен и готов был принять вызов, но консул Сципион удерживал его, чувствуя, что ему самому пока не справиться с пунами.

— Я не желаю, чтобы год моей власти истек напрасно, без славной победы, — настойчиво повторял

Семпроний, не знавший еще о силе карфагенян, — ты со своим войском оставайся здесь, в лагере, а я со своим вступлю в бой, как подобает римлянам!

Во время многочисленных разведок Ганнибал нашел на восточном берегу Требии ручей, текущий среди высоких камышей и густого кустарника. Призвав к себе своего младшего брата Магона, он сказал ему:

— Устрой тут засаду и напади на римлян, когда наступит подходящий момент. Я же буду их дразнить до тех пор, пока у них не лопнет терпение, и они не бросятся за мной в погоню, и тогда я приведу их к тебе. Кустарник такой высокий и густой, что в нем легко может укрыться даже всадник. Запаситесь хорошенько пищей и питьем, и будьте начеку. На рассвете подкрепите и накормите коней: вам понадобятся силы и бодрый дух!

Под утро нумидийцы подкрепились сами, накормили коней, в предрассветном сумраке перешли Требию и очутились перед римским лагерем. Застрелив караульных, они до тех пор дразнили Семпрония, пока он не выпустил на них сперва свою конницу, затем шесть тысяч человек пехоты и наконец лично бросился в нападение со всей оставшейся армией. Нумидийцы недолго стояли около римского лагеря, вскоре они стали отступать к реке и быстро перебрались на другой берег, преследуемые по пятам разъяренными римлянами. Семпроний желал не только победить врага, а уничтожить его полностью. Он не знал Ганнибала и не подозревал, что идет прямо в расставленную ему ловушку.

В день зимнего солнцестояния (21 декабря 218 года до н. э.) стояла холодная погода. Шел дождь вперемешку со снегом, земля намочла и разрыхлилась, ледяной ветер беспрепятственно продувал всю долину. А в погоню за нумидийцами была послана не только конница, но и пехота. Усталые и продрогшие воины Семпрония подошли к Требии. Вздувшаяся от осенних дождей река поднялась, и ледяная вода доходила пехотинцам по грудь. Когда римляне стали выбираться на берег, подул резкий ветер, и они совершенно ооченели и с трудом могли удержать в руках оружие, а многие, совершенно обесси-

лев, попадали на землю. А нумидийцы все отступали, увлекая врага к пунийскому лагерю. Тут карфагеняне, все это время гревшиеся у костров, со свежими силами атаковали римлян и разбили их наголову.

Балеарские пращники засыпали врагов градом камней, которые насквозь пробивали их шлемы и латы, слоны произвели страшное опустошение во вражеских рядах; когда же римляне поравнялись с устроенной засадой, Магон яростно кинулся на них и довершил поражение.

Из целой армии уцелело всего десять тысяч человек: одни пали в сражении, другие погибли во время бегства, иных увлекло бурным течением разлившейся реки. На следующую же ночь Сципион покинул старый лагерь и отошел подальше, чтобы хоть как-то обезопасить свое войско.

Но и пуны, и римляне, прежде чем снова начать сражение, должны были переждать зиму.

Однако пуны не сидели на месте: они постоянно беспокоили римлян на их зимних квартирах и препятствовали подвозу провианта. В схватке у Плаценции Ганнибал был снова тяжело ранен, но это не помешало ему через несколько дней лично руководить штурмом города Виктумвии, и с незначительным отрядом разбить войско в тридцать пять тысяч человек, взять осажденный город и разграбить его.

Затем он направился в Лигурию, где климат был намного мягче, а при первых признаках весны Ганнибал двинулся через горы в Этрурию, все ближе подбираясь к Риму. Но тут как будто сами боги вмешались в ход событий и поддержали Вечный город, не подпустив к нему врага.

Пуны поднимались по северному склону Апеннин, как вдруг начался страшный ливень, водяные потоки хлестали воинам прямо в лицо; ураган опрокидывал их на землю, не давая устоять на ногах; воины с трудом пригибались, стараясь подставить ветру спины. Но после всего этого разразилась гроза, от которой дрогнули сердца даже самых мужественных воинов. Молнии блистали одна за другой, а удары грома следовали непрерывно.

Пуны хотели было раскинуть лагерь, но ураган сокрушал все на своем пути. В довершение всех бед пошел град со снегом, и несчастные воины обезумели от ужаса; они в отчаянии бросались на землю и, зарывшись под свои плащи, ждали конца непогоды. Наступил холод, и люди оконечели в промокшем платье; только немногие, особенно выносливые, принялись разводить костры, чтобы хоть немного отогреться. Прошло целых два дня, пока войско настолько оправилось, что смогло спуститься к своей прежней стоянке.

Опустошения, произведенные непогодой, были ужасны; погибло много лошадей и людей, а из восьми слонов выжил только один, и эта потеря была непоправима. Ганнибал думал о том, как бы вернуть войску бодрость, веру в свои силы и доказать, что, несмотря на удары судьбы, они еще могут побеждать.

— Семпроний жаждет подвигов, его легко вызвать на бой, — говорил в те дни Ганнибал своему сподвижнику Эзули. — Он снова у Плаценции. Мы двинемся туда, выманим его из укреплений и начнем притворно отступать, а там развернемся и наголову разобьем его. Нашим воинам необходима победа!

Этот план был блестяще выполнен. Пуны расположились лагерем в некотором отдалении от Плаценции и хорошенько окопались; затем начали делать вылазки, снимать караулы римлян, всячески стараясь вызвать Семпрония на бой.

В течение нескольких дней консул не поддавался искушению, но наконец решился загладить позор, полученный при Требии; число участвовавших в вылазках было невелико, и Семпроний атаковал их всем своим войском. Римляне храбро сражались, враг понемногу начал отступать. Солдаты яростно преследовали пунов, отесняя их все дальше и дальше, до самого лагеря, который тоже решено было взять.

Задача предстояла не из легких: лагерь пунов был великолепно укреплен, а для его защиты требовался лишь незначительный гарнизон, остальная же часть Ганнибаловой армии отдыхала, с интересом наблюдая за разгоравшимся боем.

В центре лагеря возвышался небольшой холмик, на нем стоял единственный оставшийся в живых слон, и с этой живой башни Ганнибал следил за ходом сражения. Постепенно натиск римлян стал ослабевать: их силы истощались, и к вечеру Семпроний приказал отступить.

Едва колонны римлян начали отступление, как раздалась команда Ганнибала, и пехота пунов бросилась на римлян с тыла, а справа и слева на отступавших налетели всадники. Пуны дрались со свежими силами, между тем как римляне были уже утомлены штурмом.

Бой оказался неравным, и римляне снова потерпели поражение.

И к воинам Ганнибала вернулась уверенность в том, что, несмотря на удары судьбы, причинившей им страшный урон в Апеннинах, они могут еще одерживать победы.

Велики были успехи карфагенского вождя, но походы и сражения уносили множество людей, и ряды ливийцев и иберов, составлявших ядро армии, с которой он год тому назад начал свой поход, заметно поредели. Пополнить войско не представляло большого труда: среди народов, населявших Северную Италию, было много тех, кто из одной ненависти к угнетавшему их Риму был готов встать под знамена Ганнибала. Но на кельтских воинов нельзя было полностью положиться. Их пыл быстро угасал, как только они сталкивались со строгой дисциплиной, господствовавшей в войске Ганнибала, и готовы были тут же бросить оружие и убежать; нередко оказывалось, что их легко можно подкупить. С грустью пришлось Ганнибалу убедиться в том, что многие кельтские воины, соблазнившись римским золотом, готовы покуситься даже на его жизнь... Ему пришлось заботиться о личной безопасности и принять меры, в которых прежде не было необходимости.

Наконец миновала зима. Пуны опять снялись с места, их полки благополучно перешли Апеннины и спустились в долину Арно. Ганнибал выбрал такой путь, где бы его никто не мог встретить. Но он не знал хорошо местности, и в результате на долю пунов выпали такие испытания, перед которыми стусевались все ранее

перенесенные невзгоды. Войска спустились в сырые низины, потом попали в болотистую местность, пропитанную ядовитыми испарениями; в течение трех суток им пришлось пробираться через трясины, нигде было расположиться для отдыха, а о сне никто не смел и мечтать. В полном вооружении брели воины по болоту, утоляя голод из скудных запасов и гадая, хватит их до конца пути или нет.

Впереди выступали ливийские и иберийские пехотинцы — надежный костяк войска; за ними шли галлы. Их пугали трудности похода, и они охотно повернули бы назад, покинув своих товарищей, но Ганнибал предвидел это: сзади двигалась нумидийская конница, которая преграждала им путь к отступлению. Сам Ганнибал ехал на единственном слоне и осматривал окрестности.

Храбрые воины, сражавшиеся под палящими лучами ливийского солнца, прошедшие альпийские вершины с их ледяными склонами, неоднократно выдерживавшие бурю, ливни, дождь и снег, — отступили. В этом тяжелом переходе пало множество вьючных лошадей, и как только лошадь валилась на землю, на нее тут же садились ближайšie воины, чтобы хоть немного отдохнуть. Но многие падали, изнемогая от усталости, и, не имея сил подняться, погибали ужасною смертью...

Военачальники и все, кому случалось приближаться к Ганнибалу, получали новый приток бодрости при одном взгляде на него: он словно передавал всем частицу своего спокойствия и уверенности. В течение нескольких недель у него болели глаза, и от гнилых болотных испарений болезнь только усиливалась. Кончилось тем, что Ганнибал ослеп на один глаз. Друзья сокрушались, а Ганнибал хранил неизменное спокойствие.

— Человек должен покоряться воле богов. Недостойно тратить слова там, где уже ничего нельзя изменить, — говорил он.

Ни одной жалобы не сорвалось с его уст. Ослепнув на один глаз, он не утратил мужества и с надеждой смотрел вперед.

Выбравшись на сухое место, отдохнув и собравшись с силами, армия снова двинулась в путь.

Во время похода до Ганнибала дошли известия, что один из новых консулов, Фламиний, человек очень горячий, собирает вокруг себя множество юных представителей римской аристократии, жаждущих почестей, славы и наживы.

— Такой противник как раз для меня, — заметил Ганнибал, — он смело кинется в битву, и, не дожидаясь согласия другого консула, перейдет в наступление, как только мы вызовем его на бой. И я воспользуюсь этим преимуществом и заранее выберу поле битвы!

Пуны незамедлительно приступили к осуществлению своего плана. Подвигаясь к югу, они жгли и грабили села, угоняли скот. Разоренные жители в отчаянии бросались к консулу, умоляя защитить их.

— Я отомщу за вас! — ответил им Фламиний и двинулся на дерзкого врага.

Едва Ганнибал узнал о приближении римлян, как тут же начал отступать, увлекая за собой пылкого консула, который вообразил, что пуны хотят избежать сражения. Римляне не нуждались в поощрении: они нетерпеливо рвались в бой, к победе и добыче. Недаром же за войском следовали телеги и фуры: они предназначались для военной добычи — на них будут нагружены несметные сокровища карфагенян... Римляне не забыли захватить и цепи, чтобы заковать знатных пленников...

Можно представить себе радость римлян, когда разведчики донесли, что впереди уже виден арьергард пунийской армии: теперь враг никуда не уйдет, и близок день обогащения!

Чем быстрее двигались римляне, тем проворнее становились карфагеняне; неоднократно они исчезали из вида неприятеля, пока не оказались на берегу Тразименского озера.

Несмотря на усталость после дневного перехода, несмотря на то, что он ослеп на один глаз, Ганнибал сразу верно оценил преимущества своей позиции. Именно здесь можно было устроить западню, из которой не уйти ни одному врагу. Большое озеро, окруженное горами, узкий вход в долину — что может быть лучше, и Ганнибал отдал своим военачальникам необходимые рас-

поряжения. Пуны заняли горные склоны, а Магон с конницей должен был закрыть вход, как только неприятель войдет в долину. Сам Ганнибал поместился в долине между горою и озером. После того, как все приготовления были закончены, затрубили отбой. И через четверть часа войско пунов спало, и кругом стояла мертвая тишина; только форпосты бодрствовали, и караулы всматривались в ночную мглу.

Было еще совсем темно, когда Фламиний двинулся со своим войском на карфагенян в надежде напасть на пунийский лагерь и уничтожить врага прежде, чем он успеет оправиться от неожиданности. Когда консул подошел к Тразимену (Перуджийское озеро), уже рассвело, но густой туман окутывал озеро и долину.

Через час передовые конные отряды римлян заметили форпосты Ганнибала, а когда налетевший ветер на мгновение разорвал плотный слой тумана, перед Фламинием и его войском оказались готовые к бою полки. Передовые отряды римлян помчались обратно и донесли консулу обо всем, что видели...

Фламиний поблагодарил богов и радостно взмахнул мечом; час битвы, наконец, настал.

С восторженными криками римляне бросились вперед, и в ту же минуту справа заиграли пунийские трубы, с другой стороны послышался ответный сигнал, еще немного — и те же звуки, глубокие и протяжные, донеслись из глубины долины, и на римлян посыпался град копий. Густой туман мешал разглядеть врагов, они неожиданно появлялись из ущелий, кололи и рубили и опять исчезали. Римляне оказались в отчаянном положении; в десяти шагах уже ничего не было видно, к тому же с одной стороны — вода, с другой — горы... Нечего было и думать о том, чтобы развернуть строй: всякий сражался с тем, кто находился перед ним, и римлянам было ясно, что они заперты и окружены; уничтожить как можно больше врагов — в этом заключалась единственная надежда на спасение.

Сражение становилось все более яростным. Звуки труб, звон оружия, свист пуль, яростные крики сражающихся, вопли раненых, стоны умирающих... все смеша-

лось между собой. В то время, как люди ожесточенно рубились, слепо истребляя друг друга, разразилось страшное землетрясение: разрушались города, рождались новые горы и исчезали старые, но бившиеся у Тразимена не чувствовали колебания земли, не слышали подземного гула; каждый сражался в густом тумане и, если впереди оказывался враг, — убивал, а если друг, — становился с ним рядом.

Когда туман рассеялся, и наконец выглянуло солнце, римляне поняли всю безнадежность своего положения и стали думать лишь о спасении. Что делать? Со всех сторон они были окружены врагами; оставалось лишь озеро. Многие побросали свое оружие и кинулись в воду, но озеро было слишком широким. Спасти удалось лишь тем, кому посчастливилось незаметно проскользнуть между врагами или проскользнуть через ущелье.

Сражение при Тразимене было настоящей бойней. Пятнадцать тысяч воинов с консулом Фламинием нашли здесь свою смерть, и по крайней мере столько же было взято в плен. На целый час пути берег покрылся трупами, которые так и не дождались погребения, и пропитанная кровью долина скоро получила имя долины смерти.

Только римлян оставил Ганнибал в плену, остальных же он отпустил без выкупа.

— Идите с миром! — сказал он. — Возвестите у себя на родине, что я пришел не для того, чтобы покорить италийские народы, а для того, чтобы освободить их от римского владычества. Я веду войну только против завоевателей с Тибра! Кто хочет вернуть себе свободу, пусть присоединяется ко мне!

Теперь необходимо было дать отдохнуть войску, измученному переходом через болота. Этот переход сильно опустошил ряды пунийского войска: пал последний слон, пало множество лошадей, воины болели и были на грани истощения, и только Ганнибал мог с таким войском одерживать победы.

Время отдыха было использовано для того, чтобы вооружить ливийцев по римскому образцу, разделить их

на полки и подготовить так, чтобы они могли выдержать продолжительное сражение в открытом месте, не пользуясь преимуществами внезапного нападения или засады. А когда армия пришла в боевую готовность, Ганнибал двинулся к Адриатическому морю и впервые за все время своего пребывания в Италии послал депешу в Карфаген. Отсюда он повернул на юг: для осады Рима его войско, при всей своей храбрости, было чересчур малочисленно.

Ганнибал ошибся в расчетах: он думал, что стоит только ему, освободителю, появиться, как все подвластные Риму народы возьмутся за оружие, чтобы под его руководством вернуть себе независимость. Таким образом было бы нетрудно освободить всю Италию от римского владычества, — но италийцам не хватило воодушевления. Они свыклись со своим подневольным положением; в каждом крупном городе размещались римские гарнизоны, которые, конечно, начнут мстить местным жителям, как только Ганнибал уйдет. Война окончится, пунийское войско уплывет за море, и римские легионы снова наводнят страну. Для италийских народов Ганнибал был не вестник свободы, а непрошенный нарушитель мира, который принес в страну бедствия и войны.

Одержать блестящую победу тоже не представлялось случая — враг не рвался в бой. После сражения при Тразимене весь Рим облачился в траур, оплакивая гибель своих сынов и со страхом ожидая внезапного появления Ганнибала. Тогда римский сенат пошел на крайние меры и избрал диктатора: поставил во главе государства человека с неограниченной властью. Он мог, не считаясь с мнением сенаторов, собирать и распускать войска, заключать мирные союзы и расторгать их. Он распоряжался жизнью и смертью граждан: эта полнота власти давала диктатору возможность без промедления принимать любые меры и должна была спасти город от неприятеля.

На этот высокий пост сенат назначил Квинта Фабия, и нельзя было сделать лучшего выбора.

Фабий сознавал, что в качестве полководца не может сравниться с Ганнибалом, и потому заранес отка-

зался от славы и почестей, готовясь к тому, чтобы свинцовым грузом лечь на крылья гордо парящего орла, притягивая его вниз. "Мне не победить его, — рассуждал Фабий, — но я могу всюду становиться ему поперек дороги. Пусть он, сколько хочет, вызывает меня на бой, я не приму вызова. Зато, когда истечет срок моей власти, обо мне скажут, что я ни разу не потерпел поражения". Так Фабий и поступил. Недели шли одна за другой, проходили месяцы. Началось лето, а Ганнибал подвигался все дальше к югу. Как хищный зверь, выслеживающий добычу, крался за ним на расстоянии одной мили Фабий. Стоило пунам направиться к морю, римляне тут же спускались с гор и следовали за ними; если же пуны наоборот поднимались в горы, враги пропадали. Ганнибал не отваживался углубиться в неизвестную горную страну, словно специально приспособленную для засад и внезапных нападений.

Глава VI

Опасности и заботы

На склонах Апеннин пуны расположились на отдых. В соседние деревни за припасами были отправлены отряды, форпосты несли свою обычную службу, а военачальники обзревали окрестности и знакомились с местными жителями. Один из военачальников, Маттан, решил направиться в сторону гор, и через час он уже поднялся на вершину холма, который с одной стороны оканчивался крутым обрывом, а с другой — сплошь порос густым кустарником. Он внимательно осмотрелся и хорошенько прислушался, приложив ухо к земле; но кругом было тихо. Тогда Маттан, не опасаясь неожиданного нападения, — место было открыто со всех сторон, — спокойно прилег в тени кустов.

Но тут с осторожным и рассудительным Маттаном случилось нечто, чего он не мог даже себе представить: погрузившись в свои думы, он задремал. Сон пуна, однако, был некрепок, и легкий шорох вернул его к действительности: к кустам приближалось два человека. В ту же минуту он выхватил свой меч, но, поразмыслив немного, остался лежать на месте и смог подслушать следующий разговор:

— Здесь открытое место, и нас никто не услышит. Обсудим все спокойно, — сказал один из пришедших, — Фабий не отваживается наступать и правильно делает. Мы десять раз уже разбили бы проклятых пунов, если бы не Ганнибал: он один страшен нам, потому что непобедим. Его нужно устранить, и тогда Рим может заранее торжествовать победу. Мы должны постараться отправить карфагенянина на тот свет. Открыто нам действовать нельзя; но нас среди пунов уже около двадцати человек, и кому-нибудь, верно, удастся вонзить ему меч в спину!

— Все это прекрасно, но тут есть над чем призадуматься. Кто отважится нанести удар, тот сам подписывает себе смертный приговор. А пуны боготворят своего Ганнибала и, конечно, придумают такую казнь для его убийцы, что меня при одной мысли об этом бросает в дрожь. Я не желал бы испытать на себе полноту их гнева!..

— Потому-то и нельзя действовать открыто, днем, когда тысяча глаз следит за тем, чтобы ни один волос не упал с головы Ганнибала. Вечером, когда все ложатся спать, он обходит лагерь, проверяет, все ли в порядке, подкрадывается к постам, чтобы убедиться, насколько бдительны постовые. Тут-то нам и представится удобный случай: один из нас притаится в ночной тьме и, нанеся удар, скроется, воспользовавшись темнотой. Ганнибал должен быть принесен в жертву!

Осторожно Маттан начал подниматься, стараясь не выдать себя ни малейшим шорохом, но из куста неожиданно с громким криком выпорхнули птицы, и заговорщики вскочили на ноги. Одному из них Маттан в ту же минуту раскроил череп, но второй быстрым движени-

ем столкнул Маттана прямо в пропасть. Взглянув на товарища и убедившись, что тот успел уже испустить дух, заговорщик сбросил туда же и его тело. Место битвы было очищено; никто не знал ничего о происшедшем, и он мог спокойно вернуться в лагерь, не возбудив ничьих подозрений.

Когда Маттан ни в этот вечер, ни на следующий день не вернулся в лагерь, его воины предположили, что он по неосторожности зашел слишком далеко и попал в руки неприятеля. Они пожалели своего храброго начальника, по-своему объяснив его отсутствие, и преступник, столкнувший Маттана в пропасть, мог спать спокойно.

Падая с обрыва, Маттан сумел зацепиться за росший среди камней куст. Через минуту мимо него пролетело тело изменника, которому он раскроил череп, и упало на самое дно пропасти; стоявший над обрывом предатель удалился, и все стихло. Оправившись от первоначального испуга, Маттан обдумал свое положение и, прикинув, что он мог бы скорее спуститься вниз, чем подняться вверх, сделал попытку в этом направлении. Но Маттан был настолько взволнован, что ноги совершенно не слушались его, и он оступился и полетел вниз. Однако и на этот раз ему посчастливилось — он остался цел, хотя все тело у него болело, и Маттан, у которого не было сил искать выход, провел ночь рядом с мертвецом.

Солдаты примирились с исчезновением своего предводителя, но Ганнибал рассуждал иначе: "Маттан слишком осторожен, чтобы попасть в руки римлян. С ним, верно, случилось несчастье!"

На рассвете следующего дня около ста пунов разбрелись по окрестностям и, громко призывая пропавшего, принялись за поиски. Через некоторое время они подошли к пропасти, и Маттан слабым голосом откликнулся на их зов.

Не без труда воинам удалось добраться до него и перенести в лагерь.

Маттан ни слова не сказал Ганнибалу о том, что услышал на горе. Когда же он немного оправился, то

созвал преданных вождю военачальников и рассказал им об ужасном замысле.

Как поведать великодушному мужу, выросшему в армии, двадцать лет делившему с ней и горе, и радость, что среди людей, которым он безгранично доверяет, есть предатели? А между тем нужно защитить его от опасности. Какая участь постигла Гамилькара и Газдрубала! И что пережил он сам на снежных альпийских вершинах! Одно казалось очевидным: при свете дня убийцы не осмелятся поднять на вождя руку; опасность угрожает ему во время его вечерних и ночных обходов, — это Маттан слышал собственными ушами.

Нумидиец Калев, учивший Ганнибала-мальчика ездить верхом, теперь носил звание военачальника.

— Мне пришла в голову одна мысль, — сказал он, — я попытаюсь отговорить Ганнибала от ночных обходов и надеюсь, что мне это удастся. Однако пока не рассказывайте ничего ему; если Ганнибал откажет мне, только тогда мы откроем всю правду!

Военачальники согласились, и Калев поспешил к Ганнибалу:

— У меня есть одна просьба, и у тебя не хватит духу отказать. Ты должен разрешить мне в течение семи дней совершать за тебя ночной дозор; только семь дней, чтобы каждая из планет могла взглянуть на меня. Не бойся, я ничего не упущу, — у меня острый глаз, и ты останешься доволен мною.

— Я знаю тебя, Калев, — ответил Ганнибал, — и очень ценю. Ведь ты служил моему отцу, когда я был еще ребенком, но не понимаю, к чему тебе все это?

— Я видел сон, — объяснил Калев, — Танит и Мелькарт вынуждают меня, я не могу, не смею им противиться. Никто в войске не должен знать, что ты спишь у себя в палатке; пусть все думают, что ты сам совершаешь обычный обход. Я каждый вечер буду приходить к тебе, одевать твоё платье, брать твой шлем; постовые примут меня за тебя. Ты ведь можешь положить на меня, а я подробно буду тебе докладывать обо всем, что узнаю!

— Хотя я не понимаю, в чем тут дело, — сказал Ганнибал, — но ты мой учитель, мой верный Калев, и у меня нет оснований отказывать, я исполню твою просьбу.

Все вышло так, как и предполагалось. Своим друзьям Калев сообщил, что Ганнибал согласился на время прекратить свои ночные обходы; но никто не подозревал, что Калев сам заменит его. Солдатам не сообщили ничего. Калев нес свою службу с осмотрительностью старого воина. Поставые принимали его за Ганнибала, а он давал командующему армией самый подробный отчет. Все необходимые меры предосторожности были им приняты; он не вкладывал меч в ножны, а постоянно держал его с левой стороны, не снимая правой руки с рукоятки.

Наступила пятая ночь. Калев шагал по лагерю, зорко всматриваясь в темноту и чутко прислушиваясь, чтобы не упустить ни малейшего шороха, ни единого звука. Однако он не разглядел человеческой фигуры, которая притаилась во мраке и с быстротой молнии вскочила, как только он прошел мимо. Вдруг старый воин почувствовал, как острый клинок глубоко вонзился ему в спину, и чей-то хриплый голос прошептал:

— Это тебе посылает Рим!

Быстро повернувшись, Калев взмахнул мечом и ранил в ногу убежавшего убийцу.

— Да здравствует Ганнибал! — воскликнул он, падая на землю рядом с изменником.

Лагерь всполошился, и через минуту все солдаты были на ногах. Раненых поспешно унесли, но благородный Калев в ту же ночь умер от потери крови. Недаром он когда-то сказал: "Я хочу направить на себя кинжал убийцы, чтобы сберечь жизнь того, кого мы все, вместе взятые, не могли бы заменить, как ни старались!"

После этого случая военачальники открыто говорили с Ганнибалом, и он осознал всю высоту души человека, который на вечные времена стал для него примером преданности и самопожертвования.

— Пусть Калев навсегда останется в нашей памяти, — сказал Ганнибал, — я думаю, что и мы не мо-

жем больше прозябать в покое и бездействии, а должны все, как один, положить свою жизнь за родину!

Торжественно, с величайшими почестями Калеба похоронили и только после этого приступили к допросу раненого. Он понял, что его план не удался, и не стал больше скрывать своих замыслов.

— Я римский патриций, — сказал он, — и вступил в ваше войско, чтобы удалить с дороги единственного человека, перед которым дрожит Рим. Мне лично Ганнибал не сделал никакого зла, а с тех пор, как я нахожусь среди вас, я даже научился уважать его. Я завидую вам и говорю: будь он римлянином — весь мир лежал бы у наших ног! Но он — враг, и потому должен быть уничтожен. Тебе, Ганнибал, в знак своего глубокого уважения, я скажу одно: если тебе дорого жизнь, садись на корабль и возвращайся в Карфаген, иначе ты погибнешь от руки предателя. В этот раз за тебя пожертвовал жизнью другой; мой последователь окажется счастливее. В твоём войске много людей, которые согласятся с моими словами; и что не удастся одному, второму и третьему, удастся четвертому. Если ты добровольно не оставишь Италию, ты найдешь здесь свою смерть и никогда больше не увидишь Карфагена!

— Ты столкнул меня в пропасть? — спросил Маттан.

— Нет, — ответил римлянин. — Я даже не знаю имени того, кто столкнул тебя в пропасть, а если бы и знал, то все равно не сказал бы!

Речь преступника вызвала различные толки среди присутствующих: одни удивлялись мужеству римлянина, другие лишь презрительно говорили:

— Для строптивых существует пытка. У нас есть средства заставить его говорить!

Но Ганнибал объявил:

— Тебе ничего не сделают. Ребенком я поклялся в храме Мелькарта бороться с Римом всю свою оставшуюся жизнь. Твоя ненависть к нам понятна, и ни один человек не посмеет осуждать тебя. Правда, мы не подсылаем в Рим или к вам в лагерь наемных убийц, чтобы лишать жизни ваших консулов!.. Я прощаю тебе,

что ты, пользуясь темнотой, хотел сзади напасть на меня. Ты — римлянин и можешь делать многое, что недостойно карфагенянина! Тебя вылечат, и ты сможешь вернуться к своим; но прежде тебя представят всей армии, чтобы ты впредь не мог укрыться среди пунов! Элули, позаботься о нем!

Великодушие Ганнибала было совершенно непонятно простым воинам и даже некоторым из военачальников показалось чрезмерным.

— Сын Гамилькара — великий герой, — сказал стрелок Зеруйя, — победитель, выше которого стоит один только царь Давид; но он слишком добр. Царь Давид не церемонился с врагами: он сжигал их в печах, разламывал между жерновами, а не лечил и не откармливал, чтобы затем отпустить с миром. Впрочем, клянусь престолом Всемогущего, этот изменник не сможет больше вредить нам, не будь я Зеруйя из Иудеи. Я подстерегу его, когда он будет уходить! Вы знаете, что моя стрела попадает в летящего жука!..

— У нас на Тибре почли бы за счастье назвать Ганнибала римским гражданином, — сказал пленный римлянин Элули. — Я восхищаюсь Ганнибалом, но он с презрением отнесся ко мне, и я не могу этого перенести. Римское достоинство не ниже пунийского, и я ставлю его меня уважать.

На следующее утро Элули, заглянув к отданному на его попечение пленнику, нашел его повесившимся на перекладине.

Это покушение произвело на Ганнибала сильное впечатление. Ему было тяжело сознавать, что он не может отныне свободно продвигаться среди собственного войска, но он говорил:

— Если я ношу шлем и панцирь, чтобы защитить себя от ударов в открытом бою, я могу найти способ обезопасить себя и от предательского нападения. Нужно сознаться, что мы имеем дело не с неприятельским войском, а с целой враждебно настроенной страной!

Он отменил ночные обходы; вместо этого Ганнибал ежедневно посылал доверенных людей, чтобы они в разное время обзоредали лагерь во всех направлениях.

Кроме того, он велел изготовить себе несколько париков различных цветов и форм, к каждому заказал соответствующее платье, так что его иногда не могли узнать даже те, с кем он встречался ежедневно. Но к переодеванию он прибегал только в крайних случаях. Чтобы не оставаться в одиночестве, Ганнибал вынужден был постоянно, даже ночью, держать в палатке часовых.

Прошло много времени, прежде чем покушение на его жизнь повторилось снова. Опасность зародилась в самой армии. Лигурийцы, этруски и галлы, служившие под началом Ганнибала, составили заговор. Они намеревались среди бела дня напасть на палатку полководца и перебить всех его военачальников.

Но разногласия среди заговорщиков были столь велики, что они не только не могли прийти к какому-нибудь соглашению, но постоянно ссорились и вздорили между собою, тем самым выдавая друг друга. Никакая сила в мире не могла воспрепятствовать убийцам и изменникам проникнуть в войско: оно нуждалось в наемниках, а на них нельзя было положиться.

Ситуация была в высшей степени затруднительная; Ганнибал прошел Апулию с севера на юг, предлагая жителям городов и деревень свою дружбу и союзничество; но они не хотели соглашаться на это. Припасы приходилось добывать силой, и вслед войску Ганнибала неслись проклятия и угрозы.

Между тем Фабий решительно не принимал бой. Когда же пуны повернули в Самниум, он направился за ними, не спускаясь с горных высот.

Так миновало лето (217 г. до н. э.), наступила осень, и Ганнибал повернул в плодородную Капуанскую долину, рассчитывая спокойно запастись припасами на всю зиму. Оттуда он двинулся к северу, намереваясь перейти через горы по уже известному пути. Когда Фабий узнал об этом, он обратился к своим военачальникам с такими словами:

— Наш час настал. Теперь мы, наконец, сможем уничтожить пунов. Судьба врагов в наших руках, и мы приготовим для них поле смерти, подобное Тразименскому!

Фабий занял высоты и послал начальников конницы с четырьмя тысячами воинов закрыть единственный путь, по которому могли пройти пуны, а сам остался ждать результатов.

Прошло дня два, а карфагеняне так и не показывались. Тогда диктатор обратился к начальнику конницы Манцию:

— Спустись с четырьмястами лучшими всадниками вниз и разведай, что делают пуны; но я приказываю тебе держаться на безопасном расстоянии, и ни под каким предлогом не вступать в битву.

Манций спустился вниз, оставил свой отряд в лесу, а сам выехал на равнину. Врага нигде не было видно, только в одной деревне ему навстречу попался нумидиец, которого он и заколол без дальнейших разговоров.

— Прекрасно, — подумал он, — для начала недурно!

Немного дальше, в поле, он увидел еще одного нумидийца, который угонял скот. Манций убил и этого. Заметив еще нескольких африканцев, он позвал своих всадников и приказал им переловить весь этот сброд.

Однако дело оказалось нелегким: нумидийцы протрубили сигнал к атаке и быстро ударили по врагу и отступили, чтобы снова броситься на римлян, вырвать из их строя несколько человек и снова исчезнуть. Во время этой стычки нумидийцы отступали все дальше, увлекая врага к своему лагерю, куда уже заранее был послан вестник.

Посреди лагеря, стоя высоко на телеге, стоял односторонний человек и озирает равнину. Сотни храбрых всадников на горячих конях нетерпеливо следили за ним. Вот он поднял руку, и они вихрем понеслись на врага, не давая римлянам даже опомниться. Манций понял, что попал в ловушку. Он повернул коня, и вслед за ним все его воины обратились в бегство. Однако карфагеняне оказались лучшими наездниками. Два часа продолжалась эта дикая погоня; вся дорога была сплошь усеяна трупами, Манций тоже пал в этом бою. Не доезжая до гор, пуны повернули обратно, опасаясь попасть в западню.

Когда Фабий узнал от нескольких случайно спасшихся римлян эту скорбную весть, он заметил:

— Пора уже предугадывать уловки пунов. В них — все искусство Ганнибала; благодаря засадам он победил при Тичино, при Требии, у Тразимена и теперь здесь; но на этот раз он сам попадет в западню, от которой его не спасут никакие боги!

Для пунийских лазутчиков не представило большого труда узнать замыслы диктатора, но трудно было нарушить их. Ганнибал отдал приказ, чтобы двести человек солдат собрали по десять охапок соснового хвороста; затем его воины согнали из соседних деревень две тысячи быков и стали ждать наступления темноты. Каждый солдат точно знал, что ему делать. Быков поставили перед войском, привязали им к рогам хворост и в полночь подожгли его. Испуганные, обезумевшие от боли, понукаемые пунами животные помчались вперед.

При виде огней, которые неслись на них со всех сторон, римлян охватил неопикуемый ужас. Им навстречу двигалось целое море огня; ужасный вой и рев нарушили ночную тишину. Когорты римлян поднимались все выше и выше в горы; а за ревущими быками двинулись отряды пунов и заняли высоты с обеих сторон прохода. И Ганнибал беспрепятственно перешел через горы со всем своим войском.

Наутро Фабий понял, что произошло: внизу, в долине, бодро подвигалось войско пунов, которым удалось еще до наступления зимы достигнуть укрепленного города Герония.

Это место было словно специально приспособлено для зимних квартир. Ганнибал предложил жителям свою дружбу и союз и объявил, что даже готов представить заложников. Когда же жители враждебно отклонили его предложение, он заметил: "Кто не хочет действовать добровольно, того заставят", — и, осадив город, взял его приступом. Вместительные городские здания были превращены в продовольственные склады, а огромный лагерь пунов расположился неподалеку от города.

Вскоре явился и Фабий и раскинул свой лагерь на холме между Геронием и морем. Диктатор не мог оста-

ваться при армии: торжественные жертвоприношения требовали его присутствия в Риме, и он передал командование армией своему законному преемнику — Минуцию, начальнику конницы, умоляя его не пускаться в рискованные предприятия.

— Полагайся только на свою предусмотрительность, а не на удачу! — говорил он.

Но Минуций не внял его советам: он не понимал такого способа ведения войны и жаждал подвигов.

Обстоятельства благоприятствовали ему: Ганнибал заботился прежде всего о том, чтобы собрать побольше провианта на зиму для людей и скота. С этой целью он отправил две трети войска в глубь страны, оставив при себе только одну треть для защиты лагеря. Таким образом число воинов в лагере было незначительным, а большинство пунов находилось слишком далеко, чтобы прийти на помощь в трудную минуту.

Неподалеку от римского лагеря возвышался небольшой холм, и Ганнибал приказал нумидийцам ночью занять его. На следующее же утро, как он и предвидел, Минуций двинулся в атаку со всем войском, взял холм приступом и преследовал нумидийцев до пунийского лагеря. Тогда в атаку пошел Ганнибал, и, в конце концов, он заставил римлян отступить.

Сражение еще не кончилось, как подоспели конные разведчики пунов с донесением:

— Фабий идет во главе сильного войска пехоты и конницы. Они уже близко!

Но это был не сам Фабий, а посланное им подкрепление из восьми тысяч пеших и пятисот конных воинов.

Карфагеняне не желали оказаться между двух огней, и поэтому прекратили сражение и отступили в свой лагерь. Обе стороны потеряли несколько тысяч убитыми и ранеными.

Минуций отправил в Рим гонцов, которые сильно преувеличили значение одержанной победы.

"Победа! Великолепная победа! — содержалось в донесении. — Мы наголову разбили пунов; штурмом взяли высоту, на которой они основательно укрепились.

Испуганный враг обратился в бегство, оставляя позади убитых и раненых. Если бы он не прекратил сражения, война была бы кончена. Мы — гордые римляне, нам только недоставало настоящего вождя!"

Народ ликовал. Радостные крики раздавались на улицах. Сенат разделял общее приподнятое настроение, встречая объяснения Фабия насмешками. Злейшим врагом Фабия был Теренций Варрон, сын мясника, получивший от отца в наследство огромное состояние и приумноживший его благодаря неразборчивости в средствах. Путем подкупов он получал одну государственную должность за другой и теперь, надеясь в следующем году получить консульство, заигрывал с толпой. Сенат постановил предоставить диктаторские полномочия бывшему начальнику конницы, несмотря на то, что в государстве не может быть двух лиц с неограниченной властью.

Фабий и Минуций поняли это и разделили армию пополам, дабы каждый мог воевать так, как ему заблагорассудится.

Ганнибал с радостью наблюдал, как римляне разъединились на два лагеря.

Местность, где он расположился, была довольно ровная и открытая, только несколько холмов, отдаляясь от главного хребта, уводили в глубь страны. Во время своих разведок Ганнибал открыл, что склоны некоторых из этих холмов причудливо изрезаны глубокими пещерами. В сумерках он отправил туда пять тысяч человек, а отряду легкой конницы приказал занять другой холм, находившийся близко от римского лагеря.

Он не позволил бы себе такого маневра в отношении неторопливого и рассудительного Фабия (римляне прозвали его в насмешку "копушей", *супсатор'ом*), но Минуций — иное дело: он жаждал триумфа и потому неминуемо должен был принять вызов Ганнибала.

К холму, занятому пунами, понеслась легкая римская кавалерия, за нею следовали тяжеловооруженные всадники. На помощь пунам подоспели конники в латах. Минуций выслал вперед своих пехотинцев, Ганнибал — своих. Наконец римский полководец двинул в атаку главные силы; то же сделал и карфагенянин. Победа,

однако, не склонялась в сторону римлян, пуны постоянно сильно теснили их и не давали опомниться, а тут, словно из-под земли, появилось пять тысяч человек пеших и конных воинов. Началась ужасная паника и страшная резня.

Фабий из своего лагеря увидел отступление римлян и выслал опытных разведчиков. Они вскоре вернулись, принеся печальные вести:

— Все кончено! Смерть и гибель царит среди наших легионов, обращенных в бегство!

— Мы не можем бросить их, — ответил Фабий. — Живо! Трубите сбор!

Конница помчалась в атаку, а за ней поспешила и пехота. Минуций соединился с Фабием, и Ганнибал вынужден был отступить. Сражение окончилось с большими потерями для римлян.

Минуций понял, что он не годится для роли главнокомандующего, и поэтому вскоре перешел со своим войском в лагерь Фабия и добровольно подчинился тому, кто, хоть и не мог победить Ганнибала, не был еще ни разу побежден им.

Время решительных битв подходило к концу: погода окончательно испортилась, зарядили проливные дожди, и дороги стали труднопроходимыми, — наступала пора зимнего отдыха.

Ганнибал окружил свой лагерь глубоким рвом, который постепенно наполнился водой, возвел высокие укрепления, обезопасив себя на случай неожиданного нападения. Впрочем, он имел таких опытных лазутчиков, что всегда был хорошо осведомлен о всех крупных предприятиях врага: его шпионы находились в римском лагере и даже в самом Риме.

Между тем и неприятель готовился к зиме. По закону диктатура не могла длиться больше полугода. Шесть месяцев истекло, и Фабий сложил свои полномочия. Но его преемники также избегали столкновений с Ганнибалом, будучи заранее уверены в своем поражении.

Глава VII

Канны и Капуя

Миновал год, и в Риме подошло время новых выборов. Теренций Варрон, способствовавший назначению второго диктатора, всеми средствами добивался консульства. Благодаря несметному богатству ему удалось обеспечить себе большинство голосов на первых выборах; но потом патриции сумели провести своего кандидата — Люция Эмилия Павла. Стоявшие теперь во главе государства эти два человека смешали вновь набранные легионы с прежними и условились ежедневно чередоваться в командовании. Однажды консулы выслали значительные силы против празднующихся отрядов пунов, к ним подоспели новые легионы, пока наконец Павел, — в этот день он был главнокомандующим, — опасаясь засады, не приостановил дальнейшее наступление. Варрон кричал, что нельзя выпускать врага из рук, но ему волей-неволей все же пришлось покориться.

Ганнибал на этот раз потерял свыше тысячи человек, но надежда не покидала его. Раз противники готовятся вступить в решающий бой, можно рассчитывать на окончание войны. Ганнибал только этого и желал; с каждым днем его положение ухудшалось. Для пропитания армии требовались огромные запасы; они таяли на глазах, а пополнять их было нечем.

Консульские войска также вынуждены были искать себе продовольствие. Положение казалось весьма печальным: на много миль вокруг зерно было уже конфисковано; местное население попряталось или разбежалось, а до следующей жатвы было еще далеко. Но римляне могли получать все необходимое из столицы, а карфагеняне были лишены всякой помощи.

Вскоре запасов в войске Ганнибала осталось всего на десять дней. Среди наемников начался ропот; они заявили, что, если есть будет нечего, они перейдут на сторону римлян. В прежние годы Ганнибал просто прогнал бы недовольных прочь. А теперь разве он мог сделать это? Они без дальнейших разговоров перешли бы к врагу, значительно пополнив его легионы.

В эту трудную минуту снова проявился блестящий гений Ганнибала.

— Сегодня выдайте солдатам двойной паек, — приказал он. — Пусть они досыта пьют и едят, будут веселы и бодры!

Приказание было тотчас же исполнено. Воины в недоумении спрашивали друг друга, что все это означает? Но никто не мог ответить на этот вопрос. Когда совсем стемнело и в лагере зажглись огни, половина войска вдруг получила приказ сниматься и готовиться к походу. Остальные продолжали распевать песни, пить и шуметь. Через полчаса был отдан приказ части войска отправляться в путь на рассвете, а еще через полчаса протрубили отбой.

Постовые ходили взад и вперед, усердно подкладывая в костры дрова. Кругом было тихо: после бурного дня воины заснули крепким сном. Прошло часа два, и, не поднимая никакого шума, часть войска была разбужена и выступила в поход, а в римском лагере все было объято крепким сном.

Пешие не смели идти строем, копыта лошадей заранее обернули дерном, под страхом наказания было запрещено разговаривать; полки шли на значительном расстоянии друг от друга... Все совершилось так тихо, что неприятель ничего не заподозрил. Всю ночь продолжали гореть костры. А когда под утро в лагере пунов не было замечено никакого движения, консул Варрон заявил:

— Ганнибал хочет заставить нас думать, что он ушел, а на самом деле сидит где-нибудь в засаде. Стоит только нам проникнуть в его лагерь, и он бросится на нас с тыла. Мы уже изучили все его фокусы. Он ставит нам западню, но мы разыщем его и, так как нас вдвое

больше, то окружим и уничтожим волка в его же собственной норе!

Опытные разведчики римлян никого не обнаружили, и когда наконец с величайшей осторожностью римляне отважились войти в пунийский лагерь, Варрону пришлось убедиться, что он действительно опустел, и враг исчез. Всадники пустились по свежим следам и скоро увидели вдаль армию пунов, направляющуюся к югу. Тотчас же было решено преследовать врага и не давать ему отдыха. Однако прошло немало времени, прежде чем римская армия снялась с места.

Между тем пуны дошли до Южной Апулии, перешли реку Ауфидус (Офанто) и очутились в гостеприимной плодородной стране. Тут лежал разрушенный во время прежней войны город Канны и при нем хорошо сохранившаяся крепость, которой римляне пользовались как складом, сосредоточив в ней огромные запасы продовольствия. Совершенно неожиданно Ганнибал появился под стенами, и, прежде чем слабый гарнизон успел оказать сопротивление, пуны уже овладели крепостью, и римляне лишились своих хлебных запасов.

Теперь у Ганнибала были в избытке всевозможные припасы, он находился в плодородной стране, к тому же удобной для военных действий: совершенно ровная местность была точно приспособлена для карфагенской конницы, прославившейся на весь мир.

Благодаря своей редкой наблюдательности вождь пунов уже через несколько дней подметил, что господствующие здесь юго-восточные ветры несут на северо-запад пыль и песок, и потому расположил лагерь так, чтобы римляне не могли раскинуть свой на юго-западе от него, а должны были бы укрепиться на противоположной стороне. Тогда, в случае столкновения, ветер понесет пыль и песок прямо в глаза врагу.

Зима миновала, наступила весна 216 г. до н.э. Римляне расположились на берегах Ауфидуса, и тотчас же между ними и пунами начались мелкие стычки: одна сторона старалась задеть другую при встречах у реки, куда и римляне, и пуны ходили за водой. Так проходили дни и недели. Осторожный Павел довольствовался

этими стычками, но пылкий Варрон жаждал решительного боя. Того же требовало и войско: римлянам хотелось померяться силами с варварами. Учитывая растущее недовольство среди солдат, Варрон однажды под вечер объявил, что на следующий день он перейдет в наступление, дабы положить конец войне.

В тот же день, после заката солнца, Ганнибал, одетый как простой воин, отправился с несколькими ливийцами за водой: он довольно часто совершал эти прогулки, чтобы следить за настроением неприятеля.

На этот раз он заметил, что римляне держатся как-то особенно высокомерно и заносчиво; тогда он стал вызывать неприятеля на бой. Число римлян, находившихся около реки, было слишком незначительно для нападения, и они ограничились угрозами: "Завтра мы всех вас уложим!.."

А когда Ганнибал презрительно крикнул им в ответ: "Вы не посмеете!", — те ответили: "Подождите! Завтра мы вам покажем, как сражаются римляне!"

Этого было достаточно. Ганнибал велел своим людям лечь спать пораньше, чтобы успеть утром хорошенько подкрепиться пищей и питьем и до восхода солнца начать бой.

Варрон, в свою очередь, тоже готовился к решительному бою, и его войска на заре были вполне готовы. Римляне не сомневались в своей победе: тут не было ни пещер, ни ущелий, в которых мог бы укрыться неприятель, — ни одного холмика на горизонте, ни одного ручья. На открытой равнине можно, наконец, развернуть строй и использовать свое боевое умение.

Кроме того, у Варрона было почти девяносто тысяч солдат, а карфагенское войско не насчитывало и пятидесяти тысяч человек, и самый злейший враг не мог бы отказать римлянам в храбрости, в умении сражаться и побеждать. Со времен своего основания Рим никогда еще не выставлял такого огромного, хорошо вооруженного войска. Сегодня на бой шли представители знатнейших римских родов, цвет и гордость аристократии.

Стоявшие на той стороне войска перешли через реку, обе консульские армии соединились и выстроились

в боевом порядке. Центр составляла хорошо вооруженная пехота, правое и левое крыло — конница, впереди стояли пращники, стрелки из лука и копейщики. Эти легкие отряды открывали сражение и вели его, пока оно не переходило в рукопашный бой. В таком же порядке были выстроены полки Ганнибала. Одним крылом обе армии подходили к реке. Еще до начала сражения выяснилось, что внешние условия не одинаковы для враждующих сторон: сильный юго-восточный ветер гнал песок римлянам прямо в лицо. По мере того, как солнце поднималось все выше, оно слепило римлянам глаза, между тем как пунам оно не причиняло никакого вреда.

Раздался звук трубы, за ним последовала команда, и бой начался. В самом начале сражения камень пращника ранил в голову консула Павла, командовавшего правым крылом всадников. Вытерев струившуюся по лицу кровь, он храбро помчался вдоль реки на вражескую конницу. Однако пунийские наездники далеко превосходили римских в умении, и последние вынуждены были отступить. То же произошло и на другом фланге. Зато в центре разворачивалась иная картина. После атаки пращников и стрелков пехота пунов стремительно врезалась в ряды противника, но после первого же натиска была отброшена далеко назад. Римляне с радостной надеждой предвкушали минуту, когда враг будет сломлен и легко станет их добычей. А в том месте, где ряды пунов были нарушены, на коне возвышался сам великий Ганнибал! Что он должен был испытывать в этот решительный миг?

Ганнибал подал знак; находившиеся около него горнисты протрубили сигнал. В ту же минуту раздался топот десяти тысяч коней, и оба крыла широко развернутым фронтом устремились к центру, сминая римлян с двух сторон и с тыла. Судьба сражения была решена. Еще долго длился отчаянный, упорный бой, но его исход не оставлял никаких сомнений. Тысячи римлян, среди которых было много бывших консулов, как и их начальник Минуций, своей кровью запечатлели верность отечеству, но многие позорно бежали с поля битвы. Римляне понесли ужасное, небывалое поражение. Они потеряли

семьдесят тысяч человек, из них восемьдесят сенаторов, двадцать военных трибунов, много видных должностных лиц и членов знатнейших фамилий. В этой битве погиб и Павел Эмилий.

В лагере пунов другой знаменитый герой окончил свой жизненный путь в битве при Каннах: окруженный двумя десятками сраженных врагов, умирал Бодашторет. Маттан на коленях склонился над ним, стараясь запечатлеть в своей памяти последние мгновения жизни товарища. К умирающему подошел Ганнибал и, взяв его за руку, сказал:

— Бодашторет, моему отцу и тебе я обязан тем, что я есть сейчас. Ты с детства воспитывал меня. Тебе приписываю я все, что удалось мне сделать. Карфаген благодарит тебя!

В глазах умирающего блеснул луч радости, он прижал ко лбу руку победителя и скончался.

В битве при Каннах Ганнибал взял свыше пяти тысяч пленных, множество оружия и драгоценностей. Ликованию пунов не было пределов, а молодые военачальники настаивали, что нужно без промедления идти на Рим, захватить его врасплох и через пять дней уже в Капитолии диктовать условия побежденным. Чем, в сущности, рисковали они? Только своей жизнью, больше им терять было нечего, но Ганнибал рисковал судьбой Карфагена, а ее он не смел ставить на карту. Он был гораздо дальновиднее, чем все его подчиненные: если бы Ганнибал предпринял это наступление, местное население со всем имуществом спряталось бы в укрепленных городах, предав огню деревни и села, и вождю пунов пришлось бы идти по пустыне, а Рим в это время успел бы прекрасно подготовиться. Все жизненные припасы из окрестных сел сосредоточатся в Риме, и осаждающие погибнут от голода. Вооруженные толпы рабов и поселян вышли бы пунам навстречу, подавив их своим количеством: войско Ганнибала оказалось бы по сравнению с ними ничтожной маленькой горсточкой. Если пуны потерпят под стенами Рима поражение, все жители от мала до велика сбегутся из окрестных сел и городов и буквально растерзают их. Если даже победа останется за

ними, и пуны штурмом возьмут город, — что будет стоять по крайней мере половины войска, — это ничего не меняет. Улицы в Риме кривые и узкие, дома неприступны, жителей сотни тысяч, и бой в этих условиях был бы ужасен: храбрый воин мог бы легко погибнуть от руки слабой женщины: ей стоит только сбросить камень ему на голову.

Предположим, что Ганнибал победит даже с остатками своей армии, но со всех сторон, с Сицилии, Сардинии, Корсики, из Иберии и Галлии, с берегов Падуса стекутся римские легионы, и ему придется погибнуть от голода или сдаться в плен, потому что уничтожить все эти полчища ему будет не по силам. В ближайшие дни подтвердилась правильность его предположений. Для осады города нужно иметь в распоряжении гораздо большую армию, а это было бы возможно только при том условии, если бы пуны владели гаванью, через которую им обеспечили бы приток войска из-за моря.

Ганнибал пересек Апулию и Самниум, передал часть армии своему брату Магону и поручил ему идти в Бруттиум, а оттуда, через Южную Италию и Реджио, поспешно отправляться в Карфаген, чтобы лично изложить в Совете положение дел и вернуться с подкреплением. Сам он тем временем проник в Кампанию и форсированным маршем направился к Неаполю, надеясь овладеть необходимой гаванью. Однако условия оказались еще более неблагоприятными, чем он предполагал вначале. Город был обнесен высокими крепкими стенами: стремительным штурмом взять его было нельзя, а на длительную осаду Ганнибал не мог решиться: неприятель постоянно угрожал ему с тыла.

— Пойтаемся захватить их врасплох, — заметил он и, точно распределив роли, стал приводить свой план в исполнение.

Внизу, прямо у городских стен, дерзко и вызывающе сновали нумидийцы, бесцеремонно располагаясь для дележа добычи, не обращая внимания на то, что сотни римских воинов стояли на стенах.

— Взгляните на этих варваров! — говорили патриции. — На них даже лат нет. Одним ударом их мо-

жно было бы разрубить до костей, а они еще имеют дерзость вести себя так, как будто нас нет вовсе. Они смеются над нами, показывая награбленное добро. Вперед! На вылазку! Они поплатятся за свою наглость!

Ворота мгновенно распахнулись, и сотни тяжеловооруженных всадников с громкими криками вырвались из города и, наверное, в ту же минуту искрошили бы всех нумидийцев до одного, если бы последние с быстротою молнии не вскочили на коней и не собрались в отряд. Отбиваясь от врага, нумидийцы отступали все дальше и дальше, но неожиданно в воздухе засвистели стрелы и копья, и навстречу римлянам понеслись свежие отряды всадников с обнаженными мечами...

Неаполитанцам пришлось повернуть обратно, но их отрезала от города неприятельская конница. Слева, справа, с тыла — повсюду были пуны. Спасения нет, единственный выход — это море! Вихрем понеслись всадники к воде, но большинство из них погибло, так и не достигнув берега. Только незначительная часть неаполитанцев добралась до воды и спаслась на рыбацких лодках, выйдя в открытое море. Множество воинов попало в плен.

Хитроумному вождю пунов удалась эта новая выдумка, недаром же он мастерски умел устраивать ловушки неприятелю; но серьезных результатов этот успех не имел — город был хорошо укреплен, и нападение не представлялось возможным.

Ганнибал решил поискать удачи в другом месте и обратил свое внимание на город, лежащий всего в десяти часах пути у подножия горы Тифата, в расстоянии не более одного часа от реки Волторно. Великолепная Капуя занимала первое, после Рима, место. Эти города постоянно соперничали друг с другом, и капуанцы утверждали, что их город гораздо более достоин называться столицей, хотя в настоящую минуту он и занимает подчиненное положение.

Когда Ганнибал приблизился к Капуе, настроение у горожан было приподнятым:

— Откроем ему ворота, пусть наберется здесь сил и низвергнет Рим. Тогда Капуя займет подобающее место!

Однако, стремясь сбросить одно иго, капуанцы отнюдь не желали заменить его другим. К карфагенскому вождю отправили посольство, чтобы заключить с ним формальный договор. Ганнибал охотно согласился на это и выдвинул следующие условия: город сохраняет свое правительство и свои законы, граждане никоим образом не подчиняются пунийским военачальникам, и никто, кроме как по личному желанию, не будет призываться к военной службе.

Как только в Капуе узнали о состоявшемся соглашении, то возликовали еще больше: военная служба составляла самую тяжкую повинность. Тысячи жителей с песнями и танцами высыпали на улицы; но толпа не ограничилась таким невинным выражением своей радости; пылая жаждой мщения, капуанцы схватили римских чиновников и заперли их в бани, которые топили до тех пор, пока несчастные не задохлись от жары. На этих римлянах раздраженная толпа выместила всю злобу, накопившуюся вследствие небрежности и произвола римских властей.

Ганнибал раскинул свой лагерь за городскими стенами, а сам с небольшим отрядом и со свитой ближайших сподвижников торжественно въехал в ликующий город. Мужчины, женщины и дети устремились ему навстречу, чтобы получше разглядеть знаменитого полководца, и были счастливы, если им удавалось коснуться его ноги или хотя бы дотронуться до его коня.

Но полного единодушия среди капуанцев не было; множество знати состояло в родстве с римскими патрициями и, ставя личное благо выше интересов города, они противились союзу с Ганнибалом.

Среди недовольных особенно выделялся Магий. С подкупающим красноречием он публично выступил против передачи города Ганнибалу. Не встретив у большинства горожан сочувствия, он, уже после заключения договора, выступил с новой речью.

— Вы решили пустить их в город, да будет так! — сказал он. — Но когда они заснут под вашим кровом, поразите их кинжалом в сердце. Пусть каждый умертвит всех поселившихся у него в доме. Рим побла-

годарит нас, и мы будем опять обласканы его дланью!

Граждане с возмущением отвергли подобное предложение, считая низостью убийство гостя. Но на одного юношу, Пероллу, слова озлобленного Магия произвели сильное впечатление, и он громко и открыто высказался против союза с Карфагеном. Даже убеждения его отца, Каловия, стоявшего во главе сторонников Ганнибала, не смогли поколебать его. Перолла посчитал за подвиг убийство пунов в своем доме.

До Ганнибала дошли слухи о несогласиях сына с отцом, но он не хотел разбирать это дело в день своего торжественного въезда в город. Он принял приглашение двух знатных горожан поселиться у них в доме и даже согласился участвовать со своими сподвижниками на великолепном пиршестве, которое любезные хозяева устроили в его честь.

Едва Ганнибал расположился на своей квартире, как явился один знатный гражданин, умоляя принять его вместе с сыном. Это были Каловий и Перолла. Тщетно старался отец переубедить сына.

— Я попрошу Ганнибала простить тебя, — сказал Каловий, — ты еще молод, ты увлекся дурными речами. Он смилуется и не спросит с тебя, как со взрослым!

Представ перед Ганнибалом, Каловий не старался оправдать своего сына, а только молил о пощаде, и его мольбы тронули сердце пунийского вождя. Ганнибал протянул руки отцу и сыну и воскликнул:

— Все будет забыто и прощено!

Затем он отправился со своим хозяином осматривать город, а когда вернулся к праздничному обеду, сказал:

— Печальный отец и легкомысленный сын не выходят у меня из головы. Пусть они разделят нашу трапезу: это окончательно успокоит отца!

Каловий чувствовал себя на вершине счастья, сидя за столом вместе со знаменитым полководцем, и не беспокоился больше за участь сына.

После захода солнца общество отправилось в большой, разбитый за домом сад, чтобы насладиться ве-

черней прохладой. Оставшись наедине с отцом, Перолла заговорил:

— Теперь я могу открыть тебе свой секрет. Рим сумеет оценить его по достоинству. Смотри, — и юноша откинул край своей тоги и показал скрытый под ней меч, — как только мы вернемся в зал, я подойду к Ганнибалу и ударю его мечом. Я не промахнусь: никто и не опасается ничего подобного... А раз Ганнибал будет убит, другие враги нам не страшны. Таким образом, твой сын не только спасет родной город, но, что весьма вероятно, положит конец затянувшейся кровопролитной войне!

— Сын мой! — в ужасе воскликнул отец. — Как ты осмелился думать о столь ужасных вещах?! Всего несколько часов тому назад мы оба пожали ему руку и поклялись в верности, а теперь эти же руки ты хочешь обагрить его кровью! Он пригласил тебя разделить с ним трапезу, а ты хочешь предательски умертвить его! Но сначала тебе придется пронзить меня, я своей грудью заслоню Ганнибала!.. Если в мире еще есть справедливость, это преступление не совершится! Неужели мне на коленях нужно умолять тебя?

Перолла не смог противиться отцу.

— Хорошо, я повинуюсь твоей воле, а не голосу долга. Не гневайтесь, боги, на меня за то, что я покидаю дом врага, не выполнив своего намерения! Вот мой меч! Сам отец вырвал его из моих рук, — и с этими словами Перолла отбросил свой меч.

Таким образом опасность миновала.

Без сомнения, взятие такого богатого, видного города, как Капуя, имело очень большое значение: но в целом, положение вещей не изменилось. Всеобщего восстания против римлян не последовало; один город присоединился к пунам добровольно, другой был взят штурмом, от третьего пришлось отступить ни с чем. Но ни новый диктатор, ни новый полководец не вступали в открытый бой. Они держались тактики осторожного Фабия и избегали столкновений. Между тем миновал 216 г. Пуны расположились в Капуре и в ее окрестностях на зимние квартиры.

Глава VIII

Великий Ганнибал

Магон исполнил возложенное на него поручение: он благополучно добрался до Карфагена и, представ перед Советом города, с воодушевлением поведал о подвигах своего брата; как Ганнибал разбил шесть консульских армий, уничтожил двести тысяч римлян и посрамил мощь Рима при Каннах.

— Хотите представить себе величие нашей победы? — добавил он в заключение. — Хорошо! Римские всадники, по обычаю, носят золотые кольца, — вот кольца, которые достались нам как военная добыча, — и с этими словами Магон высыпал перед изумленными зрителями целую меру колец.

— Мы на пути к окончательной победе, — продолжал он, — наш вождь приведет нас к цели, и через год знамя Карфагена будет развеваться над Капитолием. Но вы должны знать, что наше войско сильно поредело, и мы не можем предпринимать серьезных шагов. Во-вторых, у нас нет денег для платы наемникам; в-третьих, войска страдают от недостатка съестных припасов. Поэтому необходимо как можно скорее переслать в Италию новых солдат, запасы хлеба и достаточную сумму денег. Если это будет исполнено, война быстро и победоносно завершится; в противном случае, никто ни за что не может поручиться.

Тут с места поднялся Ганнон, член верховного Совета. Он заявил:

— Я не понимаю, как победоносный вождь может просить о помощи. Ему нужны воины? Людей достаточно всюду, — он может набрать их из городов и сел.

Ему нужны деньги и припасы? У него все под рукой, — он должен только уметь брать!

— Да, — ответил Магон, — так думает тот, кто не знает, что такое война. Набранные силой воины, чего они стоят? Они пользуются первым удобным случаем, чтобы бежать или перейти на сторону врага! Брать деньги и хлеб — значит жить грабежом. Кто же откроет нам ворота, захочет заключить с нами мирный договор, если мы окажемся разбойниками? Союзники, которые нам так нужны, не приобретаются силой и принуждением; только в том случае, если им лучше у нас, чем под римским владычеством, они с радостью перейдут на нашу сторону и будут нас поддерживать!

Правители верно поняли положение дел и решили отправить все необходимое с Магоном в Италию. Однако подготовка новой армии шла очень медленно, а тем временем из Испании приходили печальные вести.

Там, после ухода Ганнибала, положение Карфагена сильно пошатнулось, и Магон получил приказ, исходящий от Ганнона, отправиться с войском в Испанию. Для Италии предполагалось набрать другую армию. Однако, на этот раз сборы слишком затянулись, и личная вражда решила участь Карфагена.

Когда лет двадцать пять назад восстало двадцатитысячное наемное войско, Ганнону было поручено подавить мятеж. Однако дела день ото дня шли все хуже и хуже, и город был на грани гибели. В эту трудную минуту карфагеняне собрали вторую армию, и командование ею было возложено на Гамилькара. Ему в короткое время удалось достигнуть больших успехов, и, если бы у него было достаточно войска, он одержал бы окончательную победу.

Гамилькар предложил Ганнону соединить обе армии в одну, и последний тотчас же согласился. Но командующие никак не могли договориться между собой, и оба одновременно попросили верховный Совет об отставке.

Правительство ответило, что может уволить только одного, и само войско должно выбрать себе вождя.

Все полки, как один человек, высказались за неумоимого и деятельного Гамилькара, а Ганнон получил

отставку. Выбор армии глубоко оскорбил его, и он направил свой гнев на соперника. А Гамилькару удалось не только подавить мятеж, но и одержать еще несколько блестящих побед. Гнев Ганнона перешел в страстную ненависть, и благодаря влиятельной родне он начал повсюду, где только можно, вредить своему врагу. По смерти Гамилькара он перенес свою ненависть на Газдрубала, а потом на Ганнибала. И теперь он продолжал мстить потомку рода Гамилькара.

С Сардинии пришло известие, что местные жители хотят покончить с владычеством римлян и готовы изгнать их из своих пределов, если только им окажут поддержку.

— С этого острова, — говорил Ганнон, — мы можем управлять Италией. Пошлем вновь набранное войско в Сардинию, там на нашу сторону перейдет целый народ; это гораздо выгоднее, чем помогать Ганнибалу.

Хотя граждане и не хотели оставлять своего полководца, но поддержка Сардинии была делом большой важности, и вторую армию отправили туда, а для Ганнибала, жаждавшего помощи и поддержки, было решено набрать третью армию. Так прошла зима. Ганнон и его сторонники тормозили дело, как могли, а когда весной из Италии донесся призыв о помощи, и возмущенные карфагеняне начали интересоваться, почему не принимаются должные меры, то в Италию послали Бомилькара с сорока слонами и четырьмя тысячами всадников, но пехотинцев в третий раз набрать не удалось.

Однако только конницей и слонами нельзя было штурмовать Рим.

Лагерь Ганнибала по-прежнему располагался на горе Тифата (близ Капуи). С трех сторон на пунов наступали римские войска: одна армия заключала в себе тридцать шесть тысяч воинов, другая — двадцать пять тысяч, а третья — двенадцать тысяч. Рим мог вербовать солдат повсюду, в их легионы зачислялись даже приговоренные к смерти преступники. Ситуация была примерно такова: в середине возлежал, со знанием своей силы, могучий лев, вокруг него, ворча и скаля зубы, припадали к зем-

ле три леопарда, готовые к прыжку, и как только бы лев обнаружил свою слабость, они прыгнули бы на него все как один, но каждый из них опасался удара сильной лапы. Если лев приподнимался, леопарды готовились к бегству; если он направлялся к одному из них, он проворно отскакивал в сторону.

Ни одна из армий не нападала, ни одна из них не допускала нападения; но Ганнибалу приходилось считаться со всеми. Он обратился за помощью к молодому, жаждавшему завоеваний македонскому царю Филиппу. Когда-то он заключил союз с пунами; но в первой же битве царь потерпел поражение и поспешил на родину. Тщетно вождь пунов силился выйти из этого затруднительного положения, все его усилия ни к чему не приводили: он не только не подвигался вперед, а скорее даже утрачивал свои прежние позиции. Трудности росли, и самой большой угрозой стал мятежный дух в одной из частей войска: этруски, лигуры и особенно галлы желали поскорее кончить войну. Они рассуждали так: если нельзя обессилить Рим, то нужно убить Ганнибала, и мир будет обеспечен...

Однажды, когда Ганнибал крепко спал, вернувшись из утомительной поездки, кто-то вошел к нему в палатку. В ту же минуту вождь пунов вскочил на ноги и с мечом в руках приготовился отразить врага; но перед ним стоял его верный Элули.

— Вот уже несколько дней, — доложил Элули, — я наблюдаю волнение в кельтских легионах: что-то там неладно. Вчера и сегодня я целый день бродил по лагерю и, проходя между рядами палаток, увидел, что в лагере не так спокойно и тихо, как всегда. Я спрятался, стал наблюдать и открыл, что и галлы не спят, а собираются по несколько человек в палатках.

— Проводи меня, я хочу сам все увидеть, — прервал его Ганнибал, — нам дорого каждое мгновение!

Через двадцать минут он уже оценил положение вещей.

— Не пройдет и четверти часа, — пояснил он, — и кельты с оружием в руках восстанут. Необходимо захватить их врасплох, предупредить мятеж и вернуть к

всемогущей военной дисциплине. Прикажи трубить большую тревогу, словно мы окружены со всех сторон. Они тотчас же построятся и опять станут послушным орудием. Когда иберы и ливийцы двинутся вперед, ни одному галлу не придет в голову восстать.

Резкий звук трубы нарушил ночную тишину, и все войско бросилось к оружию, солдаты стали впрягать лошадей в обозные фуры, всадники вскочили на коней; вспыхнули факелы, закрипели телеги, застучали копыта, раздалась громкая команда, и полки выступили. На различных пунктах Тифаты были расставлены отряды, готовые к обороне и нападению. Остальные воины рассыпались во всем направлениям, и только, когда уже совсем рассвело, все усталые, измученные возвратились в лагерь, — врага нигде не оказалось. Что же произошло на самом деле? Воины тихо переговаривались между собой:

— Разведчики разнюхали, что римляне готовят ночное нападение. Когда же мы поднялись с быстротою молнии, предупредив их, враги отступили, обманувшись в своих ожиданиях.

Воины и даже военачальники так никогда и не узнали об истинной причине тревоги. Она была известна лишь небольшому кругу близких Ганнибалу людей.

Но в ближайшие же недели в лагере произошли большие перемены. Обоз переместился, на место пращников встали нумидийцы; были сформированы новые посты; но непосвященные не заметили, что при новом расположении палатка вождя оказалась окруженной самыми надежными войсками, что галлы были отодвинуты на самый край и окружены верными полками, а все остальные перемены имели цель замаскировать эти главные.

Дальновидность Ганнибала уже через месяц принесла свои плоды. Среди бела дня в кельтских войсках начался мятеж, к ним тут же примкнули лигуры и этрусски, угрожающе двинувшись было вперед.

Но в это время с другой стороны неожиданно раздался сигнал трубы, и тотчас же бунтовщики были окружены; прошла еще минута, и в них посыпались стрелы и копья... Мятежников теснили со всех сторон,

всадники врезались в ряды бунтовщиков, поражая их направо и налево...

Ужас обуял восставших, они сопротивлялись еще несколько минут, но, в конце концов, побросали оружие, пали на колени и стали молить о пощаде.

Ганнибал, однако, не сразу приказал спрятать мечи: бунтовщиков следовало хорошенько наказать. Как только резня приостановилась, главари восстания были схвачены и через три дня казнены; но перед казнью всем изменникам на глазах войска была отрублена правая рука, которую они дерзнули поднять на своего вождя... Остальных воинов снова привели к присяге, а затем помиловали.

Совершенно неожиданно в Карфаген прибыло посольство сиракузского царя Гиеронима. Он предлагал наступательный и оборонительный союз для борьбы с Римом, пока тот не будет усмирен окончательно; тогда к пунам отойдет материк с Корсикой и Сардинией, а Сицилия будет принадлежать царю Гиерониму.

Договор был заключен, и царь выступил в поход с семнадцатитысячным войском, но через несколько дней Гиеронима убили в пути, а его преемник не захотел выполнять обязательства прежнего царя.

Сиракузцы объявили у себя республику и возобновили союз с Карфагеном; но римляне враждебно отнеслись к этому, они явились под стены города и завязали ожесточенную битву (214 г. до н. э.). Граждане сражались героически, а на южном берегу высадился пунийский военачальник Гимилькон с двадцатью пятью тысячами пехотинцев, тремя тысячами всадников и с двенадцатью слонами и тотчас же взял несколько значительных городов. Однако он не чувствовал достаточно силы, чтобы напасть на хорошо защищенный римский лагерь у Сиракуз. Шли месяцы, проходили годы, а война все продолжалась. Наконец, римляне путем подкупа и измены захватили город и предали его грабежу и пожарам: город был в большей части опустошен. Гимилькон не мог воспрепятствовать этому: он сам оказался во власти могущественного врага. Жара под конец лета 212 г. до н. э. достигла необычайных пределов, болота распространяли ядовитые

испарения, началась чума. Число ее жертв возрастало со дня на день: скоро негде уже было хоронить трупы, и их кидали в море; когда же жертвой чумы стал сам Гимилькон, то войска не могли уже больше сопротивляться, и весь лагерь пунов вымер.

На море сильные бури разбили карфагенский флот в сто тридцать военных и сто семьдесят грузовых кораблей, и римляне овладели Сицилией.

Кроме того, Рим располагал флотом и войском в Испании и в Македонии, другая его армия стояла в Галлии, а в самой Италии находились две армии в сто двадцать две тысячи человек.

Что же мог предпринять Ганнибал против такой силы?

При малочисленности своих войск ему приходилось опаздывать от больших сражений.

Он повернул в Калабрию, где на узкой косе лежал город Тарент. Эта героическая колония была обязана своим могуществом и богатством обширной торговле; искусства и науки составляли славу города Тарента, известного своей красотой всему древнему миру. Уже шестьдесят лет город находился в руках римлян; но с появлением в Калабрии Ганнибала двое юношей, Филимон и Никон решили вернуть родине свободу. Однажды вечером они отправились в лес будто на охоту, но на самом деле, пользуясь ночной темнотой, юноши пробрались в лагерь пунов, рассказали Ганнибалу о настроении в городе и попросили помощи и поддержки. Полководец выслушал их очень благосклонно, но заметил, что подобное предприятие может иметь весьма серьезные последствия; поэтому он советует обдумать все хорошенько и тогда, если их намерения не изменятся, снова прийти к нему. Чтобы никто не заподозрил истинной цели их визита, он дал им несколько быков из своих стад, которых они и представили как добычу.

Через несколько дней юноши вернулись в Тарент и, кроме убитой дичи, пригнали трех быков.

— Смотрите! — еще издали закричали они привратнику у городских ворот, — мы наткнулись на стада Ганнибала, обратили пастухов в бегство, и вот наша

добыча! Теперь мы будем часто ходить туда за жарким!

Всем гражданам этот случай показался довольно забавным, и никто из них ничего не имел против того, чтобы охотники, кроме дичи, пригоняли еще и пунийский скот. Молодые патриоты неоднократно возвращались к Ганнибалу, и когда он нашел их достойными своего доверия, то заключил с ними договор, и обе стороны скрепили его торжественной клятвой.

Филимон и Никон с каждым днем все больше увлекались охотой и почти всегда возвращались с хорошей добычей. Они отдавали некоторую часть привратнику, который услужливо открывал им ворота, слышав условный свист. Но лучшая доля доставалась Каю Ливию, представителю римского правительства.

Ганнибал расположился в расстоянии трех дней пути от Тарента; а чтобы его бездействие ни в ком не возбуждало подозрений, он распустил слух о своей серьезной болезни. Этот слух, разумеется, дошел до римлян в Тарент, и они с радостной надеждой ожидали известия, что Ганнибал скончался. В пунийском лагере воины были опечалены и ежедневно справлялись о здоровье вождя. Только самым близким было известно истинное положение вещей; только они знали, что Ганнибал, переодевшись до неузнаваемости, часто подбирался с Элули к стенам Тарента, изучая расположение города и крепости, намереваясь взять их без лишнего кровопролития.

Тем временем Филимон и Никон нашли среди тарентской молодежи свободолюбивых и предприимчивых людей и составили заговор, торжественно поклявшись хранить тайну и верно служить родному городу.

Для исполнения тщательно обдуманного плана избран праздничный день, когда римский правитель с самого утра должен был отправиться на пиршество, длившееся до глубокой ночи.

И вдруг Ганнибал внезапно появился среди своего возликовавшего войска, выбрал десять тысяч человек, снабдил их съестными припасами на четыре дня и на заре выступил с ними в поход. В шести часах пути от Тарента войско было встречено Филимоном, который и

принял начальство над ним. Однако только тогда, когда вдалеке показались городские стены, план был раскрыт всем участникам похода, чтобы они могли содействовать успеху смелого предприятия.

Сам Ганнибал отделился от основного войска с частью армии и обошел город с восточной стороны.

Тем временем тарентинцы пировали; богачи отмечали праздник в своих домах, разудалые компании подвыпивших граждан с музыкой и пением бродили по улицам, чернь теснилась у балаганов, нищие попрошайничали, воры пользовались удобным случаем, — все забыли о Ганнибале. С самого утра Кай Ливий проводил время за кубком вина в компании своих помощников, все были веселы, пили, ели, шутили и смеялись. Под вечер, когда веселые собутыльники совсем захмелели, к Каю явился посланец и доложил, что днем в окрестностях города жители видели нумидийцев, угонявших скот.

— Ну что ж?! — воскликнул Кай. — Они голодны и хотят есть, а будь у них вино, они бы и выпили. А как поживает сын Гамилькара? Я думаю, что ему уже недолго осталось жить на этом свете. Выпьем за здоровье моего друга Ганнибала!

— А ты, — обратился он к сидевшему рядом начальнику конницы, — возьмишь завтра людей, переловишь весь этот ливийский сброд и отрубишь им лапы. Но это завтра, а сегодня будем веселиться!

Наступила ночь, и тьма окутала поля и рощи. С одной стороны к городу незаметно подходил Ганнибал, с другой Филимон... а Кай Ливий по-прежнему пил, ничего не подозревая. Наконец, после полуночи Кай Ливий вместе с приятелями отправился домой. Впереди выступали музыканты, за ними, ежеминутно спотыкаясь, брела веселая компания кутил. Они шли с песнями, дразня и задевая других прохожих. Им повстречалась еще одна компания подвыпившей молодежи, которая искала выход своему веселью. Возглавлял эту компанию Трагиск, один из самых деятельных заговорщиков.

— Кто идет? — воскликнул он. — Клянусь богами, это Кай Ливий, наш господин и повелитель! Дру-

зья, мы должны составить ему почетный караул. Долг повелевает нам сделать это!

— Верно! — согласился римский ставленник, — долг повелевает... Ты славный малый, Трагиск!

Ливия благополучно доставили домой, и он тотчас же заснул. Его собутыльники тоже разошлись по домам, и улицы скоро опустели. У дома Кая Ливия Трагиск оставил двух товарищей, приказав не пускать никого вовнутрь, чтобы до Ливия случайно не дошло какое-нибудь важное известие.

На восточной стороне города располагалось, примыкая прямо к крепостной стене, общественное кладбище. После полуночи заговорщики пробрались туда, и Никон, взобравшись на высокую могильную насыпь, чтобы видеть все, что творится за стеной, стал всматриваться вдаль, ожидая условного сигнала.

Тем временем пуны продвигались с восточной стороны. Фуры и всадники составляли арьергард, чтобы цокот копыт и грохот колес не достигали слуха тарентинцев, а пехотинцам, возглавлявшим шествие, под страхом смерти было приказано соблюдать полную тишину. В таком порядке пуны подошли к небольшому холмику и тут, согласно заранее обговоренному условию, они зажгли костер. Дрожа от радости, Никон спрыгнул с могильной насыпи и, подав со своей стороны ответный сигнал: "Мы готовы! Смело идите!" — тотчас же вместе со своими единомышленниками перебил стражу, открыл ворота, и авангард Ганнибала бесшумно вошел в город. Не теряя ни минуты, пунов отвели на рыночную площадь, где они расположились фронтом на все четыре стороны.

Тарентинцы крепко спали, не подозревая, что власть в городе в эту ночь перешла в другие руки.

Ганнибал, как всегда, оказался предусмотрительным и постарался обеспечить себе полный успех. Исполнение его плана было поручено Филимону.

Подойдя со своим отрядом к городу, Филимон оставил большинство солдат невдалеке и только с тридцатью воинами приблизился к воротам, через которые он обыкновенно возвращался с охоты. На знакомый свист вышел привратник.

— Скорее, — крикнул из-за стены Филимон, — у нас огромный кабан, мы с трудом тащим его!

Привратник поторопился открыть калитку и при свете фонаря увидел, как тарентинец с помощью трех человек в пастушьей одежде пронес через ворота свою добычу. Положив ее на землю, Филимон начал расхваливать свою добычу.

Привратник нагнулся над великолепной дичью, заранее предвкушая, что и ему перепадет лакомый кусок. Караульный тоже подошел поближе, но в ту же минуту меч охотника поразил привратника в спину, а один из пастухов бесшумно заколол часового. Затем подоспел основной отряд и, пройдя через калитку, прикончил всю оставшуюся стражу и открыл ворота. Через четверть часа в город вошли полки пунов. С большой осторожностью были заняты все площади и главные улицы, а когда забрезжил рассвет, вождь пунов осуществил одну из своих удивительных выдумок: в многочисленных столкновениях с римлянами он добыл множество римских боевых труб, а его трубачи так часто слышали сигнал тревоги неприятеля, что без труда могли воспроизвести его. Когда город был занят пунами, во всех его концах вдруг раздался сигнал тревоги. Римляне, рассеянные по всему Таренту, вскакивали с постели, хватались за оружие и выбегали из домов; сигнал приказывал им спешно бежать к крепости. Но им-таки не удалось до конца выполнить свой долг: все они были перебиты поодиночке.

Когда заиграли трубы, слуги разбудили Кая Ливия. Он не мог понять, что случилось, но ему удалось через заднюю дверь выбраться из дома и пробраться в крепость; он был единственный, кто сумел это сделать.

Ганнибал отдал приказ немедленно созвать всех граждан на главную площадь. Заговорщики вместе с глашатаями разъезжали по городу, громко возвещая:

— Свобода! Ганнибал освободил нас! Мы больше не рабы Рима! Кай бежал! Да здравствует Ганнибал!

Граждане в первую минуту не знали, что и думать, и дружно поспешили на площадь. Там Ганнибал объявил им, что они свободны; каждый из них должен написать на своей двери: "Это дом тарентинца", и домов

с такой надписью пуны не коснутся, а остальные дома, принадлежащие римлянам, будут разграблены. Граждане с удивлением наблюдали порядок и дисциплину, которые царили в пунийской армии. Соблюдая меры предосторожности, Ганнибал приказал своим войскам остаться на ночь в полном вооружении, чтобы не быть застигнутыми врасплох гарнизоном крепости. Эта крепость, действительно, была опасна: она стояла на небольшом полуострове и с моря была окружена высокими скалами, что делало ее совершенно неприступной.

От города крепость отделялась высокой стеной, позади которой был глубокий, наполненный водой ров. Узенький мостик вел к единственным воротам.

На следующий день Ганнибал созвал городских старейшин и сказал им:

— Я не могу долго оставаться здесь, не могу даже оставить у вас сколько-нибудь значительный гарнизон. Мне многое еще нужно сделать, и я не стану делить и без того небольшое войско, а чтобы римляне не сумели напасть на вас, я обнесу город высокой стеной.

У него был в запасе еще один план, но о нем Ганнибал ничего не сообщил тарентинцам.

— Римляне, — размышлял он, — едва ли дадут запереть себя в крепости. Наверно, они сделают вылазку, чтобы помешать работам, а тогда мне представится случай сразиться с ними.

Работы были начаты в огромных масштабах.

Строители неутомимо складывали камень, свозили землю и древесные стволы, и Ливий с удивлением следил за тем, как между городом и крепостью постепенно вырастала стена.

— Не воображают ли они, что мы позволим запереть себя?.. — думал он. — Мы проучим их как следует.

Ворота крепости распахнулись, и римляне яростно бросились на строителей; а за ними, чтобы поскорее закончить дело, Ливий выпустил весь остальной гарнизон. Без сомнения, строители были бы уничтожены, если бы вслед за сигналом трубы со всех сторон не выросли, словно из-под земли, пуны. Битва велась ожесточенная, так как места для сражения было очень мало. С одной

стороны находился вал, с другой — кучи мусора и сложенный камень, немного подальше — штабели бревен, а с тыла у римлян — глубокий ров, в который пуны сбрасывали своих врагов... Римляне понесли большой урон, но большинство из них погибло не от руки врага, а в предательском рву.

Вал был насыпан и обнесен частоколом, пуны сложили еще высокую каменную стену, и Кай Ливий оказался взаперти, что обеспечило Таренту безопасность со стороны крепости.

Для крепости такое положение не представляло особенной опасности: ее нельзя было взять приступом, а со стороны моря она всегда могла обеспечить себе подвоз продовольствия. Хотя тарентинцы владели значительным флотом и легко могли бы при его помощи изолировать римлян, но их суда стояли в маленькой бухте, открытой со стороны крепости; таким образом, по мнению тарентинцев, воспользоваться судами было невозможно: их нельзя было беспрепятственно вывести в море.

— На свете нет ничего невозможного, — заявил Ганнибал. — Я выведу ваши суда. Ведь только крепость стоит высоко, а остальной город расположен на равнине. От бухты, где стоят суда, через город к морю идет широкая дорога. По этой дороге мы подведем суда на низких телегах к морю, а затем подберемся к крепости с моря и станем хозяевами положения. Ливию придется или умереть, или сдаться нам в плен!

Тарентинцы с изумлением взирали на хитроумного героя. Широкая дорога была заново вымощена, были приготовлены плоские, соответствующие числу и величине судов, телеги; заготовлены катки, чтобы суда можно было без особых усилий спустить в море. Все граждане участвовали в работе, и она удалась на славу. С ужасом и изумлением смотрел Ливий, как флот по суше передвигается через город к морю.

— На это способен только Ганнибал! — воскликнул он.

А когда через несколько дней флот очутился у входа в гавань и отрезал римлянам подвоз продовольствия, он в раздумье покачал головой:

— Что же будет теперь?

Пока еще крепость не терпела нужды ни в чем, и обе стороны ограничивались взаимным наблюдением.

Так миновал 212-й год, и все понемногу освоились с создавшимся положением. Ганнибал отправился улаживать другие свои дела, а тарентинцы не предпринимали ничего такого, что дало бы Ливию возможность пополнить свой гарнизон и запастись большим количеством провианта. Миновал еще год, не принеся с собой никаких перемен. Когда же в следующем 210-м году недостаток провианта стал ощутимее, к городу прибыл римский флот под началом доблестного Децима Квинкция, дабы положить конец нужде. Однако тарентинцы заранее проведдали об этом и, выйдя римлянам навстречу в море, одержали блестящую победу. Они захватили весь провиант и завладели несколькими военными судами.

Тарент торжествовал, но в ходе событий ничего не изменилось. Кай Ливий стойко держался в крепости, и ни один противник не мог одержать верх над другим. Наконец (209 г. до н. э.) к городу с огромным войском подступил Квинт Фабий, вновь ставший консулом. Он осадил Тарент со всех сторон; но тарентинские граждане мужественно сопротивлялись.

Жители отбили и второй, и третий штурм. Однако римлянам нужно было торопиться: если могущественный Ганнибал успеет прийти Таренту на помощь, то придется оставить всякую надежду на победу. И что не может совершить меч, то доступно измене. У одного из видных военачальников тарентинского гарнизона была невеста-римлянка; она уговорила своего жениха открыть ночью городские ворота консульским войскам... На улицах начался ожесточенный бой, но его исход не оставлял сомнений. Никон погиб геройской смертью на площади; Филлимон истребил множество врагов, но когда увидел, что город пал, то в отчаянии бросился в колодезь.

Дни свободы миновали. Тарент снова должен был томиться в римском рабстве.

Глава IX

Последняя борьба

Когда три года тому назад Тарент при помощи Ганнибала вернул себе независимость, римляне решили возместить эту потерю и во что бы то ни стало вновь завоевать богатую Капую. Они набрали солдат, вооружили рабов и, прежде чем город успел узнать что-нибудь об угрожающей ему опасности, двинули на него с разных сторон три армии под предводительством консула Аппия, Фульвия и претора Клавдия. Они спешно приступили к осаде, и граждане Капуи едва успели послать вестника в Тарент к Ганнибалу с просьбой о помощи.

Он был на расстоянии восьмидесяти часов пути, но как только вождь пунов получил тревожную весть, он тотчас же поспешил к Капуе. Его войска, закаленные в боях и лишениях, совершили и этот подвиг и подошли к городу прежде, чем римляне успели вспомнить об их существовании. В тот же день завязался жаркий бой, который прекратился лишь с наступлением темноты. На следующий день пуны хотели продолжить сражение, но вражеский лагерь оказался пуст — римские легионы ушли в разных направлениях.

Ганнибал направился на юго-восток, куда, судя по донесениям, двинулся Аппий. Но консул был уже далеко и шел таким быстрым маршем, что догнать его не удалось.

К тому же пришло новое известие: Центений, доблестный римский военачальник, вызвался уничтожить Ганнибала со всем его войском, если ему дадут пять тысяч испытанных воинов.

— Нужно поставить во главе человека, — говорил он, — который не отступит ни при каких услови-

ях. Один герой породит тысячу других! Кроме того, я хорошо знаю местность, где сейчас находятся пуны, знаю, где можно устроить засады, и могу победить врага при помощи тех же уловок и военных хитростей, какими до сих пор он побеждал нас!

Сенат дал ему не пять тысяч, а восемь тысяч человек, и, едва зародился слух о предстоящем сражении с Ганнибалом, к Центению со всех сторон стали стекаться люди, способные носить оружие. В конце концов набралась шестнадцатитысячная армия, готовая на все. Враги недолго томились в бездействии.

Армии встретились. Центений воспользовался своим знанием местности, но все-таки, как ни старался, не мог в этом сравниться с Ганнибалом. Центений воодушевлял всех своей отвагой и смелостью, но не прошло и часа, как он увидел, что его войску остается или спастись бегством или погибнуть. Свою воинскую честь он, конечно, не мог запятнать постыдным бегством и потому с мужеством отчаяния кинулся в самое опасное место битвы. Все пути к бегству были отрезаны: свыше пятнадцати тысяч римлян полегли на поле брани, и только небольшая часть римского войска добралась до Рима и поведала о кровавом поражении.

Не успело окончиться это сражение, как прибыли гонцы из Апулии. Они донесли Ганнибалу, что претор Гней разоряет маленькие города, перешедшие на сторону пунов. Римские солдаты совершают всякого рода насилия, и местные жители умоляют избавить их от этой пытки!

Просьба была исполнена. Не прошло и недели, как поздно вечером Ганнибал появился перед войском Гнея. Претор с трудом сдержал своих солдат: они все, как один, рвались в бой, нисколько не сомневаясь, что наголову разобьют пунов и овладеют их сокровищами. Однако их постигла та же печальная участь, что и войско Центения: шестнадцать тысяч человек погибли, и только две тысячи сумели спастись бегством.

Через несколько дней к Ганнибалу явилась делегация из Капуи: город ждал от него помощи, и вождь пунов снова направился туда.

Положение действительно создалось тяжелое. Рим во что бы то ни стало решил покорить Капую. Аппий, Фульвий и Клавдий снова сошлись под стенами города: их войска работали день и ночь, чтобы окружить город валом и заставить запертых таким образом жителей сдать; с другой стороны римляне сами окапывались и огораживались частоколом, чтобы защититься от нападения. В окрестностях, на большом расстоянии вокруг, было сожжено все сено, вытоптана вся трава на полях, чтобы карфагенянам нечем было кормить своих лошадей и слонов. Предводители трех армий решили не переходить в наступление, а только защищаться.

Аппий и Фульвий так хорошо зарекомендовали себя, и на следующий (211 г. до н. э.) год Рим оставил их командовать осадой Капуи, хотя им и пришлось сложить с себя консульские полномочия.

Когда Ганнибал наконец явился и его солдаты начали метать в римский лагерь копья и стрелы в надежде, что римляне сделают вылазку, последние спокойно оставались за своими валами. Через несколько дней Ганнибал пошел на приступ. Одновременно с ними сделал вылазку и городской гарнизон, но эта попытка ни к чему не привела: укрепления римлян могли выдержать любой натиск... Аппий во время приступа часто подвергался большой опасности и, в конце концов, был ранен.

Когда зашло солнце, Ганнибалу пришлось отступить.

Но изобретательный вождь пунов обдумывал новый план: не удастся ли отозвать римлян назад, и таким образом освободить осажденный город, если внезапно пунийское войско появится под стенами Рима и даже, может быть, овладеет частью столицы, то Аппий и Фульвий, конечно, будут вызваны на помощь, и Капуя обретет свободу. Если хотя бы половина осаждающих будет отозвана, пуны с быстротой ветра вернутся и разобьют оставшихся. По кратчайшему пути до Рима было около пятидесяти часов марша, и, имея в распоряжении лишний день, можно было рассчитывать на полную победу. Выбор был сделан без промедления. Вверх и вниз по течению пуны захватили всевозможные суда и основатель-

но подготовились к походу. В назначенный час войско выступило, запасясь припасами на десять дней.

Переправившись через Волторно, Ганнибал сжег все свои суда и направился по плодородной, богатой стране, давно уже не видевшей войны. Местные жители даже и теперь не отдавали себе отчета в том, что происходило: нумидийские всадники с легкостью ветра проносились по полям, слоны выступали впереди уверенно и величественно, словно колоссы, а войско в странных доспехах подвигалось так спокойно, как будто об опасности не было и речи. Через неделю пуны перешли из горной местности в долину Анио и здесь, в десяти милях от Рима, раскинули свой лагерь. Известие о приближении пунов быстро проникло в город. Но сенат принял решение, делавшее честь его энергии и осторожности: в Капую был послан гонец, который передал проконсулам приказ, гласивший, что Капуя должна быть отрезана, взята измором. Часть войска, без которой можно было обойтись, должна поспешить к Риму. Проконсулам лучше самим решить, кто из них должен пойти в поход, а кто остаться.

Аппий все еще страдал от полученной раны, и Фульвий, выбрав из всех трех армий шестнадцать тысяч человек, поспешил с ними в Рим и подоспел как раз вовремя. В городе царил паника; местные жители, и в глаза не видевшие врага, с семьями и с домашним скарбом устремились в город, ища защиты за его стенами. Они рассказывали ужасные вещи: будто Ганнибал все истребляет, все сжигает на своем пути, после него остаются только трупы и горы пепла. Плачущие женщины метались с детьми по улицам, мужчины готовились к бою, знатные римлянки спешили в храмы и без усталости молились, вытирая распущенными волосами жертвенники и алтари, чтобы своим смирением умилиستивить богов... Жители были в полном отчаянии, только сенат оставался тверд и непоколебим.

Ужас охватил всех, когда грозный вождь пунов действительно появился под стенами города и раскинул свои палатки в получасовом расстоянии от него. Немного времени спустя он с небольшим отрядом бесстрашно

подъехал к Риму и, невзирая на то, что на стенах было полно вооруженных людей, которые могли засыпать его стрелами и копьями, внимательно осмотрел вал и ворота и возвратился в свой лагерь.

О планомерной осаде нечего было и думать: для этого войско Ганнибала должно было быть раза в четыре больше можно было говорить разве о том, чтобы испугать римлян неожиданным смелым нападением, вызвать в городе смятение и обратить жителей в бегство.

На следующее утро положение вещей изменилось. Консулы собирали всех, кто только способен был носить оружие, и на заре под стенами Рима собралась армия в тридцать тысяч человек. Ганнибалу предстояло выдержать большое сражение. И спустя несколько часов проконсул Фульвий прибыл из-под Капуи с шестнадцатитысячным войском и вошел в город. С такими силами римляне, конечно, первыми бы пошли в наступление, имея они дело с любым другим врагом, но только не с Ганнибалом.

Как только римское войско оправилось от перехода, Фульвий вывел его из города и выстроил под стенами. Сам Ганнибал дерзко выехал вперед со своими нумидийцами и стал внимательно изучать расположение неприятельских сил, а на следующее утро карфагеняне ринулись в бой, несмотря на численное превосходство врага.

Но пока войска строились, небо покрылось темными тучами; с непостижимой быстротой облака неслись по небу, обложив весь небосвод. Раскаты грома стремительно приближались; вдруг ослепительная молния прорезала воздух, раздался оглушительный удар, земля дрогнула, и крупный град посыпался на приготовившиеся к битве полки. Через несколько минут град сменился ливнем, затем поднялся такой вихрь, что даже самые сильные солдаты едва держались на ногах... Молнии сверкали одна за другой, гром гремел непрерывно, тьма накрыла город, и бой не состоялся — каждый думал только о себе.

Этот день был потерян, но на следующий, когда земля пообсохла, пуны снова двинулись в атаку, и римляне также опять взяли за оружие.

— Нам нельзя медлить. Мы должны начать бой, — говорил Ганнибал. — По сведениям моих разведчиков, неприятель ждет подкрепления. Сенат разослал гонцов во все концы страны, призывая свои гарнизоны. Еще дня два, и все дороги будут перекрыты, пути к отступлению — отрезаны, и нам отовсюду будет грозить опасность.

Но словно сами боги взяли город под свою защиту — снова разразилась такая ужасная гроза с градом, что солдаты побросали оружие, стараясь хоть как-нибудь укрыться от непогоды.

Сподвижники Ганнибала сокрушались при виде этих случайностей, вырывавших победу из их рук.

— Кажется, — говорили они, — боги не желают, чтобы мы вступили в Рим!

Но Ганнибал возражал им:

— Что делают боги, — неизвестно; но что надлежит делать нам, — совершенно ясно. Нас могут окружить со всех сторон, и у нас нет выбора. Войско должно приготовиться к походу, и, как только наступит ночь, мы направимся на юг. Завтра к восходу солнца мы будем уже далеко!

Римляне немало изумились, увидев утром, что пуны исчезли. Но мосты на Анио были сняты, и путь к отступлению — отрезан. Поэтому римские легионы тотчас же поспешили за неприятелем и настигли пунов, как и предполагали, на берегу. Ганнибал раздумывал недолго. Он повернул обратно, наголову разбил своих преследователей и, не теряя времени даром, направил свою армию кратчайшим путем по воде в Капую. На пятый день высланные вперед гонцы Ганнибала принесли известие, что Аппий и Клавдий сняли осаду, что город по-прежнему окружен, и возведено еще несколько новых укреплений.

— В таком случае, — сказал Ганнибал, — мы не в силах освободить Капую!

И дал знать капуанцам, что слишком слаб, чтобы взять приступом укрепления осаждающих, и потому вынужден предоставить город своей участи, полагаясь на милость богов.

Вслед за этим Ганнибал поспешил туда, где его никто не ожидал, — к проливу Реджио. Когда Фульвий с остатком войска вновь прибыл к стенам Капуи, осаждающие пошли на приступ. Голод и измена помогли им, и город был взят. Сенаторы Капуи сложили свои головы на плахе, Капуя была разграблена, знать продана в рабство, и весь город объявлен собственностью сената и римских граждан.

В следующем году Ганнибал напал на проконсула в Апулии, уничтожил и рассеял его войско: тринадцать тысяч римлян остались на поле сражения, а сам полководец был убит. Но война этим не кончилась. Год спустя (209 г. до н. э.) сиракузский тиран Марцелл вздумал испытать свое счастье, двинувшись против пунов, но был наголову разбит Ганнибалом, потерял шесть знамен и три тысячи человек. Однако, в следующем году он решил положить конец войне, вступил в союз со вторым консулом Криспином и призвал освободившиеся после усмирения Тарента римские войска. Они должны были напасть на пунов с тыла. Ганнибал оказался в критическом положении. Помочь ему могла только его хитрость и решительность. Он устроил засаду, и в результате две тысячи человек из римского войска были перебиты, и тысяча двести взяты в плен.

Вслед за тем оба вражеских войска были завлечены в заранее намеченные для битвы места, где в удобный момент с молниеносной быстротой завязался бой.

Марцелл и почти все военачальники были убиты, Криспина дважды ранили копьем, и он должен был отступить с остатками обеих консульских армий. Долго продолжаться война уже не могла: Риму приходилось содержать свыше двухсот тысяч воинов в разных местах; военная казна была уже давно израсходована, солдаты вербовались всюду, где их только можно было найти; поля не возделывались: обрабатывать их было некому. Ганнибал находился в таком же положении: средств, присланных из Карфагена, не хватило на покрытие расходов даже на одно большое сражение, и ему приходилось самому искать выход из создавшегося затруднительного положения.

— Война скоро завершится, — писал он в Карфаген, — если в мое распоряжение будет предоставлено войско, достаточно многочисленное для того, чтобы я мог сказать: "Не беда, если я потеряю десять, даже двадцать тысяч воинов! Предстоит короткая борьба; кто теперь потерпит поражение, тот уже не оправится."

В ответ на это донесение правительство Карфагена решило послать в Италию брата Ганнибала, Газдрубала с шестьюдесятьютысячным войском. Он должен был пройти тем путем, по которому десять лет тому назад прошел его брат.

Газдрубалу переход дался гораздо легче: за десять лет уже многие использовали эту дорогу. Галлы из Северной Италии с радостью присоединились к пунам.

Когда в Рим пришло известие, что Газдрубал с войском стоит у реки По, все поняли, что близок решительный день. Новый год (207 г. до н. э.) должен был завершить то, что готовилось в течение одиннадцати долгих лет. На должность консулов были избраны прославившиеся осадой Капуи Клавдий и полководец Ливий, отличившийся в войне с иллирийцами.

— Если Газдрубалу удастся соединиться с братом, — говорил сенат, — Рим погибнет. Поэтому нужно всеми силами помешать им!

Ввиду этого Клавдий был послан на юг, а Ливий на север, навстречу приближавшемуся врагу, и борьба началась. Клавдий встретился со своим непобедимым противником: они долго сражались с переменным успехом. Наконец армии стали готовиться к решительной битве. В двух часах пути от Канн, у города Канузиума, на правом берегу Оффанто, обе армии расположились лагерем друг против друга. Ганнибал желал как можно дальше продвинуться навстречу брату, чтобы ускорить соединение армий, но он долго не получал от Газдрубала никаких известий. Последнее донесение гласило, что армия Газдрубала идет через Альпы. Однако, Ганнибал и не подозревал, что переход совершился необычайно быстро, и что Газдрубал уже миновал Лигурию.

Со дня на день Ганнибал ожидал известий; но римляне принимали все меры, чтобы не допустить к нему

посланцев брата. Кельтские гонцы счастливо добрались до Южной Италии, но заблудились около Тарента и были схвачены. Пыткой у них вырвали показания, отобрали письма и переслали их самих вместе с донесением в Канузиум к консулу Клавдию.

Пунийские вожди ничего не знали друг о друге, не знали даже, когда и где они встретятся. А Клавдий имел теперь в руках самые точные сведения и предпринял рискованный шаг. В случае удачи этот шаг должен был доставить ему славу: а при неудаче — сделать изменником: он решил оставить за собой звание консула. Клавдий объявил, что идет с частью армии в Луканию и скоро вернется; остальное войско должно оставаться в лагере, совершать вылазки, угонять скот и собирать хлеб, чтобы враг не заметил отсутствия главнокомандующего.

Дня через два Клавдий вдруг повернул на север и быстрым маршем направился в Умбрию, где, как было сказано в письме, Газдрубал рассчитывал встретиться с братом. Поздно ночью Клавдий присоединился к Ливию. Последний находил, что прибывшие должны несколько дней отдохнуть, но Клавдий так убеждал его не откладывать бой, что Ливий уступил.

Утром легионы выстроились в боевом порядке и пошли в атаку, Газдрубал, в свою очередь, тоже двинул полки. Со свойственной ему проницательностью он сразу заметил, что к римскому войску прибыло подкрепление; среди римлян виднелись грязные запыленные пехотинцы и всадники на конях, которые, очевидно, только что совершили трудный переход.

Когда Ливий преградил ему дальнейший путь, Газдрубал разузнал положение дел, но не вступил в битву, а решил сначала послать гонца к брату. Он рассчитывал, что когда брат с юга присоединится к нему, то они уничтожат римское войско вдвоем и с восьмидесятитысячной армией подойдут к стенам Рима, и гордый город падет. Газдрубал отправил к брату дюжину гонцов, рассчитывая, что если некоторые из них погибнут, не разыскав Ганнибала, хоть один сумеет дойти до цели...

К несчастью, ни один из посланных не добрался до Ганнибала!

Узнав, что ночью к врагу прибыло подкрепление, Газдрубал велел схватить двух солдат, пришедших за водой, допросил их и узнал, что к Ливию явился еще один консул со своим войском. После этого известия он решил, что с братом случилось большое несчастье.

— Если бы Ганнибал еще мог сражаться, Клавдий не решился бы прийти сюда и подвергнуть Рим такой явной опасности. Очевидно, Ганнибал разбит, а, может быть, даже погиб. Теперь я не могу решиться на бой, рискуя потерять все завоеванное таким трудом в течение стольких лет!

Он отступил за лагерный вал, а противник не посмел начать наступление. В следующую же ночь Газдрубал двинулся в путь. Прежде всего он решил перебраться через Метавр, чтобы река прикрыла его тыл от неприятеля, но все его проводники бежали, воспользовавшись наступлением темноты. Проводники были кельтами и раньше они показали брод, по которому войска и переправились несколько недель тому назад, но теперь, ночью, не зная местности, невозможно было отыскать дорогу. Армия двинулась вверх по течению, но Метавр делал бесконечные петли, берега его становились все круче и выше, и потому до рассвета войска Газдрубала недалеко отошли от своего прежнего лагеря. Местность вокруг была дикая, труднопроходимая, и найти брод нечего было и думать.

Римляне тотчас же оценили невыгодное положение своих противников и решили использовать удачный момент. Они начали бой. У Газдрубала не осталось времени даже на то, чтобы окопаться, ему нужно было немедленно отражать нападение.

Сам Газдрубал, командуя правым крылом, разбил и оттеснил Ливия. В центре бой шел с переменным успехом; на левом фланге пунийской армии находились галлы; они заняли холм, и Клавдий тщетно силился подойти к ним поближе: галлы сталкивали вниз всех его воинов. Тогда Клавдий отважился еще на один рискованный шаг; отобрав лучших пехотинцев и всадников, он зашел с другой стороны и напал на неприятеля сразу с тыла и с фланга. Если бы галлы сбежали вниз и

напали на неприятельский центр с тыла, сражение решилось бы в пользу Карфагена; но они не привыкли к лишениям. По мере того, как жара усилилась, и Клавдий приостанавливал наступление, они не только не преследовали его, а отдыхали от трудностей ночного перехода, тем самым дав Клавдию возможность поддержать другой фланг.

Около полудня бой начал затихать. Центр пунийского войска составляли лигуры. Клавдий неожиданно напал на них с тыла, вызвав всеобщее смятение. Часть войска пунов продолжала сражаться, часть позорно бежала; галлы не могли больше сражаться; лишь правое крыло держалось твердо и непоколебимо. Однако, Газдрубал ясно сознавал, что о победе нечего и думать, и решил хотя бы положить как можно большее количество врагов.

Газдрубал был талантливым полководцем, достойным сыном великого Гамилькара и братом еще более великого Ганнибала. Он чуждался мелкого тщеславия и никогда не стремился щегольнуть перед войском личной храбростью, подвергая себя ненужной опасности. Он знал, что легче набрать десять тысяч храбрых солдат, чем найти одного талантливого полководца, и что самое доблестное войско погибнет, если у него не будет головы. Вместе с тем он не мог посрамить свое славное прошлое. Когда его войска рассеялись, и в качестве командующего он стал бесполезен, то подал своим солдатам пример мужества и отваги, бросившись в самое опасное место битвы, чтобы погибнуть доблестной смертью.

Ливий отказался от преследования обратившихся в бегство лигуров и галлов. Консул Клавдий, дав своим войскам немного отдохнуть, отправился обратно на юг и ночью вошел в свой лагерь.

Ганнибал не заметил его двухнедельного отсутствия. Прежде чем покинуть берега Метавра, Клавдий разыскал тело Газдрубала, отрубил ему голову и взял ее с собой, прихватив несколько взятых в плен ливийцев.

Наутро, когда Ганнибал зорко всматривался в неприятельские укрепления, римляне вдруг зашевелились и вывели на вал закованных в цепи людей, поставив так,

чтобы пуны могли их хорошенько рассмотреть. Сомнения быть не могло, — этими пленниками были ливийцы. Карфагеняне тотчас же угадали, откуда они взялись. В это время из неприятельского лагеря в лагерь пунов была брошена чья-то голова; описав большую дугу, она упала и покатилась по земле. Часовой поднял ее и принес Ганнибалу.

Взглянув на нее, вождь с глубокой скорбью промолвил:

— Это голова моего брата Газдрубала! Он убит, его армия, по-видимому, разбита, уничтожена!.. Какая потеря для Карфагена!..

Молча возвратился он к себе в палатку и стал обдумывать свои дальнейшие действия.

Клавдий между тем приказал расковать двух пленников и сказал им:

— Ступайте к своим землякам и расскажите о том, что пунийское войско уничтожено!

Когда Ганнибал из уст очевидцев услышал о всем происшедшем, он понял всю безнадежность своего положения. Предательство галлов привело к гибели Газдрубала, и теперь на победу в Италии не оставалось никакой надежды. О наступлении пока не могло быть и речи. Ганнибал созвал все полки, бывшие в его распоряжении, и направился к югу, чтобы удержать за собой Бруттиум.

Глава X

В Заму

В Тарентинской бухте, неподалеку от города Кротона, Ганнибал раскинул свой лагерь. Однажды он сидел на поднимающейся из моря скале и задумчиво смотрел вдаль. Его взгляд устремился на запад туда, где лежал

Карфаген. О, если бы он только захотел поддержать своего сына!

— Все равно, — воскликнул Ганнибал, решительно поднимаясь с места; — мой меч, тридцать лет тому назад подаренный отцом, еще со мной. Я буду сражаться с его помощью во славу родного города!.. Пусть я не смогу вести наступательную войну, не смогу преследовать врага, но я останусь в Италии и буду постоянно угрожать Риму, а ему со мной не совладать!

Затем Ганнибал подозвал к себе Маттана и Зеруйю, сопровождавших его повсюду, и поручил им отправиться в Карфаген, представить верховному Совету отчет о положении дел и объяснить, что вождю пунов необходимо подкрепление, чтобы окончательно не потерять завоеванное.

— Я скажу им все! — горячо воскликнул Зеруйя. — Пусть они краснеют от стыда за то, что не поддержали тебя в трудную минуту. Они слепы! Такой глупости не случилось с сотворения мира...

И действительно, когда испытанные воины представили перед своим правительством, то не умолчали ни о чем. Они, ведь, сами пережили то, о чем в Карфагене знали лишь из донесений.

— Вы жалуетесь, — заметил Ганнон, — будто мы ничего не делаем? Это неверно, мы постоянно посылали помощь — в Испанию, в Сардинию, в Сицилию.

— Разумеется, верховный Совет посылал войска в Иберию, в Сиракузы и в другие страны, — заметил Зеруйя, — он забыл только нас; забыл героя, который по величине равен царю Давиду.

— Мы послали вам слонов и всадников, — возразил Ганнон, — остальное Ганнибал мог добыть в Италии сам!

— Если бы все войска, которые вы посылали за эти десять лет в разные места, были посланы Ганнибалу, — заявил Маттан, — Рим давно уже был бы побежден, и его колонии стали бы нашими. Если бы после битвы на Тразименском озере и при Каннах для нас было сделано хоть половина того, что сделал Рим, — война давно бы закончилась, и Карфаген стал победителем!..

Члены Совета согласились с этими доводами и без промедления отправили Ганнибалу значительную сумму денег, а Магон поехал в Гадес, чтобы двинуться с флотом в Северную Италию, там на вербовать как можно больше галлов и лигуров и поспешить на помощь Ганнибалу.

Едва Магон покинул Гадес, город перешел на сторону римского полководца Публия Корнелия Сципиона, и вся Испания оказалась под властью Рима. Победитель получил должность консула, а вместе с тем и разрешение двинуться в Африку, если того потребуют интересы Рима.

После возвращения Зеруи и Маттана Ганнибал, выслушав их донесение, с неудовольствием заметил:

— Мой брат вместе с флотом должен сначала идти в Лигурию и затем пробиваться ко мне?! Почему они сразу не послали его сюда с людьми, с деньгами и с хлебом?!

Проницательный Зеруя понял взаимоотношения партий в Карфагене, но не мог осилить влияния Ганнибала. С каким удовольствием он принес бы своему бывшему ученику, а теперь начальнику, более приятные известия!..

Последнее время Элули был очень обеспокоен: многое казалось ему подозрительным, и скоро его опасения полностью подтвердились. Однажды ночью вблизи палатки Ганнибала неожиданно вспыхнул огонь, и не в одном месте, а сразу в четырех. Если бы не бдительность часовых, палатка была бы за несколько минут охвачена пламенем; при этом оказалось, что поблизости были заранее сложены кучи соломы. Военачальники не могли отделаться от подозрения, что тут не обошлось без измены. Однако, кто же изменник? Палатку полководца окружали отборные и самые надежные полки; их ни в чем нельзя было упрекнуть. Где же тогда искать поджигателя?

У Ганнибала был молодой раб, Акбар; но со времени пожара юноша бесследно пропал. Сперва предположили, что он погиб во время пожара, но тщательные розыски показали, что человеческих жертв не было. То-

гда предположили, что именно он принял участие в поджоге.

— Мне давно не нравился этот малый, — говорил Зеруйя, — с самого нашего возвращения мне все казалось, что у него не совсем чиста совесть. До нашего отъезда он был совсем другим, — веселым, преданным всей душой своему господину. Тогда это был счастливый невинный ребенок, теперь — грешник!

Но это были лишь предположения — тайна пожара осталась нераскрытой. Прошло недели полторы. Однажды вечером Зеруйя пошел прогуляться на берег моря. Вдруг недалеко он увидел человека, который бежал, перепрыгивая с одного уступа скалы на другой.

— Это исчезнувший Акбар! — мгновенно пронеслось в его голове.

Зеруйя поспешил к рабу, и когда ему удалось, не будучи замеченным, подобраться достаточно близко, он громко крикнул:

— Акбар, стой!

Испуганный раб оглянулся, узнал начальника стрелков и бросился наутек.

— Стой, или я убью тебя, — еще раз крикнул Зеруйя, доставая из колчана стрелу.

Он до такой степени сжился со своим оружием, что не расставался с ним даже на прогулке. Акбар понял намерение Зеруйи и стал кидаться из стороны в сторону. Однако, стрела все же настигла его, но попала не в ногу, как того желал Зеруйя, а в спину. С громким криком упал раб на камни. В ту же минуту стрелок оказался около него и, не теряя ни минуты, приступил к допросу.

— Акбар, облегчи свою душу. Наказания тебе бояться нечего: не пройдет и часа, как ты умрешь. Скажи, ты совершил поджог, рассчитывая погубить Ганнибала?

— Да, да, да! — с отчаянием крикнул мальчик.

— Что тебе сделал наш вождь, почему ты решился лишить его жизни? — продолжал спрашивать Зеруйя.

— Ничего! — ответил Акбар, извиваясь от боли. — Он был всегда добр ко мне, я любил его и почитал, как отца, но меня заставили.

— Кто тебя заставил? — спросил стрелок. — Рассказывай. Вспомни: Ганнибал — твой благодетель. Долг велит тебе рассказать обо всем, и тем хоть немного загладить свое тяжкое преступление.

— О, — простонал мальчик, — он преследовал меня в течение нескольких месяцев, грозил страшными пытками, если я его выдам. Я не мог поступить иначе!..

И Акбар, собрав последние силы, внезапно вскочил на ноги, и бросился в море.

Спасти его было невозможно. Зеруйя вернулся в лагерь и сообщил друзьям о случившемся. Они решили каждую ночь по очереди дежурить у палатки вождя. Ганнибал взял себе другого раба, Урамилка, десятилетнего ливийца с открытым, честным лицом.

Мальчик старательно нес службу при Ганнибале и скоро так привязался к нему, что начал почитать вождя пунов, словно полубога.

Между тем, Магон подошел к Генуе с моря, высадился на берег и тотчас же взял ее. Но как только в Риме узнали о прибытии опасного врага, сенат решил принять все меры к тому, чтобы не допустить встречи братьев. Вперед были посланы две армии, преградившие Магону путь к югу.

А в это время в Бруттиуме Ганнибал переживал тяжелое время. Римляне окружили его большим кольцом, но не вступали в сражение, предпочитая грабить окрестные города и села, опустошать поля, чтобы окончательно лишить пунов съестных припасов. И многие храбрые соратники Ганнибала стали жертвами голода и лишений.

Между тем управление Сицилией и в следующем (204 г. до н. э.) было поручено деятельному Сципиону, который во главе сильного войска решил переправиться в Африку, чтобы напасть на Карфаген и лишить его первенства на море. Он высадился с сорокатысячной армией на африканском берегу, расположился там лагерем, возвел валы, выкопал рвы и начал грабить окрестности. Жители бежали со своим скарбом в глубь страны, стремясь укрыться в городах.

В Карфагене началась паника.

Посланные на разведку всадники вернулись в город с кратким донесением: "окрестные деревни сожжены, поля опустошены, вражеский флот идет к Утике." Сципион хотел сперва покорить окрестные города и потом уже одним ударом сокрушить мощь Карфагена. Пуны поняли, что им нужно собрать все силы, дабы отразить смертельный удар, и спешно отправили один из своих кораблей в Геную, собираясь отозвать Магона.

А между тем Магон выдержал длительный, кровопролитный бой.

Победа долго не склонялась ни на одну, ни на другую сторону, пока предводитель пунов не был ранен копьем в бедро. Кровь ручьем хлынула из его зияющей раны, он упал с лошади и без сознания был унесен с поля битвы. Пуны отступили, и римляне не преследовали их.

Магон не умер от полученной раны и, как только пришел в сознание, приказал отступить к морю, где можно было рассчитывать на прикрытие флота. Там его уже ожидал прибывший из Карфагена посол с приказом немедленно отправляться обратно в Карфаген. "Мы не можем вести наступательную войну, мы должны защищать собственный город, — гласил приказ. — Поспешите на выручку родного города! Будем надеяться, что богиня Танит не оставит нас. Докажем еще раз, что мы живем ради родины и готовы умереть за родной Карфаген".

Корабли подняли паруса и поплыли на помощь родному городу. Уже половина пути была пройдена, и команда уже высчитывала, когда наконец покажутся берега Африки, как вдруг Магон призвал к себе кормчего и сказал ему:

— Я чувствую, что жизнь покидает меня, что мои часы сочтены, Твоя задача — благополучно привести флот в родную гавань. Поклянись, что ты сделаешь все, чтобы сберечь суда и войско!..

— Ты не умрешь, — с глубокой грустью возразил капитан, — ты находишься сейчас в полном расцвете сил и здоровья. Карфаген нуждается в тебе. Богиня Танит не оставит нас!

— Я чувствую, что мой конец приближается, — ответил Магон, — я не доживу до утра. Клянись же! Мелькарт услышит твою клятву!

Кормчий торжественно произнес слова клятвы и прибавил:

— Воля богов — тайна, и судьба людей часто бывает непредсказуема. Возможно, что римляне попытаются напасть на нас, но я твердо знаю, что судно, на котором мы находимся, или войдет в гавань Карфагена, или ляжет со мной вместе на дно моря. Я решил, что если неприятель вступит на мой корабль, то буду отчаянно бороться, а если мне не удастся отбить их атаку, я проберусь в трюм и потоплю корабль. Если мне суждено погибнуть, со мной погибнет множество римлян!

Как только разнеслась весть о близкой кончине Магона, каждый пожелал увидеть его еще раз, поговорить, посидеть у одра любимого вождя... Закаленные в боях воины, не знающие, что такое жалость, плакали.

— Не горюйте! — уговаривал их умирающий. — У вас есть Ганнибал. Он — наша звезда. За него нужно молиться и приносить жертвы богам. Ганнибал и Карфаген — это половинки одного целого!

День и ночь прошли среди надежд и опасений.

На заре Магон потребовал, чтобы его вынесли на палубу и положили так, чтобы он мог смотреть в ту сторону, где находится его родина. Небо на востоке порозовело.

— О! — простонал умирающий, — солнце! Оно восходит и над Карфагеном, над моим Карфагеном!.. — Магон вздохнул еще раз и умер.

Между тем война разгоралась. Сципион сжег пунийский лагерь, разбил войско, посланное Ганнибалу навстречу, уничтожил и второе, несмотря на героическое сопротивление пунов. В это время карфагеняне решили вызвать Ганнибала из Италии: только он один мог еще спасти родной город. Опять карфагенские корабли понеслись на север, чтобы вернуть героя-полководца на родину.

Римляне в это время штурмом взяли Утику и овладели Тунисом, лежавшим всего в шести часах пути от

Карфагена. Отсюда они легко могли наблюдать за всем происходившим в Карфагене и в любую минуту напасть на город.

Пятнадцать лет провел Ганнибал в Италии. Рим дрожал перед ним и до сих пор еще с опаской посматривал на юг, где обосновался африканский лев. Враг так и не смог его победить, но родина нуждалась в помощи. Невыразимо тяжело было Ганнибалу покидать страну своих побед, но Карфаген позвал его! А он был верным сыном.

Ганнибал никому не сообщил о полученном из Карфагена донесении, снарядил суда и отправил ненадежные полки в малозначительные города в качестве гарнизонов: если они и перейдут на сторону римлян в его отсутствие, — это не важно: он все равно не мог на них полагаться. С собой Ганнибал взял только отборное войско.

Когда все было готово к отъезду, Зеруйя, не будучи в силах сдержать свой гнев, запальчиво спросил карфагенских послов:

— Разве правительство не могло вместо кораблей прислать нам солдат?

— Вы ничего не поняли! — поддержал его Маттан. — Нужно было прислать Ганнибалу стотысячную армию. Рим отозвал бы Сципиона, и нам не пришлось бы покидать Италию.

Эзули печально сказал:

— Если бы Карфаген был хоть наполовину так деятелен, как Рим, война закончилась еще четырнадцать лет тому назад... верховный Совет имеет глаза и не видит, имеет уши и не услышал того, что ему рассказали. Все кончено!..

В эту минуту Ганнибал обернулся к своим сподвижникам и взволнованно сказал:

— Много слез прольется в Карфагене. Я предвижу это!

Войско разместилось на судах, торжественные жертвоприношения были совершены, военачальники последними взойшли на палубу, корабли снялись с якоря и понеслись к родному городу.

Скрестив руки на груди, Ганнибал с грустью смотрел на страну, куда вступил когда-то полный надежд.

— Мой жизненный путь отмечен победами, — думал он, — но нам не суждена награда. Сципион, ни разу не оказавший нам сопротивления здесь, в Италии, идет с войском на Карфаген!

Тридцать четыре года тому назад, еще ребенком, покинул Ганнибал родной город, чтобы впоследствии потрясти весь мир своей славой, и теперь он возвращается домой (203 г. до н. э.) с тягостной мыслью о том, что напрасны были все его труды и старания, а борьба и победы — тщетны.

Когда до Рима дошла радостная весть о том, что Ганнибал отплыл в Африку, город возликовал. Богачи и бедняки, старые и молодые, — все устремились на улицы, желая знать подробности. В храмах приносились жертвы, по городу проходили праздничные процессии, богатые граждане устраивали роскошные пиры. Сенат постановил по случаю этого радостного события в течение пяти дней совершать повсюду молитвенные бдения и принести в жертву сто двадцать быков.

Наконец, войска Ганнибала увидели африканский берег. Но там повсюду стояли римские войска, набранные из жадных к добыче ливийцев. Пришлось взять курс далеко на восток, и только у Лентис войско пунов смогло высадиться.

С тяжелым сердцем произвел Ганнибал смотр своему войску. Из храбрецов, с которыми он перешел через Альпы, большинство осталось на полях сражений, раскинутых по всей Италии, а из героев, прошедших с Гамилькаром сквозь Морские ворота, набрался лишь небольшой отряд.

— И мне пришлось дожить до такого дня! — вздохнул Элули. — Лучше было бы, если бы я замерз в Альпах! Счастливы павшие в битве!..

— Да, — согласился Ганнибал, — счастливы павшие! И кто думает только о себе, в первом же бою бросается в самую сечу и скоро обретает покой и мир. Умереть легко! Но что такое я сам? Ничто, а Карфаген — все, и пока я могу быть полезен родине, я не смею по-

кинуть свой пост. Мы все в неоплатном долгу перед Карфагеном!

На следующее же утро войско пунов направилось к Адрумету и расположилось там лагерем. Пока армия отдыхала от морского путешествия, Ганнибал повсюду разослал своих разведчиков, чтобы выведать расположение и силы неприятеля, а равным образом узнать, как обстоят дела в Карфагене. Вождь пунов снова проявил свою необычайную энергичность: добывал слонов, вербовал ливийцев, присоединил к себе остатки армии брата и войска, набранные в Карфагене. Когда армия была приведена в боевую готовность, он перешел Баградас и двинулся к Заме, лежавшей в пяти днях пути от Карфагена.

Нумидийский царь Масинисса выделил на помощь Сципиону десять тысяч человек, и римский полководец, сознавая свое численное превосходство и ни минуты не сомневаясь в победе, тоже двинулся к Заме и приготовился к битве.

Ганнибал отлично понимал положение дел, и поэтому решил вступить с противником в переговоры. Сципион согласился.

На виду обеих армий оба полководца выехали навстречу друг другу в сопровождении нескольких всадников. Затем, отделившись от сопровождающих, они съехались, взяв с собой одних переводчиков.

— Наши народы готовы к последнему бою, — начал Ганнибал, — но прежде, чем мы обнажим мечи, выслушай благосклонно то, что я тебе скажу. Ты считаешься на победу, полагаясь на свое численное превосходство; но победа тебе отнюдь не обеспечена. Вспомни Канны! В каждой битве многое зависит от счастья и случая. Если ты будешь разбит, — твоей славе придет конец; если ты победишь, — нам придется смириться перед Римом и признать его первенство. Попробуем уладить дело без кровопролития. Мы пойдем на все условия, лишь бы они не унизили нашу честь, а твоя слава возрастет, если ты, в сознании своей силы, не потребуешь от противника выполнения позорных условий. Я предлагаю: сохраните все земли, лежащие по ту сторону

моря, которыми вы владеете и которые еще завоюете; возьмите все острова и оставьте на нашу долю земли, что лежат по эту сторону моря. К тому же у вас осталось еще много свободных земель, чтобы на сотни лет удовлетворить вашу страсть к завоеваниям, а мы будем искать счастья в Африке. На этом основании я предлагаю заключить дружественный союз, и со своей стороны мы будем честно соблюдать его на все времена!..

— Рим не ведет переговоров с Карфагеном! — гордо ответил Сципион. — Он диктует свою волю. Карфаген должен сдаться на его милость и принять все условия, какие сенату угодно будет ему предложить!

— Таких условий ты не смеешь нам предлагать, — с достоинством возразил Ганнибал. — На милость неприятеля сдается тот, кому не на что больше рассчитывать. У Карфагена еще есть защитники. Ты так уверен в победе, потому что очень молод, и счастье до сих пор улыбалось тебе, а мне уже сорок четыре года, и с девятнадцати лет я командую армией, я испытал превратности судьбы и знаю, что воля богов непредсказуема. Я сумел противостоять вам под Сагунтом, я без числа уничтожал ваши войска и побеждал ваших полководцев, и свидетели этому — поле смерти у Тразимена и равнина Ауфидуса. Мы стояли ближе к Риму, чем вы у наших ворот; сегодня счастье на вашей стороне, вы отняли у нас все, и я сам предлагаю тебе достойные условия! Подумай: за один-единственный час ты можешь низвергнуться с высоты своей славы. Кто поручится, что боги даруют тебе победу?

— Я знаю, что судьба изменчива, — ответил Сципион, — но я не боюсь ее. Вперед! Кто победит, тот по-своему расправится с побежденным!..

И вожди отъехали каждый к своему войску.

Через час Зеруйя явился к Ганнибалу.

— С той минуты, — сказал он вождю, — как ты объявил, что завтра состоится решительный бой, мне не дают покоя: солдаты хотят, чтобы я убил Сципиона. Но я не хочу ничего предпринимать против твоей воли. Не представляет труда, в качестве перебежчика, проникнуть в римский лагерь, — а там мне ничего не стоит

завтра, когда Сципион будет выстраивать войска, послать ему смертоносную стрелу... А если перед началом боя будет убит предводитель, судьба сражения тем самым будет решена. Так я помог бы Карфагену; но я пойду на это, только если ты мне прикажешь.

— Нет, ты не должен этого делать, — спокойно возразил Ганнибал. — Это было бы убийством. Завтра, когда Сципион начнет выстраивать войска, пошли ему с нашей стороны свою крылатую стрелу. Это будет достойный, честный бой, а измена — не для Зеруи.

— Слава Карфагену! — воскликнул стрелок. — Мне было бы трудно решиться на предательство!

Ганнибал, готовясь к бою, прикрыл свое войско с флангов конницей; перед пехотой он расположил восемьдесят слонов. Пехота была построена по принципу трех ступеней: первую составляли вновь набранные ливийцы и прочие африканцы; вторую — карфагенские граждане, третью — прибывшие из Италии, закаленные в боях воины Ганнибала. Таким образом, римляне должны будут постепенно подбираться к более сильному врагу, в то время как их собственные силы начнут ослабевать.

И бой начался. Земля задрожала от топота слонов; но римляне разомкнули строй и пропустили их; а затем они начали ожесточенно колоть слонов копьями, и гигантские животные повернули обратно и понеслись на карфагенян. Их встретили пиками, лязгом оружия и яростными криками, стараясь опять развернуть на неприятеля. Испуганные животные заметались из стороны в сторону, сметая все на своем пути, и карфагенская конница погибла. Произошла страшная давка, и враги, воспользовавшись этим, рубили и кололи пунов, пока Ганнибал не остался без конницы.

Иначе развернулся бой в пешем строю. Это сражение велось по всем правилам, и Ганнибал собственным примером вдохновлял воинов. Он находился во главе первой колонны и, когда она под натиском римлян дрогнула, храбрый вождь воскликнул:

— Кто осмелится покинуть меня? Ко мне!

Пуны еще раз попытались отбросить врага, но тщетно, и их первые ряды были обращены в бегство.

Второй ряд оказал более сильное сопротивление, но Сципиону удалось сломить и его...

Между тем Ганнибал успевал всюду, где возникла опасность поражения; ему словно незнаком был страх, и за ним с изумлением следили и пуны, и римляне.

— Неужели он такой же смертный, как и мы?.. — спрашивали они.

Наконец очередь дошла до третьего ряда: в бой вступили старые испытанные полки, прибывшие с вождем из Италии.

— Если мы уступим, — воскликнул Сципион, обращаясь к своим воинам, — мы обречены на смерть от первого до последнего. Через несколько недель Ганнибал окажется в Риме и с Капитолия будет смотреть на развалины нашего города. Победа или смерть — у нас нет иного выбора!

Так сражались обе стороны.

Наконец римляне начали отступать, а пуны теснить их все решительнее. Сципион с беспокойством стал искать выход из создавшегося положения... Вдруг вдаль показалось облако пыли, которое надвигалось все ближе и ближе. Это Масинисса привел тысячу всадников, он напал на пунов с тыла, началась кровавая резня, которая и решила судьбу сражения.

Случилось именно так, как говорил Ганнибал: многое в битве зависит от случая. Опоздай конница на час, судьба сражения решилась бы иначе, и римлянам пришлось бы думать о своем спасении; теперь же прибывшие всадники обеспечили победу тем, кто считал бой уже проигранным.

Ганнибал в это время находился в одном из самых опасных мест битвы, когда к нему пробилась Маттан и Элули.

— Спасайся! — закричали они. — Ты не имеешь права умереть, ты обязан сберечь себя для Карфагена!

— Твоя смерть никому не принесет пользы! — воскликнул Элули и, схватив коня Ганнибала под узды, развернул его и поскакал с поля битвы.

— Прощай, Ганнибал! Я прикрою тебя! — крикнул Маттан. — Ты должен спастись!

И Ганнибал спасся с горстью верных ему людей, а Маттан остался лежать среди убитых. Это произошло в 202 г. до н. э.

Ганнибал прибыл в Карфаген и сообщил результаты сражения. Жалобы, причитания и слезы не могли помочь беде. Карфагеняне вынуждены были признать, что они сами виновны в своем несчастье. Часть населения предлагала сопротивляться до последней капли крови, но Ганнибал возразил:

— Если римляне захотят разрушить город, тогда и мы погибнем вместе с ним; если же они удовольствуются деньгами и ценностями, которые могут быть нажиты вновь, мы должны согласиться на мир и не ставить на карту судьбу Карфагена...

Все согласились с Ганнибалом.

Когда послы пунов явились к Сципиону с предложением о мире, римские полководцы предложили крайне тяжелые условия, но Сципион возразил им:

— Ганнибал даже при Заме показал себя великим полководцем; и если мы доведем карфагенян до крайности, они под его предводительством могут сотворить чудо, и не всегда Масинисса может явиться вовремя.

На это никто ничего не мог возразить, и, наконец, условия мира были обговорены: Карфаген должен в течение трех месяцев содержать римское войско, должен выдать всех пленных и перебежчиков, все свои военные суда, включая и самые мелкие, и всех слонов. Карфаген обязуется никогда вновь не заводить боевых слонов, он должен возратить царю Масиниссе все, что раньше принадлежало Нумидии, в течение пятидесяти лет ежегодно выплачивать по двести талантов; без согласия Рима не вести войн и представить двести заложников.

Условия были тяжелые, но выбирать не приходилось, и карфагеняне смирились с неизбежным. Но когда римляне вывели пятьсот военных судов в открытое море и подожгли их, горожане на берегу, воздевая руки к небу, громко плакали и рыдали.

Они не могли понять этой всепоглощающей страсти к разрушению. На стенах и насыпях мужчины, женщины и дети со слезами на глазах смотрели, как

пылали галеры и барки, как бесценные сокровища превращались в пепел.

В тот же день Эзули сделал доклад Ганнибалу:

— Граждане возбуждены и негодуют на то, что по вине правительства город осужден на гибель. Пока народ мог на что-то надеяться, он поддавался уговорам, люди теперь увидели, что конец Карфагена неминуем, и их ярость прорывается наружу!..

Через полчаса явился Зеруйя и рассказал, что с берега возвращаются возбужденные толпы и с бранью и проклятиями разбредаются по улицам. Жители говорят, что их обманули, и хотят потребовать виновных к ответу. Наверняка прольется кровь, и свершится жестокая расправа.

Эти донесения не были преувеличенными. Страсти в городе разгорались. Разрушались великолепные дворцы, всюду царили произвол и беззаконие. В это время более благоразумным пришла в голову мысль, которая внесла свет надежды в грозный призрак будущего: есть только один человек, чей острый взгляд видит недостатки правления, и у него хватит энергии уничтожить их в корне. Нужно поставить его во главе правительства и наделить неограниченной властью! Пусть Ганнибал станет у руля и приведет государственный корабль в счастливую гавань!

Как только эти слова были произнесены, народ оживился:

— Пусть Ганнибал станет нашим спасителем!..

Со всех сторон к дому, где поселился Ганнибал, устремились жители Карфагена с криками:

— Да здравствует Ганнибал! Да славится имя его во веки вечные!

Когда Ганнибал вышел к толпе, ему была объявлена воля народа. Но он потребовал, чтобы дело велось законным порядком, чтобы его избрание было утверждено властями.

Народ бурно выражал свое недовольство, и людям, стоявшим во главе правительства, пришлось с этим считаться. Ганнибала торжественно призвали к управлению и с надеждой стали смотреть на будущее: во главе госу-

дарства встал человек, честности и рассудительности которого карфагеняне безгранично доверяли. Это был Ганнибал — звезда Карфагена.

Глава XI

Смерть льва

Прошло три года с тех пор, как Ганнибал стал во главе родного города, и, действительно, ему многое удалось совершить.

Как это часто случается в военное время, состоятельные граждане захватили понемногу власть в свои руки и мало-помалу лишили народ его прав, стремясь, главным образом, к личному обогащению. Вырвать у них власть, принудив их нести, соответственно их положению, часть государственного долга, вернуть народу то, что ему принадлежит по праву, — это тоже была своего рода война, серьезная и тем более трудная, что ее нельзя было разрешить силой.

— Умереть за родину легко, — говорил Ганнибал, — а жить для нее порой очень трудно. Но это священный долг каждого.

Прежде всего он запретил знатым горожанам занимать одну должность всю жизнь, ввел подоходный налог и вновь передал верховную власть в руки народа, которому она и принадлежала по праву.

Однажды вечером он долго сидел со своими старыми друзьями, Эзули и Зеруей, и толковал о положении дел. В Риме возникла большая влиятельная партия, которая была недовольна заключением мира с Карфагеном и настоятельно требовала уничтожения ненавистного города, вновь достигшего процветания под властью Ганнибала. Старый, многоопытный Эзули ежегодно тайком ездил в Рим и, оставаясь неузнанным, собирал все необ-

ходимые сведения. В этот вечер он делился с друзьями своими наблюдениями.

— Нам предстоит выполнить две задачи, — сказал, выслушав его, Ганнибал. — Во-первых, мы должны всеми силами содействовать общему благу и стремиться к тому, чтобы знатные и простолюдины, бедные и богатые, чувствовали свое единство, чтобы каждый гордился званием карфагенского гражданина. Во-вторых, мы должны тщательно проследить, нет ли у Рима могущественного врага, которому стоит оказать поддержку. Я уже давно слежу за одним человеком, который может оказаться опасным для Рима. В таком случае Рим, пожалуй, обратится к нам за помощью, и тогда мы могли бы диктовать свои условия. Конечно, не следует забывать, что Карфаген должен честно соблюдать мирный договор, но я — человек независимый и могу покинуть родной город, когда захочу, могу поступить на службу к любому царю!

Ганнибал говорил горячо и, окончив, ударил маленьким молоточком по металлической чаше. Дверь отворилась, и на пороге, отодвинув тяжелый занавес, появился купленный в Кротоне раб-ливец. Он вопросительно посмотрел на своего господина.

— Урамыльк, я хочу пить, — сказал Ганнибал.

Мальчик с поклоном исчез, а через две минуты вернулся и поставил на столик перед своим господином драгоценный кубок из чистого стекла, наполненный холодной водой. Заметив, что раб все еще стоит в дверях, Ганнибал строгим взглядом приказал ему немедленно удалиться и поднес кубок к губам. В ту же минуту Урамыльк с ловкостью и быстротой леопарда подскочил к нему, выхватил из рук Ганнибала кубок и бросил его на пол. Кубок со звоном разбился. Мальчик упал на колени и с отчаянием в голосе воскликнул:

— Убей меня! Убей!

В одну минуту Элули и Зеруйя были на ногах, но прежде чем они успели схватить преступника, мальчик обнял ноги своего господина, касаясь лбом пола.

— Говори! — сказал Ганнибал. — Что ты задумал?

— О, господин, прикажи меня распять, пусть слоны растопчут меня: я заслужил тысячу смертей, я хотел отравить тебя!..

— Хотел меня отравить? — спросил Ганнибал с удивлением, стараясь казаться спокойным. — Почему?

— О, мой повелитель, он требовал этого, — ответил раб. — Он еще в Кротоне вручил мне яд, обещая все сокровища мира, если я помогу ему. Я не соглашался, но теперь... — и мальчик должен был остановиться, чтобы собраться с силами, и только после этого он мог продолжать. Со времени отъезда из Италии я не встречал его, пока, около полугода тому назад, он не появился здесь. И все началось сначала.

— Кто он? Как его зовут? — прервал мальчика Элули.

— Не знаю, — ответил Урамильк, — судя по лицу и по выговору, он не римлянин. Мне кажется, он нумидиец и состоит на римской службе. Он всегда является совершенно неожиданно, в саду, на улице, в прихожей, и я никогда не вижу, ни откуда он приходит, ни куда уходит! Но он не дает мне покоя!

— И ты ни слова не сказал своему господину о том, что ему угрожает опасность? — воскликнул Зеруйя. — Господину, который обращается с тобой, как с сыном, который сделал тебе столько хорошего?!

— О, если бы ты знал, — возразил Урамильк, — какими пытками он грозил мне, если только я выдам его хоть одним словом, хоть одним взглядом! Впрочем, я ведь не соглашался, и моему господину не грозила опасность. С тех пор, как мы собрались в обратный путь, я не встречал больше своего искусителя, а во время переезда я бросил склянку с ядом в море. Я обрел покой и не думал больше о встрече с этим человеком, пока, полгода тому назад, он неожиданно не появился передо мной. Я не хотел его слушать, но он силой вложил мне в руку склянку с ядом, каждую неделю уговаривал меня, обещая свободу, богатство и почести, а третьего дня сказал: "Если через три дня Ганнибал еще будет жив, ты сам умрешь мучительной, медленной смертью". С того времени я лишился сна и покоя. Я люблю Ганниба-

ла, молюсь за него, и только из страха решился на преступление!

— Хорошо, — сказал Ганнибал. — Возьмите мальчика с собой и хорошенько допросите. Примите все меры к тому, чтобы с ним не случилось ничего дурного, — его жизнь многого стоит. Встань, Урамыльк, ступай с Элули и ничего не бойся, ни один волос не упадет с твоей головы. Когда следствие окончится, ты снова начнешь служить мне, — я не прогоню тебя!

С минуту раб безмолвно смотрел на своего господина, потом вдруг разразился рыданиями, и сквозь слезы присутствующие расслышали, как он горестно проворчал:

— Я не стою этого! Я трус! Убийца! О, боги!

Друзьям Ганнибала с трудом удалось поднять его и увести из комнаты.

На следующий день, когда Элули был у Ганнибала и толковал с ним по поводу допроса, в комнату неожиданно вошел с докладом Зеруйя.

— Какая-то женщина хочет поговорить с тобой с глазу на глаз; на вид ей лет тридцать — сорок, она не знатного происхождения, но производит хорошее впечатление.

— Ни за что! Мы должны быть осторожны, — воскликнул Элули.

Ганнибал улыбнулся и возразил:

— Я ведь не принимаю из ее рук пищи и питья; а если она захочет напасть на меня с мечом или кинжалом, надеюсь, я смогу одержать верх. Чего же бояться? Пусть войдет, а вы оба подождите в передней комнате на случай, если я вас позову!

И в комнату тотчас вошла бледная, взволнованная женщина.

— Мы здесь одни, господин? — спросила она, боязливо озираясь.

Ганнибал откинул занавес, и женщина убедилась, что в комнате, кроме них, никого нет. Когда Ганнибал опустился в свое кресло, женщина упала на колени и, простирая к нему руки, воскликнула дрожащим голосом.

— Спасайся, господин! Спасайся! Он опять здесь,

я видела его собственными глазами. Он не успокоится, пока не убьет тебя!

— Успокойся, женщина, — ответил Ганнибал. — Я не понимаю твоих речей. Расскажи, не торопясь, что у тебя на душе!

— Меня зовут Циба, — проговорила после небольшой паузы женщина. — Двадцать лет тому назад я была служанкой у Гулы, у него часто собирались друзья с которыми он вел тайные беседы. На меня, ничтожную невольницу, он не обращал внимания, а, между тем, несколько случайных слов заставили меня насторожиться, и случай помог мне предотвратить ужасный заговор: дело шло о предательстве Карфагена, его вожди и ты в том числе были приговорены к смерти. Я поспешила к суффету и все ему рассказала. Он выкупил меня у моего господина, а затем даровал свободу. Гула был тогда схвачен, допрошен и отослан к тебе в Тарс, где его распяли вместе с Юбой. Третий заговорщик, Капуза, исчез, его всюду разыскивали, за его голову было назначено вознаграждение, но он пропал, как в воду канул! Четверть часа тому назад предо мной промелькнуло его лицо, и, кажется, я громко вскрикнула. Если он снова появился в Карфагене, значит, дело идет о твоей жизни, для тебя заточен кинжал и приготовлен яд! Капуза не выпустит свою жертву!..

— Благодарю тебя, — сказал полководец, — но подумай, ты двадцать лет не видела этого человека; как он изменился за это время! Быть может, ты видела сегодня не его, а простого прохожего?..

— Нет, нет! — воскликнула Циба. — Его лицо я узнаю из тысячи. Умоляю тебя, прикажи разыскать Капузу!

— Хорошо, — ответил Ганнибал, — я подумаю над этим. Ты скоро узнаешь о моем решении!

Тотчас же, без промедления были приняты все меры к тому, чтобы выследить этого опасного человека; но в таком городе, как Карфаген, куда ежедневно прибывали тысячи людей, это было нелегко. Кроме того, требовалось найти еще изменника, давшего яд Урамильку. Слугам было приказано задерживать всех посторонних,

которых они встретят в саду или в доме, всех, кто будет прогуливаться перед домом.

Приказание было исполнено в точности, но ни в ком из задержанных Урамильк не признал этого человека.

На следующий день шпионы выследили еще одно подозрительное лицо, но опять Урамильк заявил, что не знает этого человека. Через четыре дня Цибу снова позвали к Ганнибалу и она, едва переступив порог, воскликнула:

— Это он! Он!

Но арестованный все отрицал, утверждая, что его не зовут Капузой, и что он купец из Лакриды.

— Приведите Урамилька! — приказал Ганнибал.

Мальчик, завидев арестованного, тотчас, как и Циба, воскликнул: "Он! Это он!"

Теперь было бесполезно что-либо отрицать, и переданный в руки суда преступник сознался во всем: оказалось, что это он организовал поджог в лагере и тем самым стал причиной смерти Акбара. Возмущенные судьи решили отбросить всякое милосердие и осудили изменника на медленную, мучительную смерть. Ганнибал внимательно прочитал протокол судебного заседания, но когда потребовалась его подпись, он, не задумываясь, сделал дописку: "Смягчить наказание — распять".

Крест водрузили на берегу моря. Капуза должен был смотреть в сторону Испании, как двадцать лет тому назад Гула и Юба под Сагунтом смотрели со своих крестов в сторону Карфагена.

Двадцать пять лет тому назад на сирийский престол, совсем ему молодым человеком, вступил Антиох III. Он тотчас же с головой окунулся в военные предприятия, начал покорять новые земли и даже перешел Геллеспонт (Дарданеллы). Это отнюдь не понравилось римлянам, полагавшим, что только они одни имеют право расширять свои владения, и римский сенат послал ему депешу такого содержания:

— Мы требуем, чтобы ты оставил всякие притязания на Европу и вернулся обратно за море.

— Я не вмешиваюсь в ваши дела в Италии, — ответил им Антиох, — и вы не вмешивайтесь в мои. Я

не даю вам никаких предписаний, и в свою очередь прошу вас впредь не обращаться ко мне с таковыми.

Чем больше на берегу Тибра негодовали на дерзость сирийца, тем оживленнее становился Ганнибал.

— Вот человек, — думал он, — который не знаком со страхом. Он честолюбив и жаждет славы и к тому же располагает огромными средствами. Я должен заключить с ним союз.

Антиох в то же время рассуждал так: "Если бы на моей стороне оказался такой полководец, как Ганнибал, я, по-другому поговорил бы с Римом. Шестнадцать лет продержался он с незначительным войском в Италии. У меня есть то, чего ему так недоставало, мы должны соединиться!"

И послы Антиоха незаметно прибыли в Карфаген, отвезли обратно полученный ответ, затем явились в город снова. Все шло как нельзя лучше, только Ганнибал медлил с окончательным решением, что было ему совершенно несвойственно. Как ни осторожно велись переговоры, римские шпионы проведали о них, и в Риме начали поговаривать:

— Смотрите, как процветает Карфаген с тех пор, как Ганнибал стал управлять им. Низвергнутый во прах город снова расцвел, и если Карфаген пожелает подняться против нас свое оружие он без труда сможет это сделать: его сундуки полны, и войско готово к бою. Пока мы еще можем диктовать условия, потом они начнут издеваться над нами. Мы должны потребовать выдачи Ганнибала!..

Эзули узнал об этих разговорах и передал все Ганнибалу.

— Не следует тешить себя надеждами: если Рим потребует моей выдачи, карфагенянам не устоять. Сброд, сосущий кровь народа, станет вопить, кричать и нагонит такого страха на простой люд, что он пойдет на все, лишь бы римляне не заняли город. Но я им в руки не дамся!..

Вскоре в гавань прибыл римский корабль, и три сенатора сошли с его палубы на берег.

— Мы приехали, — сообщили они, — чтобы ула-

дить вопрос о границах Карфагена с Масиниссой, дабы устранить любой повод к вражде!

Большинство карфагенян поверило этим словам, но Ганнибал оказался дальновиднее многих.

Вечером, выйдя из зала заседания Совета, он направился в сопровождении Элули, Зеруи и Урамилька прочь из города. Они шли, спокойно беседуя, около полудня, затем сели на заранее приготовленных быстроногих коней и понеслись. Спутники Ганнибала ничего не подозревали о планах бывшего вождя пунов.

На заре следующего дня они подъехали к старинной башне, возвышавшейся у самого моря и принадлежавшей Ганнибалу. Около нее стоял полностью оснащенный, готовый к отплытию корабль. Ганнибал со своими спутниками поднялся на палубу и поднял паруса (195 г. до н. э.).

Когда судно отошло от берега, Ганнибал подозвал к себе своих друзей и сказал им следующее:

— Как только мне стали известны планы Рима, я тут же начал готовить коней и корабль. Сенаторы рассчитывали силой привезти меня в Италию, но мы отправимся в Сирию, к Антиоху.

Урамильк бросился к ногам своего господина и с жаром воскликнул:

— Куда бы ты ни пошел, я всюду буду следовать за тобой, а когда ты умрешь, умру и я!

Оба старых воина обняли своего вождя и друга и, окрыленные надеждой, доверились неизвестному будущему.

Никто в городе не заметил отъезда Ганнибала. На следующий день его хватились и поняли, что он исчез. На третий день сенаторы пожелали присутствовать в заседании верховного Совета. Они поговорили о пограничных недоразумениях с Нумидией и в заключение добавили:

— Впрочем, пока Ганнибал жив и находится на свободе, нельзя рассчитывать на продолжительный мир. Учитывая это, Рим требует: вы должны выдать Ганнибала, дабы он не мог нам больше мешать, а если вы не согласитесь — мы сегодня же отправимся обратно, и че-

рез несколько дней у ваших берегов окажется римский флот; тогда настанет последний день Карфагена. Решайтесь!

Члены Совета поспешили ответить, что они готовы исполнить волю Рима, как и надлежит подвластному народу, но им неизвестно, где находится Ганнибал.

— Третьего дня он присутствовал на заседании, — сообщили они, — и был в полном здравии, когда уходил. Вчера Ганнибал нигде не показывался; мы навели справки, оказалось, что он не ночевал дома, не был у себя на вилле, и никто не знает, куда он уехал.

Сенаторам пришлось удовлетвориться этим: даже всемогущий Рим не может схватить человека, который скрылся в неизвестном направлении.

Ганнибал, между тем, спокойно приплыл в Тир и был там встречен с радостью и торжеством.

Тирские купцы прекрасно понимали, что Рим добровольно не ограничит своих завоеваний, и что Тир попадет под власть Рима, если алчности последнего заранее не будет положен предел. Путь Ганнибала до Эфеса, где обосновался Антиох, был сплошным триумфом.

В Эфесе Ганнибал был встречен с еще большими почестями и при виде флота, богатства города и неистощимой казны царя он стал уповать на победу; но пиры сменялись пирами, время проходило в забавах и развлечениях, все стремились к наслаждениям, и о серьезной военной подготовке никто и не помышлял. Вопреки увещаниям Ганнибала, и несмотря на то, что царь соглашался с ним вполне, полководцы не торопились менять приятную жизнь при дворе на лагерную, полную лишений. Время шло, и все оставалось по-старому.

Когда римляне узнали, что их смертельный враг находится при дворе царя Антиоха, то начали возмущаться:

— Вот почему сириец держится так высокомерно! Вот почему он разговаривает с нами так, как никто раньше не осмеливался разговаривать. Раз Ганнибал у Антиоха, — это значит, что Сирия готовится к войне с Римом!..

В Эфес вторично было отправлено посольство, которое потребовало, чтобы царь вернулся в пределы Си-

рии. Ответ опять был получен отрицательный: Антиох решил померяться силами с римлянами, и он уже взялся за меч, но не извлек его из ножен.

Три года прошло с тех пор, как Ганнибал поселился в Эфесе, как вдруг события стали принимать неожиданный оборот. Воинственные этоляне вступили в борьбу с Римом и предложили Антиоху начать совместные с ними действия. Это побудило Антиоха спешно снарядить корабли. Но его военачальники обставили дело так, что Ганнибал не встал во главе войска, а остался простым советником при царе. Величие Ганнибала было слишком огромно по сравнению с этими мелкими душами; его деяния без труда могли затмить их подвиги; кто заметил бы их тусклый свет при ярком блеске пунийского солнца!

Вышло то, что и следовало ожидать. На свою беду и на беду своего народа царь познакомился в Колхиде с девушкой необычайной красоты, возвел ее (хотя ему было уже 46 лет) в сан своей супруги и с восточным великолепием отпраздновал свадьбу: пиршества длились всю зиму, и докучливый советник Ганнибал был отстранен от дел.

Между тем римляне успели хорошо подготовиться к войне, и им нетрудно было одержать блистательную победу. При Фермопилах (191 г. до н. э.) сирийское войско было почти полностью уничтожено, и Антиох бежал.

Доблестный Зеруя поразил множество римлян, но и сам погиб в Фермопильском ущелье. Ганнибал и Элли тоже остались бы там, если бы Антиох не спас их.

Только тогда понял сирийский царь, что все его полководцы, вместе взятые, не стоят одного карфагенского вождя. К сожалению, было уже поздно, — нельзя исправить непоправимое...

Антиох покинул Грецию и снова расположился лагерем в Эфесе, но он не успел пополнить свое войско: к нему на всех парусах приближался римский флот. Разбив сирийские корабли у Фокеи, несколько севернее Смирны, войска римлян высадились на сушу и стали брать один город за другим. Тут Антиох решил попытаться заключить союз с могущественным царем Вифинским

и послал ему депешу со словами, которые несколько лет подряд ему самому безуспешно говорил Ганнибал:

— Только общими силами можно сдержать бурный поток, сокрушающий все на своем пути.

Прузия, царь Вифинийский, получил депешу, но из-за того, что и римляне искали его дружбы, он сделал то, что делают все трусы: стал ждать дальнейшего развития событий, собираясь примкнуть к победителю.

А когда сирийский флот вторично потерпел поражение, Антиох уже не надеялся на победу и стал просить мира.

Однако, римские полководцы не желали вступать в переговоры, требуя безусловного подчинения.

— Я еще не так беспомощен, — возмущенно заявил Антиох, — у меня шестьдесят две тысячи пехоты и двенадцать тысяч всадников: сдать на милость победителя я могу и после поражения. К оружию!

И он, призвав к себе Ганнибала, двинулся со всем своим войском к Матнезии, что находится в шестнадцати часах пути на северо-запад от реки Гермос (теперь Кадос).

— Командуй, — сказал царь, — я даю в твои руки неограниченную власть. Ты имеешь моих великолепно вооруженных солдат, мой обоз, моих верблюдов и пятьдесят четыре слона! Под твоим началом мы обязательно победим!

— Я приветствовал бы тебя, как победителя, — серьезно ответил Ганнибал, — если бы не одно условие. Видишь ли, когда в Италии я командовал своей армией, мои воины говорили: "В этот раз мы опять разобьем римлян!" — и с этой мыслью они неизменно побеждали. Только в конце войны они узнали, что значит поражение. У тебя, к сожалению, дело обстоит иначе. Никакой обоз, никакие верблюды не заменят убеждения, что войско, до сих пор выходившее из любой схватки победителем, должно победить и на этот раз. Во всяком случае я сделаю, что в моих силах, и, если боги будут к нам милостивы, ты украсишь себя лаврами!

Ганнибал укрепил свой лагерь, окружил его двойным валом, ровом в шесть локтей глубины и двенадцать

ширины, а внутри возвел еще одну стену. Когда римляне подошли поближе, он стремительно бросился со своими полками вперед, разбил римлян и обратил их в бегство. Антиох вел себя, как подобает герою, и поражал врагов со своего фланга. Но вожди не могли поспеть всюду одновременно, и там, где их не было, все пошло прахом: полки под начальством неспособных командиров с самого начала сражения были уверены, что потерпят поражение... Кровопролитная битва при Матнезии завершилась полным разгромом сирийской армии. (190 г. до н. э.). Антиох бежал с горсткой преданных людей.

— Ты оказался прав, — сказал он Ганнибалу, — сделай я тебя неограниченным начальником всей армии и флота, мы сидели бы теперь в Капитолии и в водах Тибра поили бы своих коней. Но все это миновало, и упущенного не вернешь. Приходится покориться судьбе.

Отойдя на значительное расстояние и считая себя в безопасности, Антиох отправил к римским консулам послов. Между Римом и Сирией было заключено перемирие.

Антиоху пришлось отказаться от всех земель к северу от Тавра, отдать всех слонов, доставить римлянам пятьсот сорок тысяч мер хлеба и уплатить свыше пятнадцати тысяч талантов. Кроме того, римляне поставили ряд мелких условий, и самое серьезное среди них было: выдача Ганнибала.

Это условие оказалось самым тяжелым для царя Антиоха: несмотря на многочисленные недостатки, он отличался благородством характера и не мог выдать врагам человека, перед которым сам почтительно склонял голову. Ганнибал помог ему выйти из затруднения. Он хорошо был осведомлен обо всем, что происходило в Риме, и знал, каковы будут условия мира, а потому римские послы уже не застали его в сирийском лагере — он бесследно исчез, и Антиох совершенно искренне мог сказать:

— Ганнибала нет в моей стране. Я не знаю, где он!

Все усилия римлян найти своего грозного врага не привели ни к чему. По всем значительным городам бы-

ли разосланы опытные шпионы, назначена большая награда тому, кто найдет карфагенского вождя, но ни один человек не имел никаких сведений о бесследно исчезнувшем полководце.

Он направился в страну, о которой никто не вспоминал, спокойно поселившись на острове Крите... О Ганнибале почти забыли, предполагая, что его уже нет в живых. А он жил со своим старым сподвижником Элули, вспоминая дни былой славы, следя за развитием государств, оценивая их властителей и спрашивая себя:

— У кого же наконец хватит мужества и силы выступить против Рима, и кому я мог бы содействовать, бросив свой меч на весы истории?

Шли недели, месяцы, годы. Однажды купцы принесли в Рим известие: "Знаете ли вы, кто в покое и благоденствии живет на Крите? Ганнибал!"

Эта новость как громом поразила римлян. Значит, Ганнибал жив? Следовательно, он угрожает Риму. Немедленно следует послать на Крит послов: Ганнибал не должен скрыться на этот раз.

Рим снарядил корабль, и два бывших консула отправились на остров. По прибытии в богатую Гортинию они узнали, что Ганнибал действительно жил там долгие годы, но несколько дней тому назад уехал в неизвестном направлении.

— Подождите, — говорили критяне, — он вернется!

Римляне терпеливо ждали. Проходили дни, недели, месяцы, но Ганнибал не появлялся. Прошло полгода, и послы вернулись домой, принеся неутешительную весть:

— Мы опоздали: случилось то, что всегда случается, когда дело идет о нем. Только боги знают, где Ганнибал, и что он замышляет!

— Что он замышляет, — говорили сенаторы, — знаем и мы: он обдумывает враждебные планы против Рима. Но где собирается гроза, и где она разразится, — мы не знаем. Больше тридцати лет этот человек угрожает нам, и мы не сможем спокойно спать, пока он жив; но настанет день, когда мы в оковах проведем его по улицам города, и народ будет тесниться, чтобы

взглянуть на африканского льва, дотронуться до него. Тогда мы отпразднуем этот день; таких торжеств еще не видывал Рим! Стены содрогнутся от радостных криков народа, и громовым раскатом пронесется повсюду весть: "Ганнибал теперь в наших руках". О, скорее бы настал этот желанный день!

На южном берегу Черного моря лежало Вифинское царство со столицей Никомидией. Его царем в то время был предприимчивый, честолюбивый Прузий II.

Покинув Крит, Ганнибал неожиданно появился при дворе вифинского царя и объяснил ему взаимоотношение сил:

— Ты поддерживаешь Рим и не думаешь о том, что чем он становится сильнее, тем скорее наступит день, когда Рим проглотит и тебя. Пока ты еще слишком слаб, чтобы воевать с ним; ты должен сперва набрать силу, завоевав несколько небольших государств, а потом сделать так, чтобы все оставшиеся государи добились союза с тобой, искали бы твоего благоволения и дрожали бы перед твоим гневом!

Руководствуясь указаниями Ганнибала, царь стал заключать союзы, набирать войска, которые Ганнибал начал обучать в Никомидии. Он пытался передать им ту уверенность в своих силах, которая так необходима для успеха всякого дела.

Самым могущественным властителем Малой Азии был в то время Эвмен II. Столица его владений, Пергам, находилась напротив острова Лесбоса, милях в трех от берега и была одним из красивейших городов того времени. Прузия во многом уступал Эвмену, который получил воспитание в римском духе. И войска Прузии, в конце концов, были разбиты наголову.

— Ты обучал моих солдат, — сетовал Прузия, — и говорил мне, что они сумеют одержать верх над пергамцами, но, как оказалось, они потерпели поражение.

— Я выковал меч, — спокойно возразил ему Ганнибал, — которым умелый воин может разрубить панцирь; станет ли оружие негодным оттого, что слабая рука не в состоянии разрубить им и кожаного щита?

Хотя царь и обиделся на слова Ганнибала, но заметил:

— Ты думаешь, что удача все же возможна? В таком случае, прими начальство и все полномочия, с ним связанные.

Работа закипела: войска вооружались и готовились к предстоящей войне, и в скором времени эвменский флот появился перед вифинским. Эвмен высоко ставил численное превосходство своего флота и нисколько не сомневался, что и морская победа тоже останется за ним. А Ганнибал за большое вознаграждение приказал наловить множество ядовитых змей и запрятать их в глиняные горшки, которые затем отправили на вифинские корабли. Воинам он отдал следующий приказ:

— Я позабочусь о том, чтобы вы знали, на каком корабле находится царь. Атакуйте только это судно, берите его на бордаж, и кто возьмет в плен или убьет Эвмена, будет щедро награжден! От остальных судов только обороняйтесь — они вам не опасны.

Оба флота приготовились к бою, и тут выяснилось, что противник с обоих флангов обложил вифинцев.

Эвмен нисколько не изумился, когда неприятель выслал вперед лодку с посланцем в парадном вооружении. Увидев у него в руках свиток с печатью, царь решил, что посланец везет предложение о мире.

Посланец потребовал, чтобы его допустили к царю: ему лично он должен передать письмо Ганнибала. Вручив письмо, посланец сел в лодку и отправился обратно: теперь воины Ганнибала знали, на каком судне находится царь.

Распечатав свиток, Эвмен увидел, что он заключает в себе лишь совет не быть высокомерным и выражает презрение прислужнику Рима. Царь не мог прийти в себя от изумления и неподвижно застыл с пергаментом в руках, а между тем на его корабль со всех сторон ринулись неприятельские суда; как будто больше и не было кораблей у пергамцев. Последние также двинулись на вифинцев — и тут в их сторону полетели глиняные горшки, которые, конечно же, при ударе о палубу разбились на мелкие черепки. Сперва пергамцы только смея-

лись, но их смех быстро сменился ужасом, когда из-под осколков стали выползать ядовитые змеи, кидавшиеся в испуге на матросов и на солдат и немилосердно их жалившие. Суда кишели ими, команда уже не вспоминала о неприятеле, а думала только о том, как бы избавиться от страшных змей. В этой суматохе никто и не подумал о спасении царя, но у него был один-единственный шанс спастись бегством. На берегу стояла его пехота, и если бы ему удалось добраться до суши, он очутился бы под защитой своих войск. Был отдан приказ плыть к берегу. Гребцов немилосердно били кнутами, чтобы заставить грести быстрее. Корабль летел, как стрела, и царь в страшном волнении стоял на носу, готовясь прыгнуть в море в случае крайней необходимости. Но судьба хранила Эвмена: он успел добраться до берега, и преследователи не настигли его.

Прузия ликовал. Вражеский флот либо стал его добычей, либо был уничтожен, неприятель перебит, захвачен в плен, Эвмен бежал. Кто мог надеяться на подобную удачу!

— С этих пор — ты первое лицо после царя в моей стране, — сказал он Ганнибалу. — Распоряжайся моими слугами, моей казною, — все будут тебе подчиняться, и я позабочусь о том, чтобы тебе воздавались почести, какие оказывают только мне. Ты недавно побывал со мной в моем дворце на Либиссе, он понравился тебе. Пусть же с этих пор этот дворец станет твоей собственностью. Пусть его отделают и украсят по твоему вкусу, не скупись на расходы — мой казначей оплатит все.

— Благодарю тебя, — ответил Ганнибал, — этот подарок очень приятен, я высоко ценю его. Но теперь следует добить Эвмена. Мы научили пергамцев грести, теперь следует научить их бегать.

Прузия согласился, и в скором времени после морского сражения состоялась решительная битва. Эвмен заклинал своих воинов не отступать и не колебаться, но враг напал там, где его не ожидали, применил такую тактику, какую никто еще никогда не применял, и кончилось дело тем, что Эвмен покинул поле боя, увлечен-

ный общим потоком бежавших солдат. Поражение было ужасное. Никомидия торжествовала победу, все ликовали. Победителям досталась огромная добыча, и царь ежедневно осыпал своего несравненного полководца все новыми почестями. Дворец Либисса лежал всего в восьми часах пути от столицы. Ганнибал уютно обосновался в нем, но, помимо почестей, полководец думал еще кое о чем.

— Как только римляне узнают, что я здесь, они, конечно, потребуют моей выдачи. Кто поручится, что Прузия из страха не уступит им? Следует позаботиться о выходах, которыми можно будет воспользоваться в случае предательского нападения.

Ввиду таких соображений Ганнибал устроил во дворце и в саду многочисленные выходы. Но главной его задачей стало обучение и воспитание солдат, и в скором времени он мог быть полностью удовлетворен: его войска делали огромные успехи и все больше наполняли ему о его старых пунах.

В один прекрасный день во дворец Ганнибала на военной колеснице примчался сам Прузия и сообщил, что ему донесли о необычайных приготовлениях царя Эвмена: он не скупится на средства, не останавливается ни перед какими жертвами, чтобы снарядить огромное войско, дабы одним ударом покончить с вифинцами.

— Твои слова, царь, обрадовали меня необычайно, — ответил полководец, — мои шпионы давно уже разузнали обо всем, и я предпочитаю разбить восьмидесятитысячную армию, чем разогнать сорок тысяч солдат.

Царь с изумлением посмотрел на него.

— Ты, однако, очень самонадеян! Уверен ли ты, что оправдаешь свою самонадеянность?

— Да, войско тоже верит мне: оно знает, что мы победим!

И Ганнибал одержал полную победу. Три четверти неприятельской армии осталось на поле сражения, остальная четверть вместе с Эвменом спаслась отчаянным бегством. Вифинцам снова досталась богатая добыча: тут было оружие, колесницы, кони, верблюды, драгоценности. Прузия чуть не причислил Ганнибала к сонму богов

и устроил ему такой въезд в Никомидию, какого город никогда еще не видывал, и какого ему и в будущие времена не суждено было увидеть. Над Вифинией взошло солнце славы, зато Пергам погрузился в глубокий мрак, и Эвмен решил обратиться к римлянам за помощью.

— Рим не беспокоит судьба вифинского государства, — возразил Эвмену консул Фламиний, — но, надо сознаться, были времена, когда мы трепетали, но то было при Ганнибале, с тех пор прошло уже двадцать лет, Как ты только позволяешь какому-то Прузии побеждать себя?

— О, если бы дело шло только о нем, я не беспокоился бы, но у него есть новый полководец, это не кто иной, как Ганнибал.

— Ганнибал? — воскликнул Фламиний, вскакивая с места, — карфагенянин Ганнибал!.. Мы считали его давно умершим. Ты в этом уверен?

— Совершенно! — подтвердил царь. — Он заново собирает армию Прузии и распоряжается всем.

— Тогда другое дело! Теперь я понимаю все, — заметил консул. — Да, если во главе твоих врагов стоит Ганнибал, понятно, почему ты терпишь одно поражение за другим. Я сегодня же отправлюсь в путь!

Фламиний поспешно прибыл в Рим и доложил обо всем сенату. Тотчас же было принято единодушное решение, и без промедления в Никомидию отправилось посольство во главе с Фламинием. Консул, сойдя на берег, явился к вифинскому царю и потребовал выдачи Ганнибала, добавив, что Рим не допустит никаких переговоров, а в случае отказа Прузию немедленно будет объявлена война.

Это требование застигло Прузию врасплох, и он смог только возразить, что законы гостеприимства запрещают ему выдать Ганнибала.

— Конечно, — заметил Фламиний, — гость находится под защитой богов. Для тебя он неприкосновенен, но я могу его взять. Выслушай мое предложение. Ты или примешь его, или отвергнешь. Укажи мне местопребывание Ганнибала и поклянись, что о нашем разговоре

не узнает ни одна душа, пока я сам не разрешу тебе говорить. Решайся же!

— А если я дам свое согласие, — робко спросил Прузий, — будет ли мне гарантирована неприкосновенность моей страны, и согласны ли вы защищать мои интересы?

— Рим защищает своих друзей, — ответил Фламиний.

— Я согласен. Вот тебе моя рука, — сказал Прузия, и союз был заключен.

Однажды рано утром, когда Ганнибал находился у себя во дворце, в его комнату ворвался Урамильк.

— Господин! Я только что был на башне: наш дворец окружают вооруженные люди. Тебе угрожает опасность!

Не говоря ни слова, Ганнибал поднялся наверх. И он увидел, что все выходы заняты, дворец и сад окружены — бегство стало невозможным.

В одну минуту Ганнибал понял положение дел и отдал приказ:

— Закройте все двери. Пусть римляне приступом возьмут наш дом. Элули и Урамильк, пойдите со мной!

Оставшись наедине с ними, Ганнибал сказал:

— Живым я в руки римлян не дамся. В этом вы, разумеется, не сомневаетесь. Я с давних пор ношу при себе пузырек с ядом. Урамильк, наполни вином мой кубок. Ты, Элули, последний из тех, кто пятьдесят четыре года тому назад, когда я был еще ребенком, вместе с моим отцом покинул Карфаген. Возьми мой меч, освященный в храме Мелькарта, отвези его в Карфаген и вручи представителю нашего рода. Пусть он честно носит его, как носил я. Прощай, друг!

Урамильк, рыдая как ребенок, рухнул на колени.

— Живи, господин, живи!..

— Разве ты хочешь, — спокойно ответил Ганнибал, — чтобы я в цепях брел за триумфальной колесницей римлян?

— Нет, нет, господин, лучше смерть. Но и я умру вместе с тобой!

— Вот пузырек с ядом. Одной его четверти будет

достаточно. Ну, виночерпий, в последний раз исполни свою обязанность!.. Подай сюда кубок!.. Благодарю!..

— И я хотел бы умереть с тобой, — дрогнувшим голосом сказал Элули, — но я должен жить, чтобы рассказать о твоей смерти. Слышишь! Они стучат в ворота!..

— Вся жизнь — лишь подготовка к последней минуте, — задумчиво произнес Ганнибал. — Горе тому, кто в смертный час не сможет сказать, что хорошо исполнил свой долг!

Элули и Урамилек торжественно преклонили колени перед своим вождем. Ганнибал высоко поднял свой кубок и воскликнул:

— О, боги, благословите Карфаген! Возвеличьте, украсьте мой дорогой город всем в мире, всем, что только можете даровать! Пошлите ему свободу и счастье! Я вызываю также проклятие на голову Рима, проклятие преступнику, который нарушает клятвы верности!..

Одним глотком он осушил кубок и затем обратился к своим друзьям:

— Только вы остались мне верны до самой смерти... Прощайте! Боги, благословите Карфаген!..

И великий герой умер, мужественно встретив свой конец.

Внизу ломались во входную дверь римляне. Урамилек вторично наполнил кубок Ганнибала, медленно вылил в него весь оставшийся яд и выпил его, встав на колени перед своим господином и положив голову на его руку. Еще минута, и юноша громко вскрикнул и скончался.

Входная дверь с треском рухнула под яростными ударами, и все стихло. Начальник римлян поднялся наверх, чтобы самолично взять грозного врага. В великолепном вооружении, словно триумфатор, вошел Фламиний в комнату Ганнибала, но в кресле он увидел мертвого Ганнибала, у ног которого лежал слуга, тоже объятый вечным сном. За креслом стоял, держась обеими руками за его спинку, семидесятишестилетний старец. Все замерло в глубоком молчании, и Элули заговорил торжественным голосом:

— Римлянин, ты ищешь Ганнибала? Его здесь нет, здесь осталось только тело. Возьмите его и покажите римлянам. Удовольствуйтесь и этим. Большого взять вы не смогли.

Когда в Рим пришло известие о смерти человека, перед которым он так часто трепетал, народ возликовал и торжественно отпраздновал этот день. Но ни до, ни после Ганнибала ни один из полководцев не мог при подобных условиях совершить столько, сколько совершил вождь пунов для родного города. Вся его жизнь была бескорыстной жертвой, возложенной на алтарь отечества; потому-то его слава, как яркая звезда, будет сиять во все времена и на скрижалях истории начертано великое имя его — Ганнибал.

Глава XII

Занавес падает

Эзули принес Карфагену прощальный привет Ганнибала и его драгоценный меч. Город горько оплакивал смерть своего вождя. Жители справили по нем торжественную тризну, а меч поместили в храме Мелькарта.

Через несколько недель и Эзули ушел на вечный покой: звезда, которой он благоговейно поклонялся, угасла, что же ему оставалось делать здесь, на земле?

Скоро пришла новая беда. Царь нумидийский, Масинисса, начал опустошать земли Карфагена, зная, что римляне примут его сторону. Наконец, терпение пунов истощилось: они отбросили Масинисса назад и послали в Рим сообщение, что они отнюдь не желают нарушать мир, а, напротив, твердо решили соблюдать его, но не могут терпеть посягательств на свою территорию. Сенат потребовал триста юношей в качестве заложников. Когда же заложники были отправлены, к берегам Африки дви-

нулся большой флот римлян (149 г. до н. э.), который потребовал выдачи всего оружия и боевых орудий; а когда пуны, опасаясь за жизнь заложников, исполнили это требование, римские консулы объявили, что Карфаген будет разрушен до основания.

Пуны вознегодовали и решили умереть с оружием в руках.

Город подвергся нападению с моря и с суши; но его жители мужественно защищались. Они вырубали в окрестностях города все деревья, чтобы доставить материал для постройки боевых орудий и судов; всякий металл шел на выделку мечей и копий; горожане безвозмездно отдавали свою серебряную утварь. На площадях и в храмах с утра до вечера и даже ночью, при свете факелов, визжали пилы, раздавался стук кузнечных молотов; мужчины, женщины и дети, — все принимали участие в работе... Стены укреплялись, бреши засыпались, корабли закладывались, панцири, щиты, мечи и метательные копья делались в большом количестве, тысячи хорошо вооруженных воинов защищали город, производили вылазки, мешали работам осаждающих и поджигали неприятельские корабли.

Прошел год, одни консулы сменились другими, а пуны все не сдавались, сознавая всю трагичность создавшегося положения. Городской суфлет был заподозрен в намерении заключить мир с Римом и единогласно приговорен к смерти. На его место был призван полководец, стоявший до сих пор с войском вне городских стен. Жрец Мелькарта вынес из храма меч Ганнибала и торжественно, в присутствии верховного Совета, передал его избраннику.

Вновь избранный суфлет с воодушевлением взял поданный ему меч и воскликнул:

— Да будет мне примером Ганнибал, а Карфаген — судьей!

Борьба продолжалась с новыми силами. Газдрубал, новый суфлет (он не состоял в родстве с родом Гамилькара), находился на ногах и день и ночь, нанося римлянам страшный вред своими отчаянными вылазками... Прошел и второй год осады, а повелитель морей Карфа-

ген — по-прежнему стоял с гордо поднятой головой, не думая склониться перед Римом.

На следующий год римляне призвали молодого Сципиона, сына погибшего при Каннах консула Эмилия Павла, — и послали его с новыми силами в Африку. Сципион совершенно иначе повел осаду: он прежде всего опустошил всю страну вокруг Карфагена, чтобы преградить пунам подвоз продовольствия. Карфагеняне завели хозяйство в пригородах, обратили сады в хлебные поля, но земля не могла дать им столько, сколько требовалось для пропитания, и нужда медленно надвигалась на город.

Прошло четверть года, за ним еще полгода, жители держались, презирая смерть, но нужда становилась все острее, и наконец голод показал свое страшное лицо.

Когда был съеден весь скот, дошла очередь до лошадей, ослов, верблюдов, а затем горожане стали есть собак, кошек, птиц, обезьян и попугаев. Все растения употреблялись в пищу: декоративные цветы, листья, корни, сорная трава, но девиз граждан оставался прежним: "Мы не сдадимся!"

Так минул еще один год, и начался четвертый год осады. Сципион остался стоять у власти и, когда весной он начал наступление, то почувствовал, что голод постепенно делает свое дело, и силы осажденных падают. Карфаген погрузился в печаль и уныние; повсюду были слышны стенания и жалобы, во дворце и в самой бедной хижине. Раньше всех погибли грудные дети, за ними последовали больные и старики. Смертность стремительно возрастала, и мертвцов уже не могли хоронить как следует. Нужда все росла, и Газдрубал решил просить Сципиона о мире. Пусть вся область отойдет к Риму, только город желает остаться свободным.

— Отдай мне город, и я заплачу тебе десять талантов, — ответил на это Сципион.

Газдрубал с презрением отверг такое предложение.

В Карфагене совершались религиозные шествия, тысячные толпы с зажженными свечами двигались по улицам, торжественно пронося статуи богов. Все храмы

были завешены черными покрывалами, над их входами день и ночь горели факелы, и молящиеся падали ниц, умоляя богов о помощи — люди уже ничего не могли сделать.

Граждане готовы были пожертвовать всем, чтобы умиловить грозного и всесильного Мелькарта.

— Карфаген в несчастьи! Кровью склоните бога на милость! — пронесся над городом страшный клич.

Жители бросили жребий, решая, чьи сыновья будут принесены в жертву богу огня, страшная церемония стала происходить ежедневно.

Вдоль стен храма Мелькарта стояли курильницы, наполняя помещение одуряющим ароматом и окутывая все вокруг синеватым дымом; зловеще трещал огонь, пожирая кедр и лавр, а внизу, на ступенях лестницы, ведущей к трону Мелькарта, полукругом стояли отцы, приносившие в жертву родному городу все самое дорогое, что у них было. Перед каждым из них стоял закутаный в черное сын. Жрецы в кроваво-красных плащах пели свои гимны, верховный жрец провожал одного мальчика за другим наверх, клал его на вытянутые руки Мелькарта, дотрагивался до железной цепи, и жертва исчезала в пламени. Трубы гремели, барабаны били, жрецы пели, и ни единый стон не долетал до слуха благоговейно настроенной толпы.

А голод становился все ужаснее, смертность все возрастала, сила сопротивления ослабевала, и Сципион, наконец, проник в пригород.

Окопавшись в пригороде, римляне бросились на приступ самого Карфагена. Его защитники, исхудалые, изголодавшиеся, и тут оказали геройское сопротивление. Каждую улицу нужно было брать с боем, каждый дом приходилось осаждать, отвоевывать каждый этаж. Копья, камни, посуда летели из окон на наступавших, и тела павших в битве преграждали римлянам путь. Сципион приказал делать подкопы под дома, чтобы они под своими развалинами погребали защитников. Однако, дело продвигалось слишком медленно. Тогда римляне начали поджигать дома, и город полыхал целую неделю, и после целую неделю римлянам пришлось расчищать нако-

пившийся мусор, чтобы заново начать штурм крепости.

Жители, доведенные до изнеможения голодом и бессонными ночами, при виде страшного опустошения, потоков крови и пожаров, при виде римских легионов, продолжавших убивать, пришли в отчаяние и вступили с врагом в переговоры. А когда римляне пообещали сохранить им жизнь, пятьдесят пять тысяч человек покинули крепость: их слабые руки уже не в силах были поднять меч.

Но Газдрубал с семьей и девятыюстами гражданами заявил: "Умрем, но не сдадимся". Они направились к главному храму, расположенному на огромном холме. К храму вела лестница в шестьдесят ступеней. Здесь загорелся бой, какого не было еще за все время осады. Сципион решил во что бы то ни стало взять последнее убежище карфагенян. Осажденные и не думали о победе: они знали, что умрут здесь все до одного.

Газдрубал прилагал нечеловеческие усилия: он не только отражал наступающих врагов, но и должен был руководить боем, ободрять падавших духом, воодушевляя всех своим примером, и это в течение нескольких ужасных дней.

Но настала минута, и он не выдержал: его энергия иссякла. Несколько дней Газдрубал видел повсюду только кровь, трупы и огонь. Ужас охватил неустрашимого вождя, широко раскрытыми глазами смотрел он на весь этот кошмар и, не зная, что делать дальше, отбросил от себя свой меч, кинулся вниз и, пав на колени перед окровавленным победителем, воскликнул: "Мир! Пусть будет мир!"

Сципион даровал ему жизнь и, возвращаясь с триумфом в Рим, вел Газдрубала за своей колесницей.

Когда охваченный отчаянием вождь покинул место сражения, оставшиеся там граждане сами подожгли здание. На плоскую крышу храма в праздничном уборе взошла жена Газдрубала с двумя детьми. В руке она держала меч Ганнибала. Призывая богов, она подняла меч высоко к небу, а затем быстрым движением пронзила им детей и бросила их тела в пламя. Вновь подняла она меч, призывая Мелькарта и Танит, вонзила его себе

в грудь и бросилась в пламя. Через несколько минут раздался страшный удар, и храм обрушился. Бой кончился.

Город был отдан на разграбление солдатам, а затем подожжен со всех концов. В течение семнадцати дней бушевали пожары, и на месте Карфагена осталось только обширное поле пепла.

Великий сын Карфагена, воплотивший в себе идеал патриотизма и геройского мужества, покоится в чужой стране; а символ его жизни исчез вместе с родным городом: во время пожара Карфагена погиб и меч Ганнибала.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Тит Ливий о Второй Пунической войне)

Когда Ганнибалу было лет девять, его отец, Гамилькар, командовавший карфагенянами в завершающие годы Первой Пунической войны, готовился переправиться с войсками в Испанию: потеряв Сицилию, Карфаген рассчитывал возместить урон завоеваниями в Испании. По-детски ласкаясь к отцу, мальчик просил взять его с собой, и тут Гамилькар подвел сына к алтарю, велел ему коснуться рукой внутренностей жертвенного животного и принести клятву, что будет вечным, непримиримым врагом римского народа.

Девять лет провел Гамилькар в Испании, неустанно расширяя владения Карфагенской державы.

Когда Гамилькар умер, Ганнибал был слишком юн, чтобы сменить его на посту командующего. В течение восьми лет верховное начальствование принадлежало Газдрубалу, которому Гамилькар, очарованный его красотой и острым умом, отдал в жены свою дочь; среди солдат и простого люда наибольшим влиянием пользовалась партия баркидов*, она-то и поставила у власти Гамилькарова зятя. Газдрубал больше полагался на разум, чем на силу оружия, и потому не столько воевал, сколько искал для Карфагена новых союзников, склоняя к дружбе соседние народы, их царьков и предводителей. Впрочем, и мир не пошел ему на пользу: на глазах у целой толпы он был зарезан каким-то рабом, который мстил за своего господина, казненного Газдрубалом.

Видя, с каким искусством вел Газдрубал государственные дела, римский народ заключил с ним договор, установив границей между римскими и карфагенскими

* Это была партия сторонников войны с Римом, называвшаяся так по имени своего вождя — Гамилькара Барки.

владениями реку Ибер и порешив, что город Сагунт, который стоит на ничейной земле*, должен сохранить свою свободу.

Кому занять место Газдрубала, сомнений не было ни малейших: воины подняли на руки молодого Ганнибала, принесли его на главную площадь лагеря и под единодушные крики одобрения провозгласили преемником Газдрубала.

Ганнибал после смерти отца сперва жил в Карфагене, а затем Газдрубал прислал письмо в сенат с просьбой отправить Ганнибала к нему, в Испанию. Собрался сенат, и баркиды говорили, что сын Гамилькара должен привыкнуть к ратному делу и стать наследником отца, а глава противной партии, Ганнон, предложил ответить Газдрубалу отказом.

— Чего мы опасаемся? — спрашивал он. — Что сын Гамилькара слишком поздно узнает вкус безграничной власти и царского великолепия? Или что сами недостаточно скоро и проворно сделаемся его рабами? Нет, этого юношу надо держать дома и выучить его покоряться законам и властям, как покоряются им все прочие в Карфагене! А иначе — берегитесь, чтоб из малой этой искры не разгорелся великий пожар!

Все лучшие люди в сенате поддержали Ганнона, но их было немного, и, как обычно, большая часть взяла верх над лучшей. Ганнибал был отправлен в Испанию и сразу же стал любимцем всего войска. Старые солдаты готовы были верить, будто снова видят перед собой молодого Гамилькара: тот же облик, та же живость лица и сила взгляда. Но вскоре о сходстве с отцом уже мало кто и вспоминал; вместо этого в один голос заговорили о том, что не было еще на земле человека, одинаково одаренного двумя противоположными способностями — начальствовать и повиноваться. И едва ли кто мог решить, кому Ганнибал дороже — командующему или войску; и Газдрубал, если надо было действовать смело и решительно, всем прочим предпочитал Ганнибала, и воинам ни один из начальников не внушал столько доверия и отваги.

---

* Это значит, что римляне еще не подступили к Иберу (ныне Эбро) вплотную с севера, а карфагеняне — с юга.

Никто не боялся опасностей меньше, чем Ганнибал, и никто не обнаруживал большей осмотрительности в самые опасные мгновения. Никакие труды не могли утомить его тело или сломить его дух. И зной, и мороз он переносил одинаково терпеливо. Никогда не ел и не пил ради удовольствия, но лишь утоляя голод или жажду. Бодрствовал или спал, не различая дня от ночи, отводя отдыху лишь то, что оставалось от дел; да и тогда не искал ни мягкой постели, ни тишины, и многие видели, как он растягивался прямо на земле, прикрывшись солдатским плащом, посреди постов и караулов.

Одеждой он ни в чем не отличался от своих сверстников, зато оружие и кони всем бросались в глаза. Не было бойца искуснее Ганнибала ни среди всадников, ни среди пехотинцев. Первым летел он в схватку, последним уходил с поля битвы.

Великие его достоинства соединялись с такими же великими пороками — нечеловеческой жестокостью, неслыханным вероломством; не было для него ничего истинного, ничего святого, он не испытывал ни малейшего страха перед богами, ни малейшего уважения к клятве.

Три года прослужил Ганнибал под началом у Газдрубала, не упустив из виду ничего, что следовало знать и уметь будущему великому полководцу, а с того самого дня, как принял верховное начальствование, начал готовиться к войне против римлян. Медлить нельзя, считал он, промедление приносит с собой всякие случайности, а несчастные случайности отнимают жизнь: так погибли и отец его, Гамилькар, и зять, Газдрубал, погибли, не осуществив своих замыслов. И Ганнибал решил напасть на Сагунт, вернее — сперва на соседей Сагунта, чтобы казалось, будто он втянут в войну самым ходом событий.

В первый год он покорил племя олькадов, на другой год — вакцеев. Но побежденным удалось поднять против карфагенян сильный народ карпетанов, и, соединившись, они ударили по войску Ганнибала, тяжело нагруженному добычей, награвленной в земле вакцеев.

Дело происходило невдалеке от реки Тага. Ганнибал от битвы уклонился и наскоро разбил лагерь, а как только стемнело и неприятель утих, расположившись на ночлег, перешел реку вброд и разбил новый лагерь, ос-

тавив врагу место для переправы. Всадники получили приказ: как увидят, что пехота противника вошла в воду, — тут же в атаку.

Бой завязался посередине течения. Значительная часть испанцев погибла в стремнинах и водоворотах, а тех немногих, кого вынесло на вражеский берег, растоптали слоны. Задние ряды, которым удалось благополучно вернуться на свой берег, кинулись врассыпную, потом стали собираться вместе, но Ганнибал не дал им опомниться: четырехугольным строем карфагеняне двинулись вперед, и карпетаны не устояли.

Спустя несколько дней и это племя известило Ганнибала о полной и безоговорочной своей покорности. Теперь все земли к югу от Ибера, кроме владений Сагунта, были в руках карфагенян.

Сагунт был самым богатым и многолюдным среди городов Испании к югу от Ибера. Он стоял примерно в полутора километрах от моря, и первым источником его богатства надо считать морскую торговлю, а вторым — тучные, плодородные земли.

С опустошения этих земель и начал Ганнибал войну. Затем он подступил к самому городу, с той стороны, где городская стена выходит на сравнительно ровную долину: отсюда, решил Ганнибал, будет нетрудно подвести осадные навесы и под их прикрытием придвинуть таран.

Но место это лишь издали казалось выгодным для нападающих. Над укреплениями поднималась очень высокая башня, да и стена была выведена выше остального уровня. Вдобавок обороняли ее лучшие, отборные молодые воины, всякий раз бросавшиеся туда, где опасность была особенно велика. Вспыхивали короткие, беспорядочные схватки, в которых карфагеняне обычно теряли больше, чем сагунтяне. Кончилось тем, что сам Ганнибал был тяжело ранен дротиком в бедро. Видя, что он упал, карфагеняне пришли в неопишное смятение и кинулись бежать; еще немного — и все осадные навесы, все начатые работы были бы брошены на произвол врага.

На несколько дней — пока заживала рана Ганнибала — карфагеняне прекратили военные действия. Но вскоре война возобновилась с новой силой. Осадные

навесы и тараны были теперь пододвинуты с нескольких сторон сразу: осаждающие решили использовать свое численное превосходство. И вот тараны уже колотят в стену, уже рушатся укрепления и открывается широкая брешь — три башни подряд и два прясла между ними обвалились с оглушительным треском!

Карфагеняне были убеждены, что город пал и осажденные будут искать спасения в бегстве. Но завязалось настоящее сражение, нисколько не похожее на отчаянные стычки, какие обычно случаются при взятии города, когда уже все решилось и победители только добивают побежденных, — те сражались, словно в открытом поле, на каждом свободном от развалин клочке, между обломками стены и рядами домов.

Долго исход боя оставался неясен, но ведь сперва сагунтяне и надеяться не смели на столь длительное сопротивление, а потому теперь воспрянули духом и внезапно, подняв оглушительный крик, вытеснили врагов в развалины стены. Пуны растерялись и, потеряв надежду на победу, сразу же почувствовали себя побежденными. Они бежали без оглядки и укрылись в своем лагере.

Тем временем Ганнибалу сообщили, что прибыли послы из Рима. Им навстречу, к берегу моря, поспешили гонцы, которые объявили римлянам, что карфагенский полководец не ручается за самую их жизнь посреди такого множества разноплеменных и разъяренных солдат; да и некогда ему с ними беседовать.

В Карфагене же послов приняли и выслушали, но результат был тот же, что и у стен Сагунта. Только Ганнон выступил в защиту мирного договора с римлянами — сенаторы слушали его в глубоком молчании, но с явным неодобрением.

— Я предупреждал вас, — говорил Ганнон, — что не надо посылать к войску сына Гамилькара: до тех пор будет под угрозой мир с римлянами, пока звучит имя Барки и сохраняется хоть капля его крови.

Поверьте мне, не к стенам Сагунта, а к нашим собственным стенам подвел ныне Ганнибал осадные орудия, наши стены сотрясают удары его тарана, и развалины Сагунта обрушатся на наши головы, потому что войну, начатую против сагунтян, придется вести с римлянами.

Ганнибала не только надобно выдать в искупление дерзко разорванного договора, но даже, когда бы никто этого не требовал, его следовало бы сослать на край света, за тридевять морей, чтобы никогда и ничего больше о нем не слышать и с тем чтобы он никогда больше не смог нарушить спокойствие нашего государства!

Но сенат поддержал Ганнибала столь единодушно, что всякие споры казались излишними. Римлянам дан был такой ответ: войну начали сагунтяне, а не Ганнибал, и римский народ совершает несправедливость, если ради сагунтян жертвует старинной дружбой и союзом с карфагенянами.

Между тем как римляне теряли время попусту, ожидая возвращения послов, воины Ганнибала, изнуренные боями и осадными работами, получили несколько дней передышки: все боевые действия были приостановлены. Эти дни Ганнибал использовал на то, чтобы разжечь в своих людях ненависть к врагу и надежду на богатую добычу.

Ганнибал на время покинул Сагунт, чтобы усмирить два восставших племени, но натиск осаждающих нисколько не ослабел. Напротив, были пробиты таранами новые бреши, и Ганнибал, вернувшись, повел свои войска на приступ городской цитадели. После ожесточенного боя, который и тем, и другим стоил многих убитых, цитадель была взята.

Взяв Сагунт, Ганнибал ушел на зимние квартиры в Новый Карфаген. Там он созвал на сходку воинов испанского происхождения.

— Вы сами понимаете, друзья-союзники, — сказал он им, — что теперь, когда все народы Испании покорены, нам остается либо распустить войско, либо начать новую войну, в иных краях. Но я убежден, что лишь тогда испанские племена смогут воспользоваться благами не только мира, но и победы, когда мы начнем искать добычи и славы в чужих пределах. Итак, вас ожидает далекий и долгий поход, не скоро доведется вам снова увидеть свой дом и своих родных, а потому всякий, кто хочет повидаться с близкими, может получить отпуск. Но к началу весны все должны возвратиться, и с помощью богов мы начнем войну, которая принесет нам безмерную славу и несметную добычу.

Отдых длился целую зиму и подготовил тело и дух к новым испытаниям. Ранней весной войско Ганнибала снова было в сборе, точно исполнив приказ.

Но пока карфагеняне держат путь в Италию, римляне из Сицилии могут напасть на Африку. Опасаясь этого, Ганнибал решил поставить в Карфагене и других африканских городах сильные сторожевые отряды из испанцев, а взамен потребовал подкрепления из Африки: он нисколько не сомневался, что каждый воин лучше будет нести службу вдали от дома, когда две половины Карфагенской державы словно бы обменяются заложниками. Верховное начальствование в Испании он поручил своему брату Газдрубалу, оставив ему немалое пешее войско, усиленное боевыми слонами, и флот для обороны побережья.

Завершив все приготовления, Ганнибал выступил в поход.

Проворно завершив переход через горы, Ганнибал встал лагерем у северного их подножия. Несколько галльских племен взяли за оружие. Больше, чем войны с галлами, Ганнибал боялся задержки и промедления. Его послы тут же прибыли к вождям этих племен.

После этого галльские вожди встретились с Ганнибалом у него в лагере, получили подарки и вполне миролюбиво пропустили войско через свои владения.

Перейдя Родан и Друенцию, Ганнибал легко достиг подножия Альп и начал подъем в горы, обезопасив себя от нападения горцев: впереди он поставил слонов и конницу, а сам с главными силами пехоты шел следом, зорко озираясь по сторонам, готовый ко всяким неожиданностям.

По узким тропам, над обрывами и пропастями слоны двигались, разумеется, очень медленно, но зато они повсюду служили прекрасной защитой всему остальному войску: горцы, никогда прежде не видевшие этих животных, боялись их и не смели приблизиться.

На девятый день карфагеняне достигли вершины Альпийского хребта.

Ганнибал отдал приказ остановиться лагерем тут же, на хребте. Чтобы расчистить место для лагеря, пришлось срыть и раскидать целую гору снега. Когда воины немного передохнули, их повели прокладывать дорогу.

Работы заняли четыре дня, и скот падал от голода, потому что на вершинах не растет почти ничего, а если что и растет, то все равно спрятано под снегом. Зато пониже карфагенян ждали теплые, солнечные долины, ручьи, леса, луга. Здесь откормились животные и набрались сил люди. После отдыха они за три дневных перехода миновали предгорья и вышли на равнину.

Весь переход из Испании в Италию продолжался пять месяцев, переход через Альпы — пятнадцать дней. Сколько войска привел в Италию Ганнибал, в точности никому не известно, а приблизительно — восемьдесят тысяч пехоты и десять тысяч конницы.

Карфагеняне стали лагерем в земле галлов-тавринов. Но вскоре Ганнибал покинул владения тавринов и выступил навстречу римскому консулу Публию Корнелию Сципиону.

Корнелий переправился через Пад и подошел к реке Тицину.

Римляне принялись наводить мост через Тицин, а Ганнибал тем временем отправил отряд нумидийской конницы грабить владения союзников римского народа, чтобы заставить эти племена отказаться от союза с Римом. Когда же мост был готов и римляне, завершив переправу, разбили лагерь в семи или восьми километрах от карфагенского лагеря, Ганнибал созвал еще одну сходку и опять обещал войскам богатейшие награды — деньги, землю в Италии, в Африке, в Испании (кто где пожелает), полные права гражданства в Карфагене (тем, кто ими не владел), даже свободу рабам, которые примут участие в битве вместе со своими хозяевами (хозяевам он пообещал вернуть по два невольника за каждого отпущенного на волю раба). А чтобы никто не сомневался, что все обещания будут исполнены, он взял в правую руку камень, левой ухватил за шею ягненка и воскликнул, обращаясь к Юпитеру и остальным богам:

— Если я нарушу свое слово, предайте меня, боги, такой же смерти, какой я предаю ягненка! — и с этими словами размоzzжил ягненку голову.

Первая битва с Ганнибалом достаточно убедительно показала римлянам, что они слабее противника в коннице и что, стало быть, просторная равнина между Альпами и Падом для них невыгодна. И в ту же ночь они снялись

с лагеря и поспешили к Паду. Ганнибал пустился следом, но римляне переправились благополучно: в руки неприятеля попало не более шестисот человек, которые замешкались на берегу, разрушая мост (его разрушили с обоих концов сразу, так что середина была подхвачена и унесена течением).

Лишь спустя несколько дней удалось Ганнибалу настигнуть неприятеля. На другое же утро он вывел войско в поле, предлагая консулу битву, но римляне не вышли за лагерный часток. Вероятно, они и дальше оставались бы на прежнем месте, если бы не измена галльских вспомогательных частей: ночью галлы перерезали караульных у ворот лагеря и ушли к Ганнибалу. Пун их всячески обласкал и отпустил — в надежде, что они рассказами о его щедрости и великодушии склонят к измене и своих соплеменников.

Сципион решил, что все галлы заражены тем же безумием и готовы поднять оружие против Рима. Тяжело страдая от раны, он, однако, на следующую ночь, в четвертую стражу, передвинул лагерь за реку Требию, на высоты, недоступные для конников.

Римляне разбили новый лагерь почти у самого берега: во-первых, тряска тяжело разбередила рану Сципиона, а во-вторых, надо было дожидаться второго консула, Семпрония, которого сенат уже отозвал из Сицилии.

Семпроний сразу погрузил войско на суда и отправил Адриатическим морем в Аримин, а сам выехал следом спустя несколько дней. Из Аримина он выступил к Требии и соединился с товарищем по консульству.

Теперь против Ганнибала стояли оба консула и вся военная сила Рима, и никто не сомневался, что, если для защиты Римской державы этой силы не хватит, больше надеяться не на что.

Победа при Требии стоила карфагенянам слишком дорого: вражеское оружие, и в особенности лютый холод этого дня, погубили массу людей, вьючных животных и почти всех слонов. Разойдясь по своим палаткам и стараясь отогреться, карфагеняне словно забыли о противнике.

Консул Корнелий Сципион беспрепятственно увел остаток своих людей через Плацентию, куда отвел своих воинов Семпроний, в Кремону: он не хотел, чтобы два

консульских войска стали на зимние квартиры вместе, обременив непосильными расходами один город.

С первыми признаками весны Ганнибал снялся с зимних квартир и вступил в землю этрусков, чтобы склонить на свою сторону и этот народ. Но он поторопился: зима еще не кончилась, и когда карфагеняне подошли к Апеннинам и начали подъем, грянула такая буря, что переход через Альпы вдруг показался им увеселительной прогулкой.

Два дня провели карфагеняне на этих высотах, точно в осаде, и потеряли множество мулов, коней и еще семь слонов. На третий день они спустились обратно.

Ганнибал подошел к Плацентии и предложил Семпронию новый бой, выведя в поле двенадцать тысяч пехоты и пять тысяч конницы. Семпроний принял вызов, и если бы ночь не развела врагов, возможно, они истребили бы друг друга до последнего человека — так велико было ожесточение обеих сторон.

И карфагеняне и римляне потеряли примерно по шестисот пехотинцев и по триста всадников. Ганнибал отступил во владение племени лигурийцев, Семпроний — к городу Луке.

Тем временем надвинулась настоящая весна, и Ганнибал поспешил сняться с зимних стоянок и уйти наконец за Апеннины. Медлить было не только бессмысленно, но и опасно.

Много раз вожди племен подсылали к Ганнибалу убийц, и спасало его все то же галльское легкомыслие: вожди легко, не задумываясь, вступали в заговоры и с одинаковой легкостью доносили друг на друга.

Перевалив Апеннины, Ганнибал услышал, что Гай Фламиний, новый консул Рима, уже близ города Арретия. Это известие заставило его избрать самый короткий и самый неудобный путь — по болотистой низине, залитой в весеннюю пору года водами реки Арн.

Четыре долгих дня и три ночи длился этот переход, и ни разу не встретилось ни одного сухого островка, где можно было бы вытянуться и уснуть хотя бы на час.

Ганнибал еще раньше заболел глазами — на него скверно действовала неустойчивая весенняя погода. Теперь он ехал на единственном слоне, уцелевшем к концу зимы, и, значит, сравнительно с остальными был над

водой высоко, но долгая бессонница, ночная сырость и болотный воздух обострили болезнь, а лечиться не было ни времени, ни места, и он окривел.

Разбив лагерь, Ганнибал выслал вперед лазутчиков, и те подтвердили, что римское войско расположилось у стен Арретия.

Ганнибал решил получше воспользоваться природными недостатками своего противника, а для этого — растревожить его и раззадорить; и он принялся грабить Этрурию, издали дразня консула дымом пожаров и запахом крови.

После этого Ганнибал вышел к Тразименскому озеру, в таком месте, которое как бы самой природой было предназначено для засады. Там Ганнибал и разбил свой лагерь, поместив в нем, однако же, только африканцев и испанцев: балеарцев и прочую легкую пехоту он увел за холмы, а конницу спрятал у самого входа в эту ловушку.

Фламиний появился на закате солнца. Убедившись, что враг заперт и зажат меж озером и горами, Ганнибал подал всем сигнал к нападению, и они скатились вниз. Что более всего поразило римлян, так это дружная слаженность неприятельской атаки. Дело в том, что туман, поднявшийся с озера, лег на поле гораздо гуще, чем на высотах, и римляне ничего не видели даже в нескольких шагах, а карфагенские отряды отлично различали друг друга и спустились почти одновременно. Лишь по крикам, загрепевшим со всех сторон сразу, римляне поняли, что они в кольце, и бой начался прежде, чем они успели перестроиться или хотя бы обнажить мечи.

Все были так поглощены битвой, что не заметили даже землетрясения, которое разразилось как раз в эти часы и погубило немало городов в Италии, изменило течение многих рек, обрушило горы.

Почти три часа продолжалась эта дикая сеча, пока не пал под ударом копья Фламиний.

Смерть консула послужила сигналом к повальному бегству.

Такова знаменитая Тразименская битва — одно из самых памятных бедствий в истории римского народа. Пятнадцать тысяч полегло в бою, десять — спаслись

бегством и, рассеявшись по всей Этрурии, пробирались кто как мог в Рим. У карфагенян убитых было две с половиной тысячи, да еще многие умерли от ран. Пленных латинян Ганнибал отпустил без выкупа, римских граждан запер под стражей. Тела своих он приказал собрать и похоронить, трупы врагов бросили без погребения. Впрочем, консула Фламиния Ганнибал распорядился предать погребению наравне со своими, и его искали очень старательно, но не нашли.

Следующим противником Ганнибала стал избранный римским народом диктатор Квинт Фабий Максим. Он с отрядом двинулся навстречу Ганнибалу в Апулию, но от битв уклонялся до тех пор, пока из-за ошибки проводника из Кампании карфагеняне не оказались запертыми в кольце гор у Казилина.

Ганнибал скоро убедился, что кольцо это необходимо прорвать, иначе Фабий задушит карфагенян голодной и холодной зимовкой. Позиция римлян у Казилина была неприступной; не оставалось ничего иного, как попытаться удачи на горной тропе, а для этого — прибегнуть к хитрости. Согнали отовсюду волов и быков — их набралось около двух тысяч, наготовили сухого хвороста и привязали к рогам. Газдрубал* получил приказ: как настанет ночь, гнать стадо в гору, к перевалу, занятому вражеским караулом.

Едва смерклось, карфагеняне беззвучно снялись с лагеря; когда они приблизились вплотную к подошве горы, Ганнибал подал знак — и солдаты подожгли хворост на рогах у быков. Увидев вдруг пламя над головой, а потом ощутив резкую боль (это огонь добрался до живого мяса), быки чуть не взбесились от страха и ринулись вперед. Римлянам наверху почудилось, будто весь склон запылал, а когда животные в ярости трясли головами, казалось, что мечутся из стороны в сторону люди с факелами в руках. Не успели воины на перевале сообразить, что происходит, как огни появились уже и над ними, и у них за спиной, и в полной уверенности, что они окружены, караульные покинули перевал.

Все бежали, чуть живые от страха, и, как назло,

---

* Разумеется, не брат Ганнибала — тот остался в Испании, — а его тезка.

столкнулись с отрядом вражеской легкой пехоты. До утра противники стояли друг против друга, не смея скрестить оружие в темноте, а Ганнибал тем временем беспрепятственно исполнил свой замысел и ушел за горы.

После долгого перерыва и перехода на третьем году войны командования римскими войсками к соперничавшим друг с другом консулам Гаю Теренцию Варрону и Луцию Эмилию Павлу войска Рима и Карфагена встретились в битве при Каннах.

Битва, как водится, началась стычками легковооруженных. Затем вступила в дело галльская и испанская конница. Но меж рекой и рядами пехоты места для маневра не оставалось вовсе, и противники, съехавшись лоб в лоб, схватились врукопашную.

Римляне бились так, как бьются, уже не сомневаясь во вражеской победе и бегству предпочтя смерть. А победители, разъяренные этой последней помехой, рубили и рубили тех, кого не могли потеснить.

Всего убито было сорок пять тысяч пятьсот пехотинцев и две тысячи семьсот конников, из них половина римские граждане и половина союзники. Погибло много сенаторов, в прошлом занимавших высшие должности в государстве, — они добровольно записывались простыми воинами в легионы, — погиб и Гней Сервилий, консул минувшего года, и Марк Минуций, начальник конницы у диктатора Фабия.

В плен на поле сражения попало три тысячи пехотинцев и полторы тысячи конников.

Карфагенские начальники наперебой поздравляли Ганнибала и в один голос советовали, чтобы он дал отдых себе и воинам война уже закончена, спешить больше некуда. И только один Магарбал, командовавший конницей, упорно твердил, что нельзя терять ни минуты:

— Рим и испугаться не успеет, как мы его схватим за горло.

Но Ганнибалу предложение это показалось слишком заманчивым и потому неисполнимым. А Магарбал воскликнул:

— Вот уж поистине не все разом дают боги одному человеку! Победить ты умеешь, Ганнибал, но пользоваться победой не умеешь!

И правда, все соглашались, что как раз этот день,

который карфагеняне промешкали под Каннами после победы, спас и город Рим, и всю Римскую державу.

Поражение при Каннах было для Рима страшнее всех предыдущих не только размерами потерь, но, главное, тем, что после него впервые заколебалась преданность союзников: прежде они верили в несокрушимость Римской державы, теперь эта вера рассеялась. Сторону пунов приняли север, весь юг и многие племена и народы срединной Италии.

Оставив наконец лагерь под Каннами, Ганнибал через Самний прошел в Кампанию, чтобы захватить Неаполь — ему был необходим морской порт, — но затем отказался от этой мысли, испуганный внушительным видом городских укреплений, и повернул к Капуе, где уже стоял карфагенский караульный отряд.

Сразу после битвы при Каннах капуанцы заговорили, что пора расторгнуть союз с Римом. К Ганнибалу отрядили послов, и был заключен союз на следующих условиях: Капуя будет управляться по собственным законам; ни военные, ни гражданские власти карфагенян не должны распоряжаться жизнью, свободой или имуществом кампанского гражданина; Ганнибал передает кампанцам триста римских пленных для обмена на тех юношей, что служат у римлян в Сицилии; в свою очередь капуанцы согласны принять и разместить в городе карфагенский караульный отряд.

Вот по какому делу явился Ганнибал в Капую.

Тем временем в Карфаген прибыл брат Ганнибала, Магон, чтобы известить сенат о победах, одержанных в Италии, а также чтобы просить подкреплений и денег, потому что, сказал он, чем ближе решительная и завершающая победа, тем больше сил требуется, чтобы ее достигнуть.

Решено было послать в Италию из Африки четыре тысячи нумидийцев и сорок слонов, а из Испании — десять тысяч пехоты и две тысячи конницы.

От Капуи Ганнибал двинулся к Ноле, другому городу Кампании. Он надеялся взять его без боя. И правда, простой народ, страшась бедствий осады, хотел союза с пунами.

Ежедневно римляне выходили в поле и строились в боевой порядок. Выходили из своего лагеря и карфагеня-

не и тоже строились к бою. Большого сражения ни тот, ни другой командующий не желали, однако же мелким стычкам не препятствовали. В этих мелких стычках день следовал за днем, как вдруг сенаторы сообщили Марцеллу, что простой народ вступил в сговор с пунами.

Марцелл решил, не откладывая, попытать военного счастья.

Ганнибал, как обычно, вывел и построил свое войско, но римляне не появлялись. Прождав довольно долго, пун предположил, что заговор в Ноле раскрыт и что римляне просто-напросто скованы страхом, а если так, то лучших обстоятельств для штурма и желать нечего. Карфагеняне выкатили осадные машины, вынесли лестницы и прочее необходимое снаряжение и начали продвигаться вперед. В этот момент распахнулись средние ворота, и сперва пехотинцы, а за ними конники с оглушительным криком бросились на врага. Центр карфагенской боевой линии был уже расстроен, когда открылись боковые ворота и римляне ударили неприятелю во фланги. То была огромная победа, может быть, самая важная во всей войне, — первая победа после Канн.

Отступив от Нолы, Ганнибал осадил Казилин. Этот городок был ближайшим соседом Капуи, и потому Ганнибалу представлялось важным выбить оттуда римский гарнизон.

Когда передовой отряд Ганнибала приблизился к Казилину, воинам показалось, будто город пуст, — такая стояла над ним тишина. Начальник отряда решил, что римляне перепугались и ушли, и велел ломать засовы на воротах. Этого только и ждали защитники Казилина. Они высыпали наружу и уложили значительную часть отряда на месте, сами же вышли из боя почти без потерь.

Ганнибал выслал большие и лучшие силы, и снова без всякого успеха. Тогда он подступил со всем войском и начал осаду по всем правилам военного искусства, обложив город со всех сторон. Но со стен и башен били так метко, что он терял отборных воинов. Оставив под Казилином для продолжения осады лагерь и лагерную охрану, Ганнибал ушел на зимние квартиры в Капую.

Карфагенское войско было закалено против всяческих трудностей и невзгод, зато к удобствам не привык-

ло вовсе. Теперь впервые оно проводило зиму под кровом, в тепле и довольстве, и тех, кому были нипочем любые беды, погубили роскошь и наслаждения — долгий сон, пьянство, обжорство, бани, безделье. Жадно набросившись на эти приманки, солдаты Ганнибала в самом недалеком времени изнежились — обессилели и телом, и духом, а главное — потеряли всякую охоту воевать и всякий страх перед начальниками.

Едва начало теплеть, Ганнибал вернулся к Казилину. Осада успела довести римский гарнизон до крайности. Но сдаваться тот не собирался.

Хладнокровие и стойкость сделали свое дело: обычно непреклонный, Ганнибал вступил в переговоры и согласился отпустить всех свободных граждан, правда, за большой выкуп.

Весь четвертый год войны был неблагоприятен для Ганнибала. Неудачей закончилась попытка заключить союз с Филиппом Македонским. Римляне захватили послов, и только побег одного из них помог несостоявшимся союзникам не стать врагами. Не увенчалась успехом и попытка завладеть Нолой, которую, как и год назад, защищал Марцелл. После этого карфагеняне ушли на зимние квартиры.

На пятом году войны Ганнибал покинул зимние квартиры в Апулии и вернулся в Кампанию. Туда же и в соседнюю землю, в Самний, собрались и римские войска. У самнитского города Беневента встретились полководец Ганнибала Ганнон и Тиберий Семпроний Гракх. Его легионы большей частью состояли из добровольцев-рабов, которые уже второй год молча и терпеливо выслуживали себе свободу. Она была обещана за победу в битве с карфагенянами. Рабы ударили с такой силой и такой яростью, что выстоять не смог бы никто. Враги смешались, дрогнули и наконец открыто повернули к своему лагерю, но ужас, который их охватил, был слишком велик, и они не сумели остановиться даже в лагерных воротах. А римляне, почти не нарушив строя, ворвались в лагерь за ними следом, и вспыхнул новый бой — в тесноте, между палатками. Впрочем, скорее это следовало бы назвать резней, чем боем, потому что из всего карфагенского войска уцелело меньше двух тысяч, да и то в основном конница.

В Кампании Ганнибал терпел неудачу за неудачей. Безуспешно старался он отбить у римлян Нолу, захватить Неаполь или какой-нибудь иной город на берегу моря; все, что ему удавалось, — это только грабить поля.

В конце концов он решил расстаться с Кампанией и попытать счастья в другом месте, в Калабрии, у стен греческого города Тарента. Но успеха не добился.

Все эти годы не прекращалась борьба с карфагенянами и в Испании. Вел ее сперва Гней Корнелий Сципион, брат консула Публия Корнелия, который неудачно пытался задержать Ганнибала в Галлии, на пути к Альпам, а затем еще менее удачно сражался с пунами при Тицине и при Требии. На второй год войны сенат отправил Публия Корнелия в Испанию главнокомандующим, и с тех пор братья Сципионы разделяли поровну труды и заботы. В Испании все складывалось лучше, чем в Италии. Римляне не испытали здесь ни одного поражения и не только прочно удерживали за собой все земли к северу от Ибера, но часто переходили и в карфагенские владения и многие племена склонили к измене пунам.

На третьем году войны пунийский командующий в Испании Газдрубал Барка, брат Ганнибала, получил из Карфагена приказ как можно скорее вести войско в Италию, на помощь Ганнибалу. Газдрубал находил этот приказ неразумным, потому что оставить Испанию без надежной защиты означало отдать ее римлянам, однако же подчинился и стал готовиться к походу. Когда Сципионы узнали о его приготовлениях, они отложили все прочие дела, планы и намерения, твердо понимая, что, если Ганнибал и Газдрубал соединятся, Римская держава погибла. Они переправились через Ибер, и спустя некоторое время оба вражеских войска стояли лагерями в семи или восьми километрах друг от друга. В один и тот же день, словно по уговору, противники вышли в поле и построились для битвы.

Надежды на победу были почти равные, потому что и силы у противников были равны. Но римляне, хотя им предстояло сражаться вдали от родной земли, верили, что они защищают Италию и город Рим, и потому бесповоротно решились либо победить, либо умереть. А под началом у Газдрубала были в основном испанцы,

которым больше хотелось потерпеть поражение в Испании, чем, победив, тащиться в Италию.

Потери карфагеняне понесли неисчислимы. Опасность, нависшая над Италией, счастливо миновала, а Испания, вся целиком, отвернулась от побежденных, и римляне разместили свои гарнизоны во многих городах к югу от Ибера.

Так же успешно воевали Сципионы и в последующие годы, и наконец настала пора подумать о том, чтобы обзавестись союзниками в самой Африке. Случилось, что Сифак, царь Западной Нумидии, внезапно повздорил с карфагенянами и проникся к ним враждой. Сципионы отправили к нему трех центурионов с предложением дружбы и военного союза против пунов.

Узнав об этом союзе, пуны поспешно отрядили послов к царю Гала, правившему другой половиной Нумидии*, и советовали ему объединиться с ними и вместе напасть на Сифака, который вступил в сговор с врагами Африки и мечтает возвыситься над всеми ее племенами и народами. Его сын Масинисса и выступил в поход, который закончился страшным поражением Сифака.

Ганнибал же провел лето шестого года войны в Калабрии, захватив и переманив на свою сторону несколько мелких городков.

Ничего особо значительного в тот год не произошло. Так начался седьмой год войны.

Ганнибал второе лето подряд не уходил из Калабрии. Главной приманкой, которая его здесь удерживала, по-прежнему был Тарент. Воспользовавшись зревшим заговором против Рима в стенах города, Ганнибал захватил его, но разграбил лишь дома, принадлежавшие римлянам.

Начальник гарнизона, разбуженный первой же тревогой, бежал в гавань и на лодке перебрался в крепость.

На другой день Ганнибал попытался захватить крепость. Но с трех сторон ее защищало море и высокие прибрежные утесы, а с четвертой, со стороны города, — стена и широкий ров. Взять ее штурмом нельзя было и думать.

---

* Восточной половиной, примыкавшей к владениям Карфагена.

Оставалась надежда лишь на правильную осаду, да и то довольно зыбкая. Пролив, соединяющий гавань с морем, был очень тесный, и крепость на мысу надежно его запирала. Получалось, что римский гарнизон имеет к морю свободный доступ, а гавань — и, стало быть, город, — отрезаны от него.

На море хозяйничает враг. Но если бы найти флот, чтобы всякий подвоз морем прекратился, тогда римляне мигом убралась из крепости или сдались.

Улицей, которая вела от гавани к морю, через середину города, Ганнибал перевез на телегах суда тарентийцев — и море, которым владел враг, стало их.

Тем временем союзники Ганнибала в Капуе послали к тому посольство за посольством с просьбой защитить их от войск консулов Квинта Фульвия Флакка и Аппия Клавдия, твердо вознамерившихся наказать город за измену Риму.

Но обезопасить Капую от осаждавших ее римлян Ганнибалу не удалось, несмотря на предательское убийство сторонником карфагян Флавом командовавшего римским войском Тиберия Семпрония Гракха. Зато в битве при Лукании Ганнибал одержал легкую победу, а в битве при Апулии римляне не выдержали не только первого удара карфагян, но даже их первого крика. Претор Фульвий был схож с Марком Центением Пенулой, разбитым при Лукании, глупостью и легкомыслием, но не силой духа. Увидев, что его люди в смятении, он схватил коня и бежал первым в сопровождении и под прикрытием двух сотен всадников. Зато из восемнадцати тысяч его подчиненных уцелело не более двух тысяч — остальных карфагяне обошли, стиснули с тыла и с обоих флангов и перебили. Римский лагерь, целый и невредимый, достался пунам.

Из Лукании Ганнибал увел войско к Таренту. Снова пытался он взять крепость, и снова безуспешно. Тогда он подступил к Брундизию, и здесь его в очередной раз разыскали послы из Капуи, сообщили, в каком отчаянном положении находится их город, и заклинали поскорее помочь, однако осада Капуи римлянами продолжалась. Поэтому, оставив в Брутии почти весь обоз и всю тяжелую пехоту, Ганнибал с отрядом лучших воинов, конных и пеших, направился в Кампанию.

Сражение началось необычно: к воинскому крику, звону оружия, цокоту копыт прибавился грохот меди, который подняла на стенах толпа неспособных к войне жителей. Они колотили в медные блюда, чаши, старые щиты и шлемы и истошно вопили, чтобы испугать врага. Кампанцев римляне отразили легко, но с другой стороны наседали пуны.

Видя, что испанцы перебиты и что римляне защищаются с крайним упорством, Ганнибал велел пехотинцам отступать, а конникам — прикрыть их с тыла. Легионы рвались преследовать врага, но Флакк не позволил. Он считал, что и достигнутого вполне довольно: кампанцы убедились, как мало способен им помочь Ганнибал, да и сам пун в этом тоже убедился.

Ганнибал понял, что ни вызвать римлян на бой еще раз, ни прорваться через его укрепления к стенам Капуи ему не удастся. Размышляя, куда лучше двинуться, он вдруг подумал о Риме — конечной цели всей войны. Не было ничего невозможного в том, чтобы овладеть хотя бы частью города.

Карфагеняне в одну ночь переправились через реку Вольтурн и с запасом продовольствия на десять дней тронулись к Риму. У реки Лирис Ганнибал остановился: окрестные жители разрушили мост. Один из них помчался в Рим. Его появление вызвало в столице ужас.

Наведя мост через Лирис, Ганнибал двинулся дальше, опустошая соседние поля, и чем ближе к Риму, тем более жестокими делались опустошения, тем более народу убивали и захватывали в плен головные разъезды нумидийцев. Лагерь карфагеняне разбили у реки Аниена, всего в четырех с половиной километрах от Рима. С двумя тысячами всадников Ганнибал подъехал чуть не вплотную к стене. На Эсквилинском поле завязался бой. Но в городе началась паника.

Конное сражение римляне выиграли. Но весь остаток дня и следующая ночь ушли на то, чтобы как-то успокоить растревоженную столицу.

На другой день Ганнибал выстроил войско к бою. Но когда все было готово, вдруг разразился ливень с градом, и противники разошлись, мокрые до нитки, едва удерживая оружие в руках. На завтра выстроились снова на том же месте — и снова такая же буря с ливнем и

градом. Но как только противники расходились по своим лагерям, небо сразу же очищалось, наступала тишина и покой. Карфагеняне сочли это божественным знамением, и Ганнибал, как рассказывают, грустно заметил:

— В первый раз собственное неразумие помешало мне взять Рим, во второй — судьба.

Отступив от Рима, Ганнибал в Кампанию не вернулся, а через Самнию, Апулию и Луканию проследовал в Бруттий, к проливу, отделяющему Италию от Сицилии, да так стремительно, что чуть не захватил город Регий на берегу пролива.

Весь девятый год войны в Италии Марк Марцелл продолжал борьбу с Ганнибалом. Успех склонялся то на сторону пунов, то на сторону римлян, но событий очень значительных в тот год не было.

На десятом году войны Марцелл выступил с зимних квартир, как только пробилась весна на полях. Места в середине Апулии открытые, засады здесь невозможны, и Ганнибал принялся отходить к лесам. Марцелл следовал за ним по пятам. Однажды Марцелл настиг врага ночью на марше. Битва началась утром и длилась до вечера, тем не менее решительного успеха ни та, ни другая сторона не достигла. Сражение продолжилось на следующий день. Положение долго оставалось неопределенным, и Ганнибал распорядился выпустить вперед слонов. В первую минуту римляне растерялись и дрогнули; те, кто был ближе к слонам, повернули вспять. Но военный трибун Гай Децим Флав, примчавшись к тому месту, где сгрудились слоны, приказал метать в них копья и дротики. Никто не промахнулся, потому что расстояние было ничтожное, а цель невероятно большая. Взбесившиеся от боли животные стали топтать своих и погубили куда больше людей, чем перед этим у римлян, потому что вожак, который сидит у слона на спине и направляет его шаги, — погонщик куда менее искусный, чем страх, засевший у зверя в сердце. Римская пехота уже без труда довершила то, что начали слоны.

В ту же ночь Ганнибал снялся с лагеря. Марцелл не мог его преследовать из-за множества раненых.

Ганнибал отомстил ему год спустя, когда тот вместе с консулом Титом Квинтием Криспином попал в за-

саду нумидийцев. Марцелл погиб. Одиннадцатый год войны закончился неудачной попыткой захватить Салапию и уходом на зимние квартиры.

Следующий год войны начался подходом Ганнибала к Грументу. И туда же подошел римский консул.

Первые дни все ограничивалось незначительными стычками пехотинцев с передовых постов, но было ясно, что Ганнибал согласен и на большое сражение.

На рассвете Гай Клавдий вывел и построил к бою всю свою пехоту и конницу. Немного спустя поднял сигнал битвы и Ганнибал. В карфагенском лагере зазвучали крики воинов, спешивших к оружию, и все наперебой мчались к воротам и дальше, в поле, навстречу неприятелю. Видя этот беспорядок, консул велел коннице одного из легионов ударить на пунов со всей возможной стремительностью.

Ганнибал не успел еще выйти из лагеря, как услышал шум сражения. Самых горячих, которые забежали дальше остальных, уже гнала назад римская конница. Вступила в бой и пехота — легионеры и союзники. Пуны отбивались как придется, каждый в одиночку. Только близость лагерного вала спасла карфагенян от поголовного истребления. Убитыми они потеряли свыше восьми тысяч, пленных было захвачено семьсот, военных знамен — девять. Слоны в этом внезапном и таком коротком сражении негодились — четверых римляне убили, двух взяли живьем. У победителей погибло около пятисот солдат.

Два следующих дня Ганнибал не принимал вызов римлян к бою, а на третью ночь тайно ушел из лагеря с войском. Консул Гай Клавдий Нерон вначале упорно преследовал его, но затем поспешил соединиться с Марком Ливием у стен Сены Гальской. Там были наголову разбиты карфагеняне, которыми командовал брат Ганнибала Гамилькар. Тот пал в битве, предпочтя смерть позору.

Ганнибал, потрясенный двойным горем: бедой отчества — был разгромлен Новый Карфаген, потеряна большая часть союзников и отданы практически все испанские территории — и смертью брата, — сказал, что участь Карфагена решилась. Он отступил из Апулии в Бруттий, чтобы стянуть туда, в крайний угол Италии,

все войска и всех союзников: защищаться на более обширном пространстве он был уже не в силах.

В последующие годы войны Ганнибал избегал столкновений с римлянами. Но если на тринадцатом году с Ганнибалом бороться не пришлось вовсе (рана, которую нанесли в Умбрии ему и его государству, была еще слишком свежа, и он не хотел ничего, кроме покоя, а римляне не осмеливались нарушать его покой — таким невероятным могуществом, такой силой по-прежнему обладал в их глазах этот полководец, хотя все вокруг него уже рушилось и обращалось в ничто), то весь четырнадцатый год римляне теснили его повсюду — в Италии, Испании и даже в Африке. Не принес побед и пятнадцатый год. А на шестнадцатом году войны Ганнибал получил приказ о возвращении из Италии от сената Карфагена, подчинившегося требованиям Публия Сципиона: вернуть пленных и перебежчиков; вывести войска из Италии и Римской Галлии (куда еще за два года до того переправился с Балеарских островов Магон); отказаться от всех притязаний на Испанию, Сицилию и Сардинию; выдать весь боевой флот, кроме двадцати кораблей; засыпать в римские житницы пятьсот модиев пшеницы и триста тысяч модиев ячменя; выплатить римскому войску двойное жалованье.

Карфагеняне решили, что важнее всего выиграть время и дожидаться из Италии Ганнибала. Поэтому они согласились беспрекословно и, по желанию Сципиона, отправили послов в Рим, к сенату.

Он слушал их, скрежеща зубами, едва не плача, и, когда они договорили, воскликнул:

— Так, прекрасно! Прежде меня тянули назад исподволь, оставляя без подкреплений, без денег, теперь отзывают открыто! Не римский народ победил Ганнибала, а карфагенский сенат своей ревнивой завистью. И бесславный конец италийской войны не столько радости принесет Публию Сципиону, сколько Ганнону, который и самого Карфагена не пощадил, лишь бы разрушить до основания дом Гамилькара Барки!

Впрочем, он уже давно предчувствовал, к чему клонится дело, и держал корабли наготове. Большую часть войска, стоявшую караульными отрядами по городам Бруттии и ни к чему не пригодную, он распустил,

и лишь лучших, отборных солдат взял с собой в Африку.

Редко какой изгнанник так страдал, расставаясь с родиной, как Ганнибал — покидая неприятельскую землю.

Возвратившись, Ганнибал увидел, что все кругом Карфагена было полно римских солдат и римского оружия, и повел свое войско к Заме, которая находится в пяти днях пути от Карфагена. Он послал к Сципиону гонца с просьбой о встрече.

Сципион принял предложение. Римляне расположились в шести километрах от карфагенян. Между обоими лагерями выбрали совершенно гладкое место, — чтобы исключить возможность засады, — оба полководца появились одновременно и, оставив вооруженный конвой на противоположных концах поля, сошлись ровно посередине, каждый в сопровождении единственного переводчика. Сошлись два величайших полководца не своего только времени, но всех времен и всех народов, какие известны человеческой памяти. Они долго молчали — чувство взаимного восхищения сковывало язык обоим, — потом Ганнибал заговорил. Речь его была долгой и откровенной. Он перечислял свои победы и победы врага, сожалел о прошлых ошибках, призывал к благоразумию. Но Ганнибал предлагал мир на условиях, исключавших почти половину требований Сципиона, уже принятых сенатом Карфагена. Так что согласия достигнуто не было, и возвратившись к своим, Ганнибал и Сципион приказали готовиться к последней битве, которая определит победителя не на день и не на год, но до окончания времен. Наградой за победу будет не Африка и не Италия, а весь мир.

Назавтра, ранним утром, оба полководца вывели и построили свои войска.

У римлян вдруг разом взревели все рога и трубы и раздался крик, такой дружный и громкий, что слоны перепугались, повернули и кинулись на своих. Впрочем, нескольким погонщикам удалось направить своих слонов на противника, и эти животные бесстрашно ворвались в римские ряды. Таким образом, оба вражеских фланга лишились конного прикрытия еще до начала правильного пехотного сражения. Это сражение было несчастьем для

пунов с первой же минуты. Манипулы тяжелой пехоты попросту смяли легкую пехоту Ганнибала. А вторая линия, боясь нарушить свой собственный строй, отказалась принять бежавших под защиту. В результате все пространство перед второй линией оказалось загроможденным трупами и оружием так густо, что римское наступление остановилось: солдаты спотыкались о мертвые тела и поскользывались в лужах крови, знамена заколебались, боевой порядок распался.

Сципион приказал отступить и мгновенно переменял построение. Вот тогда лишь и вспыхнул настоящий бой, бой между достойными противниками, одинаково вооруженными, равными и воинским опытом, и воинской славой. Но римляне были многочисленнее и бодрее духом — ведь они уже обратили в бегство вражеских слонов, разогнали конницу, истребили легкую пехоту, — а вдобавок в тыл пунам ударили Лелий и Масинисса, и эта конная атака сломала последнее сопротивление. В тот день карфагенян, их союзников и наемников погибло свыше двадцати тысяч и примерно столько же попало в плен. Боевых знамен римляне захватили сто тридцать два, слонов — одиннадцать. Победители потеряли убитыми около полутора тысяч воинов.

Ганнибал ушел живым и невредимым и, возвратившись в Карфаген, известил сенат, что проиграна не только битва, но и война в целом и что нет иного пути к спасению, как искать мира любой ценой.

И он был заключен. Пуны выдали слонов, перебежчиков, пленных и флот. Все суда — их набралось до пятисот — Сципион приказал вывести из гавани и сжечь.

Водворив мир на суше и на море, Сципион с большой частью своих воинов переправился в Сицилию, а из Сицилии — в Италию. Триумф, который он справил, вступая в столицу, блеском своим затмил все, что видел Рим прежде. И первым среди римских полководцев он получил прозвище по имени покоренной земли — прозвище "Африканского".

С Л О В А Р Ь

АЛТАРЬ — это латинское слово означает "жертвенник", то есть возвышение, на котором сжигали жертвенное животное в надежде умиловить божество или отвести от себя его гнев. Алтари складывали под открытым небом, чтобы дым поднимался прямо к "бессмертным небожителям".

АСС — римская медная монета.

БАЛЛИСТА — камнемет. Эта военная машина могла быть различных размеров и различной мощности. Вес каменных ядер баллисты достигал 90 килограммов, дальность полета камня — 400 метров.

ВАРВАРЫ — греческое слово, обозначавшее все чужеземные народы, не говорившие на греческом языке. Римляне заимствовали его у греков, исключив, разумеется, из числа "варваров" самих себя. Первоначально в этом слове не было ничего оскорбительного.

ВОЕННЫЙ ТРИБУН — начальник *легиона*, избравшийся народом в Риме. Во главе каждого *легиона* стояли шесть военных трибунов, которые несли командование поочередно. Это были опытные военные, участвовавшие не менее, чем в пяти кампаниях.

ВОЗЛИЯНИЕ — одна из форм жертвоприношения у древних греков и римлян: на землю или на алтарь выплескивали несколько капель напитка из полной чаши. возлияния творили чаще всего вином, но также и медом, и молоком, и маслом, и смесями этих жидкостей.

ВСАДНИКИ. — Службу в римской коннице несли, как правило, богатые *плебеи*. Со временем из них сложилось особое сословие, занявшее среднее положение

между сенаторами и простым людом. К эпохе Пунических войн формирование сословия всадников еще не завершилось, но всадники уже обладали большим весом и влиянием во всех областях жизни Римского государства.

ГИМНАСИИ — так назывались у греков площадки и строения, отведенные для спортивных занятий: бега, прыжков, метания копья и т. п. Там же собирались и для бесед на всевозможные философские и политические темы.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ — прорицалище при храме бога Аполлона в Дельфах (Средняя Греция), один из самых знаменитых религиозных центров не только Греции, но и древнего мира в целом.

ДЕНАРИЙ — римская серебряная монета, равная по стоимости шестнадцати медным ассам.

ДИКТАТОР — верховный властитель, назначавшийся в особо трудных, критических обстоятельствах для спасения государства или же — в иных случаях — для исполнения особой, строго определенной задачи (например для руководства консульскими выборами). Диктатора назначал *консул*, но непременно — по выбору и рекомендации *сената*. Диктатор обладал всей полнотою гражданской и военной власти: на время диктатуры (срок ее был ограничен шестью месяцами) все высшие сановники государства, начиная с *консулов* утрачивали свои права. исключение составляли только *народные трибуны*. Диктатор сам назначал себе помощника, который назывался начальником конницы.

ИМПЕРАТОР — главнокомандующий, которому особым постановлением Народного собрания присвоена высшая военная и судебная власть — право распоряжаться жизнью и смертью солдат, право судить и наказывать всех жителей доверенной ему *провинции*. Это же слово было почетным титулом, который воины давали своему командующему на поле битвы после большой победы. Значение "царь", "верховный правитель государства" слово "император" получило много спустя после Пунических войн — в первые века новой эры.

КАПИТОЛИЙ, КАПИТОЛИЙСКИЙ ХОЛМ — один из семи холмов, на которых стоял Древний Рим. На нем находились главные святилища Рима — храмы Юпитера Капитолийского (Всеблагого и Всемогущего), Юноны и Минервы.

КАТАПУЛЬТА — военная стрелометательная машина. Стрелы катапульты в длину достигали 135 сантиметров. Самые мощные катапульты били на расстояние до 400 метров. прислуга при катапультах была от двух до шести человек.

КВЕСТОР — первая и низшая из правительственных выборных должностей в Римской республике. Квесторы (их было восемь во времена Пунических войн) заведовали государственными расходами и доходами. Часть их оставалась в Риме, остальные уезжали в *провинции* помощниками полководцев или наместников. Места службы распределялись между квесторами по жребию. Чтобы получить квестуру, надо было иметь от роду не меньше двадцати восьми лет.

КОГОРТА — *см. Союзники*

КОЛОНИЯ — *см. Союзники*

КОНСУЛ — высшая из государственных выборных должностей в Римской республике. Консулов было два. В мирное время оба оставались в Риме и управляли государством, председательствуя в *сенате*, в военное — командовали войсками. По закону консульская власть не могла быть доверена человеку моложе сорока трех лет.

КУРИЯ — здание, где заседал *сенат*; таких зданий в Риме было несколько. Этим же словом обозначается иногда и сам *сенат*.

ЛАГЕРЬ ВОЕННЫЙ — стоянка римского войска, которая устраивалась по всем правилам даже в тех случаях, когда солдаты располагались только на одну ночь. Лагерь двух *легионов* (вместе с вспомогательными отрядами союзников) представлял собою квадрат со стороною

около 630 метров. Каждое подразделение легионеров и союзников занимало строго определенное, всегда одно и то же место. Если лагерь разбивали на продолжительное время, вал насыпали более высокий, возводили башни. Палатки были кожаные, в каждой помещалось по десять человек. В зимних лагерях строили хижины, крытые соломой или кожаными "полотнищами" палаток.

ЛАТИНЯНЕ, ЛАТИНСКИЕ ГОРОДА, ЛАТИНСКОЕ ГРАЖДАНСТВО — см. Союзники

ЛЕГАТ — помощник полководца или наместника, назначавшийся *сенатом*; обыкновенно это был близкий друг своего начальника и назначение свое получал с его согласия, а нередко — и по прямой просьбе. В каждую провинцию назначалось несколько легатов, иногда — до десяти. Каждому легату полагалось почетное сопровождение из трех *ликторов*.

ЛЕГИОН — (слово, происходящее от "лего" — производить набор) — высшее воинское соединение в римской армии. Он состоял из 3000 тяжеловоруженных пехотинцев, которые в сражении обыкновенно разделялись на три боевые линии: впереди 1200 гастатов (копейщиков), за ними 1200 принципов (передовых) и, наконец, 600 триариев (бойцов третьего ряда); гастаты были самыми младшими, триарии — самыми старшими и опытными среди воинов легиона, они вступали в дело лишь тогда, когда первые две линии оказывались опрокинутыми врагом. Каждая линия тяжелой пехоты делилась на десять *манипулов* (то есть малых отрядов), а каждый *манипул* гастатов и принципов — на две *центурии* (то есть сотни). Во главе *центурий* (а у триариев во главе *манипулов*) стояли *центурионы* (сотники), назначавшиеся военными трибунами из рядовых солдат. Кроме тяжелой пехоты, в легион входили 1200 легковоруженных пехотинцев. Они начинали сражение, меча дротики в неприятеля, а затем отходили на фланги или за третью боевую линию. Конница легиона состояла из 300 *всадников* и разделялась на десять *турм*, по тридцать бойцов в каждой. Все воины легиона набирались из полноправных римских граждан. Карфагенское войско в ряде источников,

и в частности у Тита Ливия, изображено организованным по образцу римского легиона, со структурными подразделениями аналогичными *манипулам*, *турмам* и т. п.

ЛИКТОРЫ — служители, охранявшие высших должностных лиц Рима и исполнявшие их распоряжения. У консулов эта почетная охрана состояла из двенадцати человек, у претора — из шести, у диктатора — из двадцати четырех. Ликтор держал на плече пучок прутьев, связанных красным ремнем. Эта связка была одним из символов государственной власти.

МАНИПУЛ — *См. Легион.*

МАРС — италийский бог войны, которого римляне отождествили с греческим богом войны Ареем. В Риме Марса чтили почти так же горячо и усердно, как самого Юпитера. Первый месяц римского года — март — был посвящен ему.

МАРСОВО ПОЛЕ — большое поле за древней стеною Рима, на берегу реки Тибра; оно было посвящено богу войны Марсу. Там устраивались военные учения и часто происходили выборы.

МИНЕРВА — римская богиня — покровительница ремесел. Ее отождествляли с греческой Афиной, богиней мудрости и всякого мирного труда, охраняющей согласие и порядок в государстве. Вместе с тем Минерва-Афина — и неукротимая, могучая воительница.

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ — орган высшей власти в Римской республике. Народ принимал законы (которые затем должны были утверждаться *сенатом*), избирал высших должностных лиц, выносил судебные решения.

НАРОДНЫЙ ТРИБУН. — Римский *плебс* избирал из своей среды десять должностных лиц, которые сперва защищали интересы только *плебеев*, а затем и всякого римского гражданина от несправедливого решения властей или *сената*. Своим вмешательством трибун мог "затормозить" или, в иных случаях, даже отменить уже

принятое постановление, приговор и даже закон. Кроме того, народные трибуны собирали сходы *плебса* и председательствовали на них.

ПАТРИЦИИ — *см. Плебс.*

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (264-241 годы до н. э.) — первая война Рима с Карфагеном, проходившая главным образом в Сицилии и на море. Она завершилась поражением карфагенян, которые были вытеснены из Сицилии. В последние шесть лет войны командующим в Сицилии был Гамилькар Барка, отец Ганнибала.

ПЛЕБС, ПЛЕБЕИ. — В V и IV веках до н. э. в Риме шла борьба между двумя неравными группами граждан — немногочисленными и родовитыми *патрициями* (то есть потомками знатных отцов) и простым людом, *плебсом*. По-видимому, *патриции* происходили от коренных обитателей города, а *плебеи* — от пришельцев, новых поселенцев. Борьба шла за политическое и гражданское равноправие и завершилась почти полной победой *плебеев* еще до начала Пунических войн.

ПРЕТОР — вторая (вслед за *консулом*) из высших выборных государственных должностей в Риме. Преторов было четверо.

ПРЕФЕКТ — *См. Союзники.*

ПРОВИНЦИЯ. — Первоначально это слово обозначало сенатское поручение, чаще всего — поручение полководцу вести боевые действия в определенной местности, затем — самую местность, театр военных действий; и, наконец, — завоеванную территорию, управляющуюся римским наместником. Первыми такими территориями стали Сицилия, Сардиния и Корсика, захваченные в результате Первой Пунической войны.

ПУНИЙЦЫ, ПУНЫ — искаженное на латинский лад греческое "фойникес" — финикийцы. Этим словом называли и карфагенян — потомков финикийских колонистов в Северной Африке, и наемное карфагенское

войско, набиравшееся из воинов различных племен и народов.

СЕНАТ — высший государственный совет в Риме, ведавший всеми делами государства. Он состоял из трехсот человек (главным образом — бывших *консулов*, *преторов* и других высших выборных должностных лиц). Право созывать сенат и совещаться с ним принадлежало *диктатору*, *консулам*, *преторам* и *народным трибунам*. Знаками достоинства были: золотое кольцо, широкая пурпуровая полоса на передней стороне туники, спускавшаяся от шеи до пояса, и особые башмаки с украшением в виде полумесяца из слоновой кости или серебра. Государственный совет в Карфагене, который в некоторых источниках также именуется сенатом, состоял из тридцати человек и ежегодно переизбирался Народным собранием.

СКОРПИОН — военная метательная машина, метавшая мелкие камни, свинцовые ядра и стрелы; называлась так потому, что, подобно средневековому самострелу-арбалету, формой несколько напоминала ядовитое насекомое — скорпиона.

СОЮЗНИКИ — покоренные Римом или добровольно покорившиеся ему народы и государства. Рим заключал с ними союзные договоры, накладывая различные, но главным образом военные обязательства: доставлять Риму вспомогательные войска. Союзническая пехота располагалась по флангам боевого строя *легионов* и потому подразделялись на два "крыла". Каждое "крыло", численностью около 5000 человек, то есть несколько больше *легиона* делилось в свою очередь на десять *когорт* по 400-600 человек. *Когорты* составлялись из земляков и так и звались — по имени разных италийских племен, например, когорта пелигнов, когорта маруцинов, когорта марсов (все это горные племена, обитавшие в Средней Италии к востоку от Рима). *Когорты* были разбиты на *центурии*. Конница, приданная "крылу", была тоже многочисленнее, чем конница *легиона*. Командовали союзническим войском двенадцать *префектов*, соответствовавшие двенадцати *военным трибунам* в двух *легионах*. *Префектов* назначал *консул*, и всегда — из

римских граждан. Особое место среди италийских союзников занимали жители Латия — *латиняне*. В глубокой древности их союз с Римом был равноправным, но ко времени Пунических войн незначительная часть латинских городов получила полные права римского гражданства, а остальные никакого участия в государственной жизни Рима не принимали. Однако же во всем, кроме политических прав, латинские граждане были равнею римским. Латинским гражданством обладало и большинство колоний — поселений, основывавшихся во вновь завоеванных Римом областях Италии, хотя клонистов вербовали не только среди латинян, но и среди самих римлян.

ТОГА — основная верхняя одежда римлян, цельный кусок материи, который оборачивали вокруг туловища, оставляя свободной правую руку и покрывая левую. Изготавливали тогу из белой шерсти. Высшие должностные лица (*консулы, преторы* и др.) носили тогу, окаймленную широкой пурпурной полосой. Такую же тогу носили и несовершеннолетние дети свободных граждан.

ТРИУМФ — высшая военная награда, назначавшаяся *сенатом* главнокомандующему за особые заслуги (победоносное окончание войны, расширение территории Римского государства). В день триумфа полководец во главе своего войска торжественно вступал в столицу. Впереди везли и несли военную добычу, гнали знатнейших пленных. Триумфатор на колеснице, запряженной четвернею белых коней, поднимался к храму *Юпитера* Капитолийского, приносил благодарственные жертвы, а затем награждал и отпускал солдат.

ТУНИКА — римская нижняя одежда.

ТУРМА — *См. Легион.*

ФОРУМ — рыночная площадь у римлян, впоследствии превратившаяся в центр политической и деловой жизни города. Этим латинским словом называли центральные площади и в других городах, италийских, испанских, сицилийских, африканских.

ЦЕНТУРИОН, ЦЕНТУРИЯ — см. *Легион, Союзники.*

ЭДИЛ — вторая вслед за квестурой (см. *квестор*) правительственная выборная должность в Римской республике. Эдилов было четыре, они руководили полицейской службой в Риме, общественными строительными работами и устройством зрелищ (театральных представлений, гладиаторских боев и т.п.). Претендовать на эту должность могли люди не моложе тридцати семи лет.

ЮНОНА (у греков Гера) — супруга *Юпитера*, царица богов и богинь.

ЮПИТЕР — верховный бог Рима. Первоначально он был божеством неба и света. Со временем сделался покровителем и заступником войска, обращающим в бегство врагов и дарующим победу. Храм Юпитера на Капитолии считался главной святыней Римского государства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б.Ибаньес.</i> Гетера Сонника. Роман.....	7
<i>К. Оппель.</i> Меч Ганнибала. Роман.....	217
Послесловие (Тит Ливий о Второй Пунической войне)	381
Словарь.....	406

МЕЧ ГАННИБАЛА
Сборник исторических романов

Ответственный редактор *Г. Захарычев*

Художник *А. Раев*

Технический редактор *Н. Белов*

Корректор *А. Панцова*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Формат 84 × 108 _{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсет Тираж 10 000 экз. Заказ № 125

Издательская фирма "GELEV".

Регистрационное удостоверение 2-0960.

АО «Астра семь»

121019, Москва, пер. Аксакова, 13

